

ВЛАДИМИР КЛИПЕЛЬ · СОЛДАТЫ ОТЕЧЕСТВА

Владимир
КЛИПЕЛЬ

Солдаты Отечества

Р о м а н

Хабаровское
книжное
издательство
1990

СОДЕРЖАНИЕ

СОЛДАТЫ ОТЕЧЕСТВА . . .	5
ГЕНЕРАЛ ГОРЕЛОВ . . .	195

Владимир Иванович Клипель

СОЛДАТЫ ОТЕЧЕСТВА

ИБ № 2106

Редакторы О. В. Петренко-Булгакова, А. В. Гребенюков. **Художественный редактор** А. Н. Посохов. **Технический редактор** Н. Б. Хохлова. **Корректор** Г. Д. Свердликова. Сдано в набор 06.09.90. Подписано в печать 13.10.90. Формат 84х108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 18,90. Уч.-изд. л. 21,14. Тираж 30 000 экз. Заказ 2139. Цена 1 р. 50 к. Хабаровское книжное издательство Министерства печати и массовой информации РСФСР. 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Краевая типография № 1 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Рецензент П. В. Халов

Художник А. Н. Медведев

Клипель В. И.

К49 Солдаты Отечества. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1990. — 352 с.

ISBN 5-7663-0092-1.

Известный дальневосточный писатель правдиво показывает суровые фронтовые будни, рассказывает о солдатской дружбе и верности воинам Родине. За роман «Солдаты Отечества» он награжден серебряной медалью им. А. Фадеева.

К 4702010201-56
М160(03)-90 27-90

ББК 84.3Р7

Солдаты Отечества

1

2

3

4

5

6

7

*Однополчанам, воинам 17-й
гвардейской стрелковой дивизии, —
ПОСВЯЩАЮ*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Морозы заковали реки. Вьюги укрыли их белыми перинами. В снеговых одеждах леса. Гнуты ветви под их тяжестью. Тонкие деревца под снежным бременем склонились над дорогами, образовав причудливые арки. Тяжелое, угрюмое небо над землей. Бывает, правда, что проглянет вдруг на часок солнышко, и тогда рассияется зимний лес искристо, ослепит девственной белизной своих полей; но такое случается редко, больше природа хмурится, мягкий снег крупными хлопьями сыплется и сыплется из темных глубин неба.

В Калининской области такое никому не в диковинку. Снег идет почти каждый день, все живое замирает, забивается в разные закутки.

Нынешняя зима необычайно сурова, впрочем, как и минувшая. Старожилы утверждают, что не помнят, когда бы так начисто вымерзли яблони в садах, чтобы так жестоко хозяйничали морозы.

В эту суровую декабрьскую пору сорок первого дивизия генерала Горелова продвигалась в новый район сосре-

доточения. Словно по огромному кольцу, деревенскими проселками, скрытно, полк за полком, батальон за батальоном, шли солдаты в обход Калинина. Город был захвачен врагом в октябре. Пришла пора вернуть, освободить его.

Где-то очень близко от дороги, по которой прошел авангард полка подполковника Сидорчука, лежит передний край. Хорошо, когда оборона плотна, без значительных разрывов. Но сплошной обороны здесь нет. В такую морозную пору войска держатся деревень, превратив их в опорные пункты. Пусть даже не в доме, а в каком-нибудь овине, но сидеть у пропиленной в стене амбразуры теплее, чем в лесу или в чистом поле. Там от холода не сможешь держать в руках оружия. Однако же, занимая только деревни, разве уследишь за вражескими разведчиками в белых халатах? Они без особого труда могут проникнуть в тыл и устроить засаду.

При одной мысли об этом сержант Крутов зябко передернул плечами. А что, может, за той вон темной елкой, что торчит у самой дороги, засада и хоронится? Жутковато, неуютно идти по ночному притихшему лесу. Зря перся один, зря не дождался батальона!

Несколько дней назад Крутову, старшему писарю штаба полка, присвоили звание сержанта. Положено по должности. С первых дней, как назначили его в штаб, взял он на себя работу с документами, освободив от бумаг помощника начальника штаба старшего лейтенанта Морозова. Боевой командир, переведенный в штаб, он терпеть не мог бумажной волокиты. Теперь Морозов днюет и ночует в батальонах.

В штабе Крутовым, кажется, довольны. Скажи — надо, готов работать, пока не свалится. Командиру полка он пришелся по душе с первого знакомства. Теперь Сидорчук повсюду тащит его за собой: сержант в момент сбегает куда надо, все передаст, толково доложит, не путает. Для этого, правда, положен адъютант, но командир полка что-то никак никого не подберет себе. А возможно, не хочет он отрывать среднего командира от более важного дела. В полку и без того их не хватает. А на побегушки — и Крутов хорош!

Семнадцатого ноября полк был в наступлении. Два батальона получили задачу овладеть деревней Ребеево на правом берегу Волги. Батальоны ушли на исходную позицию, а Сидорчук остался на наблюдательном пункте. Саперы вырыли окоп на опушке соснового бора, в нем

и обосновался командир полка со связистами. Артиллеристы устроились где-то особо, и почему Сидорчук на это согласился, никто не мог сказать. Может, потому, что имели артиллеристы на батарее два десятка снарядов и с таким запасом им делать рядом с ним было просто нечего.

Пока пехота в темноте переходила через Волгу, связь с батальонами еще поддерживалась. Но вот батарея обстреляла деревню, пехота поднялась в атаку, и связь прервалась. Что с батальонами, где они, овладели деревней или положил их противник на льду — ничего нельзя узнать. Время шло, доносилась пулеметная пальба, разрывы вражеских мин (у своих ни одной мины), и вестей никаких, а генерал Горелов то и дело: «Что у тебя? Где пехота?»

На исходном, напротив Ребеево, небольшая деревушка Щербово. В морозной мгле домики еле видны. Не то что в шестикратный бинокль, вообще ни в какую оптику не разглядишь, что за этими домами. Извелся Сидорчук, изнервничался, а толку? Он подозревал Морозова:

— Вот что, старший лейтенант, бери с собой Крутова и дуй туда. Похоже, пехота **залегла**. Разберись там на месте, в чем дело. Крутова ко мне с донесением, а сам, в случае чего, помоги ~~комбатам~~. На артиллерию, видишь, надежды нет, пусть давят огневые точки пулеметами...

Морозов откозырял, скомандовал: «Крутов, за мной!», и они помчались. Веселый, неунывающий человек Морозов! Всегда приветлив, с улыбкой на сухощавом лице, а в серо-зеленых глазах озорные чертики пляшут. С таким не заскучаешь. Полк, с которым Морозов месяц назад прибыл в состав дивизии, был сформирован из пограничников, а старший лейтенант и на новом месте все еще носит зеленые петлицы и эмблемки кавалериста.

По Щербово противник вел густой минометный огонь, простреливал деревню пулеметными очередями. Но достигли они деревни благополучно. Заглянули в один дом — пусто, в другой — тоже, в третьем Крутов разглядел, что крышка подполья откинута. Перегнулся он туда, а там полно людей и огонек коптит. Провод жгут вместо свечки. Заглянул в подполье и Морозов:

— Командиры есть?

— Нету. Раненые тут.

— А где комбат, не скажете?

— Должен быть на том берегу...

Что еще спрашивать, и так видно, что люди с повязками, окровавленные, и полно их в подполье, один на

другом. Может, были тут и здоровые бойцы, отошедшие из боя вместе с ранеными и назад не вернувшиеся, но не стал Морозов допытываться, кто и почему оказался тут, у него забота была другая: отыскать комбатов, выяснить обстановку.

— Ни черта мы тут не узнаем, — подсадовал он. — Придется на тот берег. Как думаешь?

Можно было ответить, что не всю деревню они сейчас осмотрели, что через Волгу, хоть и неширока она здесь, метров двести, могут и не пропустить их, но Крутов понимал, что только там, где сражаются, и узнаешь все доподлинно.

— Конечно, надо идти туда! — И, глянув на реку, где они будут видны, как черные вороны на снегу, добавил:— Авось и проскочим...

Уже с середины Волги они увидели прижавшихся к обрывистому берегу бойцов.

Морозов ускориł шаг. Бежать не позволял гладкий лед, едва прикрытый снегом. Ноги на нем разъезжались, и не будь тянувшихся полосами вдоль реки торосов, так и шагом идти было бы трудно. Шли, поминутно ожидая, что раздастся пулеметная очередь. Ощущение не из приятных. Крутов не знал, что переживал в пути Морозов, он не спросил его об этом ни на берегу, ни потом, в штабе. Для него самого каждый шаг стоил огромного напряжения.

Морозов в одной из групп нашел командира взвода. Тот ему сказал, что комбаты остались на левом берегу, а за Волгу шли только ротные. «Вот те раз, выходит, напрасно пробирались?»

— Почему же не наступаете?

— А с кем? Осталось полвзвода, и то потому, что отвел бойцов сюда. У немца в каждом сарае пулемет, и ничем его не возьмешь. Если б артиллерия помогала...

Но на артиллерию нечего было рассчитывать: она есть, а стрелять ей нечем. При создавшемся положении прежде всего нужна связь с комбатами, хоть с одним из них. Морозов написал записку. Отнести ее вызвался боец, которому невтерпех стало лежать под берегом, так пробирал холод.

— Передай комбату-два: пусть гонит на линию телефонистов и восстанавливает связь, — приказал Морозов.

Боец отошел от береговой кручи метров на пять, и тут простучала пулеметная очередь. Боец упал. К нему подползли и втащили обратно под берег, начали перевязывать.

— Вот так, — заметил лейтенант, — сюда прошли, а назад фриз никого не выпускает.

— Разрешите мне? — вызвался Крутов.

— Сейчас я напишу другую записку, — сказал Морозов.

— Зачем? Я все доложу, не перепутаю.

— Ну, счастливо.

Крутов поплотнее затянул ремнем полушубок, примерился. Главным было проскочить полосу гладкого льда у берега, а дальше шли торосы, за ними можно укрыться. Разогнавшись, Крутов проскользнул по льду метров двадцать и услышал, как за плечами прострочила горячая пулеметная очередь. Он нырнул за торос. Ошалело билось сердце. Полежал немного, чуть приметно помахал своим рукой, давая понять, что с ним все в порядке, и пополз.

Путь был долог. Вражеский пулеметчик несколько раз обстрелял его, но не попал, и тогда за Крутова взялись минометчики. Мины пробивали тонкий лед и взрывались в воде, отчего осколки шли узкими пучками кверху. Это и спасало Крутова. Но он был мокрый как мышь: ватные брюки и полушубок хоть выжимай. Давно не приходилось ему столько ползать. Только у Щербово Крутов поднялся и побежал. Мороз сразу сковал на нем панцирем мокрую одежду...

Вечером, когда стемнело, всех из-за Волги вывели. За командиром полка пришла полуторка. До штаба они ехали более часа, и резкий ветер снова заледенил на Крутове одежду. С машины он еще сполз и за порогом штаба сразу опустился на пол, не в силах вымолвить и слова. Друг Крутова, Женька Коломиец, с которым вместе прослужили два года, видя такое, кинулся к зенитчикам и принес от них кружку антифриза — его заливают в кожух пулемета вместо воды.

— пей, Пашка! пей. Зажми нос и пей. Сразу согреешься...

Преодолевая отвращение, Крутов сделал несколько глотков и тут же запил этот эрзац-спирт водой. Загорелось в желудке, горячее тепло растеклось по телу, и вместе с ним наступило забытие.

Все пережитое крепко врезалось в память Крутова.

С тех пор его чисто уважительные отношения с Морозовым переросли в дружбу. Старший лейтенант начал во всем ему доверять, учил штабному делу, поручал са-

мую ответственную работу. Вот и сегодня Морозов уехал, чтобы проследить за прохождением одного из подразделений через контрольный пункт, а ему велел выдать командирам карты. Возни с картами много: нужно обрезать листы, склеить, точно обозначить дороги, по которым предстоял марш. Пришлось задержаться, а теперь догонять своих. Всего три часа прошло, как проследовали авангард и штаб, а снегом заровняло следы настолько, что порой Крутова брало сомнение: не сбился ли с верной дороги?

Была уже глубокая ночь. Сильно клонило в сон. Каждый шаг давался с трудом. Идти же еще предстояло километров десять. Усталость одолевает, сон наплывает волнами, затуманивая сознание. Тогда все — настороженность, внимание — угасает, лишь ноги механически несут вперед.

Крутов уже несколько суток спал урывками, по два-три часа. В штабе постоянная запарка от массы неотложных дел, и начальник штаба капитан Лузгин никого не оставлял в покое. Донесения, очередные и срочные, приказания, сводки, схемы сыпались как из прорвы, и львиная доля бумаг доставалась Крутову.

...Спать... Чертовски хочется спать! Кажется, полжизни отдал бы за часок спокойного сна. Даже не в постели, а просто упасть бы где попало и заснуть. Крутов остановился: а что? Идея! Пусть трещит мороз, но с полчаса можно вздремнуть, пока не проберет. Полушубок на нем добрый. В мирное время такие дубленки выдавали только командирам, начиная от взводного и выше. Не раздумывая дольше, он сошел с дороги, развернул плащ-палатку, которую нес в скатке, укутался ею с головой и упал в снег. В какие-то минуты Крутов перенесся из заснеженных лесов за тысячи километров, на другой край России, на Дальний Восток, на станцию, где все родное, о чем теперь только мечтается...

...С мороза, усталый, сидел он в родительской хате перед раскрытой печкой и смотрел, как в чреве ее над сухими березовыми дровами весело пляшет пламя. Мальчишкой не знал он большего удовольствия, чем ездить с отцом за дровами. Выезжали утром по морозцу, и к тому времени, когда достигали деляны, наступал день, пригревало солнышко. Искрилась в воздухе изморозь, сияли снега, прихваченные весенней ледяной корочкой. Вдали, чисто и заманчиво, поднимались дымы паровозов и поселковой электростанции.

Ах, эти ранневесенние деньки в лесу. Особенно звон-

кие они наступали в середине марта, когда чернели дороги и появлялись на пригорках проталины. Зайцы просто сходили с ума в ту пору и носились как угорелые, вытаптывая тропы, и, глупые, попадали на собственных тропах в петли, на утеху жадных до промысла поселковых мальчишек. Под зрелыми развесистыми березами снег будто взрывался, когда черные тетерева-косачи после сна взлетали из снежных лунок и рассаживались на ветках, чтобы осмотреться и поклевать почек. Потом они летели на проталины и чертили крыльями бороздки на песке, расфуфыриваясь перед самочками. След от них точь-в-точь как за маленькой повозкой. «Ишь, барин на тарантасе ездил», — смеясь, указывал отец и начинал вглядываться из-под руки в глубь релки, отыскивая клубки птиц на деревьях. В молодости он баловался охотой на уток, а потом забросил это дело, к ружью не прикасался, разве что снимет почистить его или выйдет с ним во двор к мужикам, чтоб на спор изрешетить влет чью-нибудь потрепанную фуражку. А вот встречи с птицами, зверями любил и охотно про них рассказывал.

Пока Серко в отдалении хрупал сено, они с отцом валили одну-две лесины, разделявали их на чурки по длине саней, забирая не только ствол, но и ветки. «Чего добру зря-то пропадать, — рассудительно говорил отец. — Гореть ведь одинаково, что крупному полену, что круглой палке. Печка, она, брат, не разбирает, ей только подавать».

И вот такие дрова весело пылают в печке. До чего же приятно греть перед огоньком руки, протягивая ладони к пламени и отворачивая от жара лицо. В избе натоплено так, что дышать трудно, а по ногам все равно ползет холод, и такой пронзительный! Дверь там открыта, что ли? А подняться и самому прикрыть ее нет сил, не может он оторваться от печки.

Крутов силится припомнить, какие изменения произошли в доме, пока он несколько лет скитался по белу свету. На прежнем месте стол у окна: за ним они всегда обедали, а вечерами усаживались вокруг — мать за шитье и штопку, отец неподалеку чинить сбрую или сучить дратву, подшивать валенки, а он с сестрой — за уроки. За темным щелястым шкафом стоит кровать, там горкой лежат взбитые подушки в ситцевых наволочках, из-под одеяла выглядывает приспущенная простыня, отороченная кружевами-воланами. Когда-то мать была мастерица вязать их.

Отца дома нет: понятно, на работе он. И сестра на

работе. Сейчас никто не засиживается дома, потому что война. «Тебе тоже пора на войну, — говорит мать. — Ты разве забыл, что пришел на минутку?» И мама, всегда такая добрая, настежь распахивает дверь, и теперь не только колени — все тело охватывает пронзительным, злым холодом. Особенно лицо, оно прямо-таки леденеет. Крутов пытается защититься от мороза, прикрывает лицо руками, но кто-то решительно толкает его в бок:

— Эй, вставай! Кому говорят...

Крутов, еще не открыв глаз, не пробудившись толком, вдруг осознал, что он не дома, что неизвестно кто его разбудил. Сердце сжалось от страха: вдруг не свои?

— Ты что, очумел — спать в снегу? — раздалось над ним. — Замерзнуть хочешь? Вставай! — И снова бесцеремонный толчок в бок, на этот раз носком валенка. «Вот сволочь, пинает, как скотину», — подумал Крутов, а по сердцу разливалось тепло: свой!

Сержант рывком вскочил на ноги. Перед ним стоял заиндевелый до бровей боец, а может, и командир, потому что теперь, когда многие в полушубках, трудно отличить рядового от командира. У бойца темное лицо, а усы, брови, подбородок и даже часть щеки в белом кудрявом инее. Он держал плащ-палатку, которой укутывался Крутов, и обращался к кому-то третьему на дороге:

— Товарищ командир, тут какой-то чудак уснул. Должно, из тех, кто перед нами прошел. Отставший или как...

— Веди сюда, разберемся.

— Надо же так, устроился в снегу, как рябчик. И мороз ему нипочем.

— Кто такой? Доложите! — строго потребовал командир, когда Крутов вышел на дорогу.

Хоть и сумрачно было, а Крутов сразу признал Турова, своего бывшего ротного. Целых два года прослужил под его началом. После осенних боев Турова назначили командиром второго батальона, а бывшего комбата Бородину двинули выше — начальником штаба в соседний полк, к Фишеру. Вокруг комбата вся ячейка управления. Люди все новые, незнакомые, лишь недавно прибывшие с пополнением.

— Сержант Крутов. Притомился в пути, решил немного вздремнуть, — доложил Крутов.

Туров недоверчиво приблизил к нему лицо, чтобы разглядеть. Пухлые, немного с вывертом, губы растянулись в улыбке.

— В самом деле. Черт возьми, выходит, сибирская

выучка на пользу. А? Как считаешь, Крутов? Не зря мы вас морозили в поле да калили в жару?

— Так точно, не зря, товарищ капитан, все пригодилось. Опять же, против нашего, красноярского, тут разве мороз?! Так себе, всю ночь напролет спать можно, да еще в такой шубе.

— А чего ты от своих отстал? Ведь штаб полка давно прошел, уже наверняка места назначения достиг.

— Карты командирам менял! Вот и задержался. А ждать, пока ваш батальон пойдет, не захотел, думал, быстрее один дойду, да сморило вот...

— Ну что ж, тогда пристраивайся; пойдем вместе... — Туров обернулся к своим и скомандовал: — За мной! Шагом марш!

Хотя Крутов и прихвастнул, мол, какой тут мороз, но его, пока он спал, так пробрало, что сейчас прямо коло-тило.

— Что, браток, мандраже берет? — спросил, смеясь, боец, поднявший Крутова. — Выходит, что и калининский морозец неплох?

— Еще как пробрало, — сознался Крутов. — Просто невтерпеж. Разрешите, товарищ командир, я побегу? — спросил он у Турова. — Тут до Савватьево уже недалеко, как раз только разогреться.

— Беги, — разрешил тот. — Да смотри, больше не ложись, а то и в самом деле замернешь. С морозом шутки плохи.

Крутов попрощался и припустил бегом. Заснеженная, без единого следа дорога. Но теперь он ничего и никого не остерегался и летел, как молодой сохатый, чувствующий в запасе большие силы. Размашисто кидал он длинные ноги по снежной целине, и пушистый примороженный снег разлетался под ним, отчего следы оставались большими и словно бы размытыми.

Стояли по сторонам безмолвные и темные ельники, почти черные в ночи, с опущенными, отягощенными снегом ветками. Над острыми зубцами леса низко нависало непроницаемое небо, подсвечиваемое в отдалении мерцающим светом вражеских ракет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Деревню Савватьево укрыло снегом, дома утопали в нем чуть не по окна. Белыми змеями пластался снег на жерданных изгородях, на воротах, круглой шапкой накры-

вал каждый колышек, нанизался на соломенных матах, которыми жители утеплили стены. Огромные старые ракиты с грачиными гнездами пригнулись под снежной тяжестью. Деревня белым-бела, и оттого, вопреки настоящему положению, празднична по виду.

В Савватьево многолюдно от войск. Свечками поднимается дым из труб, а также от костров. Бойцы, которым не хватило места в избах, позанимали все риги. Одни спят, зарывшись в солому и тесно прижавшись друг к другу, другие кружком сидят у огня. Хотя в риге лишь стены да крыша, а все же не так холодно, как на улице. Никогда не видела деревня столько людей, как в эти первые числа декабря. Военными запружена каждая изба до отказа, только в доме, где расположился штаб полка, не столь тесно. Сюда бойцы хоть и идут, но не задерживаются: доложил начальству о чем надо, получил распоряжение и отваливай! Печка топится вовсю, но от поминутно открываемой двери изба выстужена, и все командиры — в полушубках.

Крутову кажется, что Сидорчук старый уже человек. Ему за сорок. Это сколько же надо жить, чтобы достигнуть такого возраста? Даже подумать страшно! Два года знает он командира полка, еще с той поры, как ехали они на финскую войну. Сильно он изменился за это время.

В армии не принято называть друг друга по имени. Только звание, фамилия — этого достаточно. Даже своего комиссара не называет подполковник по имени-отчеству. Суровой, неразговорчивей стал Сидорчук, постарел здорово. Жестче обозначились складки возле губ, построжел взгляд. Чувствовал Крутов, что держит себя командир полка в постоянном напряжении, не дает себе ни малейшего послабления. Наверное, так легче повелевать подчиненными. Говорит громко, раздельно, каждое слово — команда. Советоваться — советуется, но не терпит противоречий. Сразу же недобро сощурит глаза, заиграет желваками, помолчит какое-то время, словно дает человеку одуматься, вовремя остановиться, а потом враз оборвет: «Делайте, как приказано. Выполняйте!» Железного характера человек...

Уважал Крутов командира полка с тех пор, как покорила тот команду молодых снайперов меткой стрельбой прямо с руки и мастерским исполнением ружейных приемов, и боялся даже подумать, что можно в чем-то его ослушаться. Непререкаемым авторитетом являлся для него Сидорчук, и власть его казалась беспредельной, что захочет, то и сделает с любым! Будь такой человек вред-

ным, не было б житья никому, но командир полка справедлив, зря голоса не повысит, и выдержка у него — дай бог всякому!

Сидел Сидорчук за столом в полушубке, наброшенном на плечи и застегнутом на одну верхнюю пуговицу, ерошил жесткие, коротко стриженные под бобрик волосы, вел неторопливую беседу с начальником штаба Лузгиным и Матвеевым — комиссаром:

— От нашего полка будет действовать один батальон Турова, а другой батальон станет в резерв командира дивизии. Горелов может ввести его в бой в любой час, но пока мы должны усилить Турова, передать под его начало всех минометчиков, средства связи, полностью укомплектовать санвзвод...

— Думаю, санроту распылять не следует, у них и так многих недостает до штата, — не согласился Матвеев. — Начальнику санслужбы Спирина указать, чтобы держал хозяйство Турова под неослабным вниманием, и этого будет достаточно.

— Ну, это уже твоя сфера. Раненые на твоей совести, тебе и решать. Что до остального — делать, как сказал! — и подполковник рукой прихлопнул бумаги. — Давай твои строевые, Лузгин, посмотрим, что у нас имеется...

Матвеев был одних лет с командиром полка, держался независимо. Возразив Сидорчуку, глаз не поднял, ни один мускул на его аскетичном смуглом лице не дрогнул. Он лишь поджал тонкие губы да прихмурил брови. Может, неудовольствие этим выражалось, а может, дала знать о себе застарелая болезнь желудка. Иной раз смотрит на кого комиссар, угольями черных глаз прожигает насквозь. Этому на зуб не попадай, промахнешься в чем — пожалеешь! Хорошо Матвеев знал свои права, ни в чем не поступился бы в принципиальном деле, но и Сидорчук никогда не пытался даже в мелочах преступить черту, за которой могли начаться споры, разногласия. Есть уставы, инструкции, сферы обязанностей определены. Держись этого — и все будет идти ладом. Иначе что за работа, если устраивать по всякому поводу перепалки!

Начальник штаба Лузгин — третье лицо в полку. Правда, в случае если командир будет ранен или убит, начальник штаба должен заменить его, а пока тот на месте — третий. Лузгин, будучи еще комбатом, повелевать не любил. Сторонился ответственности, не обладал властью, чтобы командовать другими. Есть люди, у которых в большом запасе и знания, и опыт, но быть первыми они не хотят, не могут. Не по характеру это им.

Лузгин и обликом выходил в третьи — щуплый, пониже плотного костистого Сидорчука и худощавого Матвеева. Лицо не из красивых, книзу удлиненное, волосы редкие, вот-вот облысеет. Потому и шапку почти никогда не снимал.

Только развернул Лузгин папку со справками, как хлопнула громче обычного дверь, и в штаб вбежал дежурный:

— Товарищ подполковник! Генерал...

— погоди! — сказал Сидорчук, отстраняя бумаги Лузгина, и поднялся.

Дверь опять распалнулась, и с новым клубом морозного воздуха через порог шагнул Горелов.

Сидорчук зычно скомандовал: «Смирно!», сделал шаг навстречу с рапортом, но Горелов жестом остановил его и прошел к столу. Лузгин предупредительно подвинул ему табуретку. Генерал наклонил голову, поблагодарил его и сел, стянул перчатки, снял папаху, растер ладонями настывшее лицо и только тогда сказал:

— Вижу, совещались. Все на месте или еще где тянутся?

Выслушав Сидорчука о том, что все подразделения полка сосредоточились в новом районе, он обернулся к Матвееву:

— Санрота готова к приему раненых? Одеяла получили? А то поморозите людей и станете жаловаться, что вам не подсказали...

— Одеяла получены, санитарная рота пока расположена в деревне, но палатки с печками имеются. Все подготовлено, — ответил Матвеев.

— Ну, добро. Вижу, кое-какие уроки извлекли. А это что у тебя за картинки? — потянул он схему из-под рук начальника штаба. — Небось вот его, писаря, работа? — кивнул он на Крутова, молча, по стойке «смирно» стоявшего у стены вместе с другими. — Поработали, навели красоту, — ворчливо продолжал Горелов. — А вот где тут ваш командирский вклад, не нахожу. Разве что стрелки протянули?

— В плановой таблице все предусмотрено, товарищ генерал, — сказал Лузгин, развертывая большой лист. — Согласно предварительным распоряжениям штаба дивизии...

Боевого приказа еще не было, но предварительные указания уже даны, и Горелова сейчас интересовали не документы, а то, как задача доведена до командиров, как готовятся войска. Наступление предстоит большое, а вре-

мени на подготовку оставалось в обрез, команду могли подать в любой час. Уже назван ориентировочный срок, а нерешенных вопросов скопилось уйма.

Лузгин покраснел от неловкости и, стушевавшись, сбивчиво начал докладывать об организации взаимодействия, показал схему, где это взаимодействие спланировано по времени и рубежам, но Горелов нетерпеливо прервал его:

— Все это — бумага. Хорошо для учений мирного времени. На бумаге всегда гладко. А вот если я спрошу любого комбата, командиров рот, они знают эти рубежи, покажут на местности? Вот то-то! Рекогносцировку провели? — обернулся он к Сидорчуку. — Только собираетесь? Долго раскачиваетесь, подполковник, а время не ждет. Сами-то вы эти рубежи видели?.. Так вот: отложить все дела и немедленно, — слышите! — немедленно — на рекогносцировку с командирами батальонов, рот, с артиллеристами. Да не прите скопом, чтобы противник не перебил до боя. Ведите людей отдельно, группами. Все вопросы увяжите на месте: кому, куда, когда выходить, как действовать, кто кого поддерживает. Каждому командиру указать исходное, и чтобы знал, куда наступать. Все вопросы решать только там! — повторил Горелов еще раз, решительно, чем-то в душе недовольный. — К вечеру покажете мне кроки*. Все!

Генерал сидел за столом не раздеваясь. Расстегнув кожаный черный реглан, постукивал нервно по столу пальцами. Был озабочен. Он похудел за эти беспокойные, такие трудные для армии месяцы — октябрь — ноябрь, щеки его запали, на шее резче проступила сетка глубоких морщин. У него отечные голубоватые глаза; вокруг них залегли свежие морщины, а морщины возле губ обозначились глубоко и резко. Он и раньше был неулыбчивым человеком, потому что здоровье свое еще в империалистическую подорвал ранениями и контузиями. А теперь он к тому же и устал безмерно. Трудно готовить дивизию к наступлению и одновременно учить командиров. Большинство тех, кто выехал с ним на фронт из Красноярска, в госпиталях или погибли, на их место пришли новые люди. Командирам рот и взводов предстоит сейчас командовать батальонами.

В избе такая тишина, что слышен шелест бумаги, которую укладывает в папку Лузгин. Командир с комиссаром не решались сесть при генерале, а уж писаря и вовсе застыли манекенами по углам, боясь пошевелиться.

---

* План местности, сделанный путем глазомерной съемки.

Крутов впервые видел Горелова так близко, хотя слышан о нем с самой финской войны. «Остался недоволен схемами: картинки! Может, и в самом деле занимались пустым делом? Но Лузгин-то должен знать, что нужно и как нужно? Академик...»

Горелов не уходил, медлил, словно вспоминал что-то, хмурил брови. Были серьезные причины, повлиявшие на его настроение. Полмесяца прошло с того дня, когда дивизия, чтобы отвлечь на себя силы противника, не допустить их переброски под Москву, проводила демонстративное наступление. Ведь замахивались гитлеровские генералы на сердце России! Дивизии Горелова в тех боях достались испытания немалые.

Свою операцию гитлеровцы окрестили «Тайфун», и она, действительно, по силе, по охвату территории не уступала урагану. В истории войн еще не бывало таких по размаху сражений. Свыше миллиона солдат и офицеров, до двух тысяч танков гитлеровского вермахта, при поддержке авиации, тремя группировками, как клиньями, рассекли оборону Западного и Брянского фронтов и устремились на Москву. Задача на «Тайфун» возлагалась огромная: одним ударом покончить с Красной Армией, отбросить русских к Уралу и уничтожить Советское государство. Один за другим образовывались «котлы» — окружения. Танковые колонны через пробитые бреши рвались в глубь России, и закрыть эти бреши было порой нечем. Казалось, положение создалось безвыходное, и у слабых опускались руки. Гитлеровцы уже торжествовали победу, заранее расписывали порядок вступления в Москву. В директиве главного командования сухопутных сил Германии от 12 октября 1941 года говорилось: «Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником...

...Всякий, кто попытается оставить город и пройти через наши позиции, должен быть обстрелян и отогнан обратно».

Командующий группой армии «Центр» отдал еще более конкретный приказ: «Кольцо окружения города в конечном итоге должно быть сужено до окружной железной дороги...» Для массовой казни москвичей и уничтожения города уже создавались специальные команды из эсэсовцев.

Но силы «Тайфуна» оказались недостаточными, чтобы одолеть стойкое сопротивление советского народа. К ноябрю «Тайфун» выдохся. Этому способствовали и бои, которые вела в октябре дивизия Горелова. Ему не забыть,

как войска дивизии форсировали Волгу и четверо суток держали дорогу Старица — Калинин, не пропуская по ней вражеские подкрепления. Линия защиты Москвы проходила тогда и под Калинином, потому что на этом направлении действовала группировка, обходившая Москву с северо-запада. Сибиряки это понимали и дрались героически, заслужив благодарности от своей и соседней армий.

Сидорчук в тех боях не участвовал. Он прибыл к своему новому месту службы, когда полк, прорвавшись из окружения, вышел из-за Волги, и только по рассказам знает, с каким огромным напряжением протекали там бои. Но горечь потерь перемежалась с торжеством: гитлеровский «Тайфун» терял на пути к Москве тысячи солдат и офицеров. Немцам потребовалось две недели, чтобы скопить силы для нового броска. За это время и наше командование сделало все возможное, чтобы противостоять новому, на этот раз «генеральному» наступлению.

Оно началось в середине ноября, и хотя танковые колонны врага снова врубались в наши боевые порядки, но и сопротивление защитников столицы усилилось многократно. Фронт прогибался, отходил, но уже не рушился, как в октябре. Каждый шаг вперед стоил врагу крови и крови. На этот раз не только Гитлер, но и его генералы торопились, подстегивали армию, как подстегивают лошадь, вытягивающую в гору непосильный груз. Их страшили суровая русская зима и перспектива затяжки войны. Скорей, скорей, любой ценой — вперед! Теперь уж не до перегруппировок. Времени на всякие оперативные трюки нет. Вперед в составе той группировки, которая сложилась в ходе боевых действий! Иначе застанет зима. В своем упоении победами в Европе они не приняли ее в расчет и не подготовили армию к войне в зимних условиях.

Положение под Москвой, однако, оставалось угрожающим. Несмотря на огромные потери, у гитлеровцев все еще сохранялось превосходство в живой силе и технике. И опять, чтобы сковать противника, не допустить его переброски к столице, комдиву Горелову приказали наступать. Опять форсировать Волгу, освобождать деревни, изгонять оттуда врага. Он понимал необходимость такого шага, но в глубине души считал, что эту задачу должен выполнять кто-то другой. Ведь его красноярская дивизия и так потеряла в боях половину личного состава, выехавшего на фронт в июне. Чем, какими силами наступать и отвлекать на себя врага, если нет ни мин, ни снарядов, а подразделения малочисленны?!

Когда представитель армии доставил приказ, Горелов, а за ним комиссар Шмелев со всей прямоотой заявили, что наступление обречено на неудачу. Они сослались на осенние бои. Тогда помогла внезапность, Толутино взяли, перерезали шоссе, а вот соседние части не смогли овладеть даже одной деревней. А теперь фактически лишь трем батальонам предстоит освободить целый ряд населенных пунктов. Штаб армии не учитывает тяжелого состояния дивизии...

Представитель армии, а позднее и ее командующий Ушков категорически отвергли эти доводы: приказ не обсуждать, выполнять поставленную задачу со всей решительностью, потому что этого требует обстановка!

Один батальон из полка Фишера и два от Сидорчука — силы не велики, но жаль посылать их, зная, что все это только тактический маневр: ведь люди будут драться без всяких скидок на «демонстративность». Такого рода операции были в новинку для Горелова, опыта их проведения не имелось, да и обеспечить бои материально было нечем. И, конечно же, результат получился плачевным: артиллеристы выпустили десятка два снарядов и замолкли. Воюй, пехота, как умеешь! Снарядов нет! Батальоны, форсировав Волгу у Ребеево, попали под сильный огонь и залегли. Лишь одной роте удалось ворваться на окраину деревни, но и ее оттуда выбили. Когда ночью батальоны отвели, то недосчитались почти двухсот человек ранеными, убитыми, пропавшими без вести.

Ушков был разгневан до крайности: как смели так безответственно отнестись к выполнению приказа! И закатил Горелову, Шмелеву, Сидорчуку и Матвееву выговоры, а начальника артиллерии вовсе отстранил от должности.

В том, что получился именно такой результат, была вина Горелова, он ее чувствовал. Ничто в создавшейся обстановке не может послужить оправданием невыполнения приказа. Нет снарядов — бей врага пулей, люди залегли — иди и лично поднимай их в атаку. Умри, но выполни задачу. Такая идет война. А он допустил, что при нем обсуждали, выполняют или не выполняют приказ...

Утром командующий, переговорив о деле, словно бы мимоходом напомнил Горелову о недавней его промашке. Вы, мол, там не очень-то либеральничайте. Побольше твердости. Новый бой предстоит не менее трудный, так не позволяйте расслабляться...

Горелов суровил лицо, сердито щурил глаза. Хватит! Урок должны извлечь все. Нельзя допускать формализ-

ма в подготовке, чтоб потом теряли управление, как это случилось у того же комполка Сидорчука. Враг, считай, выдохся, остановлен, самое время нанести ответный удар. Русскому человеку зима не в диковинку, а немцу придется туго. Никаким машинам не пройти по снегам. Решительно надавить, и неприятель сразу лишится преимуществ, которые ему давала техника. Надо заставить противника оставить рубежи! Танки, артиллерию, машины ему придется либо бросать, либо жечь. За собой при всем желании он технику не утащит. И этим надо воспользоваться.

Боевая задача дивизии известна: форсировать Волгу у деревни Горохово и наступать в направлении станции Чуприяновка, чтобы сразу лишить клинскую группировку врага, охватывающую Москву с северо-запада, железной дороги, да и другие пути подсесть. А без дорог какая может быть нынче война! Горохово — это боевое охранение гитлеровцев. Там в окраинных домах и сараях пропилены амбразуры для ведения огня, дзоты понастроены, не без этого. Горохово возьмем, а вот что дальше будет, как пойдет дело, когда станем освобождать другие деревни, — неизвестно. Нет точных данных, что и где там у противника. Одно можно сказать с уверенностью: там придется столкнуться с главными силами немцев. Значит, нужно проявить максимум организованности, чтобы первую линию пройти с ходу, не растерять свои силы. Так рассуждал Горелов.

— Товарищ генерал, — поинтересовался Сидорчук, — на денек-два можем еще рассчитывать?

— Ишь, захотел чего. Время атаки еще не установлено, однако его могут сообщить в любой момент. К вечеру у вас все должно быть готово. Я говорил с командующим. Дело, кажется, лишь за подходом резервной дивизии и танков. Так что будьте начеку!

Он не сказал о том, что командующий во время боя будет находиться в пяти километрах от передовой, — это Сидорчука не касалось, а только его, Горелова, что в полк Фишера подадут армейскую связь, и действия дивизии будут протекать у командующего «на глазах». Командир дивизии для себя сделал вывод, что теперь каждое лыко будет поставлено в строку: спрос будет жестче, контроль дотошней. Держись, Горелов!

Генерал поднялся, нахлобучил папаху до самых глаз и пошел к выходу. Командиры последовали за ним. Уже взявшись за ручку двери, Горелов обернулся к ним:

— Я на вас надеюсь, Сидорчук. Выходите на мест-

ность, работайте только там и давайте мне кроки!

Козырнув на прощание, он распахнул дверь и скрылся в морозном облаке, хлынувшем в прокуренную избу. Командиры остались одни и медленно вернулись к столу. Лузгин все еще не выпускал папку с документами и недоуменно пожимал плечами. Он был обескуражен тем, что генерал не захотел выслушать его объяснений, иронически отнесся к схемам, будто ему предложили какую-то придумку, а не документы, принятые в армейских штабах. Требуется кроки и отмахивается от плановой таблицы, где все предусмотрено до роты включительно. Штаб поработал по всем правилам, не щадя сил. Самолюбие Лузгина страдало. Что он, новичок в армии и не окончил военную академию? Начальник штаба старался не выдавать своего настроения, но оно было написано на его лице.

— Я все-таки не понимаю, чего он хочет. Много ли добавят эти кроки к тому, что нами уже проделано, намечено? Может, штаб вообще не нужен?

Сидорчук обернулся к нему. На обветренном лице блуждала усмешка. Самолюбие его тоже было задето упреком генерала: «Долго раскачиваетесь, подполковник!», и он за напускной иронией пытался скрыть досаду.

— Не принимай замечаний близко к сердцу, а считай их указаниями и думай о том, как лучше их выполнить, — сказал он. — Размагничиваться — не время. Генерал требует, чтобы мы увязали взаимодействие в поле, а не в штабе. Мы рассчитывали провести эту работу вторым этапом, а надлежит наоборот — первым. Сам слышал, что команду могут подать в любой час. Вызывай немедленно Турова и всех, кто с ним будет действовать в одной упряжке. Готовь повозки. Надо успеть провести рекогносцировку до сумерек. Кстати, сразу оповести тех, кто едет второй группой. А ты, — он обратился к комиссару, — смотри сам: надо, так поезжай со мной, а нет — действуй по своему плану. Да, чуть не забыл: Лузгин, как там моя повозка? Делается что-нибудь или заглохло?

Кое-какой опыт из памятного «демонстративного» наступления извлек и Сидорчук. Он тогда весь день просидел в окопе, мерз как сукин сын, холод был такой, что микрофон у трубки поминутно обмерзал. И зачем? Все равно ведь не видел ни своих, ни противника! У артиллеристов было где-то «гнездо», а он, усталый, корчился в щели. Порой доставало сил даже ругаться. Не таким он мечтал увидеть свой первый бой. Поделом был «строгач» от командующего. На этот раз у него будет на санях

будка с печуркой. Значит, нормальные условия не только для него, для связиста, но и для Матвеева тоже. Здоровье у комиссара не ахти какое, того и гляди может свалиться. Управление — сложная, напряженная, долгая работа, не на час и не на два. Рассчитывать, что командный пункт всякий раз будет находиться в деревне, не придется, эти деревни вначале надо отбивать. Будка определенно пригодится.

Лузгин же считал эту затею очередной прихотью командира и не стал скрывать своего неудовольствия:

— Раззвонили про эту вашу кибитку, дошло даже до дивизионного инженера. Вчера приехал и заявляет: «Какие еще у вас там будки? Пока не заготовите лес для переправы, никаких будок! Саперов и так не хватает. Узнаю, что взяли хоть одного на сторону, доложу генералу. Мудрит командир полка, скоро не то что будку, корову за собой потащит!..»

— Потребуется — поташу! — жестко отрубил Сидорчук. — А дивизионный инженер, так ему и заяви, пусть не сует нос в дела полка. Пока я тут хозяин. С будкой так: возьми в батальоне двух-трех плотников и чтоб завтра к утру она стояла у порога. Да особо тяжелую не громоздить, а то и парой коняг не вытащить...

— Вы, Лузгин, поменьше слушайте, кто и что болтает, — счел нужным заметить Матвеев. — Делайте, что приказано, и не забывайте, кто в полку хозяин. Дали приказ — сначала выполните, а потом, если считаете нужным, можете его обжаловать. Не первый день в армии, должны знать. Иначе вам на шею кто только не сядет. Командир полка не железный, сутки в снегу не высидит, должны понимать это...

Вскоре большая группа командиров заполнила избу — ждали подвод, чтоб ехать в Поддубье.

— Товарищ старший лейтенант, — обратился Крутов к Морозову. — Мне с вами ехать?

— Да-да, обязательно! Прихвати бумагу, компас, сделаешь наскоро схему, набросашь ориентиры, которые командир полка укажет, когда станут уточнять задачу. Нам придется потом вносить изменения в документы, так что должны знать. Вот только где ты поместишься, народу собирается много, сани битком забьют...

— Об этом не беспокойтесь. Я устроюсь. В крайнем случае от подвод и на своих двоих не отстану.

Выехали через полчаса на трех подводах. По сторонам от дороги высились березняк вперемежку с кудлатыми соснами. Лес там и тут был заставлен ящиками со сна-

рядами, артиллеристы расчищали огневые. Батареи располагались вблизи дороги, чтоб легче было протаскать орудия, навести связь. Большие команды саперов и стрелков в отдалении валили деревья и стаскивали их к дороге, укладывали в штабеля. Леса требовалось много, чтобы настелить дорогу через Волгу: лед на реке был тонок — тридцать — сорок сантиметров. Он мог выдержать только повозку, небольшую машину, но для орудий и танков необходим настил. Предвидели и худшее, что лед будет взломан бомбежками, тогда потребуется мост или паромная переправа. Во всех случаях нужно много леса. Дивизия заготовила полторы тысячи бревен, уже напилено четыреста досок, но этого недостаточно. Заготовки продолжались. Инженерная разведка установила толщину льда. Ночью две группы саперов выползали на лед и делали по десятку лунок.

...В Поддубье жизнь кипела на задворках, в местах, недоступных наблюдению со стороны противника. Деревня стояла на берегу, раскинув избы двумя цепочками вдоль реки, и казалась заброшенной, опустевшей, ни один дымок не поднимался над крышами. Поддубье и в самом деле было покинуто жителями, они, чтобы не мешать нашим войскам, ютились где-то за прифронтовой полосой.

Оставив на опушке леса подводы, командиры пошли в обход деревни к узкой сосновой роще, раскинувшейся на прибрежных холмах. С них в ясный день просматривалось все побережье. Тут было многолюдно, потому что место оказалось подходящим под наблюдательные пункты. Сидорчук вывел своих на небольшую, расчищенную от снега площадку, где он предполагал устроить КП.

В туманной морозной дымке висело размытым пятном тусклое солнце. Крутову казалось, что он смотрит на него из окна нанайской фанзы через промасленную бумагу. За Волгой, слева, едва прорисовывался поселок Эммаус с высокой башней элеватора. Ближе, почти напротив наблюдательного пункта, находилось Горохово. Двумя рядами домиков, приусадебными постройками и раскидистыми ветлами деревня вытягивалась в глубину от реки. За нею, совсем вдали, угадывалась полоска леса, и на ее фоне белели пятнышки крыш — там Прибыtkовo. Со стороны Эммауса на Калинин едва приметной темной козявкой ползла немецкая легковая машина. Тихо. Но пройдет день, от силы два, и вся эта замороженная тишина будет взломана гулом орудий, и на безлюдные ныне берега выплеснутся тысячи солдат. Одни достигнут цели, у других судьба оборвется на пути к вражеским позициям.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Части армии Ушкова спешили к своим рубежам. Вряд ли кто мог знать, какое великое движение творилось на путях-дорогах. Только командующий, только его штаб. Кто-то продвигался успешно, без задержек, кто-то отставал. Не переставая звонили полевые телефоны, будто на крыльях летели в разные концы вестовые...

Танковая бригада, наскоро сформированная несколько дней назад и получившая на вооружение разномастные легкие и средние танки — одни новые, только с конвейера, другие, побывавшие в боях, изношенные, — задержалась в дороге. Капризничали двигатели, то и дело случались мелкие поломки, и экипажи занимались в пути ремонтом, доводкой. Танкисты, недавно сведенные в подразделения, еще не познакомились как следует друг с другом, не знали тех, кто шел рядом, не притерлись, то есть не прошли того периода армейской жизни, который называется сколачиванием. Отставшие от колонны экипажи, не имея карт, не зная точно маршрута, предпочли оставаться на месте и ждать, когда за ними кого-нибудь пришлют. На сбор танкистов отправили армейских политотдельцев.

Задержалась с подходом и резервная дивизия. В штабе фронта об этом знали. Причина была объективная — дорога на Лихославль не справлялась с пропуском эшелонов, да и подвижного состава не хватало, дивизию пришлось сгружать раньше, чем она достигла нужного пункта, и она следовала пешим порядком. Сдерживали и тылы, все еще не разместившиеся и не готовые к тому, чтобы обеспечить снабжение армии боеприпасами, продовольствием, горючим, снаряжением, фуражом. Оставались и другие нерешенные задачи, в которых Ушков не мог признаться командующему фронтом, чтоб не выглядеть хуже других. Он прямо-таки вздохнул с облегчением, когда узнал, что соседняя армия, стоявшая юго-западнее Калининна, гораздо дальше от баз снабжения, не готова к боевым действиям и наступление откладывается на сутки. Вечером Ушков позвонил Горелову и сказал, что тот может использовать еще один день на подготовку.

Горелов провел этот день с пользой: вывел всех командиров полков и батальонов на берег Волги и указал, кому где наступать. Помог командирам увязать вопросы взаимодействия с артиллерией. О танках речи пока не шло, ими мог распорядиться только командующий армией.

Мороз крепко кусал за щеки, за нос, пробирался под одежду, и командиры переминались с ноги на ногу, тол-

кались, похлопывали себя по плечам. На их счастье, не было ветра, лишь туманная изморозь сыпалась с неба мелкой снежной пылью. Даже ближние деревни на противоположном берегу Волги — Эммаус и Горохово — были едва видны, а дальние терялись в сизой и до дрожи холодной мгле. Где-то там были Губино, Прибыtkовo, станция Чуприяновка, которые предстояло освободить.

Генерал напомнил командирам, что каждый случай обморожения будет рассматриваться как чрезвычайное происшествие. «Вот и делайте отсюда выводы сами! Убереечь от обморожения бойцов — первейшая задача командиров и политработников. Придется поработать на этот счет с личным составом, разъяснить, что умышленное обморожение будет рассматриваться как членовредительство».

...Артиллерии для прорыва собиралось порядочно, свыше тридцати стволов на километр фронта. Довольно мощный кулак, и все же снарядов дали мало — всего около боекомплекта. Это на операцию, рассчитанную на неделю. И уж совсем плохо обстояло дело с минами для батальонных минометов. Если в первый час их недостачу можно восполнить огнем дивизионной артиллерии, то в дальнейшем, когда пехота завяжет бой в глубине вражеской обороны, без поддержки минометов придется плохо. Горелов подстегивал своих снабженцев, но те ничем не могли помочь, потому что армейские склады только еще развертывались в Лихославле. И все-таки надежда, что мин в конце концов подбросят, не оставляла комдива. «Мины, мины, — неотступно держал он в уме. — Не забыть про мины!»

Но до этих генеральских забот совсем не было дела командирам батальонов, тому же комбату Зырянко из полка подполковника Фишера. Поставили боевую задачу, так дай, что положено! Комбатом он недавно, два месяца, но за это время вполне освоился с должностью, располагался уверенно, как и положено руководителю большого армейского коллектива. Он уже и не вспоминал про робость, охватившую его вечером восьмого октября, когда в контратаке погиб майор Иванов и ему пришлось в такую отчаянно-сложную минуту принять батальон и продолжать бой. Командовал и все время ждал, что последует окрик: «Отменить распоряжение!» Видимо, интуиция, практика, полученная за летние месяцы, когда батальон строил укрепления, помогли ему принимать верные решения. Правда, хозяйственная работа, любое учение мирных дней тем и отличаются от войны, что там не поги-

саят люди, неверный шаг можно поправить. На войне же за ошибки расплачиваются кровью и даже жизнью. Но об этом Зырянко старался не думать.

Казалось, все было ясно: завтра предстоит бой. Но вот тут-то и повалили к нему ротные, взводные с самыми неожиданными вопросами. И не потому, что сами чего-то не понимали: в батальоне у Зырянко командиры в основном опытные, обстрелянные, а просто хотели увериться в последний момент, правильно ли поступили в том или ином случае. Операция приближалась ответственная.

Зырянко распорядился, чтобы завтрак был готов к шести часам утра и, кроме того, чтобы каждому бойцу выдали сухой паек на сутки. Командир хозяйственного взвода заверил, что все будет исполнено, и ушел. Был поздний час. В избе уже спали, пристроившись кто где сумел. Зырянко в раздумье постоял у стола, за которым работал, покачался на носках, словно пробуя пружинистость ног. Застоявшаяся кровь толчками заполнила мышцы, игольчато заколола в икрах. Можно отдыхать.

— Разбудите в полшестого! — приказал он телефонистам.

Кровать занимала весь угол избы. Сколоченная из досок, широкая, крестьянская, чтоб могли на ней поместиться не только родители, но и малые дети. Кровать старчески заскрипела, когда Зырянко повалился на нее. Хозяева давно покинули деревню, и хорошо, что их тут не было: понакурили в избе: — не продохнуть. Люди спали вповалку на полу, на печке, на лавках и даже под кроватью, прямо в шинелях и полушубках, положив под голову вещевые мешки да взбив кулаком солому. На кровати уже спали двое. Пришлось повернуть на бок командира роты Сидельникова, откинувшегося на спину и разметавшего широко руки.

«Эх, в тесноте, да не в обиде, — подумал Зырянко. — Когда еще придется в тепле-то...»

Он пошевелил плечами, умащиваясь поудобнее, поднял воротник полушубка, ослабил ремень и тотчас погрузился в сон, глубокий, беспробудный, какой бывает у сильно намерзшегося человека.

Казалось, он и спал-то всего ничего, а его уже расталкивал связист:

— Товарищ старший лейтенант, приказывали разбудить...

Зырянко поднялся, растер ладонями лицо, глянул на

часы: неужели утро? Затекающее тело просило движений и свежего воздуха.

— Поднимай ординарца, пусть узнает, как с завтраком.

Связист растормошил ординарца, вольно устроившегося под столом, тот метнулся за порог. В распахнутую дверь ворвался клуб морозного пара, прокатился над полом, и спящие заворочались, закричали. Только тут, окончательно сбросив сон, Зыряночко вдруг остро почувствовал, что это утро может быть последним для многих, и для него в том числе...

Вот так же утром, тринадцатого октября, когда дивизия отходила к Ржеву, он поднялся с пола вместе с братом Никандром — тот был старшиной пулроты. Даже не позавтракали они тогда вместе, брат сразу заторопился к своим пулеметчикам. А днем его не стало.

Полк проходил вблизи железной дороги Сычевка — Ржев, противник успел по ней пробиться к Осуге и пытался перехватить и грунтовую дорогу, по которой отходили к городу войска. Командир полка приказал выставить заслон. Конечно же, речь могла идти только о пулеметной роте, Зыряночко и поставил ее, наказав держаться до тех пор, пока не будет приказа следовать дальше.

Рота стояла до вечера. Уже темень окутала землю, и пули летали раскаленными осами, расчеркивая вязкую мглу, когда передали приказ — снять заслон.

Никандра привезли на повозке. Зыряночко до сих пор помнит его багрово-синюшное лицо, видно, упал на землю грудью, хотя чаще всего падают почему-то на спину, может, чтоб в последний раз глянуть на родное небо. Но Никандр упал грудью, и кровь прихлынула к лицу. Его трудно было узнать, и если бы Зыряночко не держал в руках документы, то не сразу и поверил бы, что перед ним брат. Он не плакал. Только от острой боли стиснулось сердце. Вцепившись в борт повозки так, что пальцы побелели, он стоял минуту и больше, ожидая, что сейчас и сам грянется бездыханным. Отрешенного, не воспринимающего, что ему говорят, Зыряночко силой увели в дом. Как хоронили брата, где, он не видел, об этом позаботились другие.

О смерти брата он не сообщал домой. Писарь штаба отправил похоронку жене Никандра. Захочет, передаст матери, нет — пусть та думает, что Никандр жив. Неведомое оставляет маленькую надежду, в то время как ясность жестока и... едва ли нужна в такое время. Если повезет и удастся вернуться с войны, Зыряночко все рас-

скажет, к тому времени горе потеряет остроту. Да, Никандр... Вполне может случиться такое же и с ним. Место комбата в рядах наступающих, а пуля жертву не выбирает...

Ему помогли отключиться от невеселых мыслей: появились ординарец и командир хозяйственного взвода, который доложил, что сухой паек выдан старшинам рот, завтрак готов.

— Корми людей, — приказал Зырянко. — Да поживей, чтоб в семь часов все были в строю! — И к ординарцу: — Поднимай всех, хватит дрыхнуть!

Ординарец с готовностью, с веселым озорством заорал во всю глотку:

— Славяне, подъем!

Солдаты завозились.

День начался шумно, с беготней связных, с перекличкой, суетой, с бренчанием котелков, ржанием лошадей, скрипом саней, урчанием машин. Без пяти семь Зырянко подал команду приготовить батальон к построению и вышел в утреннюю промозглость. Теперь никто не мог сказать, заночует ли он под крышей или будет корчиться на снегу где-нибудь на опушке леса. Все будет зависеть от того, как пройдет бой. Он ту же затянул ремень на полушубке, чтоб не терять напрасно тепла, и, сердито поиграв желваками, громко и раздельно подал команду:

— По-ротно, в по-оходную колонну, ста-а-новись!

Неторопливым размеренным шагом батальон двинулся улицей деревни. На выходе из нее стояли командир полка с комиссаром. Подполковник Фишер — небольшого роста, сухощавый, с темным, словно опаленным суховеем лицом, имел привычку появляться в подразделениях внезапно, будто старался застать людей за недозволенными занятиями, чтоб потом, скрутив сигарку желтыми, прокуренными пальцами, шурясь, выслушивать доклад подчиненного. И непонятно всякий раз было — шурится ли подполковник от дыма крепчайшей махорки или что-то про тебя знает и прицеливается, как бы получше разнести за промах.

Смел ли Фишер, Зырянко до сих пор не знал. В октябре, когда бились насмерть, командир полка появлялся в батальоне вот так же, как снег на голову, но редко, раза три за пять дней. Какие дела держали его при штабе, когда немцы напирали именно на левый фланг, на батальон? По-хорошему, именно здесь надлежало находить-

ся командиру полка, чтоб помогать, руководить, а не изучать обстановку с чужих слов.

В самый ответственный момент, когда гитлеровцы ворвались на позиции батальона, он разбранил на чем свет стоит предшественника Зыряно, комбата Иванова, приказал любой ценой восстановить положение, а сам остался в штабе. Даже когда Иванов погиб и батальон принял Зыряно, Фишер не приехал помочь, убедиться, справляется ли тот. Появился лишь на другой день, хотя разделяли их три-четыре километра, на лошади проскакать — полчаса. Осторожность? Нежелание рисковать? Непонятным для Зыряно оставалось такое поведение Фишера.

«А вообще-то все это пустое, — подумал он. — Мало ли у кого какие привычки? Прежде всего надо выполнять собственные обязанности. И тогда любое начальство будет тебе хорошим».

Не терялся Зыряно перед начальниками и раньше, когда занимал должности пониже, а теперь и подавно! Все, что положено, он делал, исполнял с душой. Чего ж ему опасаться?

Не останавливая батальона, Зыряно доложил, что следует на исходную позицию для выполнения боевой задачи. Фишер выслушал, козырнул:

— Продолжайте движение. На исходном рубеже чтоб без хождения.

Вместе с батальоном Зыряно из деревни вытягивались и подразделения других полков. По сторонам темнели массы людей, доносились команды, разговоры; он видел вспышки докуриваемых сигарок, когда, уже становясь в строй, наспех делают последнюю затяжку и отбрасывают окурки в сторону, в снег, торопясь исполнить команду «равняйся!».

За деревней колонну обступил лес, еще по-ночному темный и загадочный, хотя над деревьями небо начинало сереть и звезды помаленьку гасли, утопая в бледности зачинающегося дня. Над колонной поднимался пар от дыхания, скрипел под ногами снег. Воротники, шапки, повязанные у подбородка, заиндевели, покрылись куржаком. Возле батарей, поставленных близ дороги, проклевывались огоньки. Артиллеристы грелись у костерков, разведенных прямо в шалашах — их соорудили из еловых лапок и присыпали снегом.

Зыряно все это охватывал цепким взглядом, мысленно подсчитывая, успеет ли он на исходном отдать боевой приказ, вернее повторить его командирам. Он напрасно

думал, что идет первым. На опушке, перед выходом к Поддубью, стояла кошева, от нее на дорогу ступил командир в длинном полушубке и валенках и глуховатым голосом потребовал:

— Кто идет? Доложите!

Зыряноко узнал генерала Горелова и четко доложил, что такой-то следует на исходное. Горелов замахом руки высвободил часы, взгляделся в циферблат, удовлетворенно кивнул: «Продолжайте движение!» и отступил в сторону, к кошеве. Он не стал ждать, когда штаб доложит о выходе подразделений на исходные позиции, решил контролировать все сам, чтобы тут же вмешаться, если обнаружится неувязка. Но пока этого не требовалось.

Батальон вышел к берегу Волги. Уже рассвело настолько, что стал виден противоположный берег. Справа, за рекой, деревня Горохово, ее предстояло брать не в лоб, а обходом. Дымки выдавали расположение вражеских блиндажей. Взойдет солнце, гитлеровцы погасят печурки, и тогда снежные бугорки блиндажей сольются с неровностями берега. Артиллеристы пользовались моментом, наставив окуляры стереотруб и биноклей, засекали цели. Их наблюдательные пункты располагались на прибрежных холмах, в сосняке, рядом с командными пунктами пехоты.

Комбат приказал ротам окапываться в глубоком снегу за холмом, а командиров вывел на гребень, чтобы тут отдать боевой приказ. Место попало удобное — на самом бугре чернела огромная воронка от двухсоткилограммовой бомбы. Командиры хотели прыгнуть в нее, но Зыряноко приказал расположиться рядом, за высоким бортом воронки, чтоб сама яма оказалась перед ними. Чем было вызвано такое его решение, он сказать не мог, просто посчитал, что так будет лучше. Эту воронку он приметил еще во время рекогносцировки, и вот она пригодилась.

Морозную мглу пробили первые лучи солнца. Вечера вечером оно едва проглядывало и не позволяло толком рассмотреть вражескую оборону, а теперь косыми лучами высвечивало противоположный берег и все на нем неровности. Очень это было всем на руку. По выбросам снега на брустверах можно было безошибочно определить, где находятся пулеметные гнезда, да блиндажи еще дымили; гитлеровцы, видимо, полагали, что, поскольку их войска все еще атакуют под Москвой, ответных мер, контрнаступления не последует, и мало заботились о маскировке. Кого им опасаться? Ведь Геббельс уже не раз объявлял, что с Красной Армией покончено.

Командиры, чтобы лучше слышать Зырянко, лежали как можно ближе к нему. В это время на наблюдательных пунктах возникла разногласица команд. Началась артиллерийская подготовка. Земля заколотилась от близких выстрелов орудий.

Внезапный свист снаряда заставил Зырянко и его командиров прижаться к земле. Взрывом взметнуло из воронки снег, и мерзлое крошево обдало лежавших. Зырянко первым поднял голову.

— Все целы? — И, убедившись, что никто не пострадал, скомандовал: — Приступить к выполнению задачи. Разойдись!

Вероятно, враг заметил их, потому что за первым разрывом сразу последовал другой. Командиры проворно бежали с холма, вниз, в кустарнике, их ждали связные. Зырянко остался. Он неторопливо спустился в воронку, осмотрел место разрыва, подивился везению: спустись они сюда, получилась бы братская могила, а ударь снаряд чуть повыше, так и за бортом воронки многим не поздоровилось бы.

За время, пока он отдавал приказ, бойцы успели накрыть в снегу ячеек и сидели в них, как рябчики в лунках. Орудийный гул подхлестывал: хотя до атаки оставались минуты, но и на этот короткий срок не следует пренебрегать укрытием. Дальше снега лопатка не шла, земля была тверда, как бетон.

Артиллерия гремела полчаса, противник огрызался, бросал и бросал по батареям снаряды, отдельные рвались на волжском льду. Пора...

— Поднимайся! Вперед! — зычно закричал Зырянко, взмахами рук дублируя команду.

Ракет, чтоб подать общий сигнал, не имелось, и каждый батальон вставал в особицу. Пока орудия стреляют и прижимают врага, надо успеть выйти к другому берегу Волги, чтобы потом быстро атаковать. Но роты разворачивались медленно, не так, как хотелось бы Зырянко. Однако требовать большего он был не вправе. Бойцы проваливаются в глубокий, до колен, снег. До врага несколько сот метров, надо, чтобы атакующие сохранили силы для решающего броска, когда придет пора штурмовать огневые точки, карабкаться на крутой и высокий берег.

Роты развертывались в четко видимые цепи: впереди стрелки, а сзади группками пулеметчики и командиры со своими связными. Теперь, когда все вышли на лед, Зырянко увидел и соседей. На штурм вражеских позиций катился грозный людской вал.

Солнце озаряло розовым скользящим светом речную гладь, высвечивало позиции гитлеровцев. Минометчики гвоздили по блиндажам и окопам врага. Среди разрывов малых мин взлетали султаны черно-пепельные от гаубичных снарядов и дымно-рыжие от полковых мин. «Под таким обстрелом не больно-то высунешься, — думал Зыряно, поторапливая своих. — Успеть бы за это время сблизиться, пока огонь, пока противник прижат...»

Из штаба полка звонили, требовали доложить обстановку. Это Бородин, начальник штаба, обращался к комбатам:

— Вы что, вздумали в молчанку со мной играть?! Почему не докладываете? Где пехота? Как противник?

Зыряно знал Бородина давно. В мирные дни не раз встречались на разных учениях, совещаниях. Был комбатом, а потом толкнули на штабную работу. Он всегда выдержан, корректен, немногословен, а тут — взвинчен до предела. По голосу слышно, а уж вид — и не подступись, наверное: лицо красное, белые брови торчком, шапка сбита на затылок...

— Артподготовка, — лаконично ответил Зыряно. — Люди движутся к рубежу атаки. Противник? Пока неясно. Наша артиллерия ведет огонь, видимо, прижат...

Он понимал беспокойство Бородина, сам в недалеком прошлом был в должности старшего адъютанта батальона. Бывало так: командир ушел вперед, а в штаб звонят и сверху, и снизу, и откуда только не звонят, и ты всем дай обстановку, объясни, выложи все подробности, иначе не отцепятся. А в таком гремящем хаосе, который ударил над Волгой в эти минуты, разве сразу выяснишь обстановку?

Артподготовка только набрала силу, а из штаба армии уже стали допытываться, как и что. Ушков поинтересовался, поднялась ли пехота или еще выжидает на исходном? Бородин ответил: «Поднялась, движется, товарищ командующий».

Когда появилась в штабе полка прямая связь с армией, всякий звонок прямо-таки кидал в дрожь Бородина, так страшил его разговор с высоким начальством. Он предчувствовал, во что эти разговоры выльются, когда бой начнется в глубине, когда ни от кого не добьешься толку и надо будет чуть ли не силком тащить командиров к телефону, вместо того, чтобы набираться терпения и просто ждать. А начальство ждать не умеет и не любит. Уйти бы сейчас в роту, в батальон, но куда денешься от штаба?

На этот раз Ушков ответил миролюбиво: «Ну-ну, смотрите, чтоб не залеживались, пока пушки бьют, чтоб подошли к окопам!» И трубку положил, видно, не хотел до поры нервировать штаб.

Зыряно наблюдал за своими в бинокль. С тех пор как деревенским неотесанным парнем попал в армию, он проникся особым уважением к людям с биноклем, они для него являлись олицетворением специалиста, человека с высшим техническим совершенством, тем самым, к чему и он сам стремился. Взять простого стрелка с трехлинейкой и снайпера, владеющего той же винтовкой, но с оптическим прицелом. Один он стоит десятка стрелков, если не более! Зыряно никогда не расстается с биноклем, и если на груди не болтается привычно «цейс» — пусть полевой шестикратный, он сразу чувствует себя неловко, словно чего-то не хватает.

Комбат Зыряно до мозга костей хлебопашец. Стоит чуть отвлечься от дела, как он тут же видит себя в деревне. И родился, и вырос он там, другой жизни не знает и не понимает. Там все просто: зима — ухаживай за скотом, ездй за сеном, за дровами. Лето — паши, сей, убирай, коси сено, снова паши. Круглый год своя работа, устаешь, конечно, но придет пора отдыха, так он тебе в радость. Не будь войны, Зыряно остался бы земледельцем. Хотя, сколько себя помнит, трудно им жилось, очень. Семья у них была многодетная, у родителей семеро гавриков — пять братьев и две сестры росли, девять ртов на жиденькое хозяйство... Стоило подумать о доме и сразу — Никандр... Любил он меньшого брата. Дома опекал его, к делу приучал, и в армии, случилось же так, Никандр попал под его руку — в один батальон. Плохо, если передали матери о его смерти, исплается, бедная, изойдется слезами. Раньше-то она была волевой, весь дом держался на ней, она и отца направляла, правда, незаметно, будто исподволь, чтоб не ущемлять мужского самолюбия, поддерживала его дух, понимала, что без мужчины в доме не выжить и остальным. На девять душ у них было четыре десятины земли, корова — Красуля, лошадь, три овечки, птица. Своего хлеба никогда не хватало, чтоб от урожая до урожая, и отец часто подряжался рубить избы, риги, в помощники брал старшего сына. Но в двадцатом году выдалась такая засуха, что хлеба не собрали и половины против обычного. К февралю все подчистили, и дальше хоть зубы на полку. И вот тут мать все взяла в свои руки: направляла отца, как из беды выйти, чтоб самим не загинуть и детей не умо-

рить. Отец продал дом за бесценок: за девять пудов ржи, за корову и двадцать пудов картошки.

Так вся их семья оказалась без дома и перетащилась к одинокой женщине — родственнице по отцу в каком-то десятом колене. Только хозяйка спала на кровати да мать с кем-нибудь из меньших забиралась на печку, а остальные — на полу, вповалку на соломе. К середине апреля подъели все запасы, вырученные за дом, и отец отвел выменянную корову соседке, отдав ее за коня. Корова была хорошая, резать такую — грех, а конь свое уже отжил, его давно не запрягали, такой он был старый. Вот его и забили на мясо. Продержалась семья до середины мая. Тут отелилась своя корова — Красуля, по полям взошла крапива, лебеда. Мать варила траву, забеливала этот суп молоком. Травы надо было много, поэтому ходили собирать ее всем семейством. На лугах копали корни сараны, рвали дикий лук, щавель, медунку. Работать никто не мог — ослабли от голода, на ходу ветром качало, и все мечты были об одном — как бы дожидаться хлебушка...

Только переживший такое и знает настоящую цену малому кусочку хлеба. Как бы в армии хорошо ни кормили, а Зырянко никогда не бросит даже крошки, потому что в этот самый момент, когда ты от сытости дуреешь и швыряешь кусок под стол или собаке, кто-то гибнет от голода. Мир-то велик, думал он, много в нем голодных. Об этом забывать никогда не следует. Может, и война из-за того же куска хлеба идет. Есть он сейчас у нас, вот жадные соседи и зарятся, хотят отнять, чтоб самим жрать от пуза. Жадность, завистливость всегда гнали людей на войны. Примитивно? Может быть. Да только он так все это понимал...

Расставив широко крепкие ноги, Зырянко высматривал из-за меднокорой сосны своих. В бинокль хорошо виден задымленный вражеский берег, черные султаны разрывов взметывались там. Стрелковые цепи отчетливо прорисовывались на белом снегу. Со спины трудно узнать, кто и где идет, но все же вскоре он признал в высоком человеке, у которого ремни перехлестывали спину, Сидельникова — командира третьей роты. Бой за Дудкино обошел эту роту стороной, она сначала была в боевом охранении, потом в резерве командира полка. Но в боях за Волгой досталось и Сидельникову, потрепали его роту, так что теперь и она сравнялась с остальными по числу людей и по опыту.

Стрелки прибавили шаг. И то — пора. Вот-вот кончится артподготовка, противник покажется из своих убе-

жищ, тогда несдобровать отставшим, порежет из пулеметов. У передних вспыхнули флажки — на снежной белизне красный цвет именно вспыхивает, настолько он контрастный. Это инициатива самих бойцов. На митинге комсомольцы поклялись, что первыми пронесут красные вымпелы на позиции врага.

Сквозь грохот артиллерии долетели винтовочные выстрелы, но не понять, свои стреляют или враг встречает наступающих огнем. Бежит, набирает в атаке темп пехота. Стараются скорее достичь берега, под ним мертвая зона, непростреливаемая. На крутом берегу люди теряются из виду, задымлен он сильно, а ветра нет, и сизый пласт лежит недвижно. Среди тех, кто приотстал, есть лежащие. «Бьет противник», — отметил Зыряно. Сейчас бы самому туда, в самую гущу, чтоб подхлестнуть людей на последний рывок призывом, личным примером. Но он уже научен горьким опытом, знает, что не следует командиру кидаться вперед при первом же случае. Иванов сгоряча кинулся в контратаку, сам погиб, а дела не выправил. Прежде чем кинуться, сначала заставь подчиненных действовать, а уж тогда, если необходимо, показывай пример, воодушевляй.

Артиллерия затихла, выстрелы становились реже. На другом берегу хозяйничала пехота. Зыряно видел своих в серых шинелях, мешковатых из-за поддетых ватников. А где же враг? Он повел биноклем вправо. Ага, убегают, но мало! Можно подумать, что десяток гитлеровцев держится перед батальоном. О, не только десяток! Большая беспорядочная толпа скрывается за окраинными домами деревни. Неужели артиллеристы их не видят? Накрыть бы огнем, уничтожить, чтоб не расползались!

Зыряно спустился к подножию холма, где в снежных лунках вся его ячейка управления.

— Вызывай командира полка, — приказал он связисту. — Товарищ Десятый? Это Зыряно. Мои на другом берегу, следую туда.

— Давай! — отозвался Фишер. — Сразу двигай на Горохово, выполняй задачу! И не забывай докладывать, где находишься, чтоб я тебя не искал.

— Есть! Разрешите выполнять?

— Да, снимайся! Желаю удачи!

— Пошли! — скомандовал своим Зыряно.

Вся ячейка управления мгновенно оказалась на ногах. Обрадовались, что можно двигаться, греться на ходу. И в теплой одежде мороз пробирает до костей. Связисты начали снимать аппарат, подсоединять провод следую-

щей катушки. Им предстояло тянуть за комбатом «нитку». Связь — дело полковых телефонистов, они не отстают, смотреть за ними не надо. К тому же есть и адъютант батальона, если что не так — подскажет, распорядится. Зыряно, приняв батальон, оставил на своем месте бывшего писаря — старшего сержанта, просил об этом командира полка. Два года старший сержант прослужил в штабе, многому научился. Вполне был годен на должность адъютанта. Особо важно, что он всех в батальоне знал хорошо, а прислали бы новичка, пусть и среднего командира, надо было ждать, пока освоится, и все хлопоты на это время брать на себя.

Множество троп пролегло в снегу, и все к тому берегу. Одни тянулись и терялись среди вражеских блиндажей, другие раньше обрывались...

— Смотрите, товарищ командир, — указал ординарец на убитого, — вроде наш Гребеньков, из третьей роты. Не дошел. Документы забрать, или как?

— Не надо, — дрогнув голосом и сердцем, ощущая, как холод прошелся по всему телу, ответил Зыряно. — Не надо. Есть кому подобрать, так не оставят. Наше дело — вперед!

Первые убитые... При виде их всегда холодеет душа, и лучше не останавливаться, не смотреть, чтоб не ослабляться. Неизбежная плата... Про тех, кто не дошел, можно сказать лишь одно: сделали они, что смогли, отдали, что имели! Зыряно тоже готов был к такому исходу, как и комбат Иванов — его предшественник. Ни с чем и ни с кем он не посчитается, чтоб только воинский долг исполнить. Пока бьется сердце, он будет нести свою службу.

...Берег оказался крутым, не сразу и взберешься. Зыряно и его связные не раз соскальзывали и съезжали вниз под общий смех. Но смех — смехом, а каково было тем, кто начал уже штурм? Блиндажи на берегу оказались вместительными, окопы глубокими. Стены окопов выложены горбылем и досками, чтоб земля не обваливалась, и ходить по таким легче. Не нацепляешь на себя грязи в осеннюю слякотную пору. Хоть и не сплошная оборона у немцев, а крепкая. В окопах, чтоб ноги не мерзли, солома настелена, можно по колени зарыться в нее и стоять. Не думали немцы зазимовать в подмосковных полях, а пришлось, застала их русская зимушка в тонких шинелишках и сапожках. Мало того, еще и бежать пришлось из обжитых окопов. Того ли еще дождутся!

Вражеские блиндажи под тремя и четырьмя наката-

ми бревен, в таких можно и под бомбежкой сидеть, ведь ни один не разрушен, хотя и целили по ним артиллеристы. Значит, просто нервишки не выдержали у хваленых вояк, побросали они теплые укрытия, убежали в промороженное поле. Из любопытства просто спустился Зыряно в ближний к нему блиндаж, а там уже полно было его бойцов. Курят, греются. На столе плешка стеариновая горит, но света от нее мало. Может, это после снега так кажется? На некоторых белели повязки, фельдшер батальонный тут же крутился, значит, здесь расположился передовой санитарный пункт. Видя раненых, понял Зыряно, что не без сопротивления оставили гитлеровцы свои позиции.

— С победой, товарищи! — громко поздравил бойцов комбат. — Как настроение?

— Нормально, товарищ командир! — отвечали солдаты, вставая с лавок и освобождая место у стола. — Фрицы бежали без оглядки, смотрите, даже мундиры не успели на плечи набросить, выскочили в чем были. Перекурим и дальше?

— Обязательно дальше. Выбьем врага из Горохово, пойдем на Губино. Такая наша задача, и мы обязаны ее выполнить. Осилим?

— Осилить можно, только чтоб артиллерия огоньку подбрасывала...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Привык Зыряно к скудному свету, огляделся. Ох и наташили гитлеровцы барахла всякого! Тут и гражданское белье, и верхняя одежда, и пуховики деревенские, и подушки, и ряднины домотканые в полоску, которыми бабы постели накрывают, и шубы овчинные, и ведра, и чашки-ложки. Как крысы, тащили из деревни, что только могли, хапали, что попало, жрали, пили в три горла, куриными перьями весь пол застлан. Не захотелось Зыряно оставаться в затхлом блиндаже, застойный дух которого не смог заглушить крепчайший махорочный дым, вышел за порог.

— Связные, командиров рот ко мне! — приказал он, и те разбежались отыскивать своих командиров.

Пора было двигать дальше, нечего здесь засиживаться, а то враг того и гляди опомнится, все планы спутает. Понимал это хорошо Зыряно, оглядывая поле. Соседи уже поднялись, пошли, нельзя ему отставать, иначе сты-

да потом не оберешься. Появились ротные, доложили, сколько кто потерял людей. Они возбуждены первым успехом в этом большом наступлении, перебивают друг друга, спешат поведать, как дались им последние метры перед блиндажами, когда пришлось брать врага на «ура».

— Потом! Об этом потом! — с напускной строгостью оборвал их Зыряно. — Напишите донесения, укажите отличившихся! А пока — вперед. Выводите людей из окопов.

Не дожидаясь, пока ротные выведут бойцов, он пошел первым, не оглядываясь: знал, что по его примеру быстрее выйдут на поле и другие. Следом высочили бойцы ячейки управления. Стрелковые взводы сначала оказались чуть приотставшими, потом выравнились, начали обходить комбата справа и слева и оставили его позади. Теперь весь его батальон шел вровень с соседним батальоном Аникина, охватывая Горохово широким полукольцом с юго-востока. Гитлеровцы поняли, что их могут отрезать, прижать к Волге и там уничтожить. Они поспешно начали покидать деревню. Бежали беспорядочно, отстреливаясь на ходу из винтовок и ручных пулеметов.

Зыряно вошел в полуразрушенную деревню вместе с Аникиным. На радостях, словно не виделись годы, они обнялись. Задача была выполнена, укрепились надежда, что и дальше дело пойдет хорошо. Гитлеровцы опять бежали на мороз, значит, боятся, паникуют, и есть основания полагать, что и в Губино им при таком состоянии духа не удержаться. Деревня эта видна, но до нее далеко — километра три.

— Ну что, будем докладывать? — спросил Аникин.

— Надо, — отвечал Зыряно, осматриваясь. — Сейчас подадут связь, и доложим. Десятый и сам видит, что мы здесь, но без нашего сообщения не станет докладывать в дивизию, а его ж теребят. Вот только где нам обосноваться, все кругом разбито, а надо бы хоть какой-то угол...

— Здесь блиндаж рядом! — поспешил подсказать ординарец. — Шикарный блиндаж! Я уже смотрел, не иначе, как фрицы его под свой штаб отгрохали.

— Коли знаешь, води, показывай!

Под тесовым сараем и в самом деле оказался хороший благоустроенный блиндаж. Немцы покинули его поспешно, побросав чемоданы, одежду, чашки-ложки, даже мундиры парадные, висевшие на плечиках; сразу видно, что выскакивали в чем сидели, похватав лишь шинели и оружие. На столе — хаос. В беспорядке бумаги, теле-

фоны в эбонитовых коричневых и черных коробках опрокинуты, от них тянутся нити цветных проводов. Хочешь, бери трубку, вызывай, авось и до Гитлера дозвонишься: немцы — аккуратисты, соединят... Печка только-только прогорела, от нее еще тянет теплом. Но дух в блиндаже тот же — фашистский, псиной тянет, аж на душе муторно. К бревенчатым стенам приколоты журнальные картинки с полуголыми девицами и открытки. На них — с бульдожьими мордами — Гитлер и Геринг. У Гитлера глаза совсем бешеные, зная, перестарался художник, изображая волевой характер своего фюрера.

Вбежали запыхавшиеся связисты, распаренные, заиндевевшие, с почерневшими от мороза лицами, с катушками, с аппаратом. Пустые катушки они побросали у порога, а от последней, зачистив концы, подсоединили провод к телефону.

— Куда ставить? — спросил сержант.

— Давай на стол! — распорядился Зыряно. — Вызывай Десятого!

Не хотел Зыряно уступать честь первого доклада даже Аникину, хотя и уважал его за опыт и многолетнюю службу. Честолюбие не позволяло быть вторым, потому что другого такого доклада может и не состояться. Фишер выслушал Зыряно, потом спросил:

— Аникин рядом? Передай ему трубку. Это ты, Аникин? Тут есть приятная новость: тебе присвоено капитанское звание. Поздравляю и благодарю за службу. Вот со мной рядом комиссар, он тоже присоединяется. Действуй и дальше таким же образом, не роняй звания сибиряка, бей фашистов так, чтоб их в дрожь кидало от одного упоминания твоего имени...

Аникин, волнуясь, вытянулся с трубкой в руках, будто стоял перед командиром полка, а не перед телефоном:

— Служу Советскому Союзу!

— Теперь передай трубку Зыряно. Зыряно, ты все слышал, в курсе? Не огорчайся...

— Что вы, товарищ Десятый! Наоборот, я рад за товарища. Вот доживем до вечера, наркомовские сто граммов за него выпью.

— Ну-ну, знаю, что рад. Все мы — люди, все нуждаемся в добром слове, в благодарности, потому что жизнь свою ежеминутно кладем ради блага Отечества. — Это уже что-то новое, не ожидал таких слов Зыряно от Фишера. — Ну, а по совести, на душе кошки не скребут? Почему не тебя? Так вот, не думай, не обошли. Тоже представляли к званию, да не все разом получается.

Не подошло время у нашего генерала на всех сразу подписать приказ. Думаю, дело за днями. Помнишь, как раньше говорили: за богом молитва, за царем служба не пропадут... Я тобой доволен. Понял? Отсюда и делай выводы. А теперь двигайте своих дальше. В деревне не задерживайтесь, не позволяйте людям расхолаживаться. Чтоб к вечеру Губино было наше. Связь держите, информируйте, а то нас трясут, сверху требуют, что да как...

— Есть! Понял! Будет исполнено, товарищ Десятый! — отвечал Зырянка, довольный тем, что командир полка не обошел вниманием и его. А звание? Потерпит. Раз уверяет, что представили, так будет и звание. Горелов помнит его в лицо еще с тех пор, как вели бой за Курково, Толутино. Когда выходили из-за Волги, батальон прикрывал отход главных сил, шел последним, сдерживая наседавших гитлеровцев. На переправе, под берегом, стояли Горелов и Шмелев, контролировали прохождение подразделений. Завидев Зырянку, Горелов закричал: «Зырянка, скорей! Выводи своих скорей!» Значит, знает. Еще бойцы батальона грохотали ботинками по настилу моста у хвостовского берега, когда на другом конце раздался взрыв и понтон взлетел на воздух. Течение начало разворачивать мост: короткое плечо прибило к вражескому берегу, а длинное — к Хвастово. Гитлеровцы осыпали пулями переправу.

А зависти к Аникину у Зырянка и в самом деле не было. Тот уже комбат со стажем, а у него и двух месяцев нету, как он на комбатовской должности. К тому же Аникин старше на семь лет. Конечно, в первый момент, когда услышал о присвоении звания Аникину, вроде кольнуло в сердце; тут Фишер правильно сказал, что каждому хочется быть на виду, а не сзади. Но жаловаться на судьбу Зырянка вовсе не следовало. От сохи и плуга, малограмотного, его призвали в армию и послали учиться в полковую школу. Учиться ему всегда хотелось, но не удавалось, и тут он начал быстро наверстывать упущенное в детстве. Из полковой школы его направили на курсы младших лейтенантов. С курсов снова в полковую школу, но уже командиром взвода. Зырянка старался, и осенью его взвод занял первое место. И следом, как награда: его назначили начальником такой же школы в полк Фишера. Какая тут может быть зависть, если за два года прошел он путь от командира взвода до батальонного!

Позвонил Бородин:

— Где вы пропали? Почему не докладываете? — закричал он, но, услышав четкий голос Зырянка, тут же

сбросил пары. — Так можно сообщить, что Горохово наше? Это надежно? Не подведете? А то не успеешь доложить, как вы переиграете, а мне голову снимут за ложную информацию. Но телефон телефоном, а мне давайте письменное донесение, немедленно...

Было уже за полдень, но о еде никто не думал. Бойцы имели сухари — сухой паек на весь день, к тому же многие разжились трофейными продуктами — у гитлеровцев имелись запасы награбленного. Когда батальоны вышли из деревни, солнце клонилось к закату. Оно и в середине дня не поднималось высоко, а теперь и вовсе жалось к земле. Размытое, тускло-красное, оно с каждой минутой разбухало и росло в размерах.

Слева доносилась частая перестрелка. Батальон из полка Сидорчука вел бой за Прибыtkово. Взять с ходу эту деревню Сидорчуку не удалось, она находилась далеко за Волгой, противник встретил наступающих огнем, цепи залегли. Мало того, их обстреливали и во фланг со стороны Эммауса, где противник тоже удержался. За Прибыtkово шел затяжной бой. До ночи нечего было и думать поднять пехоту в атаку. Пули оттуда посвистывали и над теми, кто вышел из Горохово.

По наступающим вели огонь из Губино. Мины с визгом летели оттуда, рвались на снежном поле. Глубокий снег гасил низко разлетающиеся осколки, и это уменьшало потери. Отдельные мины и вовсе не взрывались. Ударившись, они отскакивали от мерзлой земли, кувыркались и затихали в снегу. Их обходили стороной: черт ее знает, возьмет и рванет в самый последний момент, и поминай, что Филькой звали!..

— Смотри, не рвутся, — сказал Аникин, когда мина ахнула и зарылась в снегу. — Видно, песочку подсыпали вместо взрывчатки. Значит, не все благоволят к Гитлеру, хоть и подмял он под себя всю Европу.

— Черт ему рад! — отозвался Зыряно. — Рабочую солидарность ничем не задавишь, не перекупишь. Возьми тех же французов или чехов. Они еще свое слово скажут, вот попомнишь, насыпят Гитлеру соли на хвост.

— Побольше бы таких снарядов и мин, так и нам легче было бы...

— Особо на это не полагайся...

За Губино разгорелся скоротечный огневой бой. В сумерках светляками брызгали от темных изб пулеметные очереди, прижимали к снежной целине. Зловеще, как-то враз, будто плеснули бензином, вспыхнули окраинные дома и сарай, и пламя пожаров, по-вечернему страшное,

ярко и кроваво высветило окрестные снега, каждый бугорок из них. Казалось, что день давно кончился, что стоит ночная черная темень, хотя день был только-только на исходе. Бойцы злились, они рвались к теплу, а фрицы держались, надеясь еще на что-то.

Надо было как-то сразу и решительно поддержать пехоту, и Зыряно приказал своему минометчику дать залп по деревне. Тот было заартачился:

— Что мы, одни наступаем? Пусть аникинцы открывают огонь, а тогда и мы. У меня мин по десятку на ствол, я их выпущу за здорово живешь, а там бери минометную трубу да отбивайся ею, как дубинкой!

— Не надо митинговать. Будут мины.

— Откуда? Уже посылал на склад, говорят, нет ничего, хоть шаром покати. Потом, без мин, что я буду делать?

— Потом, потом... — Зыряно начинал раздражаться. — Не возьмем с ходу Губино, все в атаку пойдем, со штыками. Вот тогда и запоешь про свое «потом».

— Десяток, это на полминуты огня, — все еще не сдавался минометчик. — Будет ли от этого прок...

— Будет! А нет, так сам пойдешь в атаку. Действуй!

Командир минометной роты метнулся к своим. Рота хоть и шла немного позади от пехоты, но, когда стрелки залегли, подтянулась вплотную. Нашлась неглубокая лощина, разгребли там снег, поставили минометы. Запас мин, правда, был невелик, и ящики с ними успели подтащить на волокушах к позициям. Зыряно хоть и строжился, а минометчиком был доволен и ни за что своей волей не послал бы его в атаку со штыком. Скорее сам повел бы людей, а Синцова поберег, потому что на войне, как на производстве, каждый должен выполнять свое. Нет сегодня мин, будут завтра, а угробишь специалиста, вовсе окажешься на мели. Синцов — толковый командир. Еще в октябре, в боях за Дудкино, он здорово поддерживал батальон, не одну сотню гитлеровцев уложил в противотанковом рву, куда они понабились, ища укрытия от пулеметов.

Лощина едва-едва укрывала людей, и все-таки она спасала от пуль. Синцов развернулся быстро, деревня была на виду, данные на огонь подготовить — пустяк для опытного командира. Налет был интенсивный, но скоротечный, казалось, что первые мины еще не достигли цели, и все — расчеты уже отстрелялись. Мин не было. «Только бы пехота не мешкала», — беспокоился думал Синцов. От нетерпения он выскочил из лощины посмотреть, что

и как. Вдруг неудача? Тогда комбат и в самом деле заставит идти в атаку. Знал Синцов характер Зырянко, он у него покруче, чем у покойного Иванова. Но, к радости минометчика, пехота не дремала. Измерзшиеся, уставшие бойцы рванули в атаку с такой яростью, что враг не выдержал и поспешил убратся. Синцов не мог видеть, что делалось в самой деревне, но окраина была в руках наступающих, и бой откатывался куда-то дальше.

К Зырянко подошел Аникин:

— Ну что, пошли и мы?

— Пора, — согласился комбат. — Надо сразу же выставить силы. Вдруг противник вздумает контратаковать. Меня беспокоит стрельба у села Прибыtkово, как бы нам не оказаться в мешке. Дело-то к ночи...

— Зайдем круговую оборону, ты с одной стороны деревни, я с другой. Не ночевать же нам в снегу, когда деревня взята. В избе и обороняться легче, — пошутил Аникин.

Пылали окраинные дома. Зажгли их гитлеровцы, чтоб осветило наступающих, чтоб стрелять можно было прицельно, но не пошло это им впрок. Взвизываясь, пламя лизало черные бревенчатые стены, решетку крыши, уже оголенную от щепы и соломы, с гудением и треском рвалось в небо, завиваясь там в тугие узлы. На кровавом от проблесков яркого пламени снегу валялся изорванный осколками гитлеровец, опоясанный по мундиру пулеметными лентами. Каска с головы откатилась, и втягиваемый пожарищем воздух шевелил его длинные рыжеватые волосы. Немецкий пулемет подобрал кто-то из наших бойцов.

Ветра не было, поэтому не приходилось опасаться, что пожаром слизнет весь деревенский ряд. Комбаты остановились возле большого дома с высоким крылечком, украшенным резьбой и точеными балясинами.

— Знаешь, — сказал Зырянко Аникину, — даже не верится, что взяли Губино. Утром я и загадывать боялся, а когда залегли, думал, что и заночуем перед деревней. А вот, взяли. Сейчас доложим начальству да ужин сообразим. Горяченького чего бы... и по сто граммов за твое звание. Эх, сейчас бы везде так вот дать хорошенько фрицу под зад, чтоб и думать забыл про Москву.

— А что ж, может, уже и дали, — отозвался Аникин. — Если б только одни мы наступали, тут знаешь, что творилось бы — головы не поднять. На нас напустили бы не только пехоту, артиллерию, но и танки, авиацию. Сил у Гитлера еще много, да, видно, не может он

ими маневрировать, прижаты везде, а не только на нашем фронте. Главное, чтоб все это не напрасно, чтоб не ради одной-двух деревушек гибнуть, если уж такое и случится. Ты меня понимаешь?

— Рядом идем. Чего ж тут не понять. Я сам все время об этом думаю.

Они стояли на крыльце, и свет близкого пожарища плясал на их лицах, выстуженных до лимонной желтизны. Не знали они, что в этот день перешел в наступление весь Западный фронт, что главное происходит там, а здесь, на Калининском, лишь вспомогательные действия, что стоят они на пороге второго этапа величайшего сражения — Московской битвы, что повсюду гитлеровские армии повернуты вспять, что весть об этом сражении всколыхнет весь советский народ, и люди, измученные, истрадававшиеся, увидят, как будут разгромлены оккупанты, возмнившие себя непобедимыми.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О том, что начало декабря ознаменуется большим контрнаступлением на Московском направлении, заранее не знал и генерал Горелов. Готовилось оно хоть и быстро, однако тщательно и скрытно. Части, отступавшие с Можайской линии обороны, измотанные полуторамесячными непрерывными боями, не получали передышки. На счету был каждый солдат, а враг атаковал, рвался к Москве. Подкрепления же давали скупое, вводили какую-нибудь новую часть только туда, где оборона была особенно слабой. На просьбы о пополнении отвечали: умело используйте то, чем располагаете! Лучше организуйте бой! Гитлеровцы, конечно, знали об этом, разведка у них работала, они считали, что у русских резервы исчерпаны. Еще один рывок, натиск посильнее, и наступит момент, когда откроется долгожданный оперативный простор, которого жаждет каждый военачальник: иди маршем, а все живое, подавленное психологически, будет разбегаться по сторонам либо сдаваться. Они ждали: вот собьют русских еще с одного рубежа, и те покатятся, открывая дорогу на Москву.

Но не знали они, не могли знать о том, что из глубокого тыла на всех, что называется, парах спешат к фронту сибирские и дальневосточные дивизии, что наступит час, и Западный фронт, только что отражавший вражеские атаки, без передышки нанесет контрудар небывалой силы, что сибиряки, закопченные за дальнюю дорогу

паровозной гарью и дымом печек-«буржук», прямо из вагонов ринутся в бой. Как и предполагалось, отсутствие оперативной паузы между периодом обороны и наступлением, обязательной в истории прежних войн, и сбило с толку гитлеровское командование.

О возможности нашего контрнаступления гитлеровцы и думать не хотели: откуда Советы возьмут силы, чтобы опрокинуть и отбросить миллионную армию? Это было столь же необычно, выбивалось из общих представлений, как и парад на Красной площади в день годовщины Октября. Гитлеровцы уже находились под стенами Москвы, и кто мог подумать, что там устроят парад! Но он состоялся. Непостижимо! А войска прямо с парада проследовали на передовую и уплотнили боевые порядки. Декабрьское наступление явилось такой же неожиданностью. Русские радовались, а гитлеровцы долго не знали, что предпринять.

Горелов, хотя и готовился к наступлению, но не думал, что оно примет такой широкий размах. Все же их фронт — всего-навсего отвлекающий. Может обернуться так, думал он, что противник подбросит войска с неагатованных участков и тогда не миновать затяжного кровопролитного боя. Поэтому все время надо смотреть в оба, чтоб не зарваться. Но эти опасения и оглядка на соседей таились у него в душе, заставляли быть предельно осторожным, а вслух такими мыслями он не делился ни с кем, даже с комиссаром Шмелевым, хотя всегда был с ним откровенен. Наконец-то обрисовалось положение частей. У Фишера, на главном направлении, дела шли неплохо, он взял Губино, вклинившись более чем на три километра в глубину вражеской обороны. А у других было хуже. Сидорчук сообщил, что его батальон обошел Прибыtkовo, но деревня оставалась еще у врага и выбить его оттуда пока не удавалось.

— Ты вот что, — наставлял комдив Сидорчука, — не задерживай своих у этой деревни, попробуй жимануть дальше, в глубину. Тут надо учитывать психологический фактор. Вот посмотришь, противник не выдержит, сам оставит это Прибыtkовo.

— Рискованно. Могут отрезать. С соседом нет ни локтевой, ни огневой связи. Может, мне держаться ближе к Губино? Людям нужен отдых...

— Про это забудь. Подкрепи горячей пищей, а отводить не думай. Ни на шаг. Иначе завтра будешь начинать все сначала. Противник не дурак, сразу воспользуется отходом. Ты погоди, мы тут посоветуемся....

Комиссара искать не пришлось, он неотлучно находился на командном пункте, чтобы знать обстановку из первых рук, чтоб какое-либо важное решение не было принято без его ведома. Случись такое, он считал бы, что это прямо направлено на подрыв его авторитета. Кто он, как не зоркое око партии? Он отвечает за дивизию не меньше Горелова. Как же он оставит его хоть на час? Если бы еще характер у Горелова был более уравновешенный, не столь взрывной. В свое время Шмелев потратил немало усилий, чтоб ввести в нормальное русло взаимоотношения командира дивизии с командирами частей, чтоб укрепить его авторитет. Из-за постоянных конфликтов Горелов был издерган и на первых порах недоверчиво относился к комиссару, все ждал подвоха. А Шмелев первым и главным своим шагом считал укрепление авторитета командира. В свое время он служил в Чапаевской дивизии, правда, недолго, оставил ее по ранению, но все равно следил за каждым ее шагом и считал за идеал, за эталон комиссара — Фурманова. Возможно, в какой-то степени на него повлияли и роман о Чапаеве, и фильм, восторженно встреченный народом. Как бы там ни было, а за два года они с Гореловым притерлись друг к другу настолько, что стали необходимы один другому и не мыслили работы иначе, как в паре.

Итоги боя не радовали комиссара. Лишь один полк выполнил задачу дня. Теперь надо смотреть, чтоб Горелов в этой сложной обстановке не погорячился, не отдал какого-либо опрометчивого приказа. А для помощи есть политотдел, можно всех послать в войска, да и сам он нажмет на рычаги.

Шмелев слушал телефонный разговор Горелова и уже прикинул, что для уверенности, на случай, если сдадут у комбата Турова нервы, надо послать туда комиссара из полка Сидорчука Матвеева. Пусть обеспечит выполнение боевой задачи, подстегнет кого надо.

Батальон и в самом деле был в опасном положении, а комбат Туров, хотя проверенный в боях за Волгой, но еще не набравший опыта. Комиссар окажет ему помощь, при нем будет надлежащий порядок. Матвеева Шмелев знал давно, еще по боям за Перекоп в гражданскую, как стойкого коммуниста.

Но Горелов вдруг повел речь несколько в ином плане: — Как смотришь, если на помощь этому батальону послать Аникина? Чего им вдвоем с Зырянко делать в Губино? Оставить деревню без прикрытия мы не можем, поскольку у наших соседей и справа и слева дела неваж-

нецкие. Вдруг противник надумает контратаковать нас со стороны города? Зырянка займет оборону, будет заслоном справа, а Аникин с Туровым пусть прорываются к железной дороге. Не усидят гитлеровцы, если почувствуют, что их обходят большими силами, оставят Прибыtkовo. Вдвоем они будут действовать увереннее, да и надежнее это, меньше риска. Для верности я свой резерв передвину в Горохово, чтоб был на подхвате...

— Пожалуй! — Шмелев успел внести поправку в свое первоначальное решение: Матвееву полномочия надо расширить. Не беда, что аникинцы из другого полка. Задача общая, вот и пусть комиссар осуществляет партийное руководство объединенным отрядом. — Думаю, что такой шаг правилен. Пошлем туда к ним и Матвеева, нечего ему рядом с командиром сидеть в стороне, пусть осуществляет контроль за комбатами, подталкивает их на решительные действия.

— Договорились! — кивнул Горелов и взялся за телефон: — Сидорчук? Так вот, мы тут решили: направляем к Турову еще одно такое же хозяйство от соседа, и пусть действуют в контакте. Задача общая: жать вперед и, если все пойдет хорошо, оседлать железную дорогу Калинин—Москва. Для врага потеря такой важной коммуникации будет чувствительным ударом. Понял? А теперь передай трубку Матвееву — Шмелев просит...

Горелов пока весьма скупο мог порадовать командующего армией хорошей информацией. Взяли Губино, один батальон обошел Прибыtkовo и углубился в лес... Этого мало, и еще неизвестно, чем эта операция кончится, какие результаты принесет. Задумка — одно, а на деле? У комполка Афoнина дела совсем плохие. Он на левом фланге залег перед Эммаусом. Прижал его противник пулеметным огнем, не дает подняться. Разве только ночью удастся поправить положение...

Горелов знал, что командующий не в духе. Накричал на начальника штаба полка Бородина, когда тот не смог определенно сказать, взято Губино или нет. Конечно, можно понять и разделить возмущение командующего: дать армейскую связь в полк и не знать обстановки! Велика у него власть, но и спрос не малый. В любой момент может по ВЧ позвонить Верховный, с ним разговор короткий: не знаешь, передай управление другому! Ведь его армия на главном направлении в масштабах фронта, а на острие клина дивизия Горелова. Успеха нет ни справа, ни слева, а там, где и наметился успех, и то не могут доложить толком. Если б знал Горелов, что у соседей не про-

сто нет продвижения! Хуже! Дивизии форсировали Волгу и едва удерживаются на кромке берега. Авиация бомбит переправы, взломала лед, ночью предстояло наводить понтонные мосты, а это дело канительное, задержит надолго войска. Очень неподходящий момент для доклада командующему, но никуда не денешься, надо давать исчерпывающую информацию. И Горелов скрепя сердце взялся за телефон...

Ночью бой затих повсюду. Горелов распорядился, чтоб Аникин не медля ни минуты вел батальон на соединение с Туровым. Комбату Зырянку пришлось срочно переставлять своих людей, чтобы в случае чего одному оборонять Губино. Среди ночи и Горелова подняли: оперативник доложил, что полк Афонина без приказа оставил позиции и отошел за Волгу на исходное положение. Это было уже слишком!

— Надо разобраться, кто разрешил без приказа отойти, и примерно наказать! — негодовал Горелов. — Пошли в полк политотдельцев, чтобы к утру имелась исчерпывающая информация, — говорил он Шмелеву, нервно расхаживая по избе. Черная тень металась за ним по стенам, уродливо повторяя его движения и усиливая тревожность ночи. — Мы должны пресечь самовольство в корне...

К Афонину срочно выехали работники политотдела. Случай был из ряда вон выходящий, оставить без надлежащих выводов никак нельзя. Перед утром посланные вернулись. Никакого самовольства не было. За Волгу отошли организованно, по приказу командира полка, отдыхать. Не морозить же людей до утра на снегу! Какие они будут после этого бойцы!

Но с этой логикой командира полка не мог согласиться Горелов.

— Тут что — игра? Достиг рубежа, застолбил и завтра выходи туда беспрепятственно? — возмутился он. — Что, противник будет спокойно смотреть, как они утром потянутся с исходного? Нет, ты видал такого умника!

Комиссар только пожал плечами. Он и сам был возмущен. Они бьют тревогу, не знают, что и думать, а там все просто: устали, бросили позиции и подались за Волгу отдыхать. Какие еще коники выбросят эти бывшие пограничники?!

Но высказывать это он не спешит; подражая Верховному, старался быть немногословным, чтоб слово не теряло веса. Известно, что лучший язык — тщательно сдерживаемый, лучшая речь — тщательно обдуманная. Горелов

лов горячится, это в его характере — накричать сначала, потом одуматься. Из-за этой его черты у него и нелады возникали не раз с командирами частей: на шумит, наговорит обидных слов, а Шмелев потом улаживает самолюбивых, жми на их партийную совесть, чтобы повиновались старшему, чтобы о службе думали.

«Пусть Горелов выпустит пар, — думал Шмелев, — потом сговорчивей станет. Быстрее прислушается к разумным доводам».

С первого дня, как в октябре появился этот полк, переброшенный с оборонительных работ, они с Гореловым как-то душой не приняли его в число своих. Не мог он заменить полка, ушедшего летом на другое направление. Не приняли, не познакомились с новой частью, а сразу, прямо с марша, бросили ее в контратаки отбивать Дудкино, полагая, что в бою новички яснее проявят себя. Лишь потом, через пять дней, когда дивизия оставила укрепления и отходила к Ржеву, начали считать, что осталось в полку, да многих не досчитались. Предстояло найти замену погибшему командиру. Поскольку полк остался в малом числе, назначили Афонина, хотя не были в нем уверены. Молод, только из академии, боевого опыта не имеет. Словом, распорядились они с Гореловым новой частью, как с чужими, строго официально, хотя и не нарушив Устава, но без теплоты, искренней заинтересованности. Был такой грех... В полку это отношение неприятия чувствовали, вот и сделали, как нашли лучшим — отвели из боя людей на отдых, полагая, что если сами о себе не побеспокоятся, то в дивизии за них ни у кого душа не заболит.

Теперь надо было ставить командира полка и комиссара на место, чтоб не забывались и самовольства не допускали. Вспоминая нелегкий путь к своему нынешнему положению — четверть века службы! — Шмелев считал, что Афонину преждевременно досталась должность командира полка. «Потянул бы сначала лямку лет десять — пятнадцать, а то ведь пришел на готовенькое, ничем не подтвердив, что справится с такой ношей. Для молодежи теперь все просто — ей дай, а с нее не спрашивай! Нет, дорогой, сумел высоко залететь, умей и ответ держать». Так рассуждал Шмелев, не решив окончательно, добиваться ли отстранения Афонина или еще повременить. Наказать нехитро, а как это потом обернется для дивизии?

— Больше выдержки, — сказал Шмелев Горелову. — Мы — хозяева положения, от нас зависит, наказать кого

или оставить без внимания. Тут лишние слова ни к чему. К Афонину следует принять меры... — И решение пришло само собой: повременить! — Хорошо пропесочить в приказе, довести до сведения остальных, и — главное! — заострить внимание на том, чтобы с завоеванных позиций никто ни на шаг, ни под каким предлогом не мог отойти!

— Ну, Афонин! — никак не мог успокоиться Горелов. — Он у меня еще попляшет! Я ему припомню!

Приказ написали немедленно, самый строгий, не забыли и про то, что некоторые командиры, оправдывая неудачу, задержку, старались преувеличить силу противника, чем невольно вводили в заблуждение и его, командира дивизии. Афонину и комиссару полка закатали по «строга-чу». Пока приказ оформляли, Горелов успел переговорить с Афонинным по телефону — связь наладили! — разбранил его за самовольство и потребовал:

— Немедленно выводите людей и организуйте атаку на Эммаус! Пока совсем не рассвело — поторапливайтесь!

Так начался новый — второй — день наступления.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Крутов пришел на берег Волги вместе с Морозовым. Старший лейтенант сразу принялся звонить в подразделения, проверять их готовность. У него было множество неотложных дел: проконтролировать, вышел ли Туров со своим батальоном на исходные, в курсе ли своих задач другой комбат — резервный, укрыты ли люди от возможного огня?

Сержант вертелся вблизи наблюдательного пункта, чтобы не пропустить ничего. Когда придет время составлять сводку, он быстренько все напишет, и Морозову останется только подмахнуть ее, не отвлекаясь от выполнения других дел.

В девять началась артподготовка. Орудийный гул прямо-таки потряс Крутова своей зловещей силой. Кажалось, что под таким огнем ничто не уцелеет и враг будет сметен с лица земли — такой этот огонь был непривычно густой и грозный. Сержант жадно всматривался, как пляшут разрывы на вражеском берегу, но скоро оставил это занятие. Мороз пробрал его до костей, надо было двигаться, а не стоять на месте. Он кинулся было к будке командира полка, она стояла в низине за бугром, но заходить туда все же не решился — там место лишь для трех человек, четвертому надо стоять, согнувшись

у порога. Из будки доносились громкие телефонные разговоры, в суть которых Крутов не вникал. Потоптался, повертелся он под соснами, откуда сначала многие наблюдали за развитием боя, но заметил, что скоро никого не осталось тут. Холод всех поразогнал. И Морозов, с которым он пришел сюда, исчез куда-то.

Крутов видел, как пошли через Волгу в наступление батальоны, как пехота на той стороне скрылась в окопах и блиндажах. Бой потерял свою громогласность, потому что артиллерия замолчала, а пулеметные и винтовочные выстрелы едва пробивались через морозную мглу. «Податься в штаб? Доложу Лузгину, как пехота шла через Волгу», — решил Крутов. Признаться, это был только предлог, чтобы сбегать в Савватьево, а по пути разогреться. В штабе можно будет и приятелям рассказать, как проходил бой, а то они оттуда ничего не видели, а ведь интересно им будет знать...

Он припустил в Савватьево. На этот раз дорога была запружена незнакомым людям. Батарей, ранее скрытые маскировкой, теперь стояли на виду, возле них громоздились горы беспорядочно разбросанных пустых ящиков.

В Савватьево, в знакомом доме, штаба не оказалось, его куда-то потеснили наводнившие деревню военные. Спрашивать было бесполезно. В такой сутолоке никто ничего не скажет, даже можешь нарваться на неприятность. Начнут допытываться, кто ты, откуда и зачем тебе штаб.

Крутов подался снова к передовой. Будка командира полка все так же стояла в низине. Сержант подождал, не выйдет ли оттуда Морозов, но старший лейтенант, видимо, был в каком-то из батальонов. А время между тем давно перевалило за послеобеденное. Хорошо, что в кармане оказались сухари, взятые на всякий случай. Еще дорогой Крутов сгрыз парочку и сейчас снова полез в карман. Он топтался возле будки и увидел, как неподалеку из снежной норы выбрался знакомый связист — Воронин. Связист долго сморкался, откашливался.

— Вы что, отопление установили в своей берлоге? — спросил Крутов.

— Хотели костерчик маленький развести, чтоб обогреться, — отвечал Воронин, — но дым, зараза, не тянет к выходу, дышать не дает и глаза ест. Сам-то откуда сейчас, из Горохово?

— Нет. А что, Горохово уже взято?

— Командир полка говорил с соседом, тот утверждает, что взято.

Воронин небольшого роста, черен, как жук. Он лет на

пять старше Крутова, окончил институт. Призвали его, как и Крутова, осенью тридцать девятого года. Они даже ехали в одной теплушке и познакомились, столкнувшись нос к носу на нижних нарах вагона. Дружбы особой между ними не завелось, но Крутов всегда с большим удовольствием слушал рассказы своего старшего товарища. Воронин был коммунистом и однажды здорово поддерживал Крутова, выступив в его защиту на комсомольском собрании роты. Но об этом вспоминать сейчас не хотелось. Это был мальчишеский заскок. Сорвался на ссору с командиром отделения. И если Воронин тогда его поддерживал, так, наверное, просто авансом, полагая, что молодой и глупый когда-то поумнеет и пригодится. Так и случилось: Крутов уже младший командир, не последний человек в штабе полка.

— Знаешь, — сказал, по-прежнему отплевываясь, Воронин, — надо бы сходить в Горохово, там у немцев какой-то вроде штаб был, должны быть трофейные аппараты. Нам бы онигодились, да вот нельзя отлучиться ни на шаг. Наши славяне и шамовкой уже там разжились. Может, ты сбегал бы, а? Командир полка когда еще надумает в Горохово переходить, а мы-то к нему пристегнуты, сам понимаешь...

Да, Горохово было нашим. Крутов выскочил на бугор посмотреть и увидел через Волгу дорогу уже накатанную, утоптанную. По ней в деревню военный народ гужом валил.

— Говорят, в Горохово был штаб немецкого полка, — продолжал Воронин, полагая, что Крутов колеблется и не решается туда идти.

— А я вот бегал в Савватьево, но нашего штаба там не оказалось. Вдруг Лузгину потребуюсь или еще кому...

— Чудак! Меня бы спросил. Они же давно в лес перешли, по телефонному кабелю в момент нашел бы их. Да зачем тебе штаб? Никто про тебя и не заикался, честно! В лесу сейчас не до бумаг, вся информация на телефонах держится. Может, в Горохово штаб перейдет, прикнется в каком доме, тогда и тебе дело найдется. Но об этом пока разговору не было. Чего тебе тут мерзнуть без толку?! А в Горохово...

— Если штаб там был немецкий, — размышлял вслух Крутов, — так должна быть и бумага. Хорошо бы разжиться, а то пишем донесения на паршивой оберточной. Пожалуй, посмотрю! — решил он.

— Главное, телефоны поищи, — наставлял Воронин. — Исправный, неисправный — тащи, мы тут разберемся. Ты

думаешь, почему мы этот костер затаежи разводить? Микрофон на холоде обмерзает, отказывает, а в немецких аппаратах как-то не так устроен, или состав порошка другой...

— Ерунда, они стараются в тепле отсиживаться, вот и телефон исправно работает, а выгони их на мороз — и ихний откажет!

— Черт его знает, чтоб сказать наверняка, надо знать. Вот притащишь, мы и посмотрим.

— Ладно, увижу, принесу! — пообещал Крутов.

Когда он шел через Волгу, было немного жутковато. Разбитая снарядами деревня, ее прибрежные строения смотрели на Крутова прищуренными глазами амбразур. Так и казалось, что вот-вот оттуда стеганет пулеметная очередь. Но он благополучно перешел на правый берег, поднялся по кособокому. Снег, порывевший от кирпичной пыли, устлан щепой и соломой, сорванной с крыш, в окнах домов ни единого целого стеклышка, в стенах рваные проломы, двери сорваны. Сержант заглянул в подполье одного такого строения, там было полным полно людей. Бойцы лежали на картофельном ворохе, многие спали, зарывшись лицами в воротники шинелей и полушубков. Едва рассеивая черную тьму слабым язычком пламени, дымил телефонный провод.

Надо было все же отыскать штаб, о котором говорил Воронин, и Крутов пошел по деревенской улице, заглядывая в разбитые окна. Отовсюду веяло холодом, неуютно стало от покинутости жилья, от разграбленности и разорения.

Вечерело. Сгущались сумерки. В той стороне, где шел бой, занялась огнем деревня, и зарево высветило край неба, словно подперло черный полог темени. Надо было устраиваться на ночлег. Крутов вернулся в знакомое подполье, втиснулся меж другими и привалился плечом к стенке. Промерзшие, уставшие люди устроились как могли. Кто дремал, кто курил, высвечивая красным огоньком самокрутки тенета, свисавшие с потолка подполья, кто вполголоса переговаривался с соседом. Свист крупного снаряда заставил всех прислушаться и на мгновение примолкнуть. Взрывом тряхнуло избу, значит, рвануло где-то неподалеку.

— По переправе бьет, не иначе, — промолвил сосед Крутова. — Тяжелыми, стопятидесятимиллиметровыми. Этот саданет, только бревнышки покатаются...

Он мог бы и не говорить этих слов, они у каждого были на уме. Минуты через три-четыре послышался новый

свист и прогремел близкий разрыв. Ударило так, что земля содрогнулась. Может, пришелся снаряд по какой-то избе...

— Дальнобойная... Немец — аккуратист, минута в минуту пулять будет, не даст уснуть...

— Заткнись, ты — знаток! — оборвали голос, и сразу гул возмущения прошел по всему подполью: — Тебе что, по телефону передали?

— За одним столом с Гитлером лаптем щи хлебал...

— Тут и так тошно, а он еще подъелдыкивает! За-раза!

И все-таки прав оказался сосед Крутова. Не унимался обстрел. Один снаряд падал где-то на огороде или на лед Волги, а другой тянул «песню» дальше, летел выше, чтоб грохнуть в лесу, где стояли близ дороги батареи дивизии. «А вот ты сиди и гадай, который придется по тебе, — подумал Крутов. — Может быть, этот свист и есть последнее, что ты ощущаешь, и в следующий миг тебя не станет. Хорошо бы уснуть, чтоб ничего не слышать, не знать». Конечно, так было бы легче, чем ждать беды и мотать себе душу. Но сон не приходил. Крутов выбрался из подполья. На улице лунный свет заливал снега, хоть читай. От этого мертвенно-зеленоватого света дома казались черными, будто обугленными, а сама деревня страшной, как кладбище. Не было слышно собачьего лая, людских голосов, словно все тут вымерло. Очередной снаряд заставил Крутова прижаться к стене дома. Блеснул, разбрасывая красные искры, разрыв. Черный всплеск дыма вымахнул на огороде метрах в двухстах. Прошуршал крупный осколок и глухо стукнулся о стену.

Крутов, от дома, к дому, прокрался пустой деревней к берегу. На белом полотнище реки зияли большие черные полыньи, от них шел пар.

Противник, не жалея тяжелых снарядов, бил методично по ледовой переправе, по деревне. И нечем было унять эту батарею, нечем! Иначе наши артиллеристы постарались бы ее разгромить. Увы, она стояла далеко, за пределами досягаемости полковых и дивизионных пушек.

Ночью в деревню вошла и стала на позицию у окраинного дома дивизионная батарея семидесятишестимиллиметровых орудий. Рядом с пушками, в доме, батарейцы завесили окна тряпьем, затопили печку. Из трубы, из щелей потянулся дым. Крутов заглянул к «новоелам», думал найти кого-нибудь своих, но знакомых не оказалось.

Утро, как и прошлое, было морозным, с синеватой дымкой. Деревня почти не подавала признаков жизни. Лишь в избе, занятой артиллеристами, варили еду, но не на домашней печке, а на своей — самодельной, изготовленной из железной бочки. От нее быстро нагревалось помещение. Жестяную трубу подсоединили к русской печи, но дым туда тянуло плохо, он расплзался по всей избе и потом улетучивался через разбитые окна.

«Хорошо бы сейчас горячей картошки в мундирах, и чтоб макать ее в крупную соль», — думал Крутов, вспомнив, что у артиллеристов варилась в ведре именно картошка. При одной мысли о еде сразу засосало под ложечкой. Он пошарил в карманах полушубка, отыскал сухарь и принялся грызть его на ходу. Конечно, можно было попросить пушкарей, чтоб они выделили пару картох, но совестно было просить. Сразу скажут: «А почему не идешь к своей кухне?» Что на это ответишь? А может, и не спросили бы?

Верховодил артиллеристами лейтенант-грузин. Крутов его помнил еще с лагерей сорокового года. Тогда пехотинцы и артиллеристы стояли лагерями рядом и часто вместе проводили вечера. Там Миша Галаквади, так звали лейтенанта, обычно танцевал с грузинкой — женой начальника штаба полка. Самодеятельность в лагерях была поставлена на широкую ногу, чуть не каждое воскресенье — концерт. С тех пор прошло полтора года, лейтенант об этом, может, и думать забыл, а Крутов только взглянул на него — и вспомнил. Здорово лезгинка получалась у лейтенанта! Фигурой он был тогда тонок, жилист, усики черные в ниточку, глаза большие и выразительные. Кем он теперь — командиром взвода или батареи, Крутов не знал. «Может, и в самом деле вернуться? — размышлял он. — Разговориться, а там сами догадаются, пригласят!» Но вот навязаться человеку в знакомые Крутов как раз и не мог. Другое дело, если б лейтенант признал его сам! Надо все же искать своих... В Горохово тянутся и тянутся новые люди, глядишь, и штаб подойдет...

Конечно, за время войны лейтенант Галаквади возмужал. Прибавилось у него опыта, за плечами остались трудные осенние бои.

Правда, в артиллерии не то что в пехоте, с орудиями в атаку не ходят, но и здесь бывают моменты, при одном воспоминании о которых холодным потом прошибает. Осенью их дивизион вышел из-за Волги и стал в оборону. Поспешно стал, не зная толком, где пехота и хорошо ли она прикрывает боевые порядки артиллеристов. Гитле-

ровцы нащупали переправу — брод и пробрались на левый берег. Увидев врага у себя чуть ли не за спиной, пехота отступила и оголила огневые позиции дивизиона. Отходить пришлось тогда под автоматным огнем. В суматохе оставили два орудия — лошадей перебило, не на чем было их вытаскивать.

Горелов и Шмелев, узнав об этом, такого холоду нагнали на командира дивизиона капитана Блинова, что тот готов был собственноручно отбивать эти пушки. Вытащить орудия, а утром доложить! Иначе не сносить головы! На похвалу начальство скупое, а на угрозы щедро.

Блинов мигом собрал отряд — чуть не всех батарейцев, а ночью нагрянули на фрицев. Возле орудий загорелась кровавая схватка — немцы в штыки, а наши за лопаты. Саперной лопатой, если умеючи, так ловчей, чем штыком, можно действовать. Врукопашную дрались, мордобоем порой, а все же свои орудия отбили, вытащили...

Да, случалось кое-что. Спроси любого бывалого батарейца, он тебе эпизоды и похлеще вспомнит.

Батарея, в которой заместителем командира лейтенант Галаквади, первой в полку вышла на правый берег Волги, чтобы вести огонь прямой наводкой. Он лично не одобрял этого решения, но таков был приказ командира полка: стать в Горохово, поддерживать пехоту. Значит, надо быть в постоянной готовности.

...В ведре доваривалась картошка в мундирах, чистить ее было некогда, с минуты на минуту могли скомандовать «к орудиям!», тогда и такой, в мундирах, поесть не успеешь. Миша с нетерпением ждал, когда «кашевар» позовет «к столу». Хорошо бы к этому времени подоспел и старшина да принес фронтовые сто граммов. Миша любит не столько спиртное, как само застолье, когда можно произнести тост, сказать то, что думаешь, знаешь про своих товарищей. У него на родине, в Грузии, ценят не тех, кто много пьет, а тех, кто умеет сказать умное слово.

Эх, рассказал бы Миша про своих батарейцев, не поскупился, поведал бы, как вертелись вчера на огневой! Мороз был зверский, а чуть не до исподнего пораздевались! И, конечно, сказал бы он под эти фронтовые сто граммов пожелание, такое, чтоб каждый прочувствовал важность своего дела, свою роль в достижении победы. Чтобы эти сто граммов не только тело, но и душу подхлестнули!

Зазуммерил телефон. Лейтенант Галаквади протянул руку, нажал на резиновый клапан:

— Да, слушаю! — Трубка была ледяная, настывшая,

но доносила слова исправно Страшные слова... Поверить в них было трудно, от них сразу сдавило сердце

— Не может быть! Ты что-то путаешь! — закричал он.

В избе притихли. Догадались, что случилась какая-то беда. Медленно положил трубку лейтенант, овладев собой, сказал глухо, чужим голосом:

— Командира полка... Капитана Калужских убило...

Посыпались вопросы, но он ничего не мог объяснить. Батарейцы забыли про холод, усталость, про еду, которая уже ждала их...

Лейтенант Галаквати снова поднял телефонную трубку.

— Мы, — сказал он, — даем клятву: за смерть нашего командира — смерть врагу. Каждый снаряд только в цель, только во врага!

Не знал он, что до исполнения клятвы остается всего несколько часов.

...Капитан Калужских — кадровый командир, до войны исполнял должность начальника штаба легкоартиллерийского полка. Он уже тогда за глубину знаний слыл «академиком». В осеннем бою за Дудкино не раз помогал командирам дивизионов организовать огонь. В том-то бою был ранен и выбыл из строя командир, оставив полк на своего начальника штаба. Артиллерийский полк — хозяйство сложное. Тут не только люди, но и техника, кони, они требуют в огромном количестве продовольствия, фуража, горючего, боеприпасов. Сложные и трудные обязанности у командира, но педантичный и умелый Калужских хорошо справлялся с ними.

Командный пункт его располагался в роще восточнее Поддубья. Оттуда Калужских видел Горохово, Прибыtkовo, Эммаус. Но пехота ушла вперед, надо было и артиллеристам подтягиваться, чтоб поддержать бой в глубине, направляя огонь по конкретным целям. Калужских доложил начальнику артиллерии дивизии, что уходит в Горохово, ближе к пехоте. Тот дал добро, потребовав бесперебойной связи.

Рано утром командир артиллерийского полка, прихватив с собой старшего лейтенанта и трех сержантов, ушел за Волгу. Он приглядел на берегу добротный блиндаж: внутри нары в два яруса, стол, печка — все, что требуется для нормальной работы. Блиндаж глубокий, под тремя накатами.

Одного сержанта Калужских отправил в полк, чтобы тот привел связистов к новому командному пункту, другого поставил перед входом, охранять блиндаж. Старший

лейтенант, как и все остальные, ночь не спал, поэтому его сразу заинтересовали нары. Калужских присел к столу, развернул карту, намереваясь поработать, наметить план перемещения дивизионов. Чтоб ему не мешали, он велел отдыхать и оставшемуся в блиндаже сержанту.

Занимался день, уже хорошо просматривались избы в Прибыtkовo: солнце поднялось над лесом и высвечивало весь волжский берег, все на нем неровности, и, конечно, на белом снегу четко выделялся вход в блиндаж. Он привлек внимание немцев, к нему пригляделись в бинокль, заметили маячившего перед входом часового, сообразили, что блиндаж не пустует, а уже обжит. Противотанковое тридцатисемимиллиметровое орудие позволяло вести на такое расстояние огонь прямой наводкой, цель была недвижимая. Болванка прошила дощатую дверь блиндажа и насмерть сразила капитана. Он так и остался сидеть, упав грудью на стол, заливая карту кровью...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Зырянко благополучно переночевал в деревне. Хоть и разбито было все, разграблено, а все-таки изба есть изба... Утром он встал свежий, бодрый, сразу же пошел проверять расстановку сил в обороне; занимали ее ночью, наспех, не успев рассмотреть подходы к деревне, хорошо ли они прикрыты огнем? Он вникал во все мелочи, быстро отыскивал каждому дело, и не находилось человека, который не был бы чем-то занят. Одни выпиливали в стенах сараев и окраинных изб амбразуры, оборудовали позиции под пулеметы, другие, облюбовав место с хорошим обзором, выкладывали перед ним защиту от пуль из подручных материалов. Каждый старался на совесть, проявлял смекалку.

Командир батальона не желал оказаться застигнутым врасплох, чтобы потом краснеть перед Фишером, поэтому готовился к бою основательно, хотя и понимал, что в наступлении не всегда это может пригодиться. Но ему приказали оборонять Губино, пока другие подразделения выравниваются с ним в одну линию, и он делал все возможное, чтобы удержать деревню.

Его заботы были прерваны возгласом наблюдателя, заметившего на дороге колонну войск. Она двигалась с юго-востока, и уже была на полпути между Прибыtkовo и Губино, и если оставалась до сих пор незамеченной, то лишь из-за морозной дымки, пронизываемой к тому же

косыми скользящими лучами солнца. Но теперь колонна обрисовывалась довольно отчетливо, она медленно ползла по дороге, растянувшись более чем на сотню метров. Шла пехота, и Зырянка подумал, что это возвращается батальон Аникина. Вполне возможно, что ночью Прибыtkовo взяли, и теперь они будут опять действовать. бок о бок. Конечно, можно было тут же позвонить Фишеру и спросить, в чем дело, но минуты дела не решают, подойдет батальон, он все узнает от самого Аникина. К тому же в движении Зырянка разгорелся, мороз его бодрил, а ему не хотелось идти в избу, чтоб не потерять этого чудесного настроения души.

Он стоял у забора и глядел из-под ладони на приближающуюся колонну, досадуя, что солнце мешает ему рассмотреть ее как следует. По мере приближения идущих становилось очевидным, что в колонне людей гораздо больше, чем имел у себя Аникин, когда уходил на задание. «Может, и еще один батальон сняли?» — размышлял Зырянка, мысленно подсчитывая, сколько человек идет в Губино. По самым грубым прикидкам, без преувеличения, выходило более четырехсот. Солдаты, одетые в белые маскхалаты, сливаются со снегом, и различить, сколько их идет в ряду, просто невозможно: то ли по четыре, то ли по шесть. Только тут комбат вспомнил, что на груди у него бинокль. Оглянувшись, увидел, что в сарае, из которого он вышел, в дверном проеме стояли бойцы и тоже всматривались в подходивших.

Подкрутив окуляры на полную резкость, он рассмотрел, что нисколько не ошибся в своей прикидке: численность колонны почти вдвое превышала аникинский батальон. Значит, из-под Прибыtkовo всех сняли, действовать предстоит всем вместе, где-то очень скоро, и Зырянка радовался близкой встрече с человеком, которого он искренне уважал. «Вот только кто присоединился к Аникину?» — продолжал он размышлять.

Неожиданно передние ряды в колонне свернули с дороги на целину, донеслась разноголосица еле слышимых команд, и Зырянка увидел, что подходившие разворачиваются в линию ротных колонн. «К чему это? — подумал комбат. — Аникин же знает, что я остался в Губино». Недоумевая, кому и зачем потребовались эти маневры, нашли, мол, время тренироваться в разворотах, Зырянка услышал новые команды, опять неразборчивые, и роты начали разворачиваться в линию взводных колонн. Теперь, охватывая деревню, шла не колонна, а одна за другой приближались две цепи. Это уже был боевой по-

рядок, и подозрение вкралось в душу Зырянко. Он снова подкрутил бинокль, пытаясь узнать кого-нибудь из подходивших. Мысли, что это может быть противник, не было, он все еще воспринимал происходившее как какую-то навязанную ему непонятную игру.

Присматриваясь пристальней, он увидел, что каждый в цепи держит винтовку или автомат наперевес. Наконец Зырянко разглядел в бинокль приплюснутые, с выгнутым вперед козырьком и широкими полями каски. «Немцы? Но ведь не должно их здесь быть!» Он вполне представлял меру своей ответственности, если под огонь его батальона попадут свои, и должен был убедиться окончательно, что не ошибается, что подходят не свои, а немцы. Нет, не страх руководил им сейчас, только напряжение: свои — не свои?!

Цепи уже находились в двухстах метрах. Ошибки быть не могло. Шли гитлеровцы. «Что ж, встретим!» И он подал команду. Под шквальным огнем нескольких пулеметов повалились немецкие роты, поределели, словно тяпкой прополотая трава. Ошеломленные гитлеровцы по инерции еще продолжали движение, но это уже шли жалкие остатки стройных цепей. Пулеметы продолжали прополку, даже противотанковые орудия палили, и хлесткие их выстрелы били больно по барабанным перепонкам. Зырянко поморщился недовольно: «Тоже нашли цели, из пушки по воробьям. Когда вчера надо было помочь, так не было их, отстали, а теперь стараются!» И тут над ним, засвистели пули. Только теперь он сообразил, что стоит на виду. Он пригнулся и метнулся в сарай.

— Ложись! — крикнул ему Хромов, командир стрелковой роты, лежавший у амбразуры, широко раскинув короткие толстые ноги, словно бы для того, чтобы его не сдуло ветром. — Цел? Не зацепило?

— Вроде, — подползая к нему, отозвался Зырянко.

— Под счастливой звездой родился, — заключил Хромов. — Ты что, решил подпустить их поближе, да?

— Нет, даже не думал про это, — признался Зырянко, хотя можно было и слукавить, обстановка вполне допускала. — Я ведь думал, что это Аникин со своими, все ждал, когда он перестанет чудить, и только под конец понял, что это фрицы.

Бой оборачивался для батальона Зырянко хорошей стороной: бойцы все в укрытиях, подготовились первыми и нанесли врагу огромный урон, и теперь гитлеровцы лежали на снегу. «Что, хороша встреча?» — весело подумал Зырянко. Многие немцы притворились убитыми, что

не навлекать на себя огня, но мороз начал пробирать их, и они зашевелились, стали зарываться в снег.

— Ишь, благоустраиваются. В самый раз, снежок-то пушистый, — заметил Хромов и громко крикнул: — Не мазать, лучше целиться!

— Бить прицельно! Беречь патроны! — скомандовал Зыряно.

Пулеметчики перешли на стрельбу короткими очередями, стрелки били на выбор, когда какой-нибудь гитлеровец приподнимался над снегом. Где ползком, буровя плечом снег, где вскакивая и перебегая, немцы начали отходить, стараясь добраться до опушки близкого от них леса. Некоторым уже удалось скрыться за деревьями, и Зыряно подумал, что убежавшие приведут подмогу и тогда надо ждать контратаки. После такой встречи противник станет осторожнее, и батальону придется труднее. Контратаку следует ждать из лесу, потому что туда можно скрытно подойти, сосредоточиться, значит, надо произвести перегруппировку своих сил, перестановку пулеметов, чтоб надежно прикрыть деревню с любой стороны.

Постепенно бой затих. Уцелевшие гитлеровцы отползли, и на поле остались лежать только убитые.

Командир роты Сидельников все порывался сходить туда, собрать оружие и документы убитых, но Зыряно не решался его пустить, опасался, что там, кроме мертвых немцев, найдутся затаившиеся, они могут перестрелять смельчаков. И комбат отделялся от ротного лаконично: «Погоди! Понаблюдать надо!» Но тут к просьбам Сидельникова присоединились и другие командиры: надо же посмотреть, что там у немцев в лесу, куда они так настойчиво пробирались!

Наконец Зыряно решил:

— Ладно, иди! Только возьми с собой четырех бойцов! А ты, Хромов, следи, в случае чего, прикроешь товарищей, поможешь им!

Через полчаса, нагруженные пулеметами и автоматами, посланные возвратились. Сидельников зашел в штаб, где его ожидали Зыряно и другие командиры, — всем было любопытно, что он принес. Сидельников начал выгребать из раздувшейся брезентовой сумки вороха писем, пачки марок — денежных знаков, стопу солдатских книжек с хищным, распластавшим крылья орлом на обложке, кучу мелочи — пфеннингов, начеканенных из какого-то непривычно легкого серого металла; все это шло по рукам, оценивалось, обсуждалось. И под конец ротный жестом фокусника извлек из-за пазухи шинели стопу порно-

графических открыток и эффектно, так что они развернулись веером, кинул на стол:

— Гляньте-ка, чем фрицы забавляются!

— О-го-го! — загоготал Хромов.

Зыряно был здоровым чистоплотным человеком, в нем жила заложенная с детства стыдливость. Как большинство деревенских, он женился молодым, имел двоих детей и, уезжая на войну, оставил жену в ожидании третьего. Сейчас он покраснел и озлился вдруг, сгреб открытки в кучу и кинул их в печку.

— Тебе, Сидельников, должно быть стыдно за такую пакость. Тащишь к нам заразу...

— Товарищ комбат, так разве я думал, разве нарочно... Думал, пусть посмотрят, чем фрицы тешатся, для интересу, думал. Культурный же народ...

— Культурный... Знаем их культуру, насмотрелись уже. Им дай волю, они нам такого скотства приволокут, что вовек не расхлебать.

— Виноват, товарищ комбат. Учту! — И, становясь серьезным, Сидельников доложил: — Там, в лесу, на самой опушке, немецкая батарея. Четыре семидесятипяти-миллиметровых орудия и склад снарядов к ним.

— Может, мы их используем? — загорелся Зыряно. — Пушки не смотрел, целые, не подорванные?

— Орудия-то целы, да замков к ним нет, то ли в снег побросали, то ли с собой унесли, когда драпали. Вполне могут вернуться немцы, тогда нам от этих пушек достанется на орехи. Стоит только развернуть их в нашу сторону, в момент раскатают всю деревню...

Опасения не лишены были оснований, и Зыряно решил доложить об этом Фишеру. Может, он распорядится, чтоб эти пушки вывезли в тыл, пока обстановка позволяет? Командир полка выслушал, подумал, потом ответил:

— Ты же знаешь эти орудия, они тяжеленные, не то что наши полковые. Немцы их битюгами таскают. А у нас лошадей нет, ни одной лишней, чтоб вытащить эти орудия. Пусть стоят пока на месте, а ты присматривай, держи их под наблюдением. В случае чего — подорви.

— Как там у Аникина идет дело? — спросил Зыряно.

— Ничего определенного. Нет связи, — ответил Фишер. — Ты готовься, укрепляй оборону, не теряй времени. Первый раз обожглись немцы, во второй умнее будут. Учти!

— Мы это учитываем, товарищ Десятый. Я посылая

Сидельникова собрать документы, трофеи, кое-что набралось. Оружие я оставляю, может, самим пригодиться, а документы, барахло всякое сдаю в штаб. Опись составим, и отправлю...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В одиннадцатом часу, когда солнце поднялось повыше, в Горохово из-за Волги переместился резервный батальон. Это были уже свои, однополчане, и Крутов обрадовался: глядишь, следом появится и Сидорчук со своей будкой, а там и штаб, не придется никого искать! Но прибыли только боевые подразделения, бойцы тотчас же разошлись по избам, и улица опустела. Ни повозок, ни кухни комендантского взвода, ни будки. Время шло, и не грех было подумать о том, как бы чем подкрепиться. Сухари Крутов прикончил незаметно, словно бы между делом, но у него еще оставался пшенный концентрат. Будь при нем котелок — дело проще пареной репы: ставь на огонь и вари! Но у них в штабе все котелки хранились в одном месте, у повозочного Саши Злобина — молоденького бойца, румяного и стыдливого, словно девица. Его обязанностью было перевозить ящики с документами, следить за лошадьёю, чтобы была накормлена и напоена, ходить на кухню за едой для всех штабных. Писарей штаба все знали, поэтому, если они оказывались возле кухни, пусть комендантского взвода, пусть батальонной, для них всегда находились и миска и кружка, чтоб поесть и напиться чаю, а уж ложка у каждого своя — в кармане или за голенищем валенка, это кому как удобнее.

Крутов зашел в избу; там уже затопили печку и бойцы собирались варить картошку в большом чугуने. Он отдал им свой пшенный концентрат, чтоб войти в пай, но концентрат ему вернули:

— На шута он нам, когда мы наладились бульбу варить. Было бы мясо, так на кулеш пригодился бы и концентрат, но мяса нет. А картох навалом, целое подполье, греби хоть мешок. Сварится, подсаживайся на здоровье к чугунку, да и дело с концом.

Таким исходом Крутов остался доволен. Теперь только сиди и жди, когда дрова разгорятся как следует, а там и картошка дойдет. Пристроившись на лавке — в полушубке, раздеваться было рановато, изба выстужена, — он привалился к стенке и не заметил, как задремал. Сказалась долгая бессонная ночь. Подсумок с патронами от-

тягивал ему поясной ремень, давил на живот, но никаких неудобств от этого Крутов не испытывал, скоро забытие наступило глубокое, как под наркозом. Лишь иногда, словно бы из черной тьмы выплывали вдруг какие-то туманные видения, возникали смутно знакомые лица, потом пропадали бесследно, и все это нисколько не тревожило Крутова, не вызывало ни печали, ни радости. Он просто спал.

Ему казалось, что прошло лишь несколько минут, не больше, а его уже трясли за плечо, звали к столу. В полутемной, поскольку окна были завешаны тряпьем, избе на стенах плясали отсветы печного пламени, и Крутов не сразу сообразил, день еще или глубокий вечер. За дощатым щелястым столом сидели бойцы, а перед ними парила в чугуне картошка, но к ней не притрагивались, ждали его, Крутова.

— Слышь, как тебя? В шубе не разберешь, красноармеец ты или командир. Давай к столу, а то проспишь все царство небесное, голодным останешься. Не зевай...

— Спасибо, — устало улыбнулся Крутов. — Сержант я. Ночь не спал: немцы по деревне все время били. Вот и сморило. Я сейчас...

Он спохватился, что нет при нем его карабина, но сразу успокоился, ведь держал при себе, между коленок, видно, выронил из рук, и бойцы поставили его в угол к своему оружию. Там было холодно, и винтовки не отпотевали.

Картошка обжигала пальцы, на нее дули, перекачивали в руках, сковыривали тонкую кожуру, макали в соль, насыпанную на клочок газеты. Крутову было хорошо, как мечталось утром, когда встретил артиллеристов. Все вокруг незнакомые, но все равно близкие, будто родственники, никто ни о чем тебя не спрашивает, тебе просто подsunут картоху, улыбнутся, когда отдернешь руку, обжегшись, подвинут соль. Ешь, молчи и будь доволен. Только тот, что будил его, поинтересовался через некоторое время:

— Сержант, а ты отколь, почему один?

— Из штаба я. Еще вчера пришел в эту деревню, хотел аппараты телефонные найти, очень меня связисты просили, да разве отыщешь! Сейчас жду, должны бы наши сюда подойти, думал, с батальоном появятся, а что-то нет еще никого.

— Если из штаба, так ты должен нашего командира знать.

— Знаю. И прежнего, Артюхина, тоже знал. Ранило

его под Толутино, когда из окружения прорывались. В полку с первого дня службы, еще с кадровой...

— Толутино, значит, помнишь?

— Еще бы! Четверо суток держали эту деревню, не пропускали немецкую дивизию на Калинин, а потом прорываться пришлось. Досталось.

— Досталось там всем, — промолвил боец. — Когда наша рота из-за Волги вышла, мы половины не досчитались.

— У меня друзья в четвертой роте — пулеметчики. Два года бок о бок в строю стояли. Где-то они сейчас, живы ли?.. Ведь Прибыtkовo, говорят, до сих пор не взято...

Этот мирный разговор и еда были прерваны внезапно. В избу, распахнув дверь настежь, влетел боец, с порога крикнул:

— Эй, славяне, кончай травить! Немцы на подходе!

Похватав оружие, бойцы выскакивали на улицу отыскивать свои подразделения. Крутову спешить было некуда. Он вышел последним, притворив дверь, и прежде всего решил посмотреть, где же немцы. Осторожно, от угла к углу, прижимаясь к стене, он обошел избу. За огородом лежали белые, без единого кустика поля. От деревни наискосок, пересекая поля, пролегла обсаженная ветлами дорога на Прибыtkовo. Вот там, за деревьями, споро двигалась цепь темных тонких фигурок. Они передвигались чуть ли не бегом, не теряя при этом боевого порядка и не скупчиваясь. Даже без бинокля можно было рассмотреть, что солдаты идут в одних мундирах, налегке, чтоб удобнее действовать в атаке. Конечно же, в такой одежке они на затяжной бой не рассчитывали, а только на решительную и скорую победу. И двигались они споро не потому, что подгоняли офицеры, а сам мороз заставлял торопиться. Видно, в деревне немцы надеялись обогреться.

Крутов сразу понял этот их настрой и забеспокоился: надо скорей выбрать удобное для стрельбы место. Тут на дядю не полагайся, придется отбиваться! В деревне пехоты хоть и много, но народ этот отовсюду. Он уже знал, как трудно свести таких людей под общую команду. Каждый в отдельности, может, и хорошо воюет, а вместе, сообщая, сражаться не приходилось. Вот разве батарея поддержит? Или снимется с позиций и уйдет за Волгу? Да тут же резервный батальон, как он забыл!..

Крутов устроился за углом дома. Стрелять еще было рано — далеко, только зря будешь жечь патроны. И вид-

но плохо. Гитлеровцы прижимались к придорожным ра-
китам, к ложбинкам, перебегали, не сразу такую цель
на мушку поймашь. Забраться бы куда повыше? Возле
сарая стояли козлы для пиления дров. Крутов подтащил
их к дому, поднялся на них. Обзор улучшился. Теперь и
те немцы, что жались к ложбине, были на виду. А много
же их! Поболее сотни. И настырно прут вперед, в мундир-
чиках-то... Тут хочешь не хочешь, а будешь рваться в де-
ревню, если не желаешь околеть в поле. Ну, будет дело!

Двое фрицев, бежавшие близко друг от друга, будто
связанные одной веревочкой, прилегли за ракитой. «Пу-
леметчики», — определил Крутов и не ошибся. Пули за-
щелкали по стенам домов, по крышам, взбивая фонтан-
чики снега и пыли. Он прицелился получше и пальнул,
но сам увидел, что промазал. Глянув на прицел, понял
ошибку: не поставил хомутик на нужное деление, не учел
расстояния. Второй выстрел. «Ага, не нравится?» — ус-
мехнулся он, увидев, что один из вражеских пулеметчиков
проворно метнулся за дерево, затаился.

— Эй, ты чего выставился? А ну, укройся сейчас же! —
крикнул кто-то позади Крутова властным голосом.

Сержант оглянулся, недоумевая, к нему относится
это требование или к кому другому, и обомлел: непода-
леку стоял командир дивизии генерал Горелов и грозил
ему кулаком. В распахнутом реглане, покрасневшийся,
он утирал платком лоб и, может, остановился вовсе не
для того, чтобы предостеречь Крутова, а дух перевести.
Не мешкая, сержант проворно соскочил с козел, на кото-
рых так ловко пристроился под самой стрехой, и козыр-
нул: мол, ваше приказание исполнено! Генерал поправил
папаху, внушительно помахал пальцем: «Смотри у ме-
ня!» — и размашисто пошагал дальше, к батарейцам.

«Ну, раз генерал двинул к артиллеристам, то все бу-
дет хорошо», — решил Крутов, и от недавней тревоги не
осталось и следа. Теперь его не страшила эта жалкая
рота гитлеровцев. Что она сделает, когда в деревне ге-
нерал, уж он любого поставит на место, его не посмеют
ослушаться, будут стоять и насмерть драться. И Крутов
снова поднялся на козлы. Если генерал себя не бережет,
появился из-за Волги, чтоб отбить эту контратаку, так
какое имеет право хорониться от пуль он, сержант?!

Гитлеровцы находились от деревни в трехстах — четы-
рехстах метрах, когда по ним ударили из орудий. Пер-
вые четыре разрыва были не особенно сильные, хотя при-
шлись по самой цепи. А потом началось что-то непонят-
ное: в деревне четыре орудия, а в воздухе засвистело, за-

выло, и на снежном поле сразу выросло множество черных разрывов. Земля словно вспухала гулками черными волдырями, они лопались, накрывая вражескую цепь, там все грохотало, этот грохот сливался со звонкими и хлесткими выстрелами дивизионов, давил все другие звуки, которыми полна была деревня...

Горелов шел в Горохово в сопровождении начальника артиллерии Середина, они уже достигли середины Волги, когда им повстречался боец, с растерянным лицом, очень взволнованный. Генерал остановил его и потребовал доложить, в чем дело, куда он бежит.

— Немцы! Контратакуют цепями из Прибыtkово! Много!..

— А ты куда?

— Туда, в подразделение, — махнул боец рукой в сторону левого берега. — К своим!

— А-а, значит, гостевал в Горохово, а как паленым запахло, так про своих вспомнил! Поворачивай назад! — жестко приказал Горелов. — Живо! Отбивай контратаку. Увижу, что струсил, расстреляю на месте. Так и другим передай. — И крикнул: — Ну, чего ждешь? Бегом марш!

Горелов сделал свирепое лицо, округлил глаза и для пушей остротки лапнул себя рукой за бок, где под реганом висел у него на поясе пистолет. Боец неловко повернулся и затрусил обратно в Горохово, поминутно оглядываясь, не догоняет ли его генерал, не целит ли в спину.

— Видал такого? — обернулся Горелов к Середину. — Ухари! — И, пройдя несколько шагов молча, сказал: — Ты вот что, беги назад и организуй артогонь, а то немцы наделают нам переполоху. А я в Горохово, подшевелю тех, кто там находится, пока не нашлись еще такие вот ухари. Много гитлеровцев или мало, а надо отбивать. Торопись!

К счастью Середина, на артиллерийском НП находился командир гвардейского минометного дивизиона, и у него оставалось в запасе ползалпа. Сейчас эти ползалпа оченьгодились. С наблюдательного пункта контратакующие были видны, рассчитать данные на открытие огня было делом одной минуты. Мины накрыли гитлеровцев — разметали их по снежному полю. Уцелевшие живо повернули обратно в Прибыtkово, убегали во всю прыть, благо бежать им без шинелей было много сподручнее...

Лейтенанта Галаквади и его батарейцев немецкая контратака не застигла врасплох. Артиллеристы, дежурив-

шие на крыше дома, увидели гитлеровцев сразу, как только они выкатились из Прибыtkовo, доложили лейтенанту, и тот подал команду: «По местам! Приготовиться к открытию огня!» Вот когда они смогут отомстить за гибель командира полка! Миша Галаквади, старший на батарее, распоряжался спокойно, словно его ждал не бой, а обычная тренировка расчетов. Поскольку из полка лишь одна батарея была переведена на правый берег, ее заблаговременно обеспечили снарядами за счет других, так что теперь она могла постоять за себя. На такие случаи при каждом орудии имеется несколько снарядов с картечью.

Сейчас они покажут этим паршивым фрицам, вырядившимся в мундиры, класс стрельбы. Запомнят надолго, и не захочется им больше удивлять сибиряков своим презрением к морозу. «Я их заставлю уткнуться морды в снег и лежать, — негодовал Галаквади, разглядывая в бинокль фигуры перебегающих гитлеровцев. — На психическую атаку рассчитывают, что ли?»

Наводчики прильнули к прицелам, а заряжающие застыли над казенной частью орудий, готовые мгновенно перехватить поданный им снаряд. Все в порядке. Еще немного подождать, пока гитлеровцы приблизятся, чтоб бить наверняка, и тогда они узнают, почем фунт гребешков.

— Гранатой, взрыватель осколочный, наводить самостоятельно. Огонь!

Вразнобой, потому что каждый наводчик ловил свою цель, ударили орудия, и разрывы всплеснулись перед цепью гитлеровцев. Миша видел в бинокль, как осколками смело несколько человек, выбив в цепи бреша. «Хорошо. То-то! Не понравилось, знаю... Сейчас добавим, гады!» Он уже собрался подать новую команду, когда один из бойцов тронул его за рукав:

— Товарищ командир, генерал!

Миша растерянно обернулся, недоумевая, какого еще генерала принесло в такую минуту на огневую, и узнал Горелова. Тот, покрасневшийся, в сдвинутой на самый затылок папаше, так что открывался лоб и даже лысина, подходил к нему:

— Что тут у вас, доложите!

Миша упруго шагнул к нему навстречу и, вытягиваясь в тугую звонкую струну, кинул руку к шапке:

— Батарея ведет огонь по контратакующему противнику. Старший на батарее лейтенант Галаквади! — и, оторвав руку красивым неуловимым движением, посторонился, давая дорогу к орудиям генералу.

— Сейчас вам помогут. Продолжайте работу, — сказал Горелов, и его слова совпали с протяжным свистящим воем-залпом минометов.

— Вы бы отошли, товарищ генерал, — попросил Миша, — опасно. А мы тут справимся, не беспокойтесь.

— Надеюсь, — и Горелов, совершенно успокоенный, направился дальше.

А батарея вела неторопливый прицельный огонь, выколачивая из цепи контратакующих новые десятки гитлеровцев. Напоследок Галаквади приказал дать два залпа по Прибыtkово, справедливо полагая, что там тоже полно немцев.

Горелов, видя такой оборот дела, тут же двинул на Прибыtkово пехоту. Враг побит, растерян, деморализован. Наступил самый подходящий момент, чтоб выбить его из деревни. Резервный батальон, развернувшись в цепь, пошел в наступление и в сумерках занял Прибыtkово. Гитлеровцы бежали в панике, побросав много имущества, стрелкового вооружения и несколько орудий, уже составленных в походную колонну, да так и не развернувшихся для отражения атаки русских.

Крутов шел вместе с наступающими, примкнув к ячейке управления батальона. В деревне за каждым домом грудились повозки, крытые брезентом, заполненные ранцами и шинелями тех, кто недавно шел на Горохово, чтобы налегке выбить оттуда сибиряков. Сержант впервые видел такую губительную силу нашего артиллерийского огня. По всему полю, с того рубежа, где немцев накрыли первые снаряды, валялись трупы, изорванные, изрешеченные осколками. А те, что все же успели добежать до Прибыtkово, не накинув шинелей, все бросив, так же налегке бежали по заснеженной лесной дороге на станцию Чуприяновка.

Ах, каких белых и пушистых верблюжьих одеял нахапали где-то гитлеровцы! Они кипами лежали в повозках. В таких, пока они новые, спи хоть на снегу! Крутов не утерпел, выбрал себе одно, свернул его в скатку и надел через плечо. С таким одеялом ложись, где застанет ночь, только окутайся им с головой. Это было стоящее приобретение. Ничто другое его не интересовало, хотя тут были вороха всякого иного добра. Он отправился в дом, где находился штаб разгромленного немецкого полка. Там лежали полные ящики разной бумаги, причем бумаги отличной, лощеной. Тут же и карандаши — простые и цветные, артиллерийские вычислительные линейки, угольники, транспортиры, все, вплоть до свечей-пло-

шек, очень нужное всякому штабу. Крутов собрал в кучу что только мог, не забыл и про телефоны приятелю-связисту, и стал дожидаться своих. Не век же им сидеть за Волгой!

Штаб подошел уже в потемках, Крутов услышал скрип саней, голоса и вышел на крыльцо. Он увидел Сашу Злобина и окликнул его. Тот подогнал сани под стену дома, привязал лошадь к резному наличнику и стал заносить ящики в избу. Вскоре подошли остальные штабники, в их числе и Лузгин. Крутов доложил ему о своем прибытии. Даже озабоченный делами капитан на этот его рапорт хмыкнул:

— Называется, прибыл. А если бы мы сюда еще через три дня не пришли, так и не появился бы? И где только тебя носило...

Но, когда Крутов показал собранные им богатства, сердце штабника отмякло, и он не выдержал.

— Вот за это молодец! Теперь мы на полгода обеспечены. Эй там, зовите сюда связистов! — крикнул Лузгин.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

День этот был очень неудачным для наступающей армии. Справа от дивизии Горелова противник огнем дальнобойных орудий из города Калинина не давал ходу соседям, слева перешел к решительным контратакам, перебросив сюда откуда-то из тылов шесть полнокровных батальонов с танками. В результате переправившиеся через Волгу части были отброшены на исходное положение. Столь быстрых ответных мер командующий армией не ожидал, но объяснялись они просто: противник сразу почувствовал угрозу для своей клинковой группировки. Наступавшая на Москву с северо-запада, она была атакована недавно прибывшими на фронт советскими войсками и отходила, а тут, в глубоком тылу, на ее дороги нацеливалась армия Ушкова. Чтобы обезопасить главные свои силы, дать им возможность планомерно отходить, противник не пожалел ни пехоты, ни танков, проявив тем самым остро болезненную реакцию на действия Калининского фронта.

Все армейское начальство, в том числе и член военного совета Русанов, выехало в войска восстанавливать положение, но оказалось, что сделать это трудно, потому что части отошли в беспорядке, взорвав за собой переправу. Управление ими было утрачено. Такого оборота Ушков

не ожидал, не думал, что войска сразу спасуют, и был буквально потрясен случившимся. С таким трудом удалось форсировать Волгу, зацепиться на другом берегу, и все потеряно, все надо начинать с нуля! По сути, лишь в центре оставалась на занятых рубежах дивизия Горелова и даже продвигалась, а все остальное, чего удалось достичь, противником ликвидировано. К этому времени в Савватьево сосредоточилась резервная дивизия, и Ушков намеревался бросить ее в ночную атаку и овладеть Эммаусом, иначе у Горелова оставались открытыми фланги, и он подвергался большому риску. Только бы до ночи ничего не случилось...

В такой нервной, напряженной обстановке каждый телефонный звонок воспринимается как сигнал бедствия. Ждешь именно беду, а не информацию о продвижении...

Ушков раздумывал над причинами оставления плацдарма войсками, действовавшими левее соединения Горелова. Не проследили, и командный пункт «провинившейся» дивизии оказался в большом отрыве от войск, части, ушедшие за Волгу, остались без должного контроля. И почему это командующий армией должен болеть за исход боя, за выполнение поставленной задачи, а командир дивизии вроде бы остается в стороне?! Эту безответственность следовало сразу и решительно искоренить, и Ушков раздумывал, как поступить с оплошавшим комдивом. О том, что его надо немедленно отстранить от должности, он уже распорядился. Но этого все же мало. Безответственность слишком дорого обошлась войскам. Русанов и выехал, чтоб на месте разобраться. Позвонит, и тогда будет окончательно решено, как поступить.

Звонок не заставил долго ждать. Русанов информировал Ушкова, что позиции были оставлены в результате вражеской контратаки значительными силами пехоты и танков. В частях поднялась паника. Ее следовало сразу и в корне пресечь, но командование дивизии оказалось не в состоянии влиять на организацию боя. В первые же минуты связь с частями была утрачена, управление потеряно, и комдив смирился с ролью стороннего наблюдателя.

— Что предлагаешь? — нетерпеливо спросил Ушков.

— Мое мнение: командира и комиссара дивизии отстранить от должности. На командира оформить материал в военный трибунал, комиссару — самое строгое взыскание по партийной линии. — По голосу Русанова Ушков понял, насколько тот взвинчен. — Силы противника были не настолько велики, чтоб его нельзя было отбить. К этому не прилагали стараний, сразу отошли.

Только самыми жесткими мерами мы сумеем обеспечить нужную стойкость.

— Да, с этими самовольными отходами пора кончать, — согласился Ушков. — Где он сам находился в это время? Я имею в виду командира дивизии.

— И сейчас находится в четырех километрах от Волги, в деревне, и связи с частями у него до сих пор нет. Это верх безответственности! — раздраженно ответил Русанов. — Я сейчас поднимаю весь политотдел, всех, кто здесь есть, буду наводить порядок.

— Действуй, как сочтешь нужным. Наводи порядок любым путем. А я тут подумаю, как нам восстановить положение с наименьшими потерями.

Положение, сложившееся на левом крыле армии, чем-то было сходным с обстановкой на Мадридском фронте, в Испании. Ушков был там в числе многих добровольцев, защищавших республику от фашистов, командовал батальоном в бригаде генерала Лукача. Фашисты подошли к стенам испанской столицы, а в республиканском правительстве ответственные за оборону люди благодумствовали, много говорили, но мало что предпринимали. Только героическими усилиями республиканских артиллеристов удалось остановить врага и дать время собрать силы для контрнаступления.

Да, бездеятельность начальников всегда дорого обходится, в армейских боевых условиях за нее расплачиваются кровью войска. Так лучше сурово наказать одного, чем подводить под удар массу людей. Ушков не раз бывал у командира дивизии, видел его у себя на совещаниях, считал, что знает его хорошо, но оказывается, знал мало. Он ни на минуту не усомнился в справедливости принятого решения, давая согласие на строжайшую санкцию. Война беспощадна, пожалеешь одного, загубишь многих. Надо же! Командарм находится в пяти километрах от передовой, от Волги, а командир, которому положено видеть бой, влиять на него, даже в критическую минуту не пожелал покинуть деревню, помочь своим. Тако-го прощать нельзя!

Теперь Ушкову предстояло резервную дивизию, силами которой он намеревался развить прорыв, направить на устранение последствий отхода. По сути, надо было тратить драгоценные снаряды на повторную подготовку атаки. Невозможное дело! Снарядов нет и не ожидается. Тех, кто отошел, в атаку не пошлешь, не будет у них уверенности, только зря положишь людей. Но где взять других, чтоб не остаться с пустыми руками? Чтоб не лишить-

ся резерва? Разве рискнуть и атаковать противника одним батальоном? В Испании неплохо удавались ночные атаки. Если действовать решительно, напористо, то враг в темноте не разберет, много или мало войск брошено против него, и потери могут быть незначительными. В резервной дивизии есть батальон Леуса, депутата Верховного Совета РСФСР. В депутаты он был избран перед войной за высокие показатели в боевой и политической подготовке. Человек он опытный, волевой, можно надеяться, что приложит все силы и выполнит задачу. Ушков знал его — не подведет! Он хотел уже вызвать Леуса к себе, когда раздался телефонный звонок. Докладывал оперативный дежурный штаба:

— Товарищ командующий, получено срочное сообщение. В Горохово ворвались гитлеровцы, ими пленены командир дивизии вместе с комиссаром...

Ушков был ошеломлен — этого только и не хватало!

— Сколько гитлеровцев? Откуда? Кто доложил?

— Установить не удалось. Говоривший был взволнован, фамилии не назвал, бросил трубку. Я пытался узнать, откуда раздался звонок, связисты утверждают, что вызов был из штадива. Решил сразу доложить вам, потому что информация сомнительная.

— Ладно. Разберусь.

Тут же, не кладя трубки, Ушков вызвал командующего артиллерией. Тот подтвердил, что контратака на Горохово была. Численностью до роты. Отбита артиллерийским огнем.

— Это черт знает что! — рассвирепел Ушков. — Одна паршивая рота захватывает в плен командира дивизии!..

— Не думаю, — довольно спокойно отозвался полковник. — Точнее, не верю, что это могло произойти. Скорее всего кто-то запаниковал.

Ушков позвонил в дивизию. Начальник штаба на его вопрос доложил, что Горелов в полдень уехал в Горохово. Атака гитлеровцев отбита, такая информация поступала, но где сам генерал, пока неизвестно, он не всегда говорит, куда едет и где будет находиться. Шмелев тоже отсутствует. Штаб дивизии донесения о пленении командира не посылал...

— Я проверю, кто мог такое доложить, товарищ командующий! — заверил начальник штаба, по привычке записывая в блокнот время исполнения.

Но ничего выяснять не пришлось, вернулся Горелов и тотчас же сам позвонил командующему:

— Докладываю: отбита контратака противника на Го-

рохово. Гитлеровцы почти полностью истреблены артиллерийским огнем. В небольшом числе бежали в Прибыtkово. Я приказал своим немедленно преследовать. Деревня Прибыtkово освобождена. Захвачено много вражеской техники, снаряжения, разгромлен штаб пехотного полка. Количество трофеев уточняется, сообщу дополнительно. Слух о нашем пленении был паникерский, разыскиваем виновного, чтобы примерно наказать.

Гора с плеч! Ушков понял, что надо торопиться с выдвижением свежих частей на правый берег Волги, потому что противник может повторить контратаки завтра, а тогда и Горелову придется плохо. Надо надежно закрепить завоеванное и жать дальше, чтобы враг не перехватил инициативу.

Когда знаешь, что неприятель у тебя за спиной, невольно станешь оглядываться: не ударит ли в самый неподходящий момент? Это сдерживало наступающих. Батальоны толклись в лесу, не решаясь на глубокий обход, вели перестрелку, но это затяжное, нудное дело не приносило желаемых результатов. Противник из Прибыtkово огрызался сильно, бил из пушек, едва заметив даже незначительное движение. А как было не шевелиться, если мороз пробирал до костей?!

Капитан Туров обрадовался, когда к нему на усиление прибыл батальон Аникина, а затем из полка со связными и охраной комиссар Матвеев. На охране настоял Сидорчук. Идти надо мимо Прибыtkово, а там гитлеровцы, идет перестрелка, всякое могло случиться. В общем, Матвеев ничуть не сожалел, что пошел с охраной. Ночью, да еще в глухом темном лесу, идти только со связными было бы рискованно.

Прежде чем действовать, надлежало хорошо осмотреться, дождаться дня. Коротали ночь у небольших костров, завесив их со всех сторон плащ-палатками, чтобы свет не навлек вражеского огня. Ночь показалась длинной в вечность, все мерзли, проклинали войну, мороз и еще этот постоянный, действующий на нервы свист тяжелых снарядов над головой.

Гитлеровцы тоже чувствовали у себя за спиной русских, может, потому они так быстро и ретировались из Прибыtkово, когда их контратака на Горохово была отбита, когда из тех, кто туда шел, вернулись единицы, а остальные были уничтожены огнем пушек и минометов. При виде наступающих пехотных цепей, зная, что в любой

момент русские могут открыть по деревне артиллерийский огонь, гитлеровцы не выдержали и в панике бросились наутек, пока лесная дорога была еще не перекрыта. Вот когда гитлеровцы побежали, Матвеев и подстегнул не только своих, но и соседей, чтоб не теряли времени даром и наступали к железной дороге. Туров и Аникин рвались в Прибыtkовo, надеялись отдохнуть там, ведь не зря же они вели за эту деревню бой, но Матвеев не разрешил. «Отдыхать будете в Чуприяновке, а пока надо преследовать врага!» Он хорошо понимал, что, как только будет взята станция и дорога Москва — Калинин перерезана, это сразу отзовется, враг почувствует себя в городе неуютно, да и гитлеровцам под Москвой аукнется. Это ли не лучшая помощь защитникам столицы!

Комиссар приказал связистам тянуть линию за батальонами, а от командиров потребовал оставить на лесной дороге-временке прикрытие — небольшие команды. Дорога, проторенная в глубоком снегу, всегда может потребоваться для эвакуации раненых, для подвоза боеприпасов и горячей пищи, потому что неизвестно, годна ли для транспорта та дорога из Прибыtkовo к станции, по которой бежал враг.

Между Прибыtkовo и станцией оказался небольшой поселок, на него ни Матвеев, ни комбаты не обратили сначала внимания, поскольку на карте он был помечен как совхоз Морозово. Но когда на исходе дня батальоны вышли на опушку леса, то увидели, что поселок этот довольно значительный и, главное, занят гитлеровцами. Еще ночью, находясь в лесу, все слышали, как из глубины вражеской обороны била тяжелая батарея и снаряды с шипением и свистом пролетали над головой к Волге и дальше. Когда такие «гуси» с размеренными до минуты интервалами проносятся над тобой, невольно закрадывается опасение, не придет ли кому мысль чуть повернуть прицел. Тут уж не до сна. Сначала предполагали, что батарея находится у железной дороги или немного дальше, поскольку густой лес глушил звуки выстрелов, но теперь, выйдя на опушку и увидев перед собой черные многочисленные глыбы построек, все поняли, что батарея где-то здесь, может, на снежном поле за громадой двухэтажного длинного дома; не иначе как раньше находилась в нем контора совхоза. Мысль о том, что эти дальнобойные орудия могут быть повернуты и нацелены на стрельбу прямой наводкой, вызвала серьезную тревогу. В поселке суматоха, оттуда слышались возбужденные голоса, в окнах беспокойно взблескивали красные огоньки коптилок.

Матвеев подозвал комбатов, спросил, что они намереваются делать.

— Нелишне бы сначала немного осмотреться, — ответил Аникин, понимая, что ему, как более опытному, первым и принимать решение. — Как смотришь, коллега? — обратился он к Турову.

— Пока наши подтягиваются, надо послать разведку, чтоб осмотрела подходы к поселку. Тем временем поставить задачу.

— Согласен. Действуйте! — одобрил Матвеев. — Особо не затягивайте подготовку. Этот шум нам надо использовать.

Не знали они, что это прибежавшие из Прибыtkово переполошенные гитлеровцы своим внезапным появлением создали панику в поселке.

...У пулеметчиков радость. В Савватьево перед самым наступлением во взвод пришел из госпиталя Керим Кракбаев, маленького роста, узкоплечий киргиз. В октябре он был ранен в спину осколками мины. Дивизия тогда вела бои за Волгой, у Толутино. Кракбаева отправили в санроту едва живого, и мало у кого оставалось надежды, что он выкарабкается из беды. Но цепкий Керим выжил и вот сейчас стоял перед своим бывшим отделенным сержантом Лихачевым и со смущенной улыбкой говорил:

— Маленько здоров стал, пришел свой взвод. Хотели тыл на переформировку послать, но я просил сюда, свой полк. Вот пришел. Винтовка давай, а котелок есть. А теперь — здравствуй! Когда госпиталь лежал, шибко скучал, шибко тут болело, — он приложил руку к груди, показывая на сердце, — все думал, как вы тут, живой — нет? Про мамка-папка так не думал, как про вас.

— Здорово, браток, — отвечал Лихачев, осторожно беря в свои огромные ладони маленькую руку Кракбаева и чуть потряхивая, боясь причинить боль своему товарищу. — Как ты? Обнимать можно или еще болит? А го тиснешь ненароком, а потом обратно тебя в госпиталь отправляй.

— Можно, можно, — заверил Керим. — Обнимать можно, целовать можно, настоящий друг больно не сделает. Сто граммов ставить можно!

— Хитер бобер! — засмеялся Лихачев. — Привык небось в госпитале целоваться с девками. Там их, девок, ой-е-е сколько! Было дело? Сознавайся! Санитарочки, нянечки. Ночи-то длинные, спать надоест, только не теряйся. Так, нет?

— Немножко так, немножко не так, — уклончиво отвечал Кракбаев. — Дома своя девчонка ждет, ей письма писал. Хорошая девчонка Жамал, отару пасет, совсем как парень, с коня не слазит. Вот, — он полез в карман, — кисет мне вышила.

Кисет зеленого шелка с малиновым подкладом пошел по рукам. Пулеметчики любовались узорами, расшитыми любовной рукой мастерицы. Завитушки напоминали рога баранов в переплетении трав. «Сколько ж надо было сидеть над таким подарком!» — невольно думалось каждому. А Керим достал другой кисет, уже без махорки, пустой, и протянул Лихачеву:

— Ты меня раненого на руках нес, ты самый верный друг мне. Тебе велела передать этот кисет Жамал.

Много дней, пока ждал выписки, пока добирался на попутных машинах и пешком до Савватьево, копил Кракбаев радость в душе, и теперь она переливалась через край, высветляла лицо его, струилась из черных глаз. И Кракбаев пошел по рукам. Его трясли, обнимали, хлопали по плечам, правда, с опаской, чтоб не навредить, не вполне доверяясь его словам о полном выздоровлении. Родовались ему от души, потому что, прослужив два года бок о бок, никогда не видели, чтоб Кракбаев сделал что-то кому во вред, назло. Ни словом, ни действием никого не обидел, если что не так, лишь покривится да неодобрительно поцокает языком. Но коль к товарищу удача пришла, тут он весь с белозубой улыбкой, с приветом.

Костя Сумароков все не унимался:

— А что, в самом деле девок много было и ты ни с одной?..

— Конечно, много! Хорошие девки, ласковые. На руках меня носили в палатку, легкий я. В бане мыли. Потом, когда ходить начнешь, тогда они и сердитые бывают. Если кто рукам волю дает.

— Ага, значит, попадало все-таки.

— Мне не попадало, другим попадало, таким, как ты, — отвечал с хитрой улыбкой Кракбаев. — А лучше не надо госпиталь, не надо девчонок, ходи тут здоровый.

— Верно, Керим, верно, — поддержал его Лихачев. — Все по госпиталям попрячемся, а кто за нас немца гнать будет? Кто Москву отстоит? Вот разгромим фашистов, вернемся по домам, тогда я первый за девками волочиться начну.

Пожилой боец Грачев тоже обнял Кракбаева, поцеловал, как сына, уколол его при этом своей рыжей бородой, не поддающейся никакой бритве без основатель-

ной распарки. Он из саперов перевелся к пулеметчикам уже после ранения Керима, ранее его не знал, но, видя, с каким радушием встречают этого славного паренька, сказал:

— Вроде бы помню тебя, браток. (Такая неправда не во вред, — рассудил он.) Да и ты должен меня знать. Первый-то блиндаж, когда в обороне стояли, кто помогал вам строить? Мы, конечно, саперы. Вот то-то и оно!

— У-у, какой колючий! — потер щеку Кракбаев и, оглядев всех, осторожно спросил: — Крутова нету? Где он?

— О, Пашка теперь в начальство выбился, в штабе он! — ответил Лихачев. — Того и гляди в средние командиры двинут. Башковитый, грамотный. Теперь его во взвод уже не вернут.

— Фу-ты ну-ты, с сумкой на боку ходит, на пьяной козе не подъедешь! — ввернул Сумароков.

— И не надо на козе. Пашка умный человек, пускай другую работу делает!

Только после ужина, когда начали располагаться на отдых и перед сном завернули самокрутки, Лихачев сказал Кериму:

— Будешь командиром расчета. Машинку не забыл, пока лечился?

— Что ты! Разве можно?

— Кореш... — Сумароков уже командовал расчетом, и ему не хотелось уступать, снова ходить пусть и за первого номера, но в подчинении. — Ты же говорил, обещал мне...

— Костя, знаю, все знаю, что сказать хочешь! — Лихачев имел во взводе два пулемета, одним командовал, и хорошо, толково, Грачев, он не хотел ущемлять прав этого пожилого рассудительного человека. А Костя свой в доску, должен понять. — Я тобой тоже доволен, но ты не учиываешь, что Керим еще не окреп: спину ему изрешетило тогда ой-ей-ей как. Хоть и зажило, да как бы снова не набил. И он не так горяч, как ты. Ему и командовать. А ты... Ты мой заместитель. Понял? И чтоб никаких обид! — И закончил уже с обычной усмешкой: — Р-раз-говорчики!

Радость встречи с товарищем согревала пулеметчиков и в последующие дни. О Кракбаеве заботились, ему уступали место поближе к огню. Лихачев следил, чтоб излишним усердием Кракбаев не навлек на себя вражеского огня, заставлял его почаще менять позицию. Сумароков при переходах первым подхватывал на плечо лямку воло-

куши с тяжелым пулеметом, а на протесты товарища грубовато отвечал: «Потерпи, успеешь еще спину набить!» Давно замечено, что сильному нужен слабый, чтоб было о ком заботиться, потому что сила от природы дается для добрых дел, а не во зло ближнему. Без такой заботы человек оскудевает душой, теряет что-то хорошее, без чего жизнь становится неполноценной.

...Когда вышли на опушку леса и увидели затемненный сумерками совхозный поселок, Лихачев понял, что надо ждать команду на атаку, и не ошибся. Батальон начал разворачиваться в цепь и двинулся к домам. Пулеметный взвод держался на левом фланге. Из-за малочисленности (у Турова в батальоне едва набиралось до сотни человек) пулеметы из стрелковых рот были сведены в одну пулеметную роту, так удобней ими было управлять. Лихачев, еще в ноябре принявший взвод, ходил в сержантском звании, хотя Сидорчук обещал присвоить ему звание среднего командира. Но в дивизии с этим что-то не торопились. Да и куда было торопиться! Только счет, что пулеметная рота, а в ней всего три пулемета. Куда их, средних командиров, ставить, кем им командовать?

Тащить пулемет с коробками набитых лент по глубокому снегу, пусть и на волокуше, нелегкое дело, сразу бросает в пот любого, сбивает дыхание. Чтобы помочь бойцам, Лихачев шел впереди и торил тропу, разбрасывая своими валенками снег на стороны. А сам был настороже: вот-вот какой-нибудь гитлеровец увидит наступающих и заорет или пальнет из винтовки. Тогда начнется. Лихачев не забыл, как густо секли пулеметными очередями гитлеровцы из Прибыtkовo, как они лупили минами и снарядами по залегшим в снегу. Ох, достанется, если заставят залечь и на этот раз! Да еще где-то здесь эта проклятая немецкая батарея, ночь напролет садившая тяжелыми снарядами за Волгу. От снаряда и в лесу не укроешься, особенно когда бьют сорокакилограммовыми прямой наводкой.

Густая темень. Ночь. Быстро же она наступила! Чуть угадываются дома, доносятся голоса, будто люди разговаривают на повышенных тонах и даже ссорятся. Пора бы уже огонь открывать, но Туров не дает команды, видно, хочет подойти вплотную. Томительные минуты... Слышно, как тяжело дышат бойцы, волокущие за собой пулеметы.

Выстрел! И крики, гомон у немцев. Заметили, гады! Лихачев падает в снег и машет своим, чтоб ложились.

Сейчас откроют огонь, и надо встретить этот момент так, чтобы враз влупить хорошей ответной очередью. Действительно, застрекотали автоматы, треском раскололи тишину винтовочные выстрелы. Самое время поддержать своих!

— Огонь! — командует Лихачев.

И упругие очереди секут воздух, вспышками преддального пламени озаряют снег, выказывая места пулеметов. С этим ничего не поделаешь. Трассирующие пули рассеивают тьму. В поселке загорелся дом, то ли от пуль, то ли немцы сами зажгли, чтоб осветить перед собой снежное поле и наступающих.

Кракбаев старательно выбирает цели, тотчас же направляя огонь туда, где мелькнет вспышка. Он бьет короткими злыми очередями, чтоб не перегреть ствол, иначе заклинит, и оставишь тогда своих без поддержки. Пехота с криками «ура» атакует, бежит к домам, но гитлеровцы не принимают ближнего боя, они удирают, и стрелки врываются в горящий поселок. Теперь свет пожаров во вред врагам, их можно лучше выцеливать.

— Лупи гадов! Выковыривай с корнем! — кричит какой-то боец и, опустившись на колено, бьет по отступающим.

Пока шли цепью, так вроде и народу было мало, а когда заскочили в поселок, сразу стало тесно, многолюдно.

— Вперед! Вперед! Не скапливаться! — командует Туров, все еще опасаясь, как бы гитлеровцы не открыли огня из минометов.

Подошел запыхавшийся от быстрой ходьбы Матвеев.

— Быстрее очищать поселок! Пока враг не очухался, вышибать его и закрепляться! Шевелитесь, комбат!

Туров и сам видит, что надо быстрее выходить на противоположную сторону поселка, властными командами торопит, подгоняет своих, сам, от дома к дому, ведет их к большому двухэтажному зданию, где почему-то орут, вопят гитлеровцы. Может, за этим длинным домом батарея? Может, пойдут оттуда в контратаку? Рядом оказался сержант Лихачев. Кстати!

— Давай огня посильнее, и мы атакуем это гнездо! — сказал Туров.

Пулеметчики распластались за каким-то забором, проломили одну из досок и длинными очередями прошлись по двухэтажке. Стрелки рывком перебежали туда. Лихачев со своими ринулся к ним, чтобы снова поддержать. Возле высокого крыльца толпились бойцы, что-то разгля-

дывали. Перед зданием прямо на снегу рядами лежали трупы гитлеровцев, кто в мундирах, кто полураздетый, многие с повязками. Э, да у них тут госпиталь, операционная была, что ли, а вопли вовсе не из двухэтажки, а из барака — по соседству. При свете полыхавших пожаров, уже охвативших не только крыши, но и стены домов, несколько наших бойцов перебежали к бараку. Распахнули рывком двери, а там лежащие раненые, прямо на полу, на соломе, все в бинтах. Тянут они руки вверх, орут: «Гитлер капут!» В распахнутые окна клубами валит морозный воздух, на подоконниках висят, перевалившись наружу, раненые. Стащили их назад на пол. Глянули из окон, а там глубокие борозды в снегу и в десятке метров тоже раненые, сумевшие выскочить из барака, да недалеко уползшие.

Туров распорядился осмотреть их, если живы, внести обратно; двери закрыть, выбитые окна завесить плащ-палатками, чтоб не поморозить раненых окончательно. Выживут до прихода санитарной роты — хорошо, нет — не его забота спасать покинутых врагов. Тут своих бы не поморозить, тоже раненых, их надо собрать, обогреть. Ушли из барака от стонов, бредовых выкриков, от вони и вида кровавых повязок, затворив за собой двери.

Только тут вспомнил Туров, что не осмотрел еще что-то непонятное, черневшее на отшибе в поле, и послал туда несколько бойцов.

— Мигом туда и назад. Доложите, что там такое!

Оказалось, стоит покинутая батарея — пушки и возле них горы пустых ящиков.

— Шесть дальнобойных, — доложили комбату. — Тяжеленные, лошадьми ни за что не уволочь, только тракторами. Вот немцы и бросили эти орудия. Знали, что не увезти, палили до последнего снаряда. Весь боезапас израсходовали.

— Ладно, пусть стоят, теперь никуда не денутся. Отстрелялись!

В эту ночь бойцы спали в домах, кто на застеленных соломой нарах, кто на полу, как сумели примоститься. Топились печки, было жарко, надышано, с непривычки сон был тяжелый. Лихачеву все казалось, что по лицу, по шее что-то ползает, щекочет. Но не хватало сил вырваться из-под власти клейкого сна. Наконец он ухватил пальцами то, что ползло, приподнялся. Рядом спал Сумароков, громко всхрапывая и беспокойно дергаясь телом. Лихачев растолкал его локтем.

— Костя, Костя! Слышь, проснись, важги спичку.

Сумароков спросонья долго не мог понять, что от него хотят, потом стал похлопывать себя по карманам, искать коробок. Чиркнул. Только тут, разглядев, Лихачев понял, что держит пальцами вошь. Его передернуло от отвращения. С таким не приходилось сталкиваться давно. Он взял у Сумарокова коробок, встал на колени и принялся, зажигая спичку за спичкой, рассматривать солому, на которой лежал. Казалось, она шевелится от насекомых. И в такой гадости могли жить гитлеровцы!

— Пулеметчики! Подъем! Тревога! — закричал сержант.

Бойцы, толком не проснувшись, первым делом хватались за оружие. Лихачев уже более спокойно сказал:

— Тут «автоматчиков» нам немцы оставили до чертовой матери, аж кишит. Выходи на улицу, будем вытряхиваться!

Он первым скинул полушубок, кинул его на снег морозить, потом разделся до пояса и начал палкой выколачивать на снегу одежду. Бойцы раздевались нехотя, ежились на холоде. Сумароков брюзжал:

— Эх, такой сон! Будто дома. И печка жарко натоплена... А ну их к черту! Еще морозиться из-за них. Выгрести солому, да и досыпать на полу. Зверски спать охота!

Избу выстудили, сон был прерван, и теперь уже многим казалось, что по ним ползают насекомые, хотя лежали на голом полу. Бойцы ворочались, втихомолку матерились, проклиная вшивых гитлеровцев, от которых нигде и никому нет покоя.

В темноте подъехала кухня, началась раздача завтрака. Это Матвеев вызвал ее так рано, чтобы успеть накормить людей горячим, потому что неизвестно, как начнет день. Вдруг с контратак! Утром он послал срочное донесение в политотдел дивизии о том, что батальон столкнулся с большой завшивленностью оставленных противником помещений.

Шмелев встревожился не на шутку — это уже серьезное ЧП. Он помнил, как в гражданскую сыпной тиф косил людей десятками, как вошь была объявлена врагом номер один, не менее опасным, чем белогвардейщина и интервенты. Комиссар вызвал к себе начальника санитарной службы, чтобы узнать, какими средствами располагает служба для борьбы с новым врагом, о чем просить штаб армии. В дивизии имелось специальное мыло «К», была также передвижная дезокамера для «прожарки» обмундирования. Но бойцы находились в наступлении, их

не выведешь для мытья в бане и дезинфекции. Санобработка возможна только для поступающих в санбат раненых. На том и порешили. На всякий случай Шмелев решил держать это дело под контролем и распорядился, чтоб о результатах проверки на вшивость доносили ежедневно наравне с донесениями о боевых действиях.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

После каждого звонка из армии или дивизии начальник штаба полка Бородин долго не мог успокоиться. Сверху требовали проверенной информации, тут не отделаешься общими словами, а Фишер умышленно в самые напряженные моменты уходил от телефона, чтоб не дергали его. Где батальоны, чем заняты, Бородин мог знать лишь приблизительно. А тут еще этот слух прокатился, что Горелов попал в плен! Ушков сразу к Бородину: «Что у вас там творится?» Бородин в ответ: «Мне ничего не сообщали!» Ушков вспылil: «Да вы для чего там сидите? Вот я приеду, всех вас на березах перевешаю!»

И Бородин решил, что лучше ему находиться вместе с одним из батальонов, чем оставаться в Савватьево. К вечеру он был в Губино, под штаб занял крайний на северо-восточном углу деревни дом. Связисты дали «нитку». Можно было говорить с дивизией. Армейская связь осталась за Волгой, и он молил бога, чтоб ее не подали и сюда — в Губино. Бойцы быстро закрыли плащ-палатками и одеялами выбитые окна, растопили печку. Стало теплее. Бородин расстегнул полушубок, снял шапку. Любопытный вид являл он. Лоб, едва прикрытый прядями пшеничных волос, покраснелся, косматые белые брови взлет, как у Деда Мороза, широкое лицо блестит. Голос густой, басовитый, сразу перекрывает все другие разговоры.

В эту ночь начальник штаба мог даже урывками вздремнуть. Однако на всякий случай решил сам проверить службу охранения, хотя знал, что за порядком следит и комбат Зыряно. Они случайно встретились во время обхода.

Был поздний час, луна сияла в полную силу, изливая зеленоватый свет. Избы на сверкающем до блеска снегу выглядели черными до беспроглядности. Даже тени от них и те казались слишком глубокими, будто на передержанной фотографии, когда не остается полутонов.

— Да, — раздумчиво произнес Бородин, — мы тут во-

юем, мерзнем, а природе до нас никакого дела. Ноль внимания.

— Ни до нас, ни до тех, кто лежит вон там, — отвечал Зырянко, указав рукой на побитых его батальоном гитлеровцев. Трупы выделялись на снежном поле, будто крупные кочки. — Достанется кому-то возить их да закапывать...

— Зароют, не к спеху. Могут и до тепла полежать, — сказал Бородин. — Считай, что вам просто повезло, крупно повезло, как в лотерее Осавиахима: за целковый — сто тысяч. Надеялись немцы, что вы от одного их вида дрогнете и побежите. А начини они бой по-настоящему, без фокусов, досталось бы вам на орехи. Возможно, информация их подвела, думали, деревня пуста...

Зырянко знал Бородина — еще недавно такой же, как он, комбат, поэтому, не стесняясь, — чего там, свой брат! — поинтересовался:

— Ну как, ладите с Фишером? Нашли общий язык?

Бородин пожал плечами:

— Даже затрудняюсь сказать определенно. Столкновений не было, все вроде в норме, а понять его толком до сих пор не могу. Неуловимый он какой-то: в самый нужный момент куда-то исчезнет, а ты выкручивайся как знаешь! Трудновато с ним работать.

— Вот-вот! И я это заметил, еще по Дудкино. Появится, когда не ждешь, а когда нужен — нет его!

— Сложного характера человек, — заключил Бородин и неожиданно переменял разговор: — Из дому что пишут или нет?

— Как же, пишут, конечно. Нельзя не писать, нас ведь на фронт ушло пять братьев. Одного уже нет, а что с остальными, сказать трудно, разбросало нас по разным краям — не собрать. Вот и пишут: а не встречал ли где Василия или Николая, а не слыхал ли про Петра, вы, мол, там на фронте ближе друг к другу. Не учитывают, что фронт на тысячи километров, от моря до моря, и человека, близкого тебе, встретить здесь все равно что иголку в стоге сена найти.

Бородин невольно задумался и о своей семье, оставшейся в Красноярске. Шел молча впереди, ссутулив широкие плечи, опустив голову. Считай, полгода пролетело с того дня, как расстался он с женой и маленькой дочуркой. У девочки волосики, как пух. Касаешься их рукой и ухватить не можешь, текут они между пальцами. Как-то они там, милые, родные! Хоть и послал он аттестат, а все равно им, видно, нелегко приходится. Все по-

дорожало, все только по карточкам. Можно было бы сухарей или чего там еще послать, так разве примут? С письмами и то проблема, не то что с посылками. Эх, увидеть бы их, и больше, кажется, ничего и не надо...

— Да, — вздохнул он, — тяжела война не только жертвами, но и разлукой! Раньше об этом и не думалось...

Вскоре они разошлись, и Зыряноко долго слышал поскрипывание снега под грузными шагами Бородина.

Соседняя дивизия, наступавшая правее, все не могла выйти на одну линию с полком Фишера. Ее бомбили, обстреливали тяжелой артиллерией, взломали лед на переправе через Волгу, а когда саперы навели понтонный мост, вражеская авиация разбила понтоны. В таких условиях открытый фланг надо было закрепить, поэтому Горелов не давал команды Фишеру выводить батальон Зыряноко из деревни. Всякий раз он напоминал, чтобы в Губино были готовы к отражению вражеских контратак, и предостережения Горелова оправдались.

Во второй половине дня с западной окраины деревни заметили, что на дороге показалась вражеская колонна. Тотчас все заняли свои места и затаились. На этот раз гитлеровцы развернулись в боевой порядок много раньше, чем достигли рубежа, где им мог нанести потери ружейно-пулеметный огонь русских. Наступающих поддерживали семь танков — четыре покрупнее, остальные малые, вроде танкеток. Они и держались позади, словно щенки за матерыми псами. Танки еще издали начали бить по деревне из орудий и пулеметов.

Зыряноко наблюдал за подходом противника в бинокль и строго наказал прежде времени себя не обнаруживать. Он предвидел эту контратаку и еще вчера переместил сюда противотанковые орудия — две сорокапятки. Прибыtkово было занято нашими, оттуда ничто не угрожало. Теперь надо выждать, подпустить танки, чтоб тогда бить уже наверняка.

Танки шли по дороге и как только на ее изгибе получали необходимый обзор, стреляли двумя-тремя снарядами по деревне, целя в окраинные дома и сарай. Вражеская пехота — рота, может, понесший большие потери батальон — двигалась по глубокому снегу цепью, пулеметчики вели огонь с руки, пули шелкали по стенам и крышам с тем характерным треском, который так пугал наших бойцов в начале войны.

Но пехота не особенно беспокоила Зыряноко. Он был

уверен, что его пулеметчики быстро заставят гитлеровцев улечься в снег. Хуже дело с танками... Если сорокапятьки их не остановят, то придется браться за гранаты. Связки по пять штук — четыре гранаты ручками в одну сторону, пятая ручкой в другую, чтоб можно было ухватить и бросать, — были в каждой роте и в пулеметных расчетах. Только бы душа не дрогнула у того, кто возьмется бросить ее под гусеницу грозной машины. Сам Зыряно страх не испытывал и внешне оставался спокоен, хотя сердце чуть щемило...

Пора было браться за пехоту, отсечь ее от танков, и Зыряно подал команду. Огонь был плотный, и гитлеровцы дружно попадали в снег — убитые, раненые или просто струсившие. Танки между тем участвовали в стрельбе и прибавили ходу. Звонко защелкали противотанковые пушки. Передняя машина, размотав гусеницу, встала. Из-за нее начали выдвигаться другие, теперь они сползали с дороги, утопая в снегу. Ход их замедлился, но этот же глубокий снег мешал артиллеристам, снаряды рикошетили. Шли танки Т-4, средние, у них на вооружении семидесятипятимиллиметровая пушка и лобовая броня недоступна для сорокапятьки. Надо было выбирать момент, когда танк подставил боковую броню или покажет гусеницу.

Подбитый танк превратился в своеобразный дот, бил прицельно, и очень скоро от его снарядов обрушился сарай, в котором находилась пушка. Уцелел ли сам расчет, Зыряно не знал, а времени узнавать не было. Все только после боя! Живы — сами покажутся! Замолкли и пулеметчики. То ли побило их, то ли берегутся они от вражеского огня и меняют позиции. Дело принимало скверный оборот, танки вот-вот могли ворваться в деревню, а за ними приползет и оставшаяся пехота.

Стрелки, перебегая от дома к дому, один за другим начали отходить. Уж больно здорово лупцует танк-дот, разваливая одно за другим окраинные строения. Следовавший за подбитым Т-4 танк уже вошел в улицу и, повалив изгородь, встал близ дома.

— Гранатами его! Гранатами! — закричал Зыряно, хотя в орудийном грохоте и ружейной пальбе мало вероятно, чтоб его услышали. Но он надеялся, что найдутся смельчаки, не зря же он столько всем про это толмачил! Ведь должны понимать, что если танки войдут в деревню, то сомнут оборону. И тут из-за дома, к которому притулился танк, выскочил боец, пригнулся и метнул связку прямо под машину. От взрыва она дернулась и замерла.

— Ай, молодец! — воскликнул Зыряно. — Так их!

Ему не терпелось самому взяться за гранаты, чтоб показать остальным, как надлежит расправляться с этими бронированными махинами, хотя здравый смысл подсказывал, что пока делать этого не следует, пример уже подан, а его дело в другом — руководить боем, направлять действия подчиненных, и они сами сделают все, что в их человеческих силах. Надо бы хоть на минутку заскочить в штаб, к телефону, чтоб доложить начальству о бое, но идти туда времени не было. «Там адъютант, он знает, что делать», — подумал комбат.

Невесть откуда рядом появился командир полка Фишер. Разгорячен, видно, перебежал, прежде чем добрался к Зырянко. В неподходящий момент появился. «Промашку я дал, что ли?» — мелькнула мысль у комбата.

— Ну как вы тут?

— Сами видите, бьем!

— Давай держись! Кровь из носу, а деревню отстоять! Понял? Шевели своих гранатометчиков, нечего им прятаться!

Зырянко хотел спросить, как дела у других, у того же Аникина, уже заикнулся было, но Фишер отмахнулся: не до того! Примерившись, он броском кинулся к соседнему дому, чтоб добраться до штаба полка. Краем глаза Зырянко видел, как пулеметная очередь густо завихрила снег вокруг Фишера, и тот, не добежав до спасительной стены, упал. К командиру полка выскочили связные и, подхватив его под руки, уволокли за дом. Значит, ранен. Что ж, бойцы не оставят подполковника, укроют в безопасном месте. А ему, комбату, надо руководить боем, все остальное потом!

Из-за подбитого Т-4 в улицу вполз еще один танк и стал поливать из пулемета, да так яростно, что щепки полетели от стен и заборов. Зырянко как будто предвидел такое — устроил свой наблюдательный пункт не в доме, а рядом, за поленницей дров, но вражеский пулемет и отсюда высунуться не давал. Вот сволочь!

Зырянко стиснул зубы, подкинул на руке связку гранат, ухватывая ее поудобнее. Кажется, пора! Надо остановить эту железную вражину, пока не натворила беды. Ординарец Петров с беспокойством взглянул на него, не понимая, что задумал комбат. Может, просто готовится к тому моменту, когда танк подойдет вплотную?

Зырянко не мог больше смотреть, как его батальон несет потери. Ведь в каждом из домов, которые позавалились от снарядов, находились его люди, и многим ли удалось уцелеть? О немалых потерях можно судить уже по

тому, как гаснет ответный огонь. Надо скорей расправиться со второй машиной, чтоб она заклинила улицу и не давала ходу другим. Тогда станет легче всем. Дом рядом с НП был уже развален, крыша висела скособочившись, как шляпка червивого гриба, но укрыться за этим домом еще можно было. Зыряно, пригнувшись, стремительно кинулся под его защиту. Там он притаился. Нужно было выждать, пока танк подойдет поближе. Обзор у танкистов таков, что они не видят перед собой в двадцати метрах, и человек перед машиной как бы в мертвой зоне. Вот тогда самый раз выскакивать и метать гранаты. Азарт охватил комбата настолько сильно, что он уже ни о чем другом и думать не мог, как только о предстоящем броске.

Пора!

Он выскочил так внезапно, будто кто взял и вышвырнул его на середину улицы. Замахнулся тяжелой связкой, чтоб метнуть ее под блестящие отполированные траки. Он видел их так отчетливо, словно держал на ладони все, до каждой заклепки. И тут полыхнуло перед ним. Это первый, уже подбитый, танк вдруг ожил. Его орудие качнулось вниз одновременно с замахом Зыряно, и пламя выстрела, горячий его всплеск, достиг лица и толкнул комбата обратно. Зыряно увидел, как из клуба огня и дыма, возникшего перед ним, брызнули веером осколки. Он упал, будто сбитый подсечкой.

Удар по ногам был настолько ошеломляющим, что у него мелькнула мысль: «Убит!» Он ждал, что черная тьма сейчас скроет от него и белый снег, и танки, и окружающие его строения. Но тьмы не накатывало, наоборот, боль резанула острая и нестерпимая. «Перебило ноги!» — догадался он и перевернулся со спины на грудь. Руки подчинились, правая снова цепко ухватилась за связку гранат. Мало того, он ощущал одну ногу, она ему повиновалась. Значит, осколки пришили только по одной — левой.

«Сейчас вскочу и брошу связку!» — решил он, но, сделав рывок, чтоб приподняться, тут же повалился обратно, просто опрокинутый нестерпимой болью. Сердце снова, вместе с памятью и способностью рассуждать, погнало кровь, и Зыряно вспомнил, почему он на снегу, и подумал, что теперь надо во что бы то ни стало отползти в сторону, хоть немного, чтоб не оказаться под блестящими траками. К счастью, танкисты чего-то медлили.

При новой попытке пошевелиться сознание опять помутилось. Он чувствовал, как силы оставляют его, как утекает из него жизнь. Зыряно понимал, что это из перебитой ноги хлещет кровь. Оставалось полагаться только

на других. Хорошо, если кто отважится вытащить его, что называется, из-под носа у танка. Только едва ли! Он хотел распластаться на снегу так, чтоб оказаться чуть в стороне от левой гусеницы, которая просто не давала ему покоя, но в этот момент его кто-то резко, за обе руки дернул и поволок, больно ударяя перебитой ногой о неровности. Он услышал какой-то возглас своего ординарца Петрова, но к кому был обращен этот возглас, комбат уже не узнал. Черная тьма хлынула на него со всех сторон, и он захлебнулся в ней целиком, безвольно погружаясь в ее глубину.

Петров не спускал глаз со своего комбата и одновременно, боковым зрением, видел, что из ближнего дома выскакивают связисты вместе с адъютантом батальона, чтоб отойти, убраться подальше. С ними был повар Погорелов, ему и крикнул Петров: «Погорелов, помоги! Комбат ранен!» Вдвоем они быстро доволокли Зырянко до бани, стоявшей на отшибе деревни за домами. Баню облюбовал фельдшер под санитарный пункт: здесь было тепло и раненых удобней перевязывать. В этом бою много их прошло через его руки, правда, в бане все раненые поместиться не могли. После обработки он отправлял тех, кто мог двигаться, в дом рядом со штабом полка. Оттуда, подводами, эвакуировали их в полковую санроту в Горохово.

Ногу у Зырянко перебило выше валенка, в бедренной части. Крови столько скопилось, что хоть выгребай ладоншкой из ватных штанов. Обрабатывать такую рану фельдшеру было не по силам, следовало только перетянуть ногу повыше раны, чтоб пострадавший не истек кровью, и немедленно отправлять дальше. Фельдшер наложил на брюки ремень, затянул его потуже закруткой. Зырянко лежал бледный, как мел, не подавал признаков жизни, но пульс прощупывался, и фельдшер приказал уложить раненого на санки-волокуши и побыстрее транспортировать в Горохово.

— Не жалейте ног, ребята! — напутствовал он Петрова и Погорелова. — Если ждать подводу, скончается комбат.

Бой кипел рядом, ухали пушки, трещали пулеметы и винтовочные выстрелы. Петрову было жутко оставаться в деревне, когда не стало такого бесстрашного командира, и он был рад возможности покинуть опасное место. Его чувства разделял и повар, привыкший к огню другого рода. Не сговариваясь, они в момент уложили Зырянко на санки, обвязали его по груди веревкой, чтоб не свалил-

ся в пути, и припустили бегом в Горохово. Оба они люди молодые, здоровые, и сейчас только снег вихрился за санками, будто тащили их хорошие рысаки.

В Горохово Зырянко очнулся, увидел над собой небо, ощутил, что мороз крепко хватает его за лицо, хотел растереть, но поднять руку не мог, что-то ее держало. Еще он увидел Волгу и сначала не мог понять, как произошло, что был в Губино, а очутился у Волги, но потом все припомнил. Его лица коснулось тепло — внесли в избу. Петров кому-то громко доложил: «Комбат-первый ранен!» Ему ответили: «Готовьте на стол!»

Ординарец стал снимать с него одежду, а санитар надрезал валенок и стащил с раненой ноги столь быстро, что Зырянко не успел и вскрикнуть от полоснувшей его на миг боли. Холод коснулся обнаженного мокрого тела — это разрезали штанину и оголили ногу. Снова потекла кровь. Врач принялся обрабатывать рану. Зырянко не видел, что с ним делают, ему казалось, что его тело рвут раскаленными щипцами. Чтоб не кричать, он стиснул зубы и только глухо, не разжимая рта, стонал. Потом в ране что-то заскрежетало и затем звякнуло об таз. Боль прямо-таки ослепила Зырянко, и вслед за этим спасительная тьма снова накрыла его, избавив от страданий. Он снова надолго потерял сознание и не чувствовал, как грузили его на пароконную подводку, как мотало и трясло на замороженной дороге, той самой дороге, по которой он так bravо вышагивал три дня назад. В то утро ноги, казалось, отскакивали от земли, так легко шагалось...

Пришел в себя он в медсанбате. Горели лампы, ласковое тепло от топившейся железной печки словно бы отпустило давившую его все время пружину, мышцы расслабились, и тело наконец стало согреваться. Раненая нога не стреляла такой огненной болью. Его снова уложили на стол и начали что-то делать. На этот раз было терпимо, может, потому, что в Горохово вынули засевший в ногу осколок и рану зашили.

Зырянко не оставили в этом доме, перенесли в другой, там уложили на нары и накрыли одеялом, чтоб он мог согреться. Где и когда сняли с него шубу, он не помнил и мало о ней тревожился. Теперь он раненый и может лежать спокойно. Но все время тревожно думалось, уцелел ли его батальон, отбился ли от танков? Как там без него, кто принял команду, Хромов или Сидельников? Живы ли они сами? Он знал, что вместе с ранением все обязанности с него снимаются сами собой, но успокоения это не приносило, не давало ему безмятежно заснуть.

Сестра принесла ужин, склонилась над ним:

— Больной, — это звучало настолько странно, что Зырянко даже глаз не открыл. Какой же он больной, когда он здоровый абсолютно и только раненый! — Больной, — повторила она более настойчиво, — может, немного супчику? Горяченького? Покушаем?

Зырянко соображал, к нему относятся эти слова или нет. Он вспомнил, что с утра ничего не ел, а сейчас горят лампы, значит — вечер. Следовало подать какой-то знак согласия, но сил даже на это не хватало. Он лежал совершенно безучастно, словно обращались не к нему.

— Зырянко, не падай духом! Держись! — голос принадлежал Фишеру. Выходит, и командир полка ранен. Кто же теперь там командует? — Что вы к нему с супом! Дайте ему водки!

— Будете водку? — спросила сестра.

Он едва заметно согласно моргнул. После двух глотков водки Зырянко выпил немного супу, и сразу его потянуло в сон. Но поспать не дали, к медсанбату подогнали порожняк — автоколонну. Его и Фишера уложили в одну машину, обернули одеялами и отправили в госпиталь в далекий Рыбинск, о котором никогда не думалось, есть он такой на свете или нет...

В штабе к Бородину набилось много раненых. Сначала заходили и рассаживались на полу у стен ходячие, потом начали заносить туда и тяжелых, и скоро вся изба была заполнена ими. По сообщениям раненых, Бородин знал, что подразделения постепенно оставляют деревню — дом за домом, и сейчас бой идет за последнюю окраину, где располагался он со штабом. Когда ранило Фишера, Бородин понял, что вся ответственность за удержание деревни, за судьбу раненых падает на него. Брать на себя эти обязанности не хотелось, но комиссара в деревне нет, хочешь не хочешь, надо принимать полк под свое начало. Первым делом он приказал, чтобы все штабные командиры отправились в подразделения и помогали ротным держать оборону.

Раненые тревожно прислушивались к каждому его слову, понимая, что теперь их судьба всецело зависит от того, устоят ли защитники деревни или нет.

Следовало срочно сообщить о положении дел в дивизию, но связь с ней прервалась. На линию убежали связисты, однако время шло, а телефон молчал. Бородин послал в дивизию молодого проворного бойца, наказав

ему найти Горелова и просить о немедленной помощи. ...Первыми в осажденное Губино прорвались две наших тридцатьчетверки. Они переправлялись через Волгу, словно на ощупь проверяя надежность ледовой дороги. Под их тяжестью из-под настила выступала вода, лед трещал и гнулся, но машины все же прошли. Однако прежде чем пускать на правый берег остальные танки, следовало усилить настил новым рядом бревен, и Горелов приказал командиру инженерного батальона немедленно заняться этой работой.

В штаб Бородин вбежал танкист и доложил о прибытии. Майор велел ему не медлить, а сразу огнем пушек и пулеметов поддержать батальон, помочь пехоте очистить деревню от врага.

— Действуйте смелее, против наших тяжелых машин немецкие танки не устоят. Тем более что три из них подбиты...

Через несколько минут яростно загрохотали пушки и пулеметы наших танков, загрохотало «ура». Пехота перешла в контратаку. Уцелевшие немецкие танки не приняли боя с тридцатьчетверками и покинули деревню, едва их увидели. Только те, что были подбиты на входе в улицу, остались. Они горели черным чадным пламенем, внутри их взрывались боеприпасы, трещали пулеметные патроны. Пламя и дым взмывали над обреченными машинами, сорванные башни валялись в снегу, а сам снег вокруг почернел.

Вскоре в Губино вошли дивизионная разведка и автоматчики — последний резерв Горелова. Но действовать им уже не пришлось, деревня была очищена, враг отбит.

Вечером Горелов распорядился, чтобы полк принял майор Атаманов, недавно присланный в дивизию. Комдив намеревался поддержать его некоторое время заместителем у Фишера, но события ускорили назначение. Бородин остался в прежней должности и был этому рад.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Станция Чуприяновка затерялась среди густого елово-соснового леса, среди глубоких снегов, и теперь поезда не ходили, она оказалась заброшенной, всеми покинутой. Жители-железнодорожники разбрелись кто куда еще осенью, как только город Калинин был оккупирован. На единственной проселочной дороге от совхоза Морозово к полустанку лежали белые пуховики снега. Гитлеровцы,

бежавшие в Чуприяновку из Прибыtkовo, проторили узкую тропу, на ней могли разминуться пешие, но с повозкой было не пробиться. Огромные фуры — крытые брезентами повозки на высоких колесах — резали снег до земли, и немцам пришлось рубить постромки и удирать верхами на лошадях-битюгах, побросав фуры где попало. Теперь эти фуры стояли, скособочившись и завалившись в глубокий снег, помеченные тузами и прочими опознавательными знаками, говорившими о принадлежности к определенной части. Эти знаки были выбиты по трафаретам на задней стенке каждой повозки и могли поведать сведущему человеку, чей это транспорт, откуда. Но об этом гораздо подробнее можно было узнать из захваченных в Прибыtkовo штабных документов. Ими занимался майор Бернштейн — начальник разведки дивизии. Он сортировал их, отделял важные от второстепенных...

Бернштейн прибыл к Горелову осенью, когда дивизия вела бои под Калинином, обороняясь на реках Тьмака и Тьма. До этого он работал инженером-строителем на возведении укреплений вдоль западной границы. Началась война. Ему, гражданскому специалисту, пришлось отходить из Литвы вместе с толпами беженцев, отходить поспешно, чтобы не попасть в руки гитлеровцев. В портфеле, который он не выпускал из рук даже во сне, лежали секретные документы — схемы и чертежи сооружений, которые надлежало передать в управление во что бы то ни стало, без них нечего было и думать появиться в Москве. К счастью, вскоре он пробился к отходившей воинской части, и оттуда его переправили сначала в штаб армии, потом в штаб фронта. Там, освободившись от тяготевших его документов, он вздохнул наконец свободно и, когда его зачислили в резерв командных кадров, счел себя вполне удовлетворенным человеком. Бернштейн свободно владел, помимо русского и родного, еврейского, еще и немецким языком, малость разбирался и во французском! Разумеется, им сразу заинтересовалось разведуправление, где знатоки такого рода были очень нужны. С каждым днем накапливались трофейные документы, их надо изучать, извлекать полезные для армии сведения, чтобы яснее представлять структуру вермахта, его намерения и цели.

Бернштейн отличался большой усидчивостью, аналитическим складом ума, ему нравилось разгадывать полузашифрованные сведения, касающиеся различных отделов вермахта. Эти отделы имели прямое отношение к оккупации России, их создавали для нужд войны еще до плана

«Барбаросса» и в связи с ним, с учетом далеко идущих расчетов на будущее. Отделы посылали войскам указания, требовали отчетов, скрывая за шифром свое истинное название, место и роль. Работа с шифрами походила на разгадывание кроссвордов: уместилось слово по горизонтали, глядишь, не сходится буква с названным словом по вертикали. Значит, что-то не так...

Бернштейн сравнительно быстро освоился в разведуправлении, был доволен судьбой, не рвался на передовую. Только осенью он забеспокоился. Это совпало по времени с теми днями октября, когда из Москвы началась эвакуация предприятий и населения, прямо не связанных с оборонным производством. В эти трагические дни гитлеровцы максимально приблизились к столице. Преувеличенные слухи о панике, охватившей москвичей, о бомбежках и пожарах, естественно, доходили и до разведуправления. Как тут было сохранить и далее спокойствие, не думать о семье! Но вскоре он получил весть, что жена с дочерью выехала в далекую Рузаевку, устроилась там, они живы-здоровы. До Рузаевки немцам не добраться, этого достаточно, и он снова погрузился в мир трофейных бумаг, выуживая из них все возможное.

Но с безмятежным житьем вскоре предложили расстаться: командиру в звании майора надлежало получить фронтовой опыт. Бернштейна направили в дивизию Горелова начальником разведки. Теперь предстояло иметь дело не столько с бумагами, сколько с людьми. Людей этих прежде всего следовало отыскать в общей массе, научить их тому, как брать «языков», а также другими способами добывать данные о противнике.

Горелов потерял начальника разведки в осенних боях за Волгой, ждал нового и не очень обрадовался, когда к нему явился грузный, нескладный, совсем не военного вида человек, почти ему ровесник, с поседевшими, зачесанными назад волнистыми волосами. Он даже по стойке «смирно» не мог стоять как надо, ноги в коленках касались друг друга, а ступни расходились. Но прибывший офицер вполне прилично владел немецким языком и сразу покорила Горелова знанием структуры гитлеровской армии, особенно ее дивизионного звена. Правда, иногда, не надеясь на память, он доставал для справки пухлую, затертую записную книжку, где каждая страница была испещрена мизерными буквами и цифрами, в которых мог разобраться только сам владелец книжки.

Горелов хорошо знал кайзеровскую армию, два года первой мировой войны провел в должности ротного, до-

служился до штабс-капитана. Знал Горелов неплохо и гитлеровскую армию, поскольку на учениях перед войной в качестве «синих» — потенциального противника — обычно подразумевались немецкие войска. Немало узнал об этих войсках и за полгода войны. Так что опыт имелся, но то, что выкладывал ему Бернштейн, касалось не столько организации вермахта, сколько дальних целей Гитлера. Ради осуществления этих целей были задействованы многочисленные отделы, спецкоманды, управления, созданные гитлеровцами вовсе не для боя, а для планомерного ограбления и уничтожения целых народов. Все это было потрясающе цинично — беспощадность, возведенная в ранг государственной политики. Ни в одной войне ни одна из сторон на такое еще не замахивалась...

Бернштейн был настроен оптимистически, предсказывал, что гитлеровский режим долго не продержится, ибо на нем висит тяжкий груз преступлений, что очень скоро классовое сознание немецкого народа, одураченного геббельсовской пропагандой, первыми успехами вермахта, будет разбужено, и тогда надо ждать больших революционных событий.

Генерал молча все это выслушивал, а сам думал, что классовое сознание немецкого солдата если и будет разбужено, так не раньше, чем после нескольких отрезвляющих ударов Красной Армии. Однако мнение Бернштейна о том, что нужно организовать толковую пропаганду среди вражеских солдат и тогда они начнут сдаваться в плен, оспаривать не стал, взял себе на заметку: «Попробуйте, ищите методы, а там видно будет, — ответил он. — Вы начальник разведки, вам и карты в руки. Как бы там в дальнейшем ни случилось, а пока, в первую голову, укомплектовывайте разведроту. Начальник штаба поможет».

...В ноябре, когда дивизия держала оборону, в штаб приехал гость — венгерский писатель-антифашист Бела Иллеш. Его сопровождал московский поэт. Они прибыли вечером, один в гражданской одежде, другой в форме командира Красной Армии, и Горелов не очень любезно их принял, сразу предупредил, что не имеет времени вести с ними беседу на литературные темы, и если у них есть дело, то лучше тут же к нему и приступить. Но у гостей конкретного дела не оказалось, цель приезда была довольно размытая: их интересовала обстановка, они хотели бы услышать о недавних боях дивизии, понять психологический настрой сибиряков, на которых в то время возлагались большие и оправданные надежды.

Бела Иллеш, сняв пальто, сидел в пушистом свитере, курил трубку, он терпеливо отвечал на вопросы Шмелева о том, почему венгерский народ пошел на поводу у Гитлера и воюет против советских людей.

Горелов был очень прямолинеен, недипломатичен, и Шмелев старался сгладить резкость комдива, чтобы гости не обиделись. Он много и охотно рассказывал о героях прошедших боев, о том, как прорывался один из полков дивизии из окружения, что возглавил прорыв не пехотный командир, а артиллерист, командир дивизиона Селиванов. За этот подвиг его, первого в дивизии, наградили орденом Ленина.

Бела Иллеш слушал, улыбался в черные пушистые усы, набивал трубку легким ароматным табаком. Она часто у него угасала, ибо, заслушавшись, он забывал про нее. Бела Иллеш очень удивился, когда Шмелев сказал, что в дивизии есть командир, воевавший в Испании добровольцем в бригаде генерала Лукача. Конечно же, Бела Иллеш хорошо знал Лукача — пламенного интернационалиста, отдавшего жизнь за свободу испанского народа.

— О-о, — поднял он палец, — Матэ Залка! Народ Венгрии никогда не забудет своего верного сына. Придет время, ему будет поставлен самый большой памятник на одной из площадей Будапешта. А скажите, как ведут себя боши?

При этом, казалось бы, давно забытом слове «боши» вместо привычного «фрицы» Горелов встрепенулся, словно встретил однополчанина времен первой мировой войны. Он уже раскаивался за свою недавнюю холодность и был благодарен Шмелеву, незаметно снявшему напряжение. Оказалось, что, даже не вдаваясь в отвлеченные литературные разговоры, которых так не любил Горелов, считая их пустой болтовней, находятся точки соприкосновения с известным писателем, столь искренне разделяющим тревогу за судьбу Советской России. Сам не замечая услужливости, генерал то и дело подсовывал гостю кiset с ароматным табаком, и дым облаком стлался по избе. Теперь, услышав вопрос о немцах, он переглянулся со Шмелевым, и они поняли друг друга: на этот вопрос более обстоятельно ответит Бернштейн.

Шмелев прошел к двери и, отворив ее, сказал адъютанту:

— Пригласите разведчика.

Бернштейна не смутило присутствие Бела Иллеша, он читал его произведение «Тисса горит», опубликованное в московском журнале перед самой войной, его не надо

было посвящать в трудную жизнь политэмигранта. Видя, что Иллеш говорит по-русски с некоторым затруднением, он сразу перешел на немецкий и всецело завладел вниманием гостя. Он даже посвятил его в свою задумку — обратиться к немецким солдатам с речью. Бела Иллеш тут же предложил свое участие в этом деле.

— Ни в коем случае! — энергично запротестовал Горелов. — Ваше дело писать книги, наше — воевать. Это связано с риском для жизни, и я не позволю!

— Мы живем в такое время, — спокойно отвечал Иллеш, доброжелательно глядя в глаза генерала, — когда мир поделен войной на два лагеря: одни за нас, другие против. Идет битва двух идеологий, и если кто-то еще находится в стороне, это не значит, что завтра линия фронта не проляжет через его сердце. Я говорю о простых людях планеты, а мы, антифашисты, всегда на передовой и не должны бояться потерь. Они неизбежны во всякой войне. Я считаю своим прямым долгом обратиться к вражеским солдатам, среди которых могут оказаться и мои земляки. Вы с самого начала сказали, что следует говорить о деле. Вот давайте и обсудим, как лучше исполнить это дело, чтобы моя поездка к вам не прошла бесцельно.

Горелов развел руками: что делать? В душе он был согласен с доводами гостя, но долг хозяина удерживал его от немедленного ответа. Случись беда, позор ляжет на всю дивизию, скажут, сибиряки не могли уберечь такого человека! Генерал укоризненно глянул на Бернштейна:

— Хоть бы прежде с нами посоветовался, что ли!

Тот пожал плечами:

— Я не вижу в этом особого риска: наденем белые маскхалаты, выйдем в окопы. Против немецкого блока ~~гауза~~ нейтралка невелика, через рупор каждое слово отчетливо дойдет до противника...

— Хм... Дойдет... Как смотришь, Дмитрий Иванович?

— Можно попробовать, — ответил Шмелев. — В случае чего — прикрыть...

— Ладно, раз так настаивают, дадим надежное сопровождение. А вам, майор, поручаю прикрытия. Связывайтесь с артиллеристами, держите их на телефоне, чтоб огонь был в ту же минуту, как потребуется, и следите за обстановкой. Лучше с КП командира батальона. За гостя отвечаете головой!

В вечерний час Бела Иллеш на подводе выехал из штаба дивизии к передовой. Бернштейн остался в землянке командира батальона и сразу принялся называть артиллеристам, а Иллеш с бойцами охраны, с про-

водником, хорошо знавшим расположение батальона, гуськом проследовал в окоп, за которым лежала белая полоса простреливаемой неширокой реки. На другом ее берегу — темный лес. Там были немцы, их огневые точки, их блокгауз, оттуда то и дело взлетали осветительные ракеты и строчили пулеметы, словно предупреждали, чтоб никто близко не подходил. Расстояние было невелико. Бела Иллеш привалился грудью к брустверу, прилажился к нему и взял в руки рупор.

При первом слове обращения: «Камрады!» — на другом берегу наступила тишина. Может, так только казалось тем, кто ждал начала речи, а немцы, не понимая, в чем дело, не разобрав, откуда голос, просто прислушивались и не знали, что за этим последует. Иллеш заговорил о пролетарском долге немецких рабочих, о том, что их обманывают и гибель их в пламени войны не принесет счастья Германии, будет на руку только господам Круппам, наживающимся на поставках оружия. Не забывают, говорил Иллеш, что настанет час расплаты за причиненное зло, и час этот будет горек...

С немецкой стороны поднялась пулеметная стрельба. Гитлеровцы хотели помешать говорившему, заглушить его усиленный рупором голос. Обстрел усиливался с каждой минутой, пора было прекращать речь, и Бела Иллеш, призвав немецких солдат переходить в плен, чтобы сохранить свою жизнь, обратился — теперь уже на венгерском языке — с таким же призывом к своим землякам венграм, которые, возможно, находились на этом участке фронта. «Вам-то какой смысл следовать заодно в кровавой упряжке с Гитлером? — спросил писатель. — Сдавайтесь в плен, вам нечего бояться, русские не питают к вам вражды...»

Пули летели через окоп.

— Расшевелили мы их, — усмехнулся Иллеш. — Теперь не скоро успокоятся. Придется пережить...

Но тут заговорила полковая батарея, снаряды зашестели, засвистели над окопом и стали рваться среди вражеских блиндажей. Пулеметы один за другим смолкли.

Бела Иллеш благополучно вышел с передовой, его не задела ни одна пуля, а вот сопровождающему распорол на плече маскхалат и ватник.

Горелов изрядно переволновался за судьбу гостя, корил себя запоздало, что дал согласие на его речь, мерял шагами избу, ожидая возвращения писателя. Он очень обрадовался, что Иллеш вернулся невредимым. А в душе

генерал продолжал считать всю эту затею зряшным делом, чуть ли не донкихотством: когда пришла пора говорить языком оружия, слово недействительно! Бела сидел задумчивый, отвечал односложно, — да, нет, курил больше обычного, словно за клубами дыма старался скрыть свои невеселые мысли.

— И вы думаете, что ваше выступление принесет какой-то результат? — не вытерпев, прямо спросил его Горелов.

— Непременно, — ответил Иллеш. — Иначе зачем бы я рисковал.

— А я считаю, что немцы еще не созрели для восприятия нашей правды. Другое дело, если б не они под Москвой, а мы стояли под стенами их столицы.

— В таких случаях лучше положиться на будущее, — ответил Иллеш. — Нужно время, чтобы слову прорасти в душе!

— Что ж, поживем — увидим, — заключил Горелов и пригласил гостей к чаю.

Ужинали по-солдатски: перед каждым повар поставил по миске пшеничного кулеша с мясом, по кружке чаю. Горелов подал ему знак, и повар внес стаканы, налил по сто граммов фронтовых.

— Выпьем за наши будущие успехи! — предложил Горелов, поднимая стакан. — Загадывать, конечно, трудно, да еще на войне, но я хотел бы, чтоб все мы дожили до нашей победы!

Он не стал чокаться, выпил и молча склонился над своей миской. Время позднее, поэтому ужинали быстро. Гости поблагодарили за теплый прием и уехали. А перед рассветом из батальона позвонили и сказали, что пришел и сдался в плен немец. Горелов приказал немедленно доставить его в штаб дивизии. Солдат был в нательной рубашке, без мундира и без пилотки, в которых, несмотря на холод, все еще «шеголяли» гитлеровцы. Это уже в рот, куда он прибежал, ему дали русскую шапку-ушанку и обрядили в чью-то ватную телогрейку.

— Кальт! Кальт! — говорил он, потирая красные руки. Когда переводчик спросил, что его заставило перейти на нашу сторону, пленный ткнул себя в грудь и заявил: — Я не хочу воевать за Гитлера. Ваш человек говорил, что меня у вас не тронут. Так это?

— Он говорил правду, — ответил Горелов. — Но скажите, почему вы пришли к нам раздетый?

— О! За нами, венграми, следили немецкие офицеры.

Одетого меня бы не выпустили из бункера одного. А раздетый далеко, мол, не уйдет. Кальт! — повторил он. — Мороз. Я бежал все время... — Он зябко передернул плечами.

Горелов приказал накормить пленного, дать ему водки. Тот выпил, похвалил: «Шнапс — гут!», быстро управился с миской каши и с готовностью поднялся:

— Янош Шавань будет отвечать на вопросы.

Но Горелов сказал, что это успеется, можно подождать...

Бернштейн постепенно утвердился в новой своей должности. Разведчики еженочно уходили группами за Шостку и Тьмаку, искали «языков», но удача сопутствовала им редко. Несмотря на листовки, устную пропаганду, немцы не спешили сдаваться в плен, их классовое сознание пребывало в прежнем дремучем заблуждении. Когда Бернштейн докладывал Горелову результаты поисков и новые свои задумки, тот порой скептически улыбался, чувствуя свою правоту, но высказывать мнение не спешил, чтобы не отбивать охоты к делу у разведчика. Пусть старается, глядишь, что-то и получится полезное. Недаром говорится, что капля не велика, а камень точит, если бьет в одно место. Генерал твердо знал: будут победы — появятся и пленные. А пока надо довольствоваться захваченными «языками».

Из бумаг, взятых в Прибыtkовo, Горелову стали известны части, с которыми приходилось драться, но положения дивизии это не облегчило. Полки наступали, несли в боях большие потери, численность подразделений убывала на глазах, а ощутимых результатов бои не приносили. Главная, ударная сила — арtpолки — только следовала за пехотой, а помощи ей не оказывали: кончились снаряды, на дивизионном обменном пункте давно не видели мин, и взять их негде. Вот и получилось, что пехота вышла к железной дороге, толклась перед ней, а взять Чуприяновку не могла, хотя там стояла всего лишь одна казарма для путевых рабочих да несколько частных домиков, за которые и уцепился противник.

Командарм Ушков нервничал, обвинял Горелова в неумелом управлении дивизией, в мягкотелости, в нетребовательности. Но, высказывая эти упреки, командующий все же понимал, что у Горелова просто не хватает сил. Среди ночи он вдруг позвонил и сказал, что передает в дивизию группу Головина — пятьсот лыжников.

— Выдели им на фланге самостоятельный участок, и пусть действуют на стыке с соседней дивизией.

Чтобы подтолкнуть войска, создать обстановку боевого порыва, во все части дивизии выехали политотдельцы из армии. Вместе с дивизионными политработниками они провели в батальонах партийные собрания и митинги. Под их контролем были пересмотрены тыловые подразделения и оттуда взяты все, без кого можно было пока обойтись. Независимо от званий, те, кто проявил себя в бою, были назначены на должности командиров и политруков взамен выбывших.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Комиссару Матвееву лишь в совхозе Морозово удалось немного поспать в тепле, да и то какой это сон, если пришлось не раз подниматься и проверять, чтоб само охранение не уснуло. Трое суток на снегу. Люди были до предела измотаны, и с этим приходилось считаться. Сам он почернел от мороза, исхудал до крайности, и одежда держалась на нем, как на колу. Впору было отчаяться от свалившихся враз невзгод, но он был человеком крепкой большевистской закалки, прошел всю гражданскую войну. Самовоспитание позволило развить ему нравственные свои силы выше физических, данных матушкой-природой, он этим гордился и если видел подобные качества в других людях, то сразу проникался к ним уважением. Вот на своей воле он, кажется, в основном и держался, удивляя многих выносливостью и энергией.

Рядом с батальоном Турова действовали теперь два батальона соседнего полка. Матвеев не считал нужным их контролировать: есть у них свой полковой комиссар, пусть действует. А вот свое постоянное присутствие в батальоне Турова Матвеев считал необходимым: ведь здесь — решающий участок.

Порой, когда у комиссара выпадали свободные минуты, в душу его, словно волны на морской берег, накатывали воспоминания о далеких днях прожитой жизни, с особой отчетливостью вставала перед глазами вся прелесть мирного времени. Вспомнилось, как перед самой войной, в лагерях, шел он с женой темным ночным лесом; возвращались из кино, но что-то ему не приглянулось идти по дороге, и он повел Варю потаенными тропками через молодой сосновый бор. Как ярко сияли в вышине охолодавшие звезды, каким стойким хвойным ароматом дышали деревья! Варя нарочито пугалась каждого шоро-

ха, прижималась к нему, хотя он и без того обнимал ее за плечи, оберегая от прохлады. В Сибири даже в зените лета, когда днем несусветно печет, ночи стоят прохладные, а к утру не сразу и сообразишь, иней ли преждевременный или такая седая студеная роса пала на травы.

Мгновением пронесли часы, проведенные в лесу, но было ли еще когда, чтоб так искренне раскрылись они друг перед другом. Кажется, вся душа тогда проглядывалась до самого донышка, так хорошо они понимали: он — Варю, она — его. А вот дома, вместо того чтобы продлить эти прекрасные мгновения, он оставил ее одну, а сам засел на кухне за какие-то отчеты, будто есть что-то более важное, чем близость любимой женщины. Теперь кусай локти!

Если вдуматься, так не новичок он в жизни, уже посмотрелся всякого и в гражданскую войну, и после нее, но уроки не всегда идут впрок, и приобретенный опыт кажется порой несостоятельным перед возникающими проблемами. Он и Сидорчук гордились тем, что получили закалку в гражданской войне, это позволяло им говорить с молодежью с позиций бывалых людей, чуть свысока, непререкаемо, и большинство принимало их поучения на веру. Казалось, опыта хватит надолго, под ногами всегда будет надежная твердь. Но теперь все идет не так, как думалось, как хотелось бы видеть положение дел. Раньше проще решались все вопросы: перед тобой враг, иди первым, показывай пример. «За мной!», саблю наголо, и, если уцелел, значит, победил, и много дней впереди оставалось на то, чтоб нацелить красноармейцев на будущий бой, помочь им утвердиться в справедливости дела, за которое воюют, отмежеваться от дум о возможной смерти. На войне она маячит перед каждым. По сути, если вдуматься, и сейчас стоят такие же задачи, но работать стало много труднее. Война стала иной, тут одной ненавистью к врагу, одним рывком ничего не решишь, от человека требуется постоянное напряжение всех физических и нравственных сил. И еще, думалось Матвееву, много значит, что иными стали боевые порядки войск. Раньше в бой шли кучно, плотными цепями, бок о бок, когда на миру даже робкий шел наравне с другими, а теперь, в наступлении ли, в обороне, люди рассредоточены, вот и мнится иному, что перед ним врагов много, а он чуть ли не один перед ними. И робеет солдат, и к земле жмется, и в атаку идет с оглядкой. Психология! К тому же бой растягивается на несколько дней, нет передышки, чтоб солдат мог прийти в себя, освободиться от тоскливых

мыслей, отогреться душой и телом. Что посоветуешь смертельно усталому, закоченевшему от холода чуть ли не до неменяемости человеку.

— Стреляй, черт побери! — негодовал Матвеев, видя, как кое-кто идет в наступление, неся винтовку под мышкой и чуть ли не ковыряя дулом снег. — Почему не ведешь огня?

— А куда стрелять? — вполне искренне отвечали ему. — Не видать же немца.

— По тебе-то стреляют!

— По мне... Он же за стенкой прячется, что ему! Разве его винтовкой достанешь? Стреляй, не стреляй, все одно!..

Ему, комиссару, крепко приходилось работать, чтобы вытравить вот такие настроения! Удавалось, конечно, это сделать, но не всегда!

Устал Матвеев. Себе-то он может в этом признаться. Отдохнуть бы хоть денек! Сидорчук звал на командный пункт в Прибыtkовo, но как уйдешь, на кого оставишь батальон? Туров человек обязательный, по-партийному понимает свою ответственность, но и ему надо помогать. За каких-то двое суток потеряли всех политруков, а назначенные на их место коммунисты из рядовых ждут, что командир повелит, а сами еще робеют проявить инициативу. Вот и мечется комиссар между ними, подталкивает то одного, то другого...

Надо брать Чуприяновку, до нее рукой подать. И это сейчас основная его комиссарская забота. Потому и не уходит никуда, не позволяет себе расслабиться. Взять станцию — главная задача дивизии, сюда нацелены главные силы. Смешно сказать: главные силы. Это неполных два-три батальона! Но все равно, надо выполнить поставленную задачу. Во что бы то ни стало!

Интересный у них произошел разговор с Сидорчуком перед уходом Матвеева в батальон. Сидели они в будке, за Волгой, — Сидорчук не торопился в занятое Горохово, и момент выдался такой, что остались они наедине.

— Черт его знает, — пожаловался Сидорчук, — звоню, звоню в тылы, и толку никакого: нет снарядов. Как дальше наступать, чем пехоту поддержать — ума не приложу. И о чем вверху думают?

— А что тут думать, нет снарядов, так где возьмешь?

— Куда же они подевались? Мало ль было запасено?

— Осенью пожгли, когда отступали, чтоб врагу не достались. Вывозить не на чем было...

— Кому-то надо предусматривать и такой вариант.

Ты же первый всегда ратовал за прозорливость, полагался на нее.

— Верил и сейчас верю, потому что она была и есть, — твердо заявил Матвеев. — Нет снарядов и мин, но заводы успели вывезти на восток, не сидели, значит, сложа руки. Пол-России, считай, под врагом, а с голоду не пухнем, хлеб получаем, да еще и водочку дают. Откуда б всему взяться, если б заранее не подумали, не подготовились?

— Долга песня эти твои заводы. Снаряды нужны сегодня, завтра...

— Сегодня и завтра не будут, заводам время нужно, чтоб прорасти на новом месте, а пока надо продержаться на том, что есть, чем располагаем... Мы — отвлекающий фронт. Все — снаряды, оружие, продовольствие, — все лучшее на главном направлении, у стен столицы. Нам пока держаться на храбрости да на совести, и сетовать нечего тут... Лучше скажи, не пора ли подвинуть штаб и командный пункт поближе к батальону?

— Подождем, мало ли что вздумается Горелову? Приходится выжидать. От телефона, сам видишь, ни на шаг не оторвешься...

В будку вошли телефонисты, и разговор остался незавершенным.

Да... Не так все представляли и уж совсем не думали, что зачуханный полустанок Чуприяновка станет камнем преткновения для всей дивизии. Почему не спешили командиры полков взглянуть на нее внимательнее и зримо представить, что она, эта Чуприяновка, из себя на самом деле представляет?

Вокруг совхоза Морозово густые леса. Деревья заснеженные и седые от инея. Сквозь холодную мглу пробивается свет, значит, утро в разгаре, вот-вот и солнышко выкатится. Пора кончать завтрак, возню возле кухни. Глянул Матвеев в сторону крайнего дома, где притулилась под стеной подвода с котлом. Так и есть — на месте стоит, все еще не раздали пищу! Неужели не могут управиться вовремя, ведь предупреждал! Он поспешил туда.

— Что копаетесь? — еще издали закричал он старшине хозяйственного звзда. — Чего еще ждете, почему пищу не раздаете?

— Никак нет, — ответил тот, вытягиваясь перед комиссаром по стойке «смирно». — Все накормлены, даже на фрицев раненых достало еды. Ждем подводы санроты, чтобы вместе ехать.

— Нечего их ждать, сами дорогу найдут. Отправляй-

тесь немедленно! — распорядился Матвеев. — У вас только кухня? Другой подводы нет?

— Только кухня, — подтвердил старшина, догадываясь, зачем комиссар об этом спрашивает. — Раненых взять некуда. Просто думали, что вместе веселее ехать.

— Веселей — не веселей... Тут не цирк! — буркнул Матвеев досадливо. — Поезжайте!

У комиссара много хлопот с ранеными. Их нельзя задерживать, надо отправлять немедленно, при всякой возможности, потому что каждая минута промедления — это новые страдания. Плохо, если раненые накапливаются в батальоне, они связывают боевое подразделение по рукам и ногам. Взятие совхоза Морозово обошлось, что называется, малой кровью, минимальными потерями. Но тут, как на грех, оказались десятки раненых немцев. Враги, а надо заботиться... Вчера, как только об этом донесли, Матвеев сразу приказал, чтоб забили окна и двери, затопили печку в помещении, где был лазарет. Когда посылал за кухней, распорядился приготовить пищу с излишком, на раненых тоже. Вот только эвакуировать их не на чем, придется ждать транспорта из медсанбата дивизии. Чтоб не перемерли, оставил с ними фельдшера из батальона, от своих отнял нужного человека. До скрипа зубовного ненавидел гитлеровцев Матвеев, ненавидел за их изуверскую идеологию, и на его же долю, словно в насмешку, выпало заботиться о раненых немцах. Душа протестовала, но он делал все возможное для их спасения. Так надо. Так велят законы человеческой гуманности.

«Но где же подводы со своими ранеными? Пора бы и им выезжать!» — забеспокоился комиссар. И он широко зашагал по скрипучему снегу к дому, где остановились комбаты. Так и есть, тут и подводы, выстроились в том порядке, как должны следовать, ездовые подтыкали под раненых одеяла. У лошадей морды заиндевелые, косматые от инея, под ноздрями сосульки. Стоят, отфыркиваются густыми струями пара. Мороз... Жмет проклятый без передышки. Хорошо, что предусмотрительные ездовые привезли с собой одеяла, укутали ими раненых.

— Не поморозите дорогой? — спросил Матвеев старшего повозочного Воробьева.

— Не должны, — рассудительно, уверенным тоном ответил тот. — Посмотрим, ясное дело, живым помереть не дадим...

Полковой врач Спирин добивался, чтоб представили Воробьева к награде. Осенью, под Толутино, спас этот

повозочный от пленения целый обоз — двадцать три подводы с ранеными. Ехал впереди, первым заметил на пути гитлеровцев, не растерялся, открыл по ним огонь, задержал, а ездовые развернули лошадей и — назад. «Конечно, заслуживает храбрый сибиряк награды, да время для представления к ордену или медали не очень подходящее, очень суетное время... Вот повернем немцев вспять, погоним повсюду, тогда никого не обойдем, про мертвых и про тех не забудем», — рассуждал комиссар.

— Выздоравливайте быстрее, товарищи! — напутствовал он раненых.

Двинулись подводы по заснеженной дороге. «Что ж, — невольно подумал Матвеев, — часа через полтора-два раненые будут в тепле, перевязаны и ухожены, в глубокий тыл поедут. А тут еще неизвестно, что тебя ждет...»

Нехорошие мысли для предстоящего боя, а ничего не поделаешь, сами возникают. И Матвеев, хмуря брови от недовольства собой, пошел к комбатам. Нечего ждать, когда солнце покажется над лесом, надо поднимать людей на Чуприяновку...

В санитарную роту брали в основном людей пожилых, кто по возрасту уже не подходил для боевой службы. Впрочем, вытащить из боя раненого отнюдь не легче, чем стрелять или пробежать, скажем, метров сто в атаку...

Воробьев, как пришел в полк по мобилизации, сразу был зачислен в санитарную роту. Суть службы здесь он сразу усвоил, поэтому напрасно Спирин то и дело твердил, что первейшая обязанность санитара — доставить раненого. «Умри сам, — говорил он, — а раненого вынеси, как родного, сбереги!»

Азбучная эта истина, а не каждому доступна. Трудно ради кого-то забыть о своей жизни, нелегко жертвовать собой. Но Воробьев убежден, что только так и должно быть. А если имеешь другое мнение на сей счет, то нечего тебе делать в санроте. Поищи другое место.

Воробьев не в первый раз сопровождал раненых, приглядывает не только за тем, чтоб им было удобно, тепло, но еще больше следит за дорогой. Хоть и прошли по ней свои войска, а все равно смотри да смотри в оба! В наступлении сплошной линии фронта нет, черт те кто может остаться возле дороги. Тут жди всякого... Вот он и поглядывает по сторонам зорко, стараясь предугадать, что ждет обоз за очередным поворотом. До санроты далеко,

она у Волги, в Горохово. Ближе подтянуть нельзя — нет подходящего места, чтоб развернуть сортировочную, хирургическую, перевязочную, чтоб нашлось помещение для обогрева и питания раненых. Впрочем, Горохово тоже не мед. Там все разбито, порушено, загажено гитлеровцами. Сколько труда пришлось вложить, прежде чем наладили кое-какой порядок. Больно уж фронт ненадежен, вот и боятся врачи отрываться от матушки-Волги. Случись что — только перебрался за реку, и ты сам спасен и раненые твои тоже. Не хотят рисковать врачи!

За повозкой Воробьева следовали две другие. На одной едет Черепанов. Мужик он здоровый, один устроит на повозке тяжелораненого, один снимет, а вот душой трусоват, всего боится. На этого в боевом деле не рассчитывать, не поможет. На третьей, последней, едет двоюродный брат Воробьева — Ситников. Щуплый парнишка, ростом удался, а тела вот не набрал. Этому всегда и во всем помогать надо, сам не справится, силенок недостает. Но парень он послушный, в меру своих способностей старается, и во взводе его любят, опекают по-хорошему: как младшего в многодетной семье.

Лесная дорога едва наторена, только и проехали по ней кухня батальонная да повозки санитарной роты, рыхлый снег не улежался, разъезжается под копытами лошадей, полозья глубоко проседают. Ездить по таким дорогам — мученье. По сторонам густой ельник, весь он от верхушек до самой земли обвешан пластами снега, непрогляден. И тропы всякие в сторону отводят. Кто по ним ходил — неизвестно. Это самое скверное; если выйдут на дорогу немецкие автоматчики, запросто перехватят. Солнце в лес еще не пробилось, высветило только небо, а на земле лежали синие сторожки сумерки.

На повозке у Воробьева двое раненых. Один из них, смуглолицый, сидит, покачиваясь, ранение в руку. Мерзнет. Уткнул нос в воротник шинели, шапку завязал под черным небритым подбородком, согнулся под накинутым на плечи одеялом, заиндевело оно вокруг лица. О чем думает — разве скажет? Да что об этом спрашивать? Сейчас такое время, что все думают об одном: как-то там, дома? Эх, хоть на денек домой бы! Известная у солдат думка.

— Ну как, голубы, не померзли? — обернулся Воробьев к раненым.

Небритый промолчал, сидел безучастно, даже не пошевелился, будто не человек, а бурхан каменный. Лишь торчал заострившийся нос, да трепетало легким паром

дыхание, прорывавшееся из глубины одежды. Другой, лежащий, приоткрыл глаза, укорил:

— Что спрашиваешь? Погонял бы свою одру быстрее, сил нет терпеть. С вечера еще ранен, спеклось все.

— Терпи, браток, дорога, сам видишь, хуже не бывает. Спасибо говори, что хоть шагом коняга тянет. До Прибыtkовo бы только добраться, а там по-ой-дем! Но, Зорька, шевелись!

Понукнул Воробьев лошадь, дернул вожжой. Страдают люди, а ничем не поможешь. Насмотрелся Воробьев на всяких: один кричит и маму зовет; другой лишь зубами скрипит, третий матюкается на чем свет стоит.

«Мучается бедняга, ишь как корежит всего, — подумал Воробьев, краем глаза наблюдая за лежащим раненым. — В живот куда-то угодило, самое паршивое дело. И в годах уже человек...» Под шубой у Воробьева на поясе фляга, нащупал ее, потряс: есть немного, утром, будто сердце чуяло, что понадобится, поберег, не выпил...

— Слышь, мил человек, как тебя? Может, примешь глоток? — спросил Воробьев, наклоняясь над раненым и протягивая ему к губам, посинелым, будто только что ягод наелся, флягу.

— Дай! — прохрипел тот, нащупывая ртом теплое горлышко. — Горит все нутро...

— Водка когда во вред, а в таких случаях очень даже полезительная. Пей, там всего сто граммов и будет, — говорил Воробьев. — Вот приедем, дадут сразу стакан, перевяжут, отогреют, жить будешь. Терпи, казак...

— Сам-то как, тоже ведь норма и на вас, санротовских, распространяется...

— Не печалься, паря, перебыюсь. Моя забота вас, горюнов, к месту доставить, а мне что сделается, я здоров...

Конечно, на морозе от водки и Воробьев не отказался бы, но теперь она нужней другому, и пусть идет человеку на пользу. В санроту приедет, там этого добра найдется. Правда, заместитель командира полка по тылу скупердай, у него не очень-то разживешься, лишней фляги не выпросишь, но военврач Спирин находит лазейки, понимает, чем можно помочь раненому. Не всегда наркоз бывает, а рана есть рана, начнут в ней шуровать, штопать ее, любой волком взвоят. А дадут перед этим стакан, ему и боль не так страшна. Два дня назад какого-то большого начальника ранило, и пришлось его в санроте обрабатывать. Когда перевязали, накормили, дали выпить, огляделся он, видит, что не у своих, давай благодарить. Потом по его записочке поехали по указанному адресу да ящик

водки и привезли. Так что запасец есть, приедет, опять во фляге станет плескаться. Немного, но граммов триста будет, потому что не для себя, не в свою глотку лить, а для таких вот бедолаг-раненых...

Тяжела работа в санитарной роте, и не из-за того, что трудно уложить или снять с повозки раненого. Тяжело видеть ежечасно, как мучаются люди — сердце себе надрывают. Надо чурбаном бесчувственным быть, чтобы к такому привыкнуть. А если в тебе живая душа, то как ей не отозваться на всякий крик боли... Вот только возить что-то много приходится, а еще больше в землю закапывать. Если так будет продолжаться, того и гляди санитаров в атаку пошлют...

Будто лязгнуло впереди железо и враз оборвало всякие мысли.

«Хальт!» — короткая, как собачья, команда на миг заледенила душу Воробьева. Глянул он, а из-за елки винтовки на него наставлены и сами гитлеровцы морды свои кажут. Небритые, заросшие рыжей щетиной, в бабьи платки закутанные. Поверх платков каски на всех приплюснутые, в белую краску окрашенные. Опамятовался немного Воробьев. «Что ж, посмотрим, что дальше будет, — подумал и вожжи натянул: — Тпру, язви тебя!» Сам как сидел в передке, так и остался сидеть. Смотрит, ждет другой команды... За Воробьевым и другие подводы стали. Лошади фукают паром, тянутся к соломе с других саней, пользуются передышкой, чтоб пожевать.

Завозились раненые, забеспокоились. Завертел глазами смуглолицый, желтыми белками заворочал, того и гляди сиганет с саней, под первый же выстрел и попадет.

— Спокойно, паря, не дрейфь. Кабы хотели нас пострелять, так не церемонились бы, — сказал Воробьев вполголоса. — Влопались мы... Ну да ничего, бог не выдаст, свинья не съест. Не будем пороть горячку...

Четыре гитлеровца вышли на дорогу, зыркнули по подводам. Винтовки наизготове держат. Один подошел поближе, увидел рядом с ранеными оружие, выбросил в снег. Откинул одеяло, посмотрел на лежащего раненого, в крови, в бинтах, хмыкнул, сообразив, что не вояки тут. Повозочных вовсе опасаться не приходится: тыловики...

Погомонили между собой гитлеровцы, погорготали, о чем, не понять Воробьеву, замахали руками перед его носом, указывают в сторону. «Понятно, велят сворачивать». Тут один немец вперед вышел, взял лошадку под уздцы, потащил за собой. Другие сбоку идут, поглядывают, не станет ли кто противиться. Так и есть, отвилка

в сторону, еле заметная, вовсе ненаторенная. Потащили фрицы лошадей туда. Черепанов сидел ни жив ни мертв, даже вожжи из рук выпустил, видно, с жизнью прощался.

По целику снежному тащились подводы, не разгонишься, лошади еле тянули. С километр так прошли. Поредел старый лес, уступил место молодому соснячку. Полянки белые появились. Тут откуда-то мины ударили. Хорошо, что не рядом, а в сторонке, а то могло осколками лошадей посечь, вот уж тогда б и людям хана пришла. Вздрыбился снег с черным дымом, рвануло по сосняку сизыми клубками, только ветки от кустов полетели кверху. У наших мин нету — это Воробьев знал точно, от своих раненых наслушался. Даже там, где позарез надо пальнуть, и то минометчики молчат. Не иначе как немцы фуганули залпом по оставленной территории, наугад, на авось. Забегали, закричали гитлеровцы. А лошадь Воробьева пугливая была, молодая еще, первый год в упряжи ходила. Рванула она что было сил в сторону и поволокла сани в кусты, в соснячок. Воробьев: «Тпру, тпру!», изо всех сил натянул вожжи, заворотил ей голову, с трудом сдержал, каждый миг ожидая выстрела в спину. Ничего, обошлось, видят, что повозочный не думал удирать, дали ему возможность пристроиться к обозу третьим, в хвост.

За небольшой полянкой показался длинный сарай-овин. Туда гитлеровцы и привели подводы. Здесь их встретили еще два солдата, о чем-то покричали и наконец, видимо, пришли к решению. Четверо, что шли с обозом, стали подгонять подводы к дверям овина, а двое скрылись в лесу. Опять начались крики, каждый что-то указывал, и, как понял Воробьев, все они требовали, чтоб повозочные сняли с саней своих раненых и погрузили вместо них раненых гитлеровцев. Но Воробьев делал глупое лицо, будто не понимал вовсе, что от него хотят, пожимал плечами, суетился возле подводы и не торопился выполнять приказание. Сам же смотрел в оба. Пока гитлеровцы волюнились возле повозки насмерть перепуганного Ситникова (им самим пришлось снимать с повозок раненых и заносить на них своих), Воробьев огляделся и решил, что пришла пора действовать. На него никто не смотрел, он воспользовался этим, вытащил из соломы карабин. Немцы как раз выносили из овина своего раненого. Двумя выстрелами Воробьев свалил двоих. Другие еще не сообразили, что произошло, старались удержать на руках раненого. Третий выстрел тоже был прицельным. Четвертый гитлеровец завопил и кинулся наутек. «Ну и беги, черт с тобой!» — решил Воробьев и не стал стрелять ему вслед.

Черепанов, услышав выстрелы, сразу упал на сани и не поднимал головы. Воробьев подскочил к нему, закричал:

— Быстрее разворачивайся, уезжай! Гони по следу! — Черепанов задергал вожжами, и только тут Воробьев вспомнил: — Стой, погоди, сначала помоги Ситникову!

Втроем они втащили на сани своих раненых, которых немцы успели свалить в овине, и, нахлестывая лошадей, погнали их на дорогу. Только смуглолицего с повозки Воробьева не оказалось, куда-то исчез. Видно, воспользовался суматохой и сбежал. Его так и не увидели больше.

Когда выехали на дорогу, Воробьев обернулся к лежащему раненому:

— Что, перетрухал, паря? Во, влопались так влопались! Такая наша работа...

В Горохово некому было рассказывать о приключении. Спирин, как увидел, заругался:

— Где вас черти носят? Валандаетесь, на один рейс полсуток вам надо, а тут хоть разорвись!

— Так разве мы виноваты? Если б знали, что с нами произошло...

— Знать ничего не желаю! Болтаете много... Чуприяновка взята, немедленно гоните туда и везите раненых. Да поживей!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

На железную дорогу Москва — Калинин войска вышли сразу широким клином: на станцию Чуприяновка и далее на восток — полки Горелова с группой лыжников Головина, а левее — резервная дивизия, которой Ушков приказал действовать в тесном соседстве с Гореловым. Командующий надеялся, что две дивизии пробьют немецкую оборону на всю глубину, и тогда на оперативный простор он пустит кавалеристов. Они довершат разгром. Он очень жалел, что в бою за Эммаус погиб отважный командир батальона капитан Леус. Как потом рассказали Ушкову, Леус на переправе через Волгу встретился с уже отстраненным от должности командиром дивизии, не удержавшим за рекой плацдарма. Тот сказал, что если дивизия не справилась, то батальоном Эммауса не взять. Тут, конечно, сказались и досада за неудачу, и зависть к молодому и, как видно, волевому командиру, и уязвленное честолюбие, требовавшее выхода, но на эти, так не к месту прозвучавшие слова, Леус ответил резко и категорично:

«Вы не взяли дивизией, а я возьму батальоном!» Командир дивизии хотел осадить не в меру, как ему казалось, зарвавшегося капитана, но кто-то из его свиты вовремя шепнул: «Оставьте его, это депутат Верховного Совета».

Леус сдержал слово. Батальон начал штурм гарнизона гитлеровцев, в поселке завязал уличный бой. Леуса ранило уже в центре Эммауса, но он не покинул боя, приказал нести его на носилках за наступающими. Он продолжал командовать боем и скончался на руках санитаров, когда батальон завершал освобождение Эммауса. Ушков распорядился, чтобы Леуса похоронили с почестями. Сделали гроб, обшили красной материей. Был почетный караул, салют. Все как положено...

После этого боя резервная дивизия вошла в дело, и теперь ее полки рядом с бойцами Горелова развивали наступление. Уже сообщили, что взяли Федосово, деревню, которая находится за железной дорогой.

Горелов доложил Ушкову, что станция Чуприяновка взята внезапным ударом. Каково бы ни было настроение начальства, об успехах можно говорить без опаски, тут не парвешься ни на окрик, ни на грубое слово. Поэтому и подробности боя к месту, без них информация теряла половину своей привлекательности. И Горелов не стеснялся отобрать у командующего несколько лишних минут. Хитро подмигнув Шмелеву — знай, мол, наших! — он говорил:

— Гитлеровцев застали врасплох, когда они собирались завтракать. Взята кухня с горячей похлебкой, немцы не успели даже ее попробовать. Ну и оружие, боеприпасы, снаряжение. Трофейные мины тут же пустили в ход, начали ими стрелять по врагу из своих минометов. Правда, идут с недолетом, потому что калибр малость другой. Но минометчики приноровились, вносят поправку...

— Молодцы! — похвалил Ушков. — Прикажете использовать трофейные боеприпасы, какие только имеются. Организуйте их сбор на поле боя, чтобы ничего не пропало. Со снарядами и минами положение остается тяжелым. Все забирает Западный фронт, там главное, там решается судьба Москвы. Больше инициативы, настойчивости, требовательности! Учтите, ваш сосед взял Федосово, и, чтобы не допустить разрыва, используйте лыжников, пусть обходят врага, создают панику. Ваша задача — овладеть деревнями Чуприяново, Щербинино, Марьино, прорвать эту цепь вражеских опорных пунктов!

— Слышал задачу? — весело спросил Горелов Шмелева, внимательно следившего за разговором. Телефон

отчетливо доносил каждое слово командующего. — Мобилизуй своих политотдельцев, пусть проводят митинги, активно помогают командирам. Кстати, Матвеев уже которые сутки в батальоне, а остальные политработники? Вытолкни их с командных пунктов в войска...

На деревни, о которых говорил командующий, нацелились полки — Атаманова, заменившего раненого Фишера, Сидорчука, Афонина, а также отряд лыжников. Полки только значились, на самом деле в каждом из них по неполному батальону. И все-таки все надеялись на успех. На станции взяты большие трофеи, это зримая победа, она воодушевила войска. Особенно подняла дух кухня; хотя похлебку и вылили, боялись, чтоб не оказалась отравленной, но сам этот факт веселил бойцов. В таком приподнятом настроении они и двинулись в дальнейшее наступление.

За железной дорогой опять пошли густые леса, потом на пути оказалась какая-то застывшая речушка, и лишь за ней, на холмах, — деревни. Они довольно крупные и располагались цепью близко одна от другой — на километр-два. Их разделяли заснеженные, открытые взору поля, позволявшие противнику иметь между гарнизонами зрительную и огневую связь. Все это исключало возможность обхода.

Противник встретил наступающих издали минометным огнем и заставил залечь. Дважды войска поднимались в атаку, но безуспешно. К вечеру мороз и ветер усилились, поземка заметала живых и убитых. Противник огня не ослаблял. В сумерках трассирующие пули ткали над снегами огненную паутину и тарахтенье пулеметов казалось особенно зловещим. На окраине деревни Чуприяново горел дом, и пламя обдавало багряным светом окрестности и кровавило облачное небо. Из глубины вражеской обороны, из-за леса, начала бить тяжелая пушечная батарея, и каждый разрыв взметывал огромные клубы черного дыма, земли и снега.

Матвеев решил переговорить с Сидорчуком по телефону. Тот все еще находился в Прибыtkовo, не решался передвигать свой командный пункт ближе к войскам. Зачем ему лезть вперед, когда другие командиры полков — Атаманов и Афонин — тоже не спешат с этим. Он очень внимательно следил за ними, хотя и спрашивал об этом вроде бы мимоходом: «Ну, Лузгин, как там соседи? На месте или ушли дальше? Что новенького сообщают?»

Связи по фронту от полка к полку не прокладывали, это не в обороне, но через дивизионный коммутатор пе-

реговорить с соседями возможность имелась, и Лузгин ею пользовался. Ему было проще, потому что с начальником штаба Бородиным водил давнее знакомство, можно было говорить не таясь, откровенно, хотя, конечно, в каких-то пределах, поскольку любой телефонист мог их слышать. С начальником штаба афонинского полка, бывшим пограничником, они тоже нашли общий язык. Тот, не стесняясь, высказал обиду: в дивизии считают их пасынками, все шишки на них, каждую минуту жди окрика, а помощи не дождешься. Это он высказал общую с командиром обиду. Все еще не могли забыть приказа, в котором Горелов «разнес» их за самовольный отвод батальонов от Эммауса на обогрев.

С «обиженным» начальником штаба Лузгин говорил особенно часто, поскольку с левого фланга на соседей был сильный нажим и приходилось опасаться, что контратаки докатятся и до полка Афонина. Устоит ли он в случае чего? Теперь, когда слева ввели резервную дивизию, эти опасения сами собой отпали.

— Ну, что будем делать? — спросил из батальона Матвеев, когда Сидорчук взял трубку и откликнулся.

— Ты же там ближе, как считаешь?

— По-моему, на сегодняшний день все возможности исчерпаны. Надо искать какой-то другой ход, потому что в лоб не пробиться, крепко сидит противник.

— Потеряли много? — осведомился Сидорчук.

— Изрядно. Вызвал из тылов команду, чтоб убрать с поля убитых. Иначе, сам понимаешь, на психику будут действовать. Нужна разрядка, нужно накормить людей горячим, обогреть у костров. Но как посмотрят на это в дивизии?

— Это мы с тобой должны решать.

— Так-то так, да не получилось бы, как с Афониным...

— Сделаем так: две роты выводим в лес, одну оставляем. Потом ее подменяем. А к рассвету чтоб все находились на месте. Докладывать об этом буду я, так что весь «гром» и приму на себя.

— Не боишься?

— Если бы завтра не предстояло продолжать бой, подумал бы прежде. Но, сам понимаешь, от Москвы врага гонят, и нам отдыхать не дадут. Сколько нас в полку ни осталось бы, чем бы ни располагали, задачу не отменят. Сегодня не выбили противника, будем биться завтра, послезавтра, сколько потребуется. Сам же говорил: снарядов пока не жди... Наша единственная опора — люди.

Вот и позаботимся, чтобы завтра они могли сражаться. А ты распорядись о чем нужно — и сюда!

— Уж больно далеко ты сидишь!

— Завтра толкну штаб в Морозово. Впрочем, это мы с тобой обсудим, когда приедешь. Действуй!..

Разговор против ожидания получился долгий. Туров ждал результатов, нетерпеливо поглядывал на комиссара, хотя, как он уже понял, разрешение на обогрев было получено.

— Значит, так! — подытожил разговор Матвеев. — Две роты на обогрев, третьей оставаться на месте. Потом подменить и ее. Распорядись, чтоб не сидели втихаря, а вели огонь!

Темнота сгущалась. Бойцы поднимались в рост и, хотя пули вжикали над землей, шли в желанный лес, где их ждали затишье и пища.

Такой результат дня не обрадовал ни Горелова, ни Ушкова. Оказалось, что и Федосово, о котором им доносили, полностью не взято. Бой шел только за окраину этой деревни, но зацепиться не удалось, и противник здесь вернул свои позиции. Похоже, что цепь деревень за железной дорогой не что иное, как еще одна оборонительная полоса, расположенная очень выгодно, на господствующих высотах. И эту полосу наскоком не возьмешь, ее предстоит прорывать, взламывать. А с чем? Ничего похожего на артподготовку командующий не мог обещать войскам, и это усилило его досаду. А тут еще неточная информация! Ушков и приказал строго наказать заместителя командира полка, подписавшего донесение. Он потребовал, чтобы утром командир дивизии или начальник артиллерии лично проверили положение дела в Федосово.

Вот на такое напряженное до предела состояние командарма и пришелся доклад Горелова о том, что атаки не принесли успеха, ни один из населенных пунктов не освобожден.

— И вместо того, чтобы форсировать, жать, пользуясь темнотой, вы вздумали отводить людей на обогрев! — Командарм накричал на Горелова, обвинил его в мягкотелости, безынициативности и закатил ему и Шмелеву по выговору.

Утром в дивизию из армии прибыли политработники, и вновь началась «утряска» тылов. В полках не осталось взводов — музыкального, пешей и конной разведки, роты автоматчиков, — все ушли в стрелковые подразделения. В полку Афонина в ротах не осталось ни одного полит-

рука, и на их место назначили рядовых коммунистов. Наскоро провели митинги и партсобрания. Коммунисты поклялись, что личным примером покажут, как надо действовать, и поведут за собой остальных.

Весь день шел напряженный бой за деревни. Сближались с противником упорно, где перебежками, но больше ползком, по-пластунски. К наступлению темноты бойцы находились в сотне метров от домов. Дальше не давал ходу плотный пулеметный огонь. Теперь уже сами командиры понимали, что ни о каком обогреве не может быть и речи. Только выбив противника из деревень, можно получить передышку...

Горелову тяжело было докладывать командующему о плачевных результатах дня.

— Противник прочно удерживает опорные пункты, мы несем большие потери. Залегли перед домами, огонь не дает подняться...

— Прочно? — сразу вспыхнул Ушков. — А вы все возможности исчерпали? Расписались в своем бессилии? Прикажете мне командовать вашими полками? Так вот, вас и Шмелева отстраняю от должности. Сдайте дивизию своему начальнику штаба...

Такого оборота Горелов не ожидал, не мог понять причины гнева командующего и опешил. Неудача? Так не у него одного, у всех. Враг силен, нужна артиллерия, чтобы выковыривать пулеметчиков из-за стен домов и сараев, а снарядов и мин нет, у наступающих только пулеметы и личное оружие. Надо же это учитывать. Но что-то не позволяет командующему объективно разобраться... Горелов побледнел, кровь отхлынула от сердца, и в груди образовалась ноющая пустота, от которой все внутри сдавило. Он едва нашел в себе силы, чтобы ответить: «Вас понял. Выполняю...» — и медленно опустил трубку на аппарат.

Это все! Это крах многолетней службы, провал всяких надежд на будущее! В таких случаях раньше, в царской армии, офицеры либо подавали в отставку, либо посылали пулю в лоб. Но ныне не такое время, чтоб просить отставки и так легко умыть руки. Дело не в оскорбленном самолюбии. Решается судьба Родины, и он обязан находиться там, куда поставят, до конца выполнять свой солдатский долг.

Шмелев, находившийся при докладе рядом и слушавший весь разговор с командующим, смотрел на Горелова с недоумением: верить этому или нет?

— Вот, довоевались, — глухо, чужим голосом, с тру-

дом приходя в себя, сказал Горелов. — Приказано сдать дивизию.

— Как это понимать? Может, простая запальчивость?

— Приказы не обсуждаются, а выполняются немедленно, ты это знаешь. А понимать просто: от Москвы гитлеровцев гонят, соответственно и от нас ждут решительной поддержки. Замысел, любому понятно, не в том, чтобы только отпихнуть неприятеля подальше, но и подсечь его коммуникации, чтобы он бросил всю свою тяжелую технику, заставить его бежать, а не планомерно отходить. А у нас с прорывом не получается. Противник не дурак, раскусил, чем это пахнет. Что Москвы ему не видать и планы на молниеносную войну ахнули, это ему уже ясно, и теперь для него вопрос вопросов, как отойти и сберечь войска. Вот и бросил против нас все, что есть, лишь бы не допустить прорыва на его тылы. Будь у нас снаряды, так смели бы гитлеровцев вместе с деревнями, и делу конец. Но где взять? И мы не виноваты, и с командарма требуют, вот и попали в стрелочники... Возможно, что мы и в самом деле недооцениваем обстановку, не проявляем должной твердости, так-то... Вызывай своего начальника политотдела или кого считаешь нужным, а я — начальника штаба. Время дорого.

— Но... Что делать нам? — Чего-чего, а отстранения от должности Шмелев не ждал и теперь растерялся больше Горелова, искал у него участия, ждал, что тот подскажет разумный выход.

— Передать обязанности. Это прежде всего. Остальное не имеет значения. Прикажут принять полк, батальон, роту — приму. Разжалуют, скажут, иди рядовым — пойду с винтовкой в атаку. Ты поступай, как велит тебе сердце и партийный долг. Допускаю, что это горячность, результат перенапряжения, срыв. Возможно, все еще обойдется, будем на это надеяться. Но пока мы в дивизии, мы обязаны помогать своим преемникам. Действуем!

Начальником штаба у Горелова был полковник Шардин. Он прибыл в дивизию из штаба фронта перед самым наступлением, чтобы приобрести боевой опыт, еще не вошел в роль, не знал толком командиров частей, и Горелов на каждом шагу ощущал его некомпетентность.

Формальности передачи дел были завершены в пять минут. Шардин явился к Горелову с картой, бумагами на подпись. Генерал поднялся при его появлении, разговор вел стоя, чтобы сразу подчеркнуть перемену в их положении. Шардин недоуменно смотрел на него, не понимая, что происходит.

— Товарищ полковник, — начал Горелов вполне официально, — командующий приказал передать командование дивизией вам. Я и комиссар дивизии Шмелев отстранены.

— Но как же так, — растерялся Шардин, — мне никто ничего не говорил, не спрашивал...

— Надеюсь, такой разговор рано или поздно состоится. Я не шучу, сами понимаете. Берите управление дивизией в свои руки. Задачу не отменяли, она остается прежней: овладеть опорными пунктами врага. Мои распоряжения вам известны. Можете внести свои коррективы. У вас есть ко мне претензии, вопросы? — Полковник Шардин лишь пожал плечами. — Значит, будем считать, что передача дивизии состоялась, — Горелов вскинул руку, взглянул на часы. — Ровно в двадцать два пятьдесят. У меня со своей стороны вопрос к вам: откуда вам удобнее командовать, из штаба или отсюда, где нахожусь я?

— Зачем же? Все еще образуется. Оставайтесь на месте, мне вполне удобно из штаба...

— Спасибо! — Горелов наклонил благодарно голову, оценив такт полковника. — Надеюсь, не позже чем завтра меня отзовут. Но пока я здесь, можете мною располагать, я искренне готов помочь чем только могу. Желаю вам боевых успехов!

Шардин ушел, а Горелов взялся за телефон и начал поочередно вызывать командиров частей и начальников служб, чтоб предупредить их о перемене. Он полагал, зная нерешительность Шардина, что лучше такой разговор провести самому, а новому командиру пусть останутся лишь дела.

В эту ночь, ни Горелов, ни Шмелев не сомкнули глаз. Поочередно брали трубку телефона, вызывали командиров и комиссаров.

— Атаманов, это я — Горелов. Что у тебя? Доложи...

— Матвеев, это я — Шмелев. Учти, сильный мороз с ветром. Шевели своих санитаров, чтоб никого из раненых не оставили на поле. Померзнут, ответишь головой. Действуй. Не забудь: горячая еда должна быть до рассвета, пока можно пронести термоса на передовую...

— Афонин, как у тебя дела?

Командир полка доложил, что создал штурмовые группы. Одну — тридцать пять человек — возглавил инструктор политотдела армии Занько, другую комбат.

— С Шардиным согласовал? Смотри. Чуприяново должно быть к утру у нас. Как ворвутся, сразу органи-

вуй поддержку. — И, обернувшись к Шмелеву и прикрывая рукой микрофон, сказал с некоторой долей удивления: — Мы, кажется, недооценили его. Смотри, развернулся человек, глядишь, проявит себя с лучшей стороны. Вот уж не ожидал от кого инициативы, так это от него...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Два дня дивизией командовал полковник Шардин, а ни Горелова, ни Шмелева никуда не отзывали, никто ими не интересовался, про них словно забыли. В штаб армии из дивизии посылали безрадостные донесения: противник удерживает занимаемый рубеж, упорно обороняется, атаки успеха не принесли. Ушкова словно бы удовлетворяло подобное положение. Он не звонил Шардину, а тот в свою очередь не искал с ним разговора. Горелов не лез на глаза полковнику, был в курсе всех его распоряжений, но ничем не выказывал своего к ним отношения. Исподволь, пользуясь телефоном, он держал под неослабным контролем обстановку, направлял командиров полков, чтоб те не вздумали в чем-либо обойти неопытного еще в боевых делах полковника. Не отстранялся полностью от руководства партполитработой в соединении Шмелев.

Штурмовые группы в полку Афонины действовали инициативно. Они ворвались в Чуприяново — большую, вытянутую в одну улицу деревню, прошли ее почти всю, уничтожая гранатами засевших в домах гитлеровцев. Но вот рощу оставили без внимания, а там были зарыты два танка и находилась минометная батарея. Гитлеровцы ударили по штурмовым группам с тыла. Чуприяново снова оказалось в руках врага.

Занько находился с двумя ранеными бойцами на окраине деревни. Отойти со всей группой не успели. Видя, что деваться некуда, они укрылись в подполье дома. Там было полно картофеля. Все трое поглубже зарылись в него и притаились. Над головой по полу топали сапогами гитлеровцы, кричали, двигали что-то тяжелое. Весь день раненые пролежали не шевелясь, с минуты на минуту ожидая, что кто-то спустится за картошкой, и тогда... Для Занько, политработника, имелся только один выход — последнюю пулю для себя! Он знал, что гитлеровцы, обнаружив комиссара, не пощадят его, но не терял присутствия духа.

Утешать раненых не приходилось: они сами были мужественными людьми, уже не первый раз смотрели смерти

в глаза и теперь спокойно ждали развязки. «Дальше солнца не угонят! — приговаривал один из них, черный, как головешка, мужик лет сорока, небритый уже неделю и заросший колючим волосом. Он ощупывал порой подбородок, хмыкал и утверждал: — Что ни говорите, а небритому теплей!»

Весь день немцы топали наверху, а к вечеру разошлись на свои боевые позиции. Ночью они ждали нападения. Прислушавшись к наступившей тишине, Занько осторожно приподнял крышку подполья и вылез. В доме ни души. На столе он нащупал ковригу хлеба — немцы не доели, забрал ее, чтоб подкрепиться и поддержать силы товарищей по несчастью. Надо было уходить, пока ночь, пока не принесло какого-нибудь фрица. Первым он вывел раненого, который не мог ходить. Черный мужик оставался.

— Там пока сиди, я за тобой вернусь. Если уж очень долго меня не будет, тогда действуй по обстановке. Не робей!

— За меня не тревожьтесь. Все будет хорошо!

Занько знал, что немцы сидят в окраинных домах и сараях, поэтому держал направление так, чтобы угадать посередке: авось в темноте не заметят. Он полз по снегу и тащил за собой раненого, то и дело останавливаясь, чтоб отдышаться. На опушке леса, когда Занько уже не полз, а шел в полный рост, перекинув руку красноармейца через плечо и буквально волоча его за собой, их встретили свои. Занько передал им раненого, а сам с одним из бойцов пошел по следу назад. Они уже почти достигли деревни, когда увидели, что им навстречу кто-то ползет.

— Кто? — тихо окликнул Занько. Опасаться не приходилось: не поползет немец из деревни, только наш.

— Свой. Помогите! Артиллерист я.

— Давай, дружище, бери раненого, двигай назад, — сказал Занько сопровождающему его бойцу. — А я не задержусь. Скажи, чтоб встречали.

Занько прополз мимо окраинных домов, нашел избу, в которой оставил раненого. Прислушался в сениях. В доме тихо, света нет. Занько нащупал крышку подполья, приподнял.

— Где ты там? Живой? — тихо окликнул он.

Раненый заворочался, сбрасывая с себя картофель, отозвался:

— Быстро вы обернулись. Даже не ожидал...

— Давай сюда. Надо выбираться. Где твоя рука?

Занько помог бойцу, они вышли из дома, осмотрелись. Ползти по следу, проторенному дважды, было много легче. Занько впереди, раненый за ним. Когда деревня осталась позади и дома превратились в черные размытые глыбы, Занько поднялся.

— Вставай и ты, обопришь на меня. Тут уже недалеко до наших.

...До утра еще оставалось много времени, и Занько потребовал от командира полка, чтоб тот не терял времени и брал деревню. Он снова возглавил штурмовую группу и повел ее знакомым следом. Когда в деревне разгорелся бой, командир полка двинул на подкрепление остальных. К утру Чуприяново было освобождено. Но это уже шел третий день, как Горелов был отстранен от должности. Не взятыми остались Марьино и Щербинино.

— Слушай, комиссар, — обратился Горелов к Шмелеву, — мне кажется, что Атаманов не говорит полной правды. Его же бойцы врывались в Марьино, а что с ними стало, он не знает, по-моему, и сам. Утверждает, что батальон залег перед самой деревней, чуть не у домов, а почему не делает попытки туда ворваться, непонятно. Надо бы проверить, не пустил ли он все на самотек... Может, переложил за воротник, кто его знает, человек он новый, вдруг у него на этот счет слабина...

— Я разберусь, — сказал Шмелев. — Заодно проверю, как там люди, ведь уже который день на снегу.

— Буду ждать. Долго не задерживайся.

До полка Шмелев доехал в санях. Дальше пришлось пробираться пешком. Атаманова комиссар нашел у костра. Густой ельник скрывал отблески огня, можно было не опасаться, что противник увидит и обстреляет. Вокруг Атаманова толпились его адъютант, артиллеристы, один из штабников, связные, телефонисты, автоматчики. Связисты жгли свой костерок и, когда требовалось, подтаскивали телефон к Атаманову. И в полушубках мороз донимал даже у костра. Голос у командира полка хриплый, сам кашляет, простудился. Одно спасение на таком холоде — граммов сто водки. Уловив сивушный запах, Шмелев спросил:

— Не переберешь? Смотри, не увлекайся, да и другим не позволяй особо.

— Холод собачий, никакого терпежу не хватает...

— Где твои?

— Лежат. Надо бы на часок-два отвести, обогреть, так ведь не разрешают.

— Не греть надо, а действовать, — сурово выговорил

Шмелев. — А то сначала обогреете, потом потеряете ни за что. Противник же не дурак, не станет ждать, пока вы уместитесь на прежнем месте. Дай человека, чтобы провел, хочу сам посмотреть.

Атаманов окликнул одного из разведчиков.

— Проведешь комиссара в батальон и назад. Отвечаешь за него головой. Понял?

Разведчик, лейтенант, взял с собой бойца, и втроем они подались к передовой. Шмелеву казалось, что ни зги не видно, но разведчик каким-то чутьем угадывал петлявшую среди деревьев тропку. Скоро вышли на опушку леса. Дальше снежное поле поднималось, и где-то над самым его горбом, маячили крыши домов. Оттуда по темному небу чиркали пули-светляки, иногда ракета вдруг высветляла снег на крышах. Разведчик вел уверенно, и Шмелев ни о чем его не спрашивал. Вдоль тропы угадывался провод, наброшенный на палки-тычки.

Командира батальона они нашли в небольшой лошине: в сугробе были вырыты ямы, выкинутый снег нарастил края. Сверху наброшены плащ-палатки. В одной яме комбат Аникин, телефонисты. По соседству в других таких же убежищах еще несколько человек. Ручной снаряженный пулемет выставлен на площадке, к нему только подскочи, и можешь вести огонь.

— Я — Шмелев. Знаешь такого? — сразу приступил к делу комиссар. — Докладывай, как дела.

— Околели мы тут, — ответил комбат. — Что тут докладывать: деревня рядом, да не возьмешь. Пулеметы в домах... Чуть пошевелился, режут, головы поднять не дают. Поразбивать бы эти дома к чертовой матери, так ворвались бы, потому что терпеть дальше сил нету. Уж лучше в бою погибать, чем так...

— Что-то панические у тебя мысли, комбат. Надо врага уничтожить, а не самого себя прежде времени хоронить.

— А я не паникую, товарищ комиссар. Вместе со своими врывался вчера в деревню, да вышибли нас оттуда, мало нас...

— А где сейчас твои?

— Лежат перед самыми домами. Назад ни шагу.

— Назад ни шагу, таков приказ. Но вперед-то не возражается?! Неужели так все безнадежно, что ничего нельзя поделать? Думали, искали выход? — Комбат молчал, и Шмелев, видя, что разговором делу не помочь, с места никого не сдвинуть, оставил Аникина в покое. — Ладно. Далеко тут до твоих? Хочу посмотреть, с людьми поговорить, авось что-нибудь более полезное услышу.

— Видите гребень? Так вот, как его минуете, еще метров сто... Мимо не пройдете. Вас проводить?

— Не надо. Разведчик дорогу знает.

За гребнем можно было разглядеть темные глыбы изб, накрытые белыми шапками крыш. Хотя и темно, а надо идти с осторожностью. Шмелев увидел в стороне от тропы там и тут лежащих бойцов, уже присыпанных поземкой, тронул за плечо разведчика и указал на них рукой: «Они?» Тот отрицательно помотал головой:

— Убитые. Вчера наступали...

До деревни в самом деле оставалось уже немного. «Где же тут наши? Не протопаем мимо?» Шмелев вглядывался в каждый бугорок, отыскивая стрелков, но никого не видел. Разведчик опустил на снег, дал знак, что дальше идти в рост нельзя, надо ползти. Шмелев пополз за ним. След был старый, уплотнившийся, переметенный поземкой, но по сторонам оставались бортики — защита от пуль. Шмелев полз, чувствуя, как сковывает его движения шуба, как она неудобна. Перед ним колыхались валенки разведчика с подшитыми войлоком пятками. Эти пятки он и видел, а носки все время упирались в снег: ползать разведчик умел, сразу определил Шмелев, сам немало поползавший, когда был солдатом. Только ему пришлось служить в Закавказье, на турецкой границе, там камни, песок, а снег лишь высоко в горах...

Разведчик посторонился, уступая дорогу Шмелеву, указал рукой:

— Вот видите? Лежат...

Шмелев понял, что они достигли цели и дальше ему надо ползти одному. В первой лунке, скорчившись, лежал боец, который на вопрос комиссара ничем не отреагировал. Под рукой ощутилось мертвое, неподатливое, уже скованное морозом тело. Направился к другому, надеясь, что тот, заслышав шорох, поднимет голову и как-то ответит, но и второй оказался трупом. И третий... Настильный огонь вражеских пулеметов выводил из строя бойцов, которым приходилось укрываться за ненадежными снежными бортиками: много ли нагребешь снегу малой шанцевой лопаткой?!

Шмелев насмотрелся на своем веку всяких смертей. Пережив две войны, империалистическую и гражданскую, видел смерть во всяких ее проявлениях и видах: когда рвет живую плоть осколками гранат и снарядов, косит пулями, бьет сверху, с неба, шрапнелью; сам помогал косою старухе собирать «урожай» своим кавалерийским клинком в лавинных атаках, видел людей, которых

скосила тифозная вошь, и из лазаретов выносили даже не трупы, а скелеты, обтянутые пергаментом кожи. Но тут, надеясь увидеть живых бойцов, по душам поговорить с ними, он встретил трупы и был потрясен.

Но должен же здесь, в цепи, находиться кто-то живой! Надо искать, выяснить картину до конца, чтоб потом не ошибиться в решении!

Четвертый был жив. Он лежал, поджавши колени к самой груди, сцепив руки и прижимая к себе винтовку. Шмелев тормозил его, но боец только постанывал, не разжимая губ, и трясся крупной неумемной дрожью.

— Что, живой? — спросил из-за плеча разведчик. — Тут еще должны быть живые. Я посмотрю.

— Ползи, смотри...

Тихая поземка с шелестением шевелила снег. Из темной глыбы дома сверкнули огоньки, простучала пулеметная очередь. Пули просвистели над снегом. Шмелев не думал, что их обнаружили: обычная дежурная очередь, на всякий случай... Огоньки вырвались из-под самого низу, значит, пулеметчики сидели у амбразуры, в доме, в сравнительном тепле, может, даже закутавшись в одеяла, устелив под собой землю соломой. Им легче, за стеной их не возьмешь пульей, а тут все на снегу, в открытую, на морозе. Немцы прекрасно понимают это свое преимущество, вот и держатся за деревни мертвой хваткой, чтоб не поменяться ролями. Чем, какими силами переломить эти обстоятельства в нашу пользу? Ответа не находилось.

Вернулся разведчик. С ним рядом был кто-то из средних командиров, в белом маскхалате, подчеркивавшем темное обостренное лицо.

— Командир роты Голубев... — представился он, выдвигаясь поближе к Шмелеву и не зная, кто появился на передовой, с кем ведет разговор.

— Товарищ Голубев, доложите, есть тут у вас живые люди, сколько их?

— Есть, конечно. Мало, но есть. Потери большие, все пристреляно, стрижет фриц пулеметами под самый корень, вот и теряем людей. А скажите, с кем говорю?

— Комиссар Шмелев.

— Ясно, теперь верю. А сначала, когда разведчик сказал, не думал, что вы тут можете появиться. Плохи наши дела, товарищ комиссар. Мерзнут люди так, что никакое слово до них уже не доходит: ни доброе, ни злое. Да что там, оружие в руках не в состоянии держать...

Шмелев молчал, обдумывая положение. Ведь этот командир ждет от него не слов, а помощи.

— Вот что, шевелите всех, готовьтесь, будем выводить на обогрев. Никого не оставьте, смотрите внимательно.

Тем же путем Шмелев вернулся на командный пункт батальона.

— Аникин, бери всех своих и начинай вывод людей. Помогите тем, кто не в состоянии сам двигаться. Не оставьте раненых. Надо обогреть людей, иначе мы ничего не добьемся. Я распоряжусь, чтобы вас встретили, провели к кострам. Телефонист, вызови Атаманова!

Связист алектнул, потом сказал: «Одиннадцатого, срочно!» — с готовностью протянул трубку.

— Атаманов, это я, Шмелев! Я тут распорядился. Вывожу твоих для обогрева. Готовь костры, гони хозяйственника, пусть встречает, кормит, всем дать водки. Действуй! Надо успеть, чтоб к утру всех вернуть на позиции. Хозяину объясню положение сам. Тут некоторые не в состоянии идти, так прикажи выслать волокуши. Не теряя времени, шевели своих...

— Знаешь, — говорил часом позже Шмелев Горелову, — меня просто сковало от ужаса, когда полз по цепи, а передо мной не люди, а трупы. Тронешь человека, а под рукой ледяной холод. И поземка шуршит, замечает... Приказал выводить, отогревать у костров, кормить, поить. Надо бы согласовать с Шардиным, чтоб не поставить под удар Атаманова...

— Согласуем, — глухо отозвался Горелов. — Поймет. У него что-то намечается, какие-то планы. Вот думаю порой: всякие варианты мы предусматривали, проигрывали так и эдак, а такого, как нынешнее наше положение, не ожидали. Не о нас с тобой в данном случае речь, а в целом.

— Да, не ждали, — вынужден был согласиться Шмелев. — По сути, дивизии, как таковой, уже нет. Жалкие остатки. Раньше считалось: сорок процентов потерь — разгром, а у нас... Сведи всех в кучу, от силы — батальон, и тот будет наполовину из комсостава. А воюем еще, что-то освобождаем, наступаем. В этой войне все прежние представления летят вверх тормашками... — Помолчал, задумчиво добавил: — Еще думаю вот что... Сколько дней прошло, а нас не торопят отзывать...

— Не до нас. Сегодня говорил с оперативным отделом штаба армии, интересовался. Гитлеровцы чувствуют угрозу, которая нависла над их клинкой группировкой, ее отводят, а здесь сопротивляются как бешеные, контратакуют, стараются не допустить нашего продвижения, чтоб не перекрыли им дорогу на Ржев. Вот и объяснение,

почему у нас застой... Да-а. Тем, кто переживает эту битву, памятники надо ставить. Такого подвига, такого самопожертвования даже в гражданскую мы не знали. Разве на Сиваше, когда шли через Гнилое море...

Шардин пришел сам, озабоченный, потемневший от бессонницы и тяжелой ответственности. Сел, потер виски.

— Хочу с вами посоветоваться. Сегодня ночью командующий вводит в бой кавалеристов. Приказано одним полком действовать совместно с ними на Игнатьево, чтобы закрепить пункты, которыми удастся овладеть. Какой из полков для этого целесообразнее выделить? Ведь придется временно отказаться от надежды освободить один из населенных пунктов — Щербинино или Марьино.

— Атаманов отпадает, — сразу категорически заявил Шмелев. — Я только что от него. Вынужден был, не посоветовавшись с вами, разрешить отвод батальона от Марьино для обогрева, с тем, чтобы к утру всех вернуть на позиции. В целом же положение в полку критическое.

— Назначьте для этого полк Сидорчука, — сказал Горелов. — Он в центре, его легче взять. Вывести Афонино — значит оголить фланг соседа. А здесь мы как-нибудь обойдемся, наскребем какие-никакие силы, заткнем брешь...

— Что ж, так и сделаем, — согласился полковник. — Спасибо за совет.

Часа через два Горелов, не раздеваясь, как был в полушубке и валенках, прилег было на лавку, чтоб дать отдых ногам, они у него были обморожены давно, еще в прошлую войну, ныли к непогоде, из-за чего он даже летом вынужден был надевать шерстяные носки. Но сон не шел, слишком затянулось неопределенное с ним положение. Всякого рода предположения не давали отключиться усталому мозгу, и он решил просто полежать. Но тут раздался настойчивый зуммер телефона. Он поднял трубку, привычно ответил: «Горелов слушает!»

Генералу сообщили приказ командующего: полковнику Шардину срочно явиться в штаб армии, а ему, Горелову, принять от него дивизию.

— Понял. Выполняю, — ответил Горелов. Он уже давно ждал такого оборота, видя, что ни его, ни Шмелева не трогают с места, никуда не отзывают. — Это распоряжение касается и комиссара? Нас ведь отстраняли вместе.

— Да. Командующий пересмотрел свое решение. Время горячее, сами понимаете...

Горелов допускал возможность срывов в напряженной

обстановке, у него и мысли не появлялось на кого-то обижаться. Поблагодарив за хорошую весть, он сказал, что передаст распоряжение Шардину.

Из штаба армии полковник Шардин не вернулся. Получил новое назначение. Вместо него в дивизию прибыл подполковник Жбанков.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Дома в Щербинино располагались двумя улицами, торцами обращенными к наступающим. Обойти деревню фактически невозможно: гитлеровцы образовали здесь круговую оборону. К тому же пойти в обход — значит оголить фронт.

Наши бойцы — в мелких ячейках, обложенных пластами смерзшегося снега. Ненадежная защита... Только от вражеского наблюдения да от ветра разве... А пули прошивали эти снежные стенки насквозь.

Пулеметчики спасались от холода тем, что накрывали яму плащ-накидкой, и в таком убежище, лежа чуть не друг на дружке, коротали время. Толкались плечами, грелись. Временами Лихачев то одного, то другого посылал к Турову с донесением: обмороженных нет, раненых тоже. Никто от него этого не требовал, это был просто предлог, чтоб взбодрить бойца. Тот вылезал из снежной берлоги, где ползком, где бегом, согнувшись чуть не вдвое, одолевал сто метров до командного пункта и возвращался обратно повеселевший, разогретый от движения. От него и другим становилось вроде бы теплее. И еще была оказия — посылать с котелками за супом, когда вниз, в овраг, заросший молодым темным ельником, приезжала подвода с кухней. Варили, вкладывая в котел все, что бойцу положено на первое и на второе. Для настоящей каши, может, и жидковато, для супа — густо. Кулеш, одним словом. Если к тому же он еще и горяч, то лучшего на морозе и желать нечего. В подразделениях ежедневно несли потери, но сведения об этом поступали в штаб только на другой день. А пока доставалось вволю и кулеша, и сверх нормы водки. Хочешь, пей сразу, нет — оставь для сугреву и употребляй по глотку, так даже лучше, надолго хватит.

С тех пор как вышли из Савватьево, обогреться толком не приходилось, а уж о бритье и не вспоминали. Бойцы изрядно заросли, лица их почернели от копоти костров, от постоянного пребывания на морозе и ветру. Лихачев обзавелся рыжей густой и колючей щетиной, которая,

как он утверждал, оберегала его от обморожения. У Сумарокова курчавилась темная русая борода, и только Керим Кракбаев оставался по-прежнему с юным лицом.

Пулеметчики считали, что им предстоит пролежать в берложке до следующей ночи, если перед рассветом не выведут на короткий обогрев. Но тут неожиданно Лихачева вызвали к комбату. Пригнувшись, он перебежал на командный пункт. Там теснилось несколько человек — ротные, взводные, связные, и хорошо, что Туров облюбовал под КП небольшую выемку, заросшую кустиками. Здесь не так мела поземка, да и скрытность соблюдалась.

Увидев рядом с комбатом Матвеева, Лихачев сразу сообразил, что это неспроста, что предстоит какое-то серьезное дело, и весь напрягся. Только что, вечером, когда пытались атаковать деревню, ранило у него в расчете Грачева. Пуля прошла ему грудь навывлет, и останется ли он жив, никто сказать не мог. Лихачева все время, неотступно точила за него тревога.

Неужели их опять пошлют на это проклятое Щербино? Да к тому, видно, идет: комиссар зря, по пустякам, не станет ноги бить...

— Товарищи командиры, — сурово глядя на присутствующих, глуховато заговорил Матвеев. — Мы не можем топтаться перед каждым населенным пунктом по два-три дня и напрасно терять людей в нерешительных атаках. От наших с вами действий зависит судьба Москвы, судьба многострадального города Калинина. Перережем врагу дороги, тогда он вынужден будет не просто отходить, а бежать. Гитлеровцы это прекрасно понимают, вот и держатся до последнего. А мы все еще на что-то надеемся, думаем, что придет дядя и за нас выполнит то, что нам не удастся. Страна пока не в состоянии дать нам снарядов и мин больше того, что имеем. Но разве из-за этого мы можем устранимся от боя? В гражданскую войну случалось, что и патронов не имелось или только по обоям на стрелка, но били тогда врагов в рукопашных схватках, клинком и штыком, добывали оружие и припас сами. Нам жаловаться на недостаток патронов и гранат не приходится, все это у нас есть. Не хватает только организованности, решительности. Пулеметчик, — неожиданно обратился он к Лихачеву, — сколько у тебя лент?

— Двенадцать коробок, как и положено по норме, — бодро ответил Лихачев. — Все снаряжены.

— Вот видите. Это же ливень огня. Если его направить по цели, а не в белый свет, никакой враг не устоит, не удержится и за стенами домов. Командир полка при-

казал: перед утром, когда бдительность противника при-
тупится, атаковать его, выбить из Щербинино! Подумай-
те, как это лучше сделать, расставьте силы, чтоб обеспе-
чить должный наступательный порыв во всех звеньях. Все
вы, за некоторым исключением, коммунисты...

«Меня имеет в виду, — подумал Лихачев, — один я
беспартийный. Но разве я не разделяю общей ответственно-
сти? Еще как! И докажу, что на беспартийного тоже
можно положиться!»

— Партия требует, — продолжал комиссар, — чтобы
в ответственный момент коммунисты личным примером
обеспечили выполнение приказа. Объясните бойцам поло-
жение, вас поймут, поддержат!

Видимо, Матвеев успел до этого объясниться с Туро-
вым, потому что тот сразу, не тратя время на раздумья,
указал, кому и как действовать, где находиться.

Лихачева в берложке ждали с нетерпением, понимали,
что не за супом отправился человек. Едва он вполз, как
Сумароков спросил:

— Ну, что, опять атаковать?

Сержант оглядел бойцов, сказал:

— Погоди, Костя, дай отдышаться. Так вот, братцы-
славяне, приказ... Атаковать, освободить деревню, и ни-
каких гвоздей!

— Сколько нас тут! — огорчился Сумароков. — По-
ловины ведь против прежнего не осталось. С кем атако-
вать? Положит нас немец опять перед самыми домами,
от холода все зачоченеет. Артиллерию бы надо...

— Ты, Костя, такие разговоры брось. Мы же совет-
ские люди, должны понимать обстановку: надо спихнуть
немца с этого рубежа во что бы то ни стало. И мы это
сделаем! Себя не пожалеем, а приказ выполним. И нечего
прибедняться, ждать артиллерию, еще что-то. Пулемет
у нас есть? Есть! Гранаты, патроны есть? Хоть завались!
Значит, дело только в нас самих. Сам не ляжешь, так и
немец не положит. На нас, пулеметчиков, вся надежда,
и мы обязаны ее оправдать. Костями ляжем, а деревню
возьмем! И ничего другого быть не может. Всем ясно?

— Да уж куда яснее! — пробурчал Сумароков. —
Растолковал. Пропагандист хоть куда. Эх, сейчас бы жах-
нуть стакан водки, а потом хоть сгори все, согласен. У
кого что-нибудь во фляге осталось или нет? Горит... Ду-
ша бунтует! Обидно, честное слово: тут мерзнешь, заги-
баешься, на пули идешь, а какая-то шантрапа, которая
сейчас по углам прячется, нас переживет, потом бахва-
литься станет...

— Не всем в одно время в бой идти, — сурово сказал Лихачев. — Придет черед и других, и они не хуже нас воевать станут. Если сейчас кто и сидит в тылу, так тоже не сложа руки. Мы воюем, это правда, но мы и харч просим, да еще и выпить. Кто-то должен на нас работать. Это тоже понимать надо. Если всем в атаку идти, так мы через неделю с голоду помрем. Вот тут уж твоя правда будет, Костя. А выпить найдем, не горюй! Я и сам не откажусь.

— Что, завтрак сначала подвезут?

— Нет, это потом.

— Так где возьмешь?

— Заяц трепаться не любит, сказано — будет, значит, будет. Готовься, братва! Не теряй время! Костя, Керим, проверьте пулемет, отберите самые полные ленты. Думаю, трех-четырех должно хватить на первое время, а там поднесем остальные. Сразу все ленты нам не поднять, мало нас. Уберите лишнюю смазку, чтоб не отказала машинка на морозе. Проверьте, как действует. Только по-тихому, чтоб немца напрасно не переполошить...

Что ни день, то атака... Кажется, пора бы к ним привыкнуть, а сердце с этим не мирилось, и чем ближе подходила минута, когда потребуется встать и позвать за собой остальных, тем сильнее волновался сержант Лихачев. Он знал, что потом, когда он встанет и поведет пулеметчиков, волнение пройдет, на смену явятся и уверенность, и командирская хватка, и забвение опасности. Нет, про опасность он никогда не забывал, о ней он помнил всегда. Придут сосредоточенность, осторожность, острая реакция на любой шаг врага.

Связной от командира батальона передал: приготовиться! Следить за стрелками! Лихачеву оставалось еще минут десять — пятнадцать, самая пора подбодрить бойцов. Себя он считал смелым человеком, ему не нужны напутствующие слова, он свое сделает и без этого. Но не все же рождаются с задатками солдата, не у всех такие крепкие нервы. На командном пункте он разжился флягой водки, теперь можно было каждому уделить понемногу, чтоб взбодрились, разогрелись. Водка натошак хороша еще и на тот случай, если у кого будет ранение в живот. Лихачев слышал от других, что помогает. Говорить об этом не следовало, но он имел в виду и такое. Выпьют, быстрее настроятся на бой.

— Орлы, налетай! — скомандовал он, доставая флягу и кружку.

— Что, и закусить будет? — сразу оживился Сумароков, глядя на флягу загоревшимися глазами.

— Мануфактуркой! — ответил весело Лихачев. — Как выпьешь, сразу утирайся рукавом, и — хорош! Ну, за успех, чтоб на этот раз наши не подкачали!

Кракбаев только пригубил, едва помочив губы, и передал кружку Сумарокову:

— Пей, Костя, а я не хочу. И так не замерзну.

— Ну, спасибо, кореш. Доливай и мою порцию, заодно жажну! — протянул Сумароков кружку Лихачеву.

Тот долил, поболтал флягой возле уха, прислушиваясь, осталось ли самому, не обделил ли сам себя. Сумароков выпил, не отрываясь, глубоко выдохнул и крепко утерся.

— Эх, и хорошо пошла, прямо шквальным огнем по кишкам прокатилась!

Стрелки поднялись молча и пошли вперед. Теперь пулеметчики должны были ждать первого выстрела, и уж тогда не жалеть патронов, поддерживать своих, глушить вражеские пулеметы, насколько это удастся. Тишина вот-вот могла взорваться автоматными очередями, криками, и каждая секунда казалась вечностью. Первым перебежал метров на десять Лихачев, упал в снег и махнул рукой своим: «Давай!» Толкая пулемет на волокуше рыльцем вперед, в готовности мгновенно открыть огонь, к нему придвинулся расчет. Волокуша здорово облегчила передвижение, без нее пулемет просто зарылся бы в сугроб.

Гитлеровцы, видимо, не ждали повторной атаки и ослабили наблюдение; стрелкам удалось приблизиться к домам на бросок гранаты. Только тут немцы всполошились, открыли огонь, но те из наступающих, кто был впереди, уже оказались в мертвой зоне. Свет вспыхнувшей ракеты выхватил из темноты ближние дома, бегущих в атаку бойцов. Они стремились к спасительным стенам, за которыми можно было отдышаться, подготовиться к ближайшему бою, а перед ними бежали по снегу, все удлиняясь, черные тени. Ракета ударилась оземь, вспыхнула в последний раз, будто взмахнуло над землей светлое крыло, и тьма закрыла поселок. Красноватые вспышки выстрелов, огнистые трассы пулеметных очередей, с треском пронесившиеся над землей, кромали темень.

За первого номера лежал Кракбаев, бил длинными очередями то по одному дому, то по другому, лихорадочно поворачивая тело пулемета туда, где вдруг начинал биться красный язычок пламени. Главное заключалось в том, чтобы заглушить, подавить тех вражеских пулемет-

чиков, которые били из отдаленных сараев, бань во фланг, хоть и наугад били, но огнистые струи полосовали снег перед деревней, не давая ходу тем, кто отстал, отсекая их от остальных. Лихачев то и дело падал, когда над ним, над самой головой его, проносилась трескучая очередь. Но он опять вставал на колено, чтоб указать Кракбаеву, куда бить. «Давай! Давай!» — орал Сумароков, лихорадочно раскрывая новую коробку с лентой, чтобы тут же сунуть ее конец в ненасытную глотку приемника.

Стрелки закидали гранатами ближние дома, вражеский огонь стал не таким сильным: били пулеметы уже со стороны, издали. Гитлеровцы оттуда, видимо, еще надеялись отсечь атакующих, поддержать своих.

— За мной! Не отставать! — крикнул Лихачев и вскочил на ноги.

Он быстрыми прыжками помчался вперед, поминутно оглядываясь: как там его бойцы? Но с пулеметом, с коробками прытко не побежишь. Сержант вернулся, ухватился за ляжку и понесся вперед с волокушей, будто тащил за собой не четырехпудовый груз, а ребячьи санки.

Гитлеровцы были выбиты только из крайних домов и вели бешеный огонь из автоматов и пулеметов, не давая нашим бойцам ходу. К тому времени, как Лихачев со своими заскочил в деревню, стрелки освободили третий от краю дом. Пули цивкали въедливо и часто, выбивая из бревенчатых стен щепу и срывая клочья соломы с крыш. На улицу нечего было и высовываться, и Лихачев, таясь за стенами и сараюшками, через дворы и проломы в заборах, поволок за собой пулемет, чтоб помочь стрелкам выковыривать засевших среди строений фрицев. Он удобно устроился в преме распахнутых ворот и стал бить через улицу по дому наискосок, откуда тыркали автоматы. Его сразу заметили, и по воротам густо защелкали пули, на снег посыпалась щепка.

— Луи под самый низ! — крикнул Сумароков, падая рядом и пристраиваясь с коробкой. — Из амбразур садит! Не видишь? Вон, вон, гляди!

Он приподнялся, чтоб указать цель, то место, где посверкивали на фоне темной стены частые мерцающие огоньки, и вдруг повалился, неловко хватаясь за пулемет. Руки, державшиеся за щиток, ослабли и соскользнули с железа, а сам он ткнулся лицом в снег.

— Костя! Костя. Ты что, ранен? Куда? — затормозил его Лихачев, прекратив стрельбу. — Ты меня слышишь? Говори...

Он слышал, как пуля чмокнула по живому телу, но

не знал, куда, старался повернуть Сумарокова на спину, а тот не давался, гнулся в дугу и зажимал, комкал на груди шинель.

— Погоди, кореш... — прохрипел он, — дух не переведу... Садануло... Не знаю, ребра целы, нет ли...

— Кракбаев, помоги поднять! — отчаянно позвал Лихачев. — Надо отнести его за дом...

— Не нужно... Сам дойду. Погоди... — бормотал Сумароков, подтягивая к животу колени и медленно разгибаясь. На искаженном от боли лице белели комочки приставшего снега, и Лихачев обмахнул их рукавицей. Сумароков отнял от раны одну руку, уперся ею в снег. Поддерживаемый Кракбаевым — тот пригнулся, перебросил Костину руку себе на плечи и принял всю тяжесть раненого тела на себя, — Сумароков медленно, загребая валенками снег, неловко дотащился до угла избы, там сел и прислонился спиной к бревенчатой стене.

— Отвоевался, кажись, — запаленно дыша, сказал он. — Не оставляйте меня тут. Здесь добьют. Слышь, кореш?

— Что ты, Костя! — ответил Лихачев. — Керим отведет тебя на КП, к Турову. Там санитары, перевяжут, в момент домчат до санчасти. Идти-то сможешь, или тебя на волокушу?

— Не знаю. Голова винтом... Плывет все. Дых забирает... — Он и в самом деле не дышал, а хватал воздух, как загнанная лошадь.

— Побудь здесь, сейчас волокушу освобожу.

— Сам-то как? Ведь пулемет...

— Ничего, зато Керим в момент домчит тебя до КП и вернется назад. А я один пока повоюю. Ну, держись крепче!

Лихачев метнулся назад к воротам, даже не крякнув, поднял пулемет и поставил его на снег, а сам с волокушей вернулся к Сумарокову. Он крепко, по-мужски, обнял его, прижался губами к небритой и холодной щеке, потом поцеловал в губы и оттолкнулся:

— Прощай, брат. Выздоровливай и не поминай лихом; как ни верти, а больше двух лет шли рядом, будто родные стали...

— И ты, тоже... — бормотал Сумароков, укладываясь на волокушу. — Может, еще вернусь...

Кракбаев утащил Сумарокова, а Лихачев залег за пулемет. Чтобы лучше видеть улицу, он выдвинулся чуть вперед, и ворота, опорный столб закрывали его с левого боку. Все чаще оглядываясь назад, он видел, как мимо

то и дело волокут кого-нибудь из раненых, а по близкой и все усиливающейся стрельбе со стороны противника можно было судить, что продвижения нет, атаку заклинило, упирались гитлеровцы. И Кракбаев что-то задерживался, пора бы уже и вернуться, ведь тут ходу до командного пункта на пять минут. Неуютно было одному лежать за пулеметом, знать, что, когда тебя оглушает собственная стрельба, сбоку, сзади могут незаметно подобраться и долбануть в спину. Некому присмотреть, чтоб этого не случилось. И впервые Лихачеву стало отчего-то очень тоскливо. До того плохо, что даже сердце сдавило, будто кто взял его в кулак. Может, этот бой и для него последний?..

Между тем стрельба немцев поредела, и непонятно было, что за этим последует: яростная контратака или передышка. Похоже, что ночь уходила, еле заметно уступая дню. В сизых сумерках обрисовались заиндевелые, опущенные добела куржаком ветлы, дома. Кое-где даже вились из труб дымки. И небо над головой светлело. «Хорошо бы, — подумал Лихачев, — передышку. Наши бы подтянули силенок, очистили деревню. Наступать, прячась за домами, легче, чем по чистому полю...» Но надежды эти не сбылись. В дальнем конце деревни захлопали глухие выстрелы, и со свистом начали падать и гулко рваться мины. Сизый дым сразу заволок улицу, щепы и мусор, черное крошево земли засыпали белый до этого снег. Осколки фурчали, свистели, стукались о стены и доски, с шипением врезались во все, что было вокруг, заставляя Лихачева вжиматься в землю. Автоматы и пулеметы, до этого вроде бы примолкшие, вдруг ожили, запыркали зло и часто.

— Контратака! — сказал себе Лихачев.

Дело оборачивалось худой стороной. Он подтянул себе под руку коробку с лентой, чтоб было чем заменить израсходованную, двинул рукоятку вперед, досылая новый патрон. Замок действовал исправно, Лихачев прицелился, дал длинную очередь вдоль улицы, пройдясь по всему порядку домов на уровне подоконников. Внезапный свист сверху заставил его прильнуть к коробу пулемета, за щиток. Но взрыв раздался не впереди, а сбоку от него. Он увидел боковым зрением, как рядом вспухла черно-сизая земля, брызнула огнем и дымом и ожгла его по бокам и ногам, отбросив от пулемета. Зазвенело, завертелось черно-красное слепящее месиво перед глазами, и он с облегчением погрузился в какую-то вязкую тьму, не чувствуя ни боли, ни ужаса перед неотвратимой кончиной.

Бойцы, отстреливаясь, отходили, прячась за стенами домов и заборами. Они видели посеченный осколками пулемет, Лихачева, недвижно лежавшего в снегу, и, считая его убитым, пробежали мимо.

Было одиннадцать часов дня, стрельба утихла. Гитлеровцы снова владели деревней, смотрели через те же амбразуры на пустое поле перед домами, где за снежными застругами вдруг мелькала чья-нибудь шанцевая лопатка или рука. Они знали по многодневным боям, что днем русские уже не беспокоят, не решатся наступать, и можно будет отдохнуть. Дело лишь за едой; скорей бы услышать команду да пойти с котелком за похлебкой и кружкой жидкого, но горячего эрзац-кофе.

Из подполья дома, близ которого лежал Лихачев, несмело выбралась женщина. Увидев распростертого на снегу солдата в серой шинели, сначала испугалась, потом начала всматриваться пристальней: а вдруг живой? Ей показалось, что шевельнулась рука. Она запахнула на себе ватник, подоткнула плотнее концы потрепанной шали и вышла на крыльцо. Оглядевшись, нет ли кого поблизости, подбежала к воротам. Так и есть, руки солдата еще теплые, хоть и настывшие, но не настолько, чтоб нельзя было отличить живое тело от заледеневшего. Напрягаясь изо всех сил, женщина потянула солдата, но лишь чуть сдвинула его с места. Он опять уткнулся в снег лицом. «Ему же так трудно дышать, — подумала хозяйка дома. — И обморозится...» Она взяла его за плечо, чтоб перевернуть на спину; тогда можно будет, уцепившись за шинель, затащить его в избу.

— Хальт! — раздался над ней властный окрик. — Матка, цурюк!

Она опешила, увидев над собой двух гитлеровцев. И как подошли, что не заметила? Старший, обмотанный поверх пилотки бабьим платком, перевернул солдата на спину, привычно взялся было за пульс, но, увидев, что раненый смотрит на него широко распахнутыми голубыми глазами, буркнул что-то другому немцу и выпустил руку Лихачева. Второй гитлеровец, молодой, с красным лицом, что-то горячо начал говорить напарнику, тыча стволом автомата на пулемет. По тону разговора и злым жестам фрица женщина догадалась, что он хочет добить раненого. Сердце ее захолонуло от страха и острой жалости. Неужели посмеют? Немец, что постарше возрастом, повел плечами в ответ на слова молодого, что-то коротко сказал и равнодушно отвернулся. А молодой проворно крутанулся и скрылся в соседнем доме. Он показ~~ался~~ через минуту

с канистрой в руках. Не понимая, что он хочет делать, женщина смотрела на него, видела, как он, лихорадочно оскаливая зубы, силится отжать пружину, притягивающую пробку к горловине. «Может, хочет дать солдату спирту, чтоб привести в чувство?» — подумала она, но немец вдруг стал плескать из канистры на раненого. Едкий бензиновый дух ударил в нос.

— Что ты делаешь, ирод? — рванулась женщина к молодому немцу, но тот бесцеремонно двинул ее плечом, и она отлетела в сторону.

— Цурюк, матка! — крикнул он зло и погрозил ей автоматом. В следующий момент он чиркнул зажигалкой, поджег клоч бумаги и кинул ее на солдата. Над раненым полыхнул столб огня и густого черного дыма, пламя враз охватило его от головы до валенок. Горела, корчилась в огне живая плоть. Женщина кинулась к солдату, начала грести ногами снег, пытаясь погасить пламя, но ее снова отбросили.

— Ой, мамонька, что ж это делается! — заголосила она и забилась в рыданиях, закрывая глаза руками, чтоб не видеть страшного костра.

Гитлеровцы постояли еще минуту, молодой притулил к воротам канистру, и, о чем-то разговаривая, они подались к кухне за похлебкой.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Кавалеристы действовали в пешем строю, оставив лошадей под надзором коноводов на исходном рубеже, в безопасном месте. Лесной чащобой они ночью обошли Марьино, проложив дорогу-временку по снежной целине. Вместе с ними действовал батальон Турова. В него влили всех бойцов, каких можно было собрать из тылов и специальных подразделений. Даже полковую пушечную батарею не обошли, взяли и оттуда кое-кого, поскольку батарея не имела снарядов. Задача была единой для всех — выйти в тылы противника и разгромить артиллеристов, которые в основном и составляли гарнизон деревни Игнатьево. Отсюда все время была крупнокалиберная пушечная батарея, подобная той, что была захвачена в совхозе Морозово. Командующий полагал, что за позициями вражеской тяжелой артиллерии войска получают, наконец, желанный оперативный простор. В этом маневре он видел возможность подсесть коммуникации калининской группировки противника, выйти на шоссе Калинин — Тургиново

и почти параллельную ей дорогу Калинин — Микулино. Третью дорогу, Калинин — Старица, должна была перехватить соседняя армия, действовавшая юго-западнее города. Но пока ее усилия не приносили ощутимых результатов, она даже Волгу форсировать не смогла.

Ночь и внезапность принесли успех. Обусловливалось это отчасти и тем, что гитлеровцы продолжали упорно удерживать Марьино и Щербинино, и поэтому артиллеристы, находясь за несколько километров от линии фронта, в Игнатьево, считали себя в безопасности. Часовые в деревне и на батарее, как полагается, были выставлены, но круговой обороны, такой, как в Марьино, не имелось. Под утро фрицы на своих постах вдруг заметили надвигающуюся на них цепь солдат. Первые выстрелы часовых послужили сигналом для кавалеристов и пехоты. На деревню обрушился ливень автоматного и пулеметного огня. Гитлеровцы выскакивали из домов в чем спали и бежали в соседнюю — за три километра от Игнатьево — деревню Обухово, бросив не только орудия, но и документы штаба полка, машины и до двухсот лошадей-битюгов. Весть об этом сразу же дошла до командующего, он остался очень доволен и приказал кавалеристам пробиваться дальше на запад — на Алексеевское, чтоб перехватить шоссе Калинин — Тургиново.

Старший лейтенант Морозов находился в батальоне и, как только установилась устойчивая связь, позвонил в штаб полка. Он обстоятельно доложил обстановку и попросил срочно отправить к нему сержанта Крутова с картами.

Хотя по времени вроде бы наступило утро, на лесной дороге стояла темень. Крутов думал, что придется идти одному, и немного страшился предстоящего пути, но, когда вступил в лес, он увидел на дороге множество бойцов. Всюду раздавались голоса; заглушая их, ревели моторы танков; лыжники в белых маскировочных костюмах пробирались обочиной; связисты разматывали катушки проводов, навешивая кабель на придорожные кусты и ветки деревьев; тащились по рыхлому снегу подводы. В стороне, на удалении, шел бой. Оттуда, приглушенная лесной чащей, доносилась пулеметная стрельба. Но на это не обращали внимания, может, потому, что не подозревали о близости врага. А он находился недалеко — в двух километрах, в Марьино, и не собирался оставлять деревню. Не принимал в расчет это обстоятельство и Крутов. Его радовало многолюдье, радовали танки — могучие Т-34. Их было немного — семь машин, но они размесили

снег на дороге до такого состояния, что он расползлся под ногами кашей. Танкисты почему-то никуда не спешили уходить. Поставив танки в стороне от дороги под развесистыми елями, чтоб не мешать движению, они прогревали моторы, и машины то громко взрывались, то чуть слышно урчали, и лес вокруг них был окутан синей пеленой дыма, вылетевшего из выхлопных труб. Сами машины были окрашены по-зимнему белой краской, она местами пооблупилась, стерлась, и танки выглядели пегими.

Лес оборвался внезапно. Сразу стало светлее, и за снежным, чуть бугристым полем Крутов увидел Игнатьево. Из труб кое-где поднимались струйки дыма, образуя в неподвижном воздухе свечки, милые сердцу, истосковавшемуся по домашнему теплу, по мирной жизни, в которой были и топившиеся печки, и теплый хлеб с ароматной запеченной корочкой, и широкодушное русское гостеприимство. Сержант прибавил шаг, предвкушая минуты, когда можно будет протянуть руки к огню и распахнуть полушубок, а то даже и просушить сырые, смерзшиеся валенки.

Возле крайнего дома находился еще в осеннюю пору вырытый окоп для часового, удобное место, с которого можно наблюдать за дорогой до самого леса. Крутов зашел в первую по левую руку избу, предположив, что именно тут и должны находиться командиры. В избе печка топилась, но было холодно. Да и трудно было ожидать что-то другое, ибо дверь поминутно хлопала, люди входили и выходили. Осмотревшись, Крутов узнал своих начальников, среди них Матвеева — комиссара и старшего лейтенанта Морозова. Улучив момент, когда Морозов отошел от стола, Крутов доложил ему о прибытии.

— О-о, молодец! — обрадовался тот. — Не ждал, что так быстро, честное слово! Тут, дома через три, — найдешь! — немецкий штаб помещался. Надо просмотреть бумаги, может, окажется что-нибудь интересное. Собери, потом передадим в штаб дивизии...

— Как я их определяю, важные — не важные, если читать не умею по-ихнему?

— Не беда. Я тоже немецкого языка не знаю. Полагайся на чутье: ты же штабник, должен знать, как содержатся бумаги, вот и определяй! А то братья-славяне доберутся, в момент на растопку пустят. А вдруг там есть что-то полезное? Замерз? Дуй ближе к плите, обогрейся сначала. Может, кухня подъедет, перекусим, а уж тогда и за бумаги. Время у тебя на это будет. Ты комбата Турова знаешь?

— Еще бы! Мой командир роты бывший, два года под его началом прослужил.

— Ну вот и хорошо. Надо ему помочь: они там списки составили отличившихся, реляции набросали в общих чертах, возьмешь и оформишь, как положено, чтоб можно было представить бойцов к наградам. Карты, которые я просил, принес?

— Так точно, штук десять, — ответил Крутов и растегнул сумку, чтоб достать нужные листы карт-километровок.

Морозов взял один лист, проверил, есть ли там нужное ему Алексеевское, и сунул карту в планшетку.

— Раздай всем сейчас же, — сказал он. — А то можешь не успеть. Гитлеровцы рядом — в Обухово, вдруг вздумают контратаковать, а мы тут одни, кавалеристов, с которыми действовали, сразу направили дальше. Ты шел дорогой, их не встречал? Следов не видел?

— Ни одного. Танки — эти стоят в лесу, а кавалеристов не видел.

— Значит, напрямик наладились брать Алексеевское...

Крутов сделал, что ему сказали, потом постоял у плиты, погрел руки. Кухня что-то не появлялась, и он решил идти искать дом, в котором помещался штаб гитлеровцев. Он его нашел очень скоро по каким-то пустым банкам, усеявшим снег перед крыльцом. Дом был покинут, все валялось в том беспорядке, как было брошено. Стол завален бумагами, вокруг стояли ящики с солдатскими книжками и стопками папок. Крутов наугад выбрал с десятков книжек, отложил их и принялся просматривать папки. В одной аккуратно подшиты какие-то циркуляры, отпечатанные на тонкой бумаге, со свастикой и орлом вместо штампа. Подумав, он взял несколько папок, полагая, что в них могут оказаться приказы, инструкции войскам, документы, имеющие долговременное значение, связал в пачку вместе с солдатскими книжками и все это прихватил с собой. Остальное можно будет забрать позднее.

В избе, час назад битком набитой, теперь находилось человек пять. Два командира о чем-то вполголоса разговаривали.

Командир противотанковой батареи, еще в осенних боях потерявший все орудия, а теперь оставшийся и без личного состава, старший лейтенант Дианов — крупного сложения человек, с хмурым, давно не бритым лицом, почерневшим от мороза, стоял у плиты, широко расставив ноги в валенках, и держал руки над конфорками. В печ-

ке еле горели сырые дрова, на них пузырилась пена. Крутов принес с улицы хороших дров, подложил в печку и, не дожидаясь, когда огонь разгорится, начал налаживать котелок, чтоб сварить себе похлебку из концентратов — горохового и пшеничного.

Дианов мрачно поглядывал на его приготовления, спросил:

— Долго думаешь тут побыть?

— А вот сварю, поем, а тем временем и штаб сюда подойдет. А не дожусь, так вернусь в Морозово.

— Долгая песня, — усмехнулся Дианов. — Обстановку представляешь?

— Нет, — откровенно сознался Крутов. — А что, опасно?

— Вот то-то и оно!

В это время по деревне прокатились разрывы нескольких мин.

— Ого! — настораживаясь, сказал Дианов. — Надо выйти, посмотреть.

За первым залпом разрывы зачастили, клубы сизого дыма заволокли деревню. Похоже, что немцы подготавливали контратаку. Двое штабников и сопровождавшие их бойцы, пригибаясь и прячась за стенами строений, побежали в подразделения. Видимо, возникло опасение, что там дрогнут и начнут отходить. Дианов посмотрел им вслед, наверное, раздумывая, как ему поступить. С резким свистом мина врезалась в крышу дома, за углом которого, прижавшись к стене, стояли Дианов и Крутов.

— Так идешь? — спросил Дианов.

— У меня же на плите каша! — ответил Крутов.

— Ну, как знаешь, а я пошел! — старший лейтенант, проваливаясь в сыпучее снежное месиво, не оглядываясь, зашагал по дороге в сторону темневшего леса.

Крутов взглядом проводил его и вернулся в избу. Плита горела хорошо, в котелке уже закипало. Сержант сомневался, правильно ли он поступил, отказавшись идти вместе с Диановым. Подумав, он решил все-таки доварить кашу, поест, а уж там решать, как поступить. Осторожности терять, понятно, не следовало, и он чутко прислушивался к тому, что делалось на улице.

В дальнем конце деревни разрасталась частая стрельба, привычным ухом Крутов уловил знакомый говор «максима». Там свои. А от минометного огня и дом хорошая защита. Сержант уселся между окон спиной к простенку, стал ждать, когда сварится каша. Неожиданно хлопнула дверь, и в избу вбежал боец.

— Слушай, пойдём! Немцы деревню обходят, а у меня пулемет заело!

— Да ты откуда? — удивился Крутов.

— Из роты ПВО меня сюда турнули. Я тебя знаю, видел не раз, будь другом, помоги!

Крутов выскочил за ним вслед. В том окопе для часового, где недавно еще никого не было, стоял пулемет, рыльцем — в сторону дороги, по которой недавно ушел Дианов. Теперь дорога была пуста. Боец сказал, что его только что сюда переместили и оставили на случай, если немцы попытаются обойти деревню с тыла.

— По мне вон оттуда очередь запустили, — говорил он возбужденно, указывая на темневший за полем лес. — Хотел ответить, а пулемет заело...

— Ты что-то путаешь, друг мой, — не поверил Крутов. — Откуда тут взяться немцам? В той стороне наши, туда только что ушел старший лейтенант Дианов, утром я оттуда!

— Честно! Стал бы я брехать! — уверял пулеметчик. — Так ты посмотри, что с машинкой!

— Ладно, — миролюбиво согласился Крутов.

Он поднял крышку, глянул на замок: так и есть! Патрон в казеннике наполовину смят. Перекос. Крутов дернул что было силы рукоятку назад, патрон вылетел. Двинул рукоятку вперед, новый патрон встал на место. Нажал на гашетку, пулемет ровно прострочил длинной очередью по опушке.

— Все на мази! Ленту не выровнял, сунул, вот и получил перекос! Ты не спеши, не бойся! Отсюда, полем, немцы не полезут, тут мы их сразу пригладим. Пока добредут, всех можно положить. В случае чего — стучи в стенку, я тут, никуда не денусь, у меня каша варится!

Кажется, ему удалось успокоить бойца. Надо ж, оставить за пулеметом одного! Додумались!

Вскоре стрельба прекратилась, и в деревне стало тихо.

День в декабре короче воробьиного носа. Он уже был на исходе. В избе никто так и не появился, видно, штабные командиры решили держаться ближе к подразделениям, быть вместе с бойцами. Сидеть одному не было резона, и Крутов надумал возвратиться в Морозово. Он с аппетитом «освоил» кашу и пошел. До опушки леса уже оставалось метров пятьдесят, когда внимание его привлекла черная сумка. Он свернул к ней. Вокруг сумки валялись полузасыпанные, втоптаные в снег письма-треугольники, конверты, открытки. «Вот растяпа, потерял сумку, а кто-то ждет не дождетя весточки из дому», —

подумал Крутов о почтальоне и поднял одно из писем. Судя по полевой почте, оно адресовалось в полк Сидорчука. Крутов начал поспешно собирать по снегу письма и заталкивать их обратно в сумку. Попадались даже знакомые ему фамилии. В полку почтальоном был Вейсман — плечистый рыжеволосый красноармеец. Крутов хорошо его знал, пунктуальнейший человек! И потерять сумку! Да потерял ли он ее? Не попал ли он в лапы гитлеровцев? Крутов начал осматривать сумку со всех сторон и увидел, что она разорвана. Ясно, что искали что-то ценное, спешили, некогда было расстегивать. Потому и письма выбрасывали, и снег вокруг утопан. Выходит, прав был пулеметчик, не выдумал, когда утверждал, что видел на опушке немцев, что по нему стреляли...

Крутов подхватил сумку и повернул обратно в Игнатьево, чтоб там дожждаться своих. В избе он перебрал все письма и нашел одно на свое имя. Писала знакомая девушка, Иринка. Коротко, поспешно: «Овладеваю радиодетом, уже работаю ключом, принимаю на слух. Скоро обещают послать на фронт. До встречи...»

Кажется, вечность прошла с той поры, как выехал из Аяра, на самом же деле минуло всего полгода. Он уехал на фронт, а Иринка, месяц спустя, поступила на курсы военных радисток. В письме поведала, что ждет не дождется, когда пошлют на фронт, тогда уж она обязательно найдет его. Чудачка, думает, что с ее желанием станут считаться и пошлют обязательно в ту армию, где служит он. Не представляет, что значит фронт... Нет, не испытал он радости, когда читал ее письмо. Лучше бы ей оставаться в родном поселке и не знать войны, не видеть фронта.

...Вечером в Игнатьево прибыл штаб полка. Женька-писарь, ведающий учетом личного состава, сразу огоршил Крутова неприятными новостями: выбыли из строя пулеметчики из четвертой роты. Сумароков и Кракбаев ранены, а про Лихачева и сказать никто не может. Не вернулся из Щербинино...

— Ты Дианова сегодня видел? — спросил Женька.

— Ну. Был в Игнатьево, утром предлагал мне вместе идти в штаб, а я отказался — дело было. Так он один ушел. А что?

— Ранили его, едва к немцам в лапы не угодил. Говорит, на засаду нарвался. Сам пришел в санроту, и знаешь, что интересно? Часы его спасли. В брючном кармашке он носил часы, серебряные с крышками — «Павел Буре». Так пуля попала прямо в часы и отвернула чуть в сторону, иначе бы хана ему. Врач Спирин говорит, что

с полчаса из раны стекло и всякие колесики выковыривали. Во, брат, как случается, и нарочно не придумаешь...

— Повезло человеку. А это узнаешь? — Крутов достал сумку почтальона. — Нашел.

— Как нашел? А где же Вейсман?

— Наверное, придется писать: пропал без вести. Сумка валялась на том же месте, где и Дианова ранили. — у опушки. Я в штаб полка возвращался, а как увидел сумку, давай назад, в Игнатьево. На автоматчиков оба они, видно, нарвались, лес же кругом — в любом месте к дороге выходи свободно...

Крутов надеялся, что удастся отдохнуть ночь под крышей, но Сидорчук дал старшему лейтенанту Морозову задание отыскать батальон Турова, и если тот в Алексеевском, то потом проводить и его, Сидорчука, туда.

Морозов взял с собой Крутова.

Старший лейтенант за дни боев исхудал. Все время в беготне по подразделениям, ни отдохнуть, ни поесть вовремя... Лицо его обострилось, глазницы ввалились темными кругами. Кажется, что даже веснушки потемнели, вместо веселой рыжеватости — бледность.

За порогом избы — ночь. Шли, проваливаясь в снег. Миновали бывшие немецкие пушки; они стояли на позициях, задрав длинные стволы к небу. Что там возле них чернело, Крутов так и не удосужился посмотреть. А белая лента дороги, по которой они шли, тянулась за поскотиной, среди леса, без единого следа...

Морозов шагал впереди, сунув руку с пистолетом за пазуху. Крутов с карабином метрах в десяти сзади. Он смотрел не под ноги, а по сторонам и вперед, чтоб не прозевать, если вдруг посыплется где с ветвей снег и обнаружится враг. Тихо шуршал под валенками рыхлый снег, но все равно казалось, что их могут услышать издалека. Уж сколько было случаев, когда на глухих тропках и просеках наши бойцы нарывались на засады. Смотри да смотри в оба, если не торопишься попасть на тот свет. От напряжения Крутов даже не чувствовал холода. В лесу затишно... На деревьях пласты снега гнут ветви до земли, по валежинам змеятся белые ленты. На каждом пеньке белая шапка. Но в этой черно-белой пестроте даже вблизи не отличишь человеческую фигуру. Вот и всматривался Крутов до рези в глазах во все вокруг, ловил ухом любой звук.

Они не заметили, как отмахали километров пять. Лес вдруг расступился, и они оказались на голом поле. От неожиданности Морозов остановился. *

— Алексеевское, что ли? — спросил он, когда Крутов приблизился вплотную. — Как думаешь, не ошиблись?

— Не должно бы. Ведь нигде не сворачивали, по прямой шли!

В отдалении, за огородами, виднелись избы, из труб поднимались дымки, в окнах теплился свет коптилок. Угадывалось движение людей. Прислушались. Уловили отдельные русские слова. Значит, свои. Только тут расслабились и сразу почувствовали усталость в ногах — по целине перли! Морозов вздохнул облегченно, утер лоб, пистолет в кобуру спрятал.

В первой же избе нашли комбата Турова и комиссара Матвеева. Они маршковали над картой, о чем-то рядили-судили. Морозов подошел, доложил комиссару о том, что ему велел разузнать Сидорчук.

— Где вы так ухитрились пройти, что мы никакого следа не обнаружили? — спросил старший лейтенант.

— А мы — за кавалеристами, — ответил Туров. — Хоть и дальше, кружить пришлось, зато дорога наторена.

— Разрешите отправляться назад? — спросил Морозов комиссара. — Командир полка велел мне не задерживаться.

— Погоди, тут такое дело: батальон сейчас выходит, — сказал Матвеев, — и ты опять нас будешь искать. Вот накормим людей и, пока не минула ночь, будем брать Сенцово. Эта деревня прямо у шоссе Калинин — Тургиново. Разведка уже ушла. Чтоб надежней и быстрее, бери танк и поезжай. Тут их штуки четыре в деревне. Только не тридцатьчетверку, они без горючего вовсе, а Т-26. Этот полегче на ходу. Скажи, я приказал...

— А где же кавалеристы?

— Они свою задачу выполнили, нам придется без них действовать. В подкрепление нам и прислали танки. Хоть деревню будут оборонять, и то помощь...

В избе было жарко натоплено, и Крутова сразу потянуло в сон. Пока Морозов вел разговор, он прилег на полу возле печки за связистами, они удобно его загоразживали. Услышав, что Морозову дают танк, он понял, что больше не потребуется своему начальнику, ведь машина не рассчитана на пассажиров; и только закрыл глаза, как тут же словно бы провалился — уснул и не слышал, как ушел Морозов.

Утром он поднялся от холода, растекавшегося по всему полу. Дверь поминутно раскрывалась. Крутов осмотрелся. Изба полна людей, слышен басистый хриплый голос Сидорчука. Рядом с ним незнакомый капитан, по ви-

ду грузин, с короткими в ниточку усиками, серыми, чуть навывкате глазами. Фигура атлетическая — широкие плечи, талия узкая даже в полушубке. А вот Морозова не было. Не знал Крутов, что посланный за командиром полка танк нарвался на засаду в ложине. Гранатой перебило гусеницу, экипажу пришлось отстреливаться. Правда, гитлеровцев было мало, они ничего больше не могли поделывать и отошли. Перебитый трак заменили, и танк пришел в Игнатьево. В этой перепалке Морозов, сидевший за башней на броне, был ранен и больше в полк не вернулся. Крутов все ждал его, спрашивал, но никто, кроме командира полка, о нем не знал. К Сидорчуку же обращаться Крутов не посмел. Лишь когда в полк на место Морозова прибыл неделей спустя новый командир, он понял, что больше не увидит своего никогда не унывающего начальника. Еще в ноябре, после боя за Волгой, Морозов подарил Крутову маленькую, с какого-то старого своего удостоверения, фотокарточку, и она постоянно находилась в сумке сержанта. Нет человека рядом, но есть чувство дружбы, и оно согревало Крутова.

Очень скоро, прислушавшись к телефонным разговорам, Крутов понял, что пехота деревней Сенцово овладеть не смогла, залегла на подступах, несет потери. Эти сообщения очень нервировали Сидорчука, он, напрягаясь голосом, кричал в трубку, требовал от комбата организовать огонь и под его прикрытием сблизиться с врагом... То и дело утирая потное воспаленное лицо, подполковник откидывался головой к бревенчатой стене и устало закрывал глаза, чтоб собраться с силами.

Не так он думал воевать, когда стремился в свой полк, не такой рисовалась ему война, хотя он более отчетливо, чем иные, представлял ее, исходя из опыта первой мировой, в которой пришлось участвовать. Да и стычка с японцами у Халхин-Гола была всего лишь, как говорится, пробой пера по сравнению с тем, что он видел сейчас. Гитлеровцы оказались техничней, организованней японцев, они мастерски оборонялись, у них крепкая дисциплина. Это он понял сразу. Все, чему его учили перед войной — охваты, обходы, — здесь пока не находило применения. В полку не остается и сотни активных штыков. Что для немецкого гарнизона охват такими силами! Гитлеровцы просто не реагируют на маневр такими мизерными подразделениями, они в тепле, у них пулеметы и минометы, отлаженная круговая оборона. Вот сейчас, в километре от деревни, в которой он сидит, где стоят даже танки, по шоссе из Калинина на Тургиново проходят колоннами пе-

мецкие войска. Идут себе с обозами даже, будто знают, что у него ни одного снаряда, ни одной мины, чтоб обстрелять их. Сейчас бы на Сенцово, где засел противник, двинуть танки, пусть даже только четыре машины, и пехота вышибла бы оттуда гитлеровцев. Но танки без горючего, их можно использовать лишь для обороны, как огневые точки. «И на том спасибо... — думал Сидорчук. — Иначе немцы придут на командный пункт, и придется самому браться за винтовку».

Не предполагал он, что за несколько дней растеряет полк в этих снегах и лесах, в трудных и малоуспешных боях. Да что говорить!.. Даже будку, в которой можно было иногда отогреться и отдохнуть, и ту потерял. Минометным огнем побил лошадей, а других взять уже было негде, транспортная рота вся занята на эвакуации раненых, каждая подвода на счету. Куда уж тут таскать будку!

Однако что же там Туров, принимает какие-нибудь меры или нет? Сидорчук потянулся к телефону, но связист упредил его:

— Товарищ подполковник, порыв на линии. Связи нет.

— Послали кого-нибудь?

— Так точно. Полчаса назад вышли двое, но вестей не подают...

— Бочкарев! — окликнул Сидорчук плотного капитана, тщательно выбритого, хотя обстановка последних дней вроде бы и не располагала к подобной аккуратности. — Как же так? Связь утрачена, а вы не докладываете, молчите!

— Отправлю еще двух связистов, видимо, с первыми что-то произошло, — ответил Бочкарев и наказал своим: — Смотрите хорошенько, возможна засада!

— погоди, я пошлю с ними сержанта! — Сидорчук поискал глазами Крутова. — Пойдешь к Турову. Узнай, как у него дела, и доложишь мне. Передай ему мой приказ: сближаться насколько можно с противником и атаковать! Надо взять Сенцово и перекрыть дорогу. Пусть принимает любые меры, но задача должна быть выполнена! Возвращайся быстрее, чтоб я знал обстановку.

Крутов ответил: «Есть!», схватил свой карабин и выскочил за порог, чтоб не отстать от связистов. Они уже нашли нитку провода, ведущую в батальон, и, придерживая ее в руках, бежали вдоль линии. У крайнего дома, под стенкой, почти закрываемый жердяной изгородью, стоял легкий танк. Пулемет его смотрел в сторону близкой

роши. Нитка провода повела туда же. Одной своей стороной эта роща примыкала к Тургиновскому шоссе, ее следовало пройти, чтоб оказаться неподалеку от Сенцово.

Связисты сноровисто бежали проторенной тропой. Крутов не отставал. Они одолели по роще уже с километр, когда увидели тех, кто ушел на линию до них. Убитые связисты лежали у тропы. Карманы шинелей и брюк были вывернуты, в снегу валялось их оружие. Многочисленные следы уходили в сторону шоссе. Озираясь, ожидая каждую минуту автоматной очереди, подошли связисты и Крутов к своим погибшим товарищам, ставшим жертвами вражеской засады. Гитлеровцы, видимо, искали документы, да что есть у солдата! Разве только в брючном кармашке «медальон» из черной пластмассы в форме патрончика, где хранится записка с фамилией и местом призыва?..

Провода были отброшены в снег, связисты быстро их срастили, подсоединились к линии и сообщили о случившемся. Дальше Крутов побежал один, ему надо было найти Турова.

Жутко одному в притихшем тревожном лесу. Перед глазами все время только что увиденное: у тропы в неловких позах лежат убитые, побелевшие пальцы судорожно сжимают ухваченный в горсти снег... И Крутов бежал, не жалея ног, только деревья мелькали мимо и гулко отдавалась толчками в висках кровь. Вскоре он вырвался из темного леса на поле, и до него сразу донеслись выстрелы. Сержант увидел прижавшиеся к земле деревенские домики с ветлами, со снежными пуховиками на крышах, с небольшой беленой церковью на отшибе. Церковь стояла в кольце черных деревьев. Наверное, летом они создавали хорошую сень, но сейчас были голы, и сквозь ветви просматривались облупившиеся стены, узкие арочные, чуть не до карниза, окна. Обшивка куполов сбита. «Наверное, оттуда, с колокольни, все хорошо видно вокруг», — подумал Крутов и пригнулся, чтоб чего доброго не подстрелили. Тропа нырнула в ложбинку, из которой не стало видно деревни и церкви, и только колокольня все-таки маячила.

В этой ложбинке, метрах в трехстах от церкви, и находился командный пункт Турова. Он, его адъютант, трое связных ютились в снежных ячейках.

— Пришел? — встретил комбат Крутова вопросом. — Сидорчук звонил. Сказал, что наши связисты на засаду нарвались. Плохо! Нечем мне свой тыл прикрыть. Записку мы тут подготовили, но мало ли что, лучше запоминай:

утром наша атака была отбита, мы потеряли... — Туров назвал цифры. — Запомнил? Вот и хорошо, так и передай. Скажешь, что, пока церковь будет у противника, нам в деревню не прорваться. Он же с колокольни все видит, каждый наш шаг. А на паперти — пулемет. Головы поднять не дает. И уничтожить его нечем. Будь у нас хоть одна пушчонка или минометам было чем стрелять, мы бы фрицев из церкви выжили. Но всего этого нет... Придется лежать до темноты. Ничего тут не поделаешь.

— А командир полка велел передать, чтобы...

— Знаю, Крутов, — оборвал его Туров, — знаю. Да только всему есть предел. Все мы сыны Отечества, одинаковый у нас долг перед ним. Ну об этом я сам Сидорчуку говорил, он знает, можешь этих слов ему не передавать. Беги, не задерживайся. Да смотри, пригибайся лучше, не ленись, а то на колокольне снайпер.

— Счастливо оставаться!

— Какое уж тут счастье! — усмехнулся непослушными от мороза губами Туров. — Быть бы живу, о другом и не думается.

Крутов откозырял комбату и помчался назад. Убитых связистов уже не было, их вывезли в деревню, оставался след ребячьих саночек. Узкие полозки резали снег глубоко.

Тяжело, горестно было на душе у Крутова. Он хорошо знал Турова, его храбрость и командирскую исполнительность, и уж если такой человек не уверен в успехе предстоящего боя, значит, и в самом деле плохо. Значит, силы на пределе. Туров был первым его ротным командиром. Под его началом пройдена хорошая солдатская школа. «Быть бы живу...» — об этом здесь думает сейчас каждый. И сколько еще будет держаться проклятый враг? Цепляется он за каждый дом, за каждую деревушку, хотя видит же, что военная фортуна ему изменила. Уже отходят немецкие войска из Калинина, батальон за батальоном... Однако немало еще придется биться, пока побегут из города остальные. Вот от Москвы враг уже отброшен изрядно, Крутов слышал последние сводки. Почему же здесь немцы так упорно сопротивляются?

Сидорчук молча выслушал Крутова, кивнул: он хороших вестей и не ждал.

— Ладно, занимайся своими делами, — сказал он. Голос был сиплый, чужой, лицо горело, глаза покраснели, опаленные губы покрылись волдырями. — Увидишь Спирина или кого из их братии, скажи, пусть придут.

Что-то я препаршиво себя чувствую, расклеился, боюсь, как бы не свалиться.

— У меня таблетки аспирина есть, — сказал Крутов. — Только не наши, а немецкие. В Игнатьево, когда бумаги в ихнем штабе разбирал, на аптечку наткнулся, набрал всяких лекарств. Названия по латыни, что у нас, то и у них...

— Давай немецкие, черт с ними, — согласился Сидорчук.

Крутов достал из сумки пакет, развязал его, они вместе просмотрели содержимое. Подполковник взял таблетки аспирина, еще какие-то другие, проглотил сразу четыре штуки, чтоб быстрее подействовало, сказал утешительно: «Не помрем, так живы будем!» — и подмигнул лихо: где, мол, наше не пропадало! И все-таки недуг его одолел: сидел возле телефона, откинувшись головой к стенке, и вдруг сознание у него помутилось и он повалился на лавку. Его подхватили, он какое-то время смотрел удивленно, не понимая, что с ним произошло. Поняв, подозвал своего заместителя капитана Гоголадзе.

— Придется тебе покомандовать, пока я немного очухаюсь. Вишь, свалило. Задачу полка знаешь, действуй!

Может, Сидорчук и больной бы управился, ведь полк был представлен лишь одним батальоном Турова, очень малочисленным: артиллеристы, минометчики в счет не шли, они сидели без снарядов и мин. Но он хотел проверить, на что годен его новый заместитель, можно ли ему доверять в сложной обстановке. Капитан глянул на него серыми безразличными глазами, кивнул и подсел к телефону. Вскоре на всю избу раздавался его зычный голос:

— Вперед! Я приказываю вперед!!!

Сидорчук сидел в сторонке, закрыв глаза, а сам чутко прислушивался. Он не хотел мешать капитану, хотя и не одобрял этих его криков по телефону. Дело от громких команд вовсе не двигалось. Пехота лежала в снегу, временами Туров уходил с командного пункта, и тогда капитан передавал свои распоряжения либо связисту, либо адъютанту, и исчезали его слова бесследно, как вода в песке...

Зимний день клонился к сумеркам. Все были голодные, кухня почему-то не приехала, и дозвониться в тылы не удавалось. Под Сенцово противник, не переставая, шупал пехоту короткими минометными налетами или проходил по ней пулеметными очередями. Связь с батальоном опять прервалась, и напрасно капитан рвал ручку аппарата, крутил ее, словно мясорубку, — трубка молчала. Он был в явной растерянности и, не зная, что еще можно

предпринять, оглядел вымученными глазами избу. Взгляд его остановился на Крутове:

— Сержант! Немедленно в батальон и передай мой приказ: наступать! Всех поднимать в атаку и взять деревню! Бегом!

Крутов вскинул карабин за плечо и вышел за порог. Ему так не хотелось на этот раз идти, да еще одному, через этот темный лес, а позвать с собой было некого и обращаться к капитану с просьбой дать ему кого-то в напарники не решался: не поймет, сочтет за трусость, раскритикует. А в памяти всплывали те минуты, когда втроем они подходили к убитым связистам, страшась, что их самих тут положат. Не исключено, что немцы опять устроили засаду на линии. Но он шел, с каждым шагом все сильнее ожесточаясь: «Будь что будет! К черту!» Он уже подходил к крайнему дому, где за изгородью хоронился танк, когда с опушки близкого леса раздался выстрел. Куда он был направлен, Крутов не знал, но остановился. Из танка в ответ простучала пулеметная очередь. Кого там заметил танкист на опушке? И тут произошло непонятное. Из танка густо повалил дым, он загорелся, через нижний люк вывалился танкист и стал поспешно отползать в сторону. Крутов оглянулся на избу, из которой недавно вышел: должны же там хоть что-нибудь видеть? С крыльца ему махали: вернись!

— Не надо ходить, — сердито сказал Крутову Сидорчук. — Еще не хватало самим поставлять гитлеровцам «языков»!

Быстро смеркалось, но не настолько, чтоб ничего нельзя было видеть. Из Калинина по шоссе опять потянулись черные колонны вражеской пехоты. Они уходили на юг, покидали город, отступали, но Сидорчук даже помешать немцам не мог, нечем было, и он только ненавидяще смотрел им вслед.

Вечером позвонил Горелов:

— Кончай дело, Сенцово тебе не взять, выводи всех. Пока вы там базарили, противник снова захватил Игнатьево. Возвращаясь, освобождай деревню. Да смотри, чтобы убитых не оставили. Организуй эвакуацию, похороны, все как положено. Раненых отправь в тыл. Спешить тебе некуда, вся ночь у тебя...

Генерал резко оборвал разговор, и Сидорчук даже не успел спросить, какое положение у других, у тех, кто остался под Марьино, в Щербинино и Чуприяново. Наверное, там также неважно, иначе разве стал бы генерал скрывать хорошие вести?

Дорогой, по которой на Алексеевское прошлой ночью пробились кавалеристы, прибыли обоз из санитарной роты и кухня. Вместе с ними пришел комиссар Матвеев. Он сразу же послал Спирина и санитаров в батальон, чтоб раненых без задержки везли в полковой медпункт, а убитых хоронили на месте, в братской могиле. Спирин уехал. Турова он не застал в живых. Комбат и адъютант были убиты, когда поднимали бойцов в атаку. Туров лежал в спокойной позе, словно очень устал и прилег отдохнуть, откинувшись на спину. На губах, припухлых, чуть вывернутых, казалось, даже таилось подобие улыбки, словно он что-то знал и до поры утаивал.

Спирин два года жил в Аяре рядом с ним, по соседству, не раз отмечали праздники за общим столом, по семейному. Просто не верилось, что нет больше в живых этого славного человека. Жил не горячась, разумно, и умер спокойно, без мук, и смерть словно бы пожалела его, не исказила лица. Дырка в полушубке указывала, что пуля снайпера попала прямо в сердце... Мороз уже сковал тело комбата, заледенил. Спирин смотрел на него, и слезы стили на обветренных щеках, а в горле застревал, набухая, ком, мешал дышать...

Земля была промороженная и звенела, как камень, высекались искры из-под кирки. Спирин приказал всех убитых свозить в Алексеевское. Здесь нашли толу, взорвали, получился небольшой котлован, и на окраине деревни осталась братская могила — не первая и не последняя, в которой лежали сибиряки.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Последующие двое суток слились в какой-то кошмар: не успевали выбить противника из деревни и обогреться, как он переходил в контратаку и врывается в деревню снова. Теперь уже ни для кого не было секретом, что немцы постепенно оставляют Калинин, поэтому-то так судорожно и цепляются за каждый населенный пункт, пытаясь выкроить время, необходимое для планомерного отвода войск на новые рубежи. В контратаки гитлеровское командование бросило на этом участке фронта свежие подразделения, и чаша весов заколебалась в пользу врага. Бои снова разгорелись вокруг злополучных Марьино, Щербинино, а потом, когда их все-таки освободили, переместились на рубеж соседних деревень — к Поминово, Обухово. Некогда было наводить линии связи, и штабы

полков размещались в лесу. Никто не писал сводок, донесений, из дивизии их и не требовали, и штабники коротали время, теснясь у дымных костров. Стоило освободить деревню, как штаб спешил туда, а через час-полтора, после очередной контратаки врага, опять отходил в лес.

Сидорчук потерял счет времени, плохо соображал от усталости, да и ни к чему было раздумывать, как построить боевой порядок или применить какой-либо маневр. Обычно перед рассветом или под прикрытием густого морозного тумана, собрав всех, кто только был, из стрелковых подразделений, он выводил их цепью к занятой врагом деревне и с криками «ура» врвался туда. Гитлеровцы убегали в ближайший населенный пункт. Оттуда их быстро поворачивали назад, и они, в тонких шинелях и сапогах, снова шли в контратаку, чтоб скорее укрыться в деревне от беспощадного мороза.

Стояло седое утро, снег скрипел под ногами, и шаги отзывались за сотню метров. Сидорчук вел свой полк — полста человек с винтовками, все свои активные штыки, — в очередную атаку на Поминово. Эта большая, в несколько улиц деревня магнитом тянула к себе, манила отдыхом и теплом. Метров за четыреста развернулись в цепь. Крутов шел правее командира полка. Сзади слышался рокот моторов, и, вздымая за собой вихри снега, из лесной чащи вырвались два танка. На полной скорости они двинулись на обгон. Те, кто оказался к ним поближе, сразу вышли на танковые следы и побежали за машинами: так было легче, чем брести целиной, к тому же броня — защита от пуль.

Танки, стреляя на ходу из пулеметов и пушек, ворвались в деревню. Там, хоронясь за домами, они вели огонь с места. Без прикрытия танкисты не могли углубляться в деревню, их машины сразу могли подорвать гранатами. Вот и ждали, пока накопится пехота.

Крутов мог бы бежать вместе с остальными бойцами, но он добровольно принял на себя роль ординарца командира полка. Сидорчук, поняв, что гитлеровцы оставляют деревню, шел напрямик, без опаски. Он не ожидал такой щедрой поддержки от Горелова и, видя, что задача решена легче, чем предполагалось, не спешил. На краю огорода стояла приземистая банька, такие топят по-черному. Он подвернул к ней, прислонился плечом к стенке, чтоб отдышаться, осмотреться. Стрельба доносилась из дальнего конца деревни, пули цивкали высоко. Крутов остановился рядом, выглянул из-за угла. Бойцы уже все скрылись за домами.

— Все, Поминово наше, — сказал сержант.

— Ну, не говори гоп! Гитлеровцев тут было до черта, могут уцепиться в конце деревни за крайние дома, придется еще выковыривать. Надо скорее идти!

Идти так идти. Крутов шагнул из-за стены, и в этот момент его чем-то хлестко ударило по губам. Он инстинктивно схватился за ушибленное место, глянул под ноги и увидел на снегу пулю.

— Что там? — глянул из-за плеча Сидорчук.

— Вот, — протянул он пулю. — От танка срикошетила, весь бок расплющен.

— Не задела?

— Какое... Прямо по губам пришлась. Еще не знаю, целы ли зубы. — Он отнял руку, ладонь была окровавлена, во рту тоже накапливалось соленое.

— Ерунда. Утрись. Удачливый ты, — сказал Сидорчук. — Могла все зубы перешелкать. Сохрани на память, детишкам своим отдашь. Пошли!

Губы пухли прямо как на дрожжах и еле шевелились. Крутов брел следом за командиром полка и сплевывал кровь.

Сидорчук остановился в большом просторном доме. Похоже, что и гитлеровцы размещали здесь свой штаб, поскольку на столе оставался забытый ими телефон в коричневой эбонитовой коробке. Связисты сразу прибрали его к рукам и приспособили к делу. В избе были нары в два яруса, застеленные соломой, на полу валялись грязные бинты, бумаги, одежда, которую не успели нацепить на себя немцы. Застойно пахло немытым телом, еще чем-то специфически-фрицевским, как выразился Сидорчук, приказав распахнуть дверь и проветрить помещение.

Едва появилась связь с дивизией, как Горелов приказал немедленно направить танки в полк. Атаманова. Эти две исправные машины оставались единственной ударной силой, которой он мог маневрировать.

— С чем же я останусь? — попытался возразить Сидорчук. — У меня же людей по пальцам перечесть можно...

— Понимаю, но и другим выполнять задачу надо, — резким голосом, категорично заявил Горелов. — Не задерживай!

Видимо, танкисты были заранее проинструктированы насчет того, что им делать, потому что машины с включенными двигателями стояли уже возле дома. Командир одного из экипажей выглядывал из люка. «Поезжайте!» — махнул им рукой с порога Сидорчук, и танки, взревев мо-

торами и окутавшись клубами синего дыма, умчались. Не будь этой поддержки, едва ли удалось бы освободить деревню. «Значит, и у неприятеля дела неважные, коль бегут от двух танков», — подумал Сидорчук. Он боялся теперь только одного: увидят гитлеровцы, что машины ушли, — перейдут в контратаку. Тогда не удержаться, не хватит его людей для обороны такой крупной деревни. Если б еще не усталость! Она буквально валила всех с ног, бойцы засыпали на ходу. Ведь столько дней и ночей без отдыха!

Его самого нестерпимо клонило в сон, он боялся, что если присядет, то забудет про все. Про то, что надо немедленно налаживать оборону, пока бойцы, дорвавшись до изб, не улеглись спать.

Гитлеровцы уследили за отходом танков. Из леса широкой и довольно плотной цепью показалась вражеская пехота. Сразу же начали рваться мины, засвистели пули. Сидорчук бегом бросился на окраину, чтоб помочь командирам подразделений организовать отпор, но увидел, что от дома к дому отходят бойцы, задерживать их, поворачивать обратно он не стал, поскольку все равно для уличного боя сил было слишком мало. Через полчаса все снова собрались в лесу, из которого вышли три часа назад.

Когда Сидорчук доложил о таком исходе, Горелов помолчал какое-то время, раздумывая, что с ним делать — снимать ли с должности или предпринять что-либо другое; может, советовался с кем-то по этому поводу. Наконец, изрядно протомив Сидорчука, отозвался, сказал подчёркнуто спокойно:

— Слушаешь? Сумел оставить, теперь освобождай! Не выполнишь задачу, отдам под трибунал!

Сидорчук и не ждал ничего иного. Он только вздохнул обреченно и положил трубку. Будь он на месте Горелова, ответил бы подобным же образом. Но силы полка исчерпаны, помощи не предвиделось и просить ее бесполезно. Люди держались на крайнем напряжении воли. Бывают моменты, когда приходит второе дыхание. Однако оно уже было, когда брали Игнатьево, когда атаковали — и, оказалось, бесплодно — Сенцово. Есть ли в природе третье дыхание? Сидорчук подумал об этом насмешливо, но лицо скривилось в болезненной гримасе. Губы, облепленные простудными волдырями, растрескались, крошечными...

Солнце в морозных радужных разводах едва пробивалось в густой елово-сосновый лес. Деревья недвижно замерли от стужи, опустив ветви с пластами снега, как

люди, безвольно опустившие руки. Меж деревьями, прямо на снегу, лежали и сидели бойцы и командиры, стараясь не смотреть друг на друга. Даже костра никто не пытался разжечь. Дай волю, предоставь их самим себе — и они могут заснуть и окоченеть.

Сидорчук и сам был не в лучшем состоянии, но он обязан поднять людей, организовать их и снова повести за собой, чтоб отбить эту проклятую деревню. Сгорела б она синим огнем вместе с гитлеровцами! Он приказал Крутову собрать к нему всех командиров...

Горелову волей-неволей пришлось докладывать командующему, что Поминово не взято, — он избегал слова «оставлено», чтоб не вызывать лишних нареканий. Как ни крутись, а надо изворачиваться, искать обтекаемые формулировки, дабы не навлекать на себя гнев начальника, потому что нервы и у того были на пределе. Строгость нужна, а вот брань, крик, разносы в такой обстановке неуместны, считал Горелов, они не помогают, а разве только могут толкнуть на безрассудный шаг. Не взято — это совсем не то, что оставлено!

Командующий имел на этот счет другой взгляд: коль нужда принудила выполнять трудное дело, надо жать и жать, пусть человек даже ожесточится, от этого лишь прибудет сил. Он, конечно, сочувствовал Горелову и понимал, что тому не сладко, но высказанное сочувствие может угнездиться в сердце и ослабить его волю к действию. А этого допустить никак нельзя!

Ночью из Калинина через линию фронта перешел подпольщик, он принес сведения, что гитлеровцы собираются полностью оставить город 14 декабря и отступить на линию Смоленск — Великие Луки. Там, дескать, они спокойно перезимуют, а весной снова дадут бой Красной Армии. Получить такое сообщение весьма важно, однако Ушков знал, что если он чуть ослабит нажим, то немцы в любой момент могут «передумать» и зазимуют в Калинине.

— Не взято! Так что, будешь ждать, пока позовут, примите, мол, от нас деревню? — усмехнувшись, спросил Ушков, и Горелов, ожидавший разноса, даже опешил, не нашелся, что ответить. — Вот имею сведения, — продолжал командующий, — гитлеровцы собирались оставить город четырнадцатого. Учти, сведения, что называется, из первых рук. Как думаешь, почему они до сих пор сидят в городе, хотя сегодня пятнадцатое? Ладно, не утруждайся, отвечу сам: потому что мы ослабили нажим.

— Понимаю, товарищ командующий. Приму все меры,

чтобы подхлестнуть войска, всех, кого только можно, поставлю в первую линию, перетрясу тылы... Как с боеприпасами для больших и малых труб?

— На это не надейся, все забирает Западный фронт. Там главное — Москва! Если там чуть ослабить, так мы вообще с места не сдвинемся. Поэтому к Москве в первую очередь и людей, и боеприпасы. И то негусто. Но дела на Западном идут успешнее, чем у нас.

— Ясно. Если там хорошо, глядишь, и у нас легче станет, — ответил Горелов. — Выйдут на одну линию с нами, и здесь немцы зашевелиятся!

— Ты это брось! Даже не думай! — вскинулся Ушков. — Нечего надеяться на дядю, сам жми, мобилизуй всех, не давай своим засиживаться у костров.

— Будет исполнено. Сделаем все, что только в наших силах, — заверил Горелов. — Что еще там слышно, в смысле общей обстановки? Как расценивают возможный наш союз с Англией и Америкой? Геббельс еще не высказался? — Хоть и не верил Горелов до конца в оптимистические предсказания Бернштейна-разведчика, а имелась, жила подспудно мысль, что проснется когда-то сознание у немецких солдат, у простого немецкого народа в целом. Не пришла ли пора?

— Геббельс болтает, что такой союз невозможен. На Ленинграде обломали зубы, теперь выкручиваются, распускают небылицы, что не берут город по той причине, что он поражен заразными болезнями. Вот, мол, весной приедут врачи из Берлина, выявят всех больных, мы их перебьем, а тогда и займем Ленинград. Ну, эта песня известная, еще дедушка Крылов написал про зелен виноград. Все, действуй!

Не мог Ушков скрывать обнадеживающих вестей от своих подчиненных, понимал, что им тоже необходима в перспективе надежда, что их усилия в конце концов увенчаются успехом. Человек не из металла спаян, в известные моменты, если не поддержать, может отчаяться, опустить руки, разувериться в необходимости напрягать силы до последнего вздоха. А этого допустить нельзя, потому что в гигантской битве решалась судьба Москвы, а может, даже исход всей войны. «Всюду пока ощущается нехватка техники, боеприпасов, — думал Ушков, — но советские люди полны решимости отстоять свою землю. До полного разгрома еще далеко, пока врага только тесним, выталкиваем. Но сейчас важно отбросить его подалеже от столицы. Будет время, все появится — и снаряды, и новое оружие, тогда и полного разгрома не из-

бежит Гитлер. Русский народ всегда понимал свою роль в истории и в решительный час умел постоять за себя. Так было и на Куликовом поле, и под Бородино. Так будет и сейчас: свершит народ невозможное. Не враз, конечно, но свершит! Калинин, конечно, возьмем. Теперь это несомненно, и остановки на этом не будет...»

Горелов после разговора с командующим снова позволил в полк:

— Ну, как идет подготовка?

— Собираю всех, кого только возможно, — ответил Сидорчук. — Думаю через час-полтора начинать.

— Мобилизуй всех без исключения и не тужи, не позволяй противнику укореняться, не то за собственное промедление сам и наплачешься. Тут появились обнадеживающие вести, что вот-вот должен покатиться враг. Все зависит от нас: хватит силенок поднажать крепче, тогда быстрым ходом пойдем. Ничего не жалею, всех ставь в строй, и чтоб задачу выполнил. Помни наш прошлый разговор, мое слово твердое!

Сидорчук потемнел лицом: опять угроза! Нет, трибунала не будет! Снова сам поведет людей в атаку, а уж там, как придется. Жаль, что в этот момент рядом нет Матвеева, уехал подтолкнуть тылы, санитарную роту, чтоб вовремя накормили бойцов, без задержки вынесли раненых. Велик спрос за раненых, и это правильно! Что ж, придется сейчас командиру полка и за комиссара действовать. Ничего...

Морозная дымка, к вечеру уплотнившаяся, пришлась очень кстати, она скрывала наступающих на исходном, где они разворачивались в цепь. Крутов опять шел рядом с командиром полка. Поле, по которому предстояло передвигаться, поднималось к деревне. Лишь за его горбом покажутся крыши. Враг пока ничего не видел, не слышал, а все-таки было тревожно. Глухо шуршал под ногами сухой и сыпучий снег, изредка раздавались негромкие команды: «Не отставать!» Вот еще сто, сто пятьдесят шагов, и они выйдут на гребень. Уж тогда противник их наверняка заметит, и этот рубеж станет для кого-то последней чертой в жизни. Для кого? Крутов старался, но не мог не думать об этом. Не верилось, казалось невозможным, что жизнь будет продолжаться, а его не станет. Нет! Все что угодно может произойти, но только с другими, а не с ним. Так казалось, так думалось, и это давало ему силы идти вперед к рубежу, где их встретят пули. Обязательно встретят, он это знал и напрягал волю, чтоб заглушить в себе все, кроме чувства долга.

Вот и гребень. Крутов увидел баньку, возле которой они делали в прошлый раз остановку. До нее метров двести. Вся деревня на виду, как и они, идущие к ней. Их встретили не пули: коротко просвистев, ахнула мина, и густой сизый клуб дыма возник на месте разрыва. Ветра не было, и дым медленно расползлся по снегу.

— Вперед! — громко подал команду Сидорчук и призывно взмахнул рукой.

Еще в лесу он договорился со своим заместителем, где кому находиться, чтобы бойцы их видели и сами находились под контролем. Сидорчук на правом фланге цепи, капитан на левом. Крутов проследил за упавшей миной — кажется, никого не задела, ушла с большим перелетом. Но ведь это лишь начало — пристрелка. Шли старыми следами, которые оставили утром, легче так, чем по целине. Опять противно завывли, заголосили мины, и четыре разрыва легли вразброс уже ближе.

— Вперед! Бегом! — кричал Сидорчук, оглядываясь и взмахивая рукой.

Но тут навстречу ударили пулеметы. Длинные очереди хлестко прошлись над цепью, и многие инстинктивно повалились в снег.

— Не залегать! За мной! Вперед!..

Какое-то время цепь продолжала еще двигаться, но густой пулеметный огонь все-таки положил ее. Сидорчук видел раненых, возле них суетились товарищи и тащили их назад, из боя, в спасительный лес. Он все это охватывал, казалось, единым взглядом и уже знал, что их на этот раз не подпустят к деревне, даже не дадут зацепиться за крайние дома, но все еще считал, что отказываться от намеченной цели не время, и продолжал идти и звать за собой других. Ему было бы легче, если б сейчас его ранило, чем возвращаться назад и снова выслушивать от генерала слова упрека, давать объяснения.

Возле подполковника группировалось десятка полтора бойцов, они следовали за ним, но основная масса наспех собранных отовсюду людей уже залегла, затаилась в снегу. Капитан, заместитель командира полка, абсолютно ничего не мог поделать. Его крики и брань не помогали. Вот он остановился над упавшим солдатом:

— Вперед! Я приказываю — вперед! Поднимайся! Кому говорю?

Но тут вблизи коротко свистнула мина, капитан проворно нырнул в снег, и дымом разрыва заволокло обоих. Полежав минутку рядом с бойцом, он приподнял голову, осмотрелся.

— Лежи! — дернул его за полу боец. — Не даст он дальше ходу, пулеметы ж у него. Не понимаешь? Или на тот свет захотелось?

Сидорчуку тоже пришлось залечь под густым обстрелом. Пули взбивали вокруг снег, и казалось, что вот сейчас какая-нибудь чмокнет в голову. Хорошо, что залегли в глубокий танковый след, он надежно защищал и позволял отползти назад. Но что же делать дальше? Командир полка приподнялся и огляделся: бойцы привычно зарывались, взмахивали малыми лопатками, укладывали перед собой брустверы из снега. Они уже знали, что теперь придется лежать до темноты. «Не поднять людей, — понял Сидорчук. — Нужно ждать ночи. Сколько же у меня осталось, много ли потеряли?»

Сгустилась вечерняя мгла. Быстро начало темнеть. Взлетали над деревней осветительные ракеты, но они не в состоянии были разогнать мглу и словно тонули в ней, захлебывались, не пробив ее до земли светом. Огнистые пули чиркали по снегу, вслед доносилось тарахтенье пулеметов. Гитлеровцы продолжали вести огонь, хотя исход атаки уже был ясен. Бойцы поднимались и поодиночке отходили к лесу. Сидорчук тоже поднялся: лежи-не лежи, а надо держать ответ! Он подозвал Крутова:

— Пробежись, узнай у командиров, сколько потеряли!

Подполковник брел в лес, и от усталости его покачивало, словно пьяного. Чувства притупились, он сам себе казался выжатым, опустошенным, и тупое безразличие ко всему охватывало, затягивало, как в трясину, и не находилось сил, чтобы стряхнуть с себя это наваждение. Возле костерка, разложенного связистами, сидел только что прибывший на КП полка бригадный комиссар — начальник политотдела армии. Сырые ветки тлели, выделяя больше дыму, чем тепла, и он держал над огоньком руки, а лицо отворачивал в сторону.

— Ну что, не удалось? — участливо спросил он Сидорчука.

Он подвинулся и освободил место на валежине, чтоб Сидорчук тоже мог сесть. Похоже, начальник политотдела ждал доверительного разговора, на чистоту, с тем, кто принимал все тяготы, всю ответственность на свои плечи и нес их в течение многих дней.

Сидорчук понял, что комиссар ждет от него не простого объяснения сегодняшней неудачи в бою, а более глубокого анализа событий. А этот бой лишь частный эпизод. Бригадный комиссар и сам хорошо слышал ми-

нометный и пулеметный обстрел, которому враг подверг атакующих. Наверное, не обошел он своим вниманием и раненых, которые прошли здесь, на КП, первичную обработку. Матвеев молодец, успел пригнать подводы, чтоб незамедлительно увезти кого следует в санчасть и не морозить людей. Только убитые еще лежали неподалеку от костра на снегу, — их собрали там, на подступах к деревне... Так что о сегодняшнем бое Сидорчук мог и не говорить. И он начал издавека, с того, что на исходные, к Волге, полк вышел в неполном составе, имея всего два малочисленных батальона, что с первого же дня они не имели поддержки артиллерией, что уже более недели сражаются без мин и снарядов и приходится полагаться только на самоотверженность бойцов, идущих грудью на пулеметы. А он, командир полка, обязанный помогать своим подчиненным, не имеет возможности подавить огонь врага и вынужден снова и снова посылать бойцов вперед. Если проанализировать прошедшие за десять суток бои, то все, чем можно похвалиться, достигнуто в основном в ночных атаках. Днем на поле боя господствует противник, у него огневое превосходство, он в укрытиях. Вот и мерзнем, сутками лежим на снегу, без сна, без отдыха, без уверенности, что жертвы не напрасны. В полку не оставалось ни взвода разведки, ни других спецподразделений. Сегодня собрал всех, кого только можно было, а что толку?! Опять надо поднимать всех живых и снова вести на пулеметы, ведь деревня не взята, а задачу никто не отменял...

— По-моему, вы слишком удручены неудачей. Сгущаете краски...

— Сгущаю! — воскликнул Сидорчук. — Да знаете ли вы, что у меня в стрелковых подразделениях осталось всего два средних командира, и я, командир полка, опять поведу в атаку пятьдесят—семьдесят человек и буду водить до тех пор, пока не возьму эту деревню или не сложу голову! На моем счету уже несколько выговоров, меня который раз обещают отдать под трибунал. Сами посудите, какая участь меня ожидает. И каково мне, коммунисту!..

Вся боль, все обиды, все неудачи последних дней захлестнули ему душу и перехватили дыхание. Сидорчук не мог сдерживать невольных слез и отвернулся, чтоб скрыть их от собеседника.

— Ваши заботы и ответственность велики, спору нет, — после недолгого молчания заговорил комиссар. — Но за этой повседневностью вы утратили перспективу, все све-

ли, сфокусировали к делам своего полка. Понимаю, чтоб рассуждать объективно, нужно некоторое отдаление, а вы находитесь на узком участке переднего края, и это мешает вам взглянуть на обстановку в целом. Беру отчасти вину на себя: наверное, мы недостаточно, не в полной мере информируем войска о положении на других участках фронта. А ведь они не плохи. Мы не только остановили врага, но и разгромили его ударную группировку, отбросили ее далеко от Москвы. Гитлеровцы бегут, а не просто отступают, оставляя в снегах технику, несут огромный урон в людях. Это ли не победа над хваленым противником, еще недавно считавшимся непобедимым? И учтите, бегут не отдельные части, а почти миллионная армия — цвет немецкого рейха. Судите сами, стало ли бы это возможным, если б мы своими ударами не сковывали большие силы врага? Если б не наступали? Битва под Москвой войдет в историю как одна из величайших в Отечественной войне, потому что здесь, в снегах, мы похоронили миф о непобедимости гитлеровской армии и сорвали планы фашистов на молниеносную войну. И в этом немалая заслуга и вашего полка. Тяжело, что и говорить, но не надо отчаиваться. Угрозы, выговоры — все это от нервозности, от усталости, не придавайте им такого значения...

Правду говорят, что разделенное горе уже легче наполовину. Воспрянул духом и Сидорчук. В лес подъехала кухня, все подкрепились горячей едой. Вот только спать не пришлось, коротали время у костров, изредка забываясь дремотно и тут же вздрагивая от пронизывающей стужи. Утром, чуть свет, Сидорчук поднял всех и повел на деревню. Он опять ожидал огня, но противник ничем себя не выказывал, будто спал или затаился до времени. Приближаясь к окраинным домам, с тревогой ждал Сидорчук: вот ударят сейчас пулеметы кинжальным огнем в упор, и тогда — гибель! Не только он, наверное, все до единого атакующие были охвачены этой тревогой и двигались в гробовом молчании. Шорох снега под ногами, казалось, был слышен в другом конце деревни. Только заскочив в первые избы и не обнаружив там гитлеровцев, вздохнули облегченно: теперь не беда, теперь двинем дальше! Никто не обстрелял их и в центре деревни. Оказывается, ночью гитлеровцы ушли. Сидорчук тут же, как только дали связь, доложил об этом Горелову. Для генерала эта весть не оказалась неожиданной: из других полков сообщили то же самое.

— Соседи освободили Калинин, враг отходит по всему

фронту. Организуй преследование, — сказал Горелов. — Вперед вышли разведку, чтоб не напоролся на засаду. Поставь задачу разведчикам взять «языка». Мы должны знать, куда противник собирается отходить, до какого рубежа. Считай, столкнули неприятеля с места, не зря бились...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Какое это блаженство, после многодневных скитаний, ночевок в подпольях, на снегу, в холоде вдруг попасть в хорошее помещение, где можно по-человечески выспаться на полу или еще лучше — на столе, а потом сидеть в тепле и даже скинуть с плеч отдавивший все кости полужубок. Пока не прижмет, так и не оценишь прелестей самого обычного жилья. Крутов наслаждался жизнью. Умывшись снегом, он уплет полкотелка горохового супа, напился чаю. Правда, ни хлеба, ни сухарей не выдали, но что за беда, если все равно сыт! Он уселся на подоконник и стал глядеть на заснеженные деревья в саду. Нет, скорее это был парк, потому что вблизи не росло ни одной яблони, а только темнели огромные ветвистые липы с узловатыми развилинами. Липовый парк. После многих морозных дней чуть отпустило, повалил непроглядно густой снег, затягивая белой пеленой все строения. Казалось, кто-то влез на крышу и оттуда беспрестанно вытряхивает пух из подушек, пуская его по ветру. Даже грачи не летали в такой мешанине ветра и снега, отсиживались по гнездам.

Когда обнаружилось, что немцы покинули деревню Поминово да и другие близлежащие к ней населенные пункты, полк перешел в преследование. Вскоре удалось настичь гитлеровцев: это были небольшие арьергардные команды факельщиков, которые сжигали за собой селения.

Пехота шла по бездорожью, как-то так выпадало, что заданное направление не совпадало со здешними дорогами, вот и месили валенками снежную целину. Скорость была — смешно сказать — два-три километра в час. Перед каждой деревней, изготавливаясь к бою, разворачивались в цепь. Факельщики, увидев наступающих, тут же принимались плескать на стены домов керосин, поджигали, давали несколько автоматных очередей, и пускались наутек. Каждый из них тащил за собой саночки, на них везли ранец, канистру с горючим, а при необходимости укладывали раненого или убитого. Убитых они ста-

рались не оставлять, и Крутов не раз видел, как бегут гитлеровцы и на саночках у них кто-то привязан.

В деревню обычно входили, когда она уже пылала, желтый ядовитый дым валил из всех окон и дверей, свиваясь над крышами в огненно-черный жгут. Тушить было нечем, да и сил у измученных долгими боями людей на это не доставало. Проходили мимо, стиснув зубы, кляня в душе фашистов.

Жителей гитлеровцы угоняли, как скот, с собой, но случалось, что из ям и убежищ выбирались женщины с детьми, глубокие старики; горестно смотрели они на пожар и тоже ничего не предпринимали, смирившись с бедой и всецело полагаясь на милость судьбы: свои вернулись, авось не оставят их на погибель!

Два дня преследовал полк врага, и вот — Пушкино, на большаке Калинин — Микулино. Пришли в темноте, заняли на постой пустующую школу. Поселок во время боев находился в глубоком тылу у гитлеровцев, не успели они его ни сжечь, ни запоганить, как это делали с другими населенными пунктами, где долго стояли. А может, и сожгли какую-то его часть, да Крутов не видел этого. Когда вошли, была ночь и сил на разглядывание не оставалось, добраться только бы до теплого угла... А потом повалил снег, шел сутки напролет. Все было завалено снегом, глубоким до непроходимости; такой в состоянии скрыть любые следы разбоя, и пожарища в том числе. Во всяком случае близ школы постройки оставались целы, а что дальше — Крутов не знал.

Сразу после завтрака Крутов пришел к Лузгину спросить, нужно ли писать донесение в штаб дивизии.

— Да, да, — кивнул Лузгин. — Обязательно писать. Укажи: полк находится во втором эшелоне, личный состав приводит себя в порядок, чистит оружие. Не забудь добавить, что дороги непроходимы для гужевого и автомобильного транспорта, что тылы отстали, подвоза хлеба нет...

Донесение — минутное дело, все служебные формулировки, принятые для такого рода документов, Крутов знал наизусть. А потом долгожданный отдых. Сиди, любуйся на природу! На падающий снег можно смотреть бесконечно долго, как на огонь и воду, — тоже ведь стихия своего рода...

«Пушкино! Надо бы спросить у кого-нибудь, почему поселок назван именем поэта, но местных жителей поблизости нет... Школа тоже пуста, учителя неизвестно где. Наверное, бывал в этих местах Пушкин, следуя из Моск-

вы в свое имение или к кому-либо из друзей в гости».

Вспомнилось детство. Когда в школе проходили литературу, Крутов не особенно интересовался, в какое время и где бывал поэт. Хватало основных вех: Михайловское, Болдино, дуэль, кончина... Стихи — другое дело, их он немало знал наизусть, мог хоть когда продекламировать ответ Онегина на письмо Татьяны или что-либо иное из обычно печатавшегося в хрестоматии. Полного собрания сочинений Пушкина он и в глаза не видел, не читал: поселковая библиотека была бедна, книги наперечет и всегда ходили по рукам. Если у кого-то дома стояла этажерка с книгами, таким завидовали, и выпросить что-либо почитать стоило большого труда. Библиотечные книги ходили по рукам до полной негодности.

На память пришло:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысю как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая...

«А здесь, — подумал Крутов, — снегу поднавалило столько, что и легкой кибитке не пробиться. Может, еще не день и не два придется без хлеба сидеть. Когда-то еще большак расчистят!»

Так получилось, что шла дивизия Горелова наискосок главному направлению, и через два дня не нашлось ей места, другие части вошли в ее полосу и погнали врага перед ней. Вот и оказалась она во втором эшелоне, на отдыхе. А может, за то, что все дни была на самом острие, ей и предоставили передышку? Долго ли дадут простоять? На это никто, даже сам генерал Горелов, ответить не мог. Не стал голову ломать и Крутов: судьба изменчива, вперед все равно не заглянешь!

Постоял он у окна и направился в другой класс. Там народу битком. Кто курит, другие о чем-то спорят, а один чудака с мелом в руке решает на школьной доске задачу — уравнение с тремя неизвестными. «Быстро же ребята очухались, отогрелись».

Крутов осмотрелся, но никого знакомого не нашел, и стало почему-то грустно. Оказывается, без дела сидеть совсем худо, без дела думы донимают о тех, кто пал на поле боя, и от этого становилось тоскливо и сердцу больно..

Полк простоял в Пушкино неделю. Что ни день, в до-несениях указывали: дороги непроходимы для транспор-

та... Продовольствия все не подвозили, но заместитель Сидорчука по тылу отыскал у местных жителей картошку. Ее варили и отдельно, и с концентратами, и получалось неплохо, все наедались досыта. Всякий раз, берясь за ложку, Крутов вспоминал побасенку, которую приговаривал по такому случаю отец: «Бульбу скребут, бульбу парят, бульбу едят, бульбу хвалят. Светла бульба блины, кашу, сведет бульба и родню нашу». Значит, надоедала картошка. А тут она идет еще в охотку, не приелась.

Несмотря на бездорожье, в Пушкино пробилось пополнение. Вся школа была забита людьми до отказа, из прибывших формировали роты, их вооружали, на них заводили списки, командиры знакомились с подчиненными, сразу на всех навалились заботы. Новички в основном были из кержаков. Так они сами себя называли. Они держались нелюдимо, сослуживцев сторонились. Не раз Крутов слышал от них мимоходом: табашники, скоблено рыло...

— Чего это они? — спросил он знакомого солдата.

— А-а, старообрядцы. Староверы. Не нравится им, что курим, — ответил тот и засмеялся. — Вот погоди, начнутся бои, прижмет, так попривыкнут, куда денутся, еще и сами начнут сигарки крутить...

Командира полка внезапно вызвали в штаб армии. Сидорчук уехал недоумевая, а вернулся почти ночью в приподнятом настроении. Оказалось, вызвал сам Ушков. Командарм встретил его приветливо, поднялся навстречу, пригласил к столу и за чаем интересовался прошлой службой Сидорчука. Узнав, что он участвовал в боях на Халхин-Голе, много расспрашивал об этом. Сам он, в свою очередь, вспомнил про военные действия в Испании, где ему довелось тогда уже столкнуться на поле боя с гитлеровцами.

Сидорчук впервые встретился с командующим, да еще в такой обстановке, был несколько скован. Но Ушков слушал внимательно, рассматривая его из-под прикрытых век острыми пронизательными глазами. Он был телосложением крупнее Сидорчука, рыхлее, выглядел, что называется, породисто по сравнению с подполковником — обветренным, костистым, мужиковатым. Светлые волосы командующего стрижены под «бокс». Такая прическа удлиняла его лицо, а привычка держать голову высоко, вперед подбородком, придавала ему выражение властности и некоторой недоступности. Наверное, он об этом знал, потому и старался придать разговору больше доверительности и добродушия.

Когда после чая закурили, Сидорчук почувствовал, что скованность его оставила. Незаметно Ушков перевел беседу на более близкую им тему — на прошедшие бои. Он хвалил сибиряков за их стойкость, за хорошие боевые качества. По его словам, дивизия Горелова заслуживает всяческой похвалы, ибо все время решала главную задачу и вела за собой остальные соединения; ее командный состав достоин высших наград.

— Мы об этом думаем! — сказал он, словно начисто забыл, как не раз негодовал, как был щедр на угрозы, как отстранял Горелова и Шмелева от руководства войсками. Теперь, когда острота обстановки миновала, он, видимо, хотел, чтобы Сидорчук и другие командиры освободились от неуверенности в себе, чтобы в них укрепились и самостоятельность в решении боевых задач, и командирская инициатива. Да, было трудно, все нервничали, кричали, угрожали, но это, может быть, в какой-то степени было тогда необходимо. И если сам Ушков об этом не напоминает, если воздаст должное дивизии, то ее командному составу также надлежит забыть обиды.

— Да, операция была труднейшей, — сказал Ушков, — но будем помнить только главное, а второстепенное, несущественное пусть уйдет в прошлое. Хвала тем, кто, выполняя воинский долг, сложил голову за Отечество. Хвала тем, кто выжил, кому предстоит еще идти вперед.

Ушков чувствовал, что надо ослабить закрученную до отказа пружину, потому что человек не может все время находиться под таким давлением. Кажется, это ему удалось, он расположил к себе Сидорчука. Перед этим по телефону долго говорил с Гореловым и надеялся, что его, командующего, высокая оценка действий дивизии не замедлит воодушевить весь личный состав.

— Получили пополнение? — спросил он Сидорчука. — Как впечатление?

— Не очень, товарищ командующий, — честно признался тот. — Старообрядцы, ненадежный народ. Боюсь, как бы в определенный момент они не отказались стрелять. Кто их знает, у них же какая-то особая вера, вроде «не убий» и тому подобное...

— Ну, этого мы не позволим — устранимся от борьбы за свою землю. Думаю, до этого и не дойдет. Сам митрополит московский осуждает злодеяния фашистов, с амвона призывает верующих постоять за Русь. Старообрядцы ведь тоже православные — русские, я бы даже сказал, исконно русские люди. Будут воевать, не беспокой-

тесь! Конечно, контингент не совсем привычный, следовало бы прежде с ним поработать, но жаль, времени на это у нас нет, завтра придется выходить на линию огня. Указания уже посланы. Вы можете зайти в штаб, ознакомиться с задачей, чтоб быть в курсе...

Сидорчук понял, что беседа подошла к концу, и поднялся. Ушков проводил его до порога, пожелал хорошей дороги и успехов в будущих боях, хотя знал, что быстрых удач не предвидится. Фронт двигался на запад, но медленно. Сбить гитлеровцев с принятого ими темпа пока не удастся. Отходят от рубежа к рубежу. Разведка доносит, что впереди — сильно укрепленная полоса, значит, опять предстояло прорывать ее. Цепь деревень, на которые решил опереться противник, расположена на возвышенностях, словно самой природой созданных для обороны, и все преимущества были на стороне врага. Отрадно лишь то, что поступили обнадеживающие сообщения о растерянности в ставке Гитлера. Фашистский главарь рвет и мечет, отстранил от должности генерала Браухича и принял на себя обязанности главнокомандующего. Ефрейтор первой мировой войны в роли верховного! Вдруг начнет завинчивать гайки и вместо отступления до Великих Лук прикажет обороняться под Ржевом?! От этого бесноватого фюрера всего можно ожидать. Вот и гадай, как повернется дело...

Днем был доставлен приказ: дивизии Горелова предписывалось выходить в первую линию, устанавливать контакт с действующими там частями. Комдив передал Сидорчуку команду по телефону: выводить полк на исходный рубеж...

Сидорчук распоряжался энергично, напористо, словно с него враз свалилась тяжесть, давившая много дней. Он не стал дожидаться, пока штаб оформит документы, и выступил из деревни вслед за батальонами, на ночь глядя, прихватив с собой связистов. Штаб вышел через два часа по следам.

После обильных снегопадов снова прижал мороз. Ветер взвизгивал неслежавшиеся снега, гнал густую поземку, переметая дорогу. Приходилось идти, отворачивая лицо в сторону от колючего ветра. Крутов далеко обогнал медленно ползущие повозки штаба и комендантского взвода. Прошагав километров пятнадцать, он еще издали заметил огни — догорала какая-то деревня. Когда он туда пришел, на черных пепелищах дымились последние го-

ловни да густо чадили кучи назема. Деревня была сожжена почти сутки назад, а огни, которые он видел, оказались кострами. Жители деревни — старики, женщины, дети — сидели у костров за наскоро поставленными от ветра заслонами из соломы и досок, скучившись, задыхаясь от дыма, бросаемого ветром то в одну, то в другую сторону. Ежась, кутаясь в тряпье, они коротали долгую зимнюю ночь, не решаясь в темноте искать другого пристанища. Сидорчук сидел со связистами у такого же костра. Крутов не смог пристроиться возле, а на ветру даже через полушубок пронизывало, и он пошел осматривать пепелища. На одном оказалась глубокая яма — подполье с картошкой. Завалинки создавали защиту от ветра, как раз то, что нужно. Оставалось выбросить наружу, чтоб не угореть от их чада, крупные, еще дымившиеся головни — недогоревшие бревна, распавшиеся на куски. В рукавицах он быстро с этим справился, очистил место, разгреб паривший прогретый картофель и улегся. Под боком стало тепло, лишь вверху пошумливал ветерок и снежная поземка сыпалась на лицо, покалывая кожу. Он укутал голову одеялом и сразу заснул. Крепко, без сновидений, как спят вконец уморившиеся люди.

Сидорчук не выдержал и покинул костер посреди ночи. Ветер не унимался, за соломенным заслоном было лишь чуть теплее, чем на открытом месте. К тому же он все время задыхался от едкого дыма: порывы ветра крутили и бросали его в лицо, выжимая из глаз слезы и забивая дыхание. Уж лучше сидеть в лесу под елкой, пусть без огня, но в затишье, чем так! Туда ушли батальоны, время было проследить, чтоб не мешкали, выходили на исходные, пока темень и враг не видит. Предстоящая задача беспокоила его, не давала забыться. Он настолько закоченел у костра, что всю дорогу сотрясался от озноба, и лишь на подходе к лесу почувствовал, как начал немного разогреваться; а то даже губы не повиновались, говорить толком не мог.

«Надо же, выжечь всю деревню дотла, — размышлял он. Прикинув в уме местность, как помнил ее по карте, он пришел к выводу, что сделано это гитлеровцами с умыслом: они будут находиться в тепле, а хотите их атаковать, пожалуйста, замерзайте в снегах. — Гнусные твари, даже для женщин с детьми не оставили ни одного дома!» — негодовал он. До Чухино, которое предстояло брать, километров семь-восемь. Судя по карте, сама деревня на

холме, а перед нею заболоченный лес, низинка, наверняка все просматривается противником, подступиться будет не-легко. Надо шевелить своих, чтоб выдвигались, пока ночь, а то днем начнет гвоздить...

Лес показался вдали черной стеной и обозначился глухим гулом: ветер накатывался и трепал верхушки сосен, и они, скованные морозом, стонали, окутызались пологами сыплющегося с ветвей снега. Сидорчук сразу, только вошел под сень леса, почувствовал, как мелкая сеянка засыпает воротник его полушубка, шапку, лицо. Но здесь ветер гулял вверху, а на земле было спокойно, затишно и, как показалось ему вначале, даже тепло: это лицо, иссеченное поземкой, разогрелось на первых порых.

Связисты, не выпускавшие провода из рук, привели его на командный пункт. Под деревом шалаш из еловых веток, перед входом дымит костерчик, теплится огонек. Навстречу из шалаша выполз Матвеев, взял Сидорчука под руку, отвел в сторонку, чтоб проинформировать о делах.

— Придется немного подождать, — сказал он. — Саперы готовят под КП землянку, должны вот-вот закончить, а в шалаше нет сил даже по телефону поговорить: дым глаза выедаёт. Землянка хоть и небольшая — на трех-четырех человек, а все же будет лучше...

— Я смотрю, лес густо заселен, — заметил Сидорчук. — Чьи это люди?

— Всех достаточно: и наши, и соседи. Утверждают, что один батальон уже овладел окраиной деревни, и нам остается только развить его успех.

— И далеко это Чухино?

— Не очень: километра полтора лесом, а там сразу в гору полем. Не подступиться, открытая местность. Батальоны уже на исходных, получил донесение. Ждут твоей команды.

— Хозяин сам подаст. Наступать будем сообща с другими полками. Где думаешь развернуть санитарную роту?

— Приказал оставаться в деревне, километрах в десяти отсюда. Ближе ни одного дома, все сожжено, а в лесу, сам видишь, поморозим людей, и только. Знаю, что далеко будет возить раненых, но другого выхода не найду. Спирин специально посылал людей на поиски, думал, может, где поближе что уцелело, но нет ничего.

— А где же размещаются те штабы, что действовали тут до нас?

— Там же, в деревне. Здесь от них связисты, через них и установили контакт. Еле-еле...

Землянку срубили самую примитивную: три венца и лапу, на них накат из одного ряда бревешек. Попасть в нее можно через пробитый в мерзлой земле лаз под венцами. Он пролег через всю землянку, разгораживая ее на две равные половины. Земля, усталая ветками, служила сиденьем, а в узком прокопе можно было держать ноги. Примитив... Но и такое сооружение — роскошь. В нем располагались командир полка с комиссаром и два связиста. В углу у входа топилась железная печурка. Влага обильно выступала на бревнах.

Команды на атаку не подавали; Горелов ждал, когда исходные займут все полки. Что касается частей, сражавшихся тут до подхода дивизии, то они уже находились на своих местах, даже в самом Чухино. Непонятно было: почему, занимая одним батальоном окраину, надо другие подразделения держать в поле перед деревней?

Перед рассветом Горелов позвонил Сидорчуку:

— Давай команду, пусть выдвигаются. В Чухино сосед, смотри, чтоб своих не перебили, не разобравшись. Предупреди кого нужно. Окраина наша, смелее чтоб действовали...

Сидорчук тут же передал в батальоны: начинать движение! Он вышел из землянки, чтоб по стрельбе уследить за моментом, когда кто-то из своих или соседей ворвется в деревню. Не унимавшийся ветер относил и частично глушил шумы боя, но по всполохам от оружейных выстрелов, от ракет, густо взлетающих над деревней, по неутихавшим пулеметным очередям можно было догадаться, что атаку противник ждал, подготовился и не намерен без сопротивления оставлять позиций. Связисты позвали Сидорчука к телефону. Звонил один из комбатов. Он пришел в полк в Пушкино, познакомиться с ним Сидорчук толком не успел, помнил только фамилию — Чичаков да заурядную внешность сугубо гражданского человека, вынужденного надеть военную форму. Все на нем топорщилось, не прилегало к телу, словно противилось чему-то, и потому он ничем не выделялся среди рядовых из недавнего пополнения, таких же нескладных и неуклюжих. Старший лейтенант призван из запаса, в гражданке был каким-то начальником районного масштаба, на фронте впервые, необстрелянный. Нового комсоставского обмундирования не нашлось, бывшее в употреблении комбат сам взять не пожелал, предпочел ему добротное солдатское — грубошерстную шинель, ватные куртку и брюки, шапку, валенки. Каков он будет в бою — об этом пока судить трудно...

— Товарищ Десятый, — сообщил Чичаков, — докладываю: сильный пулеметный огонь из Чухино. Бьет минометная батарея откуда-то из глубины деревни. Люди залегли, атака захлебнулась, большие потери...

— Ни в коем случае не давай залегать! — закричал Сидорчук. — Надо во что бы то ни стало прорываться к окраине, там сосед, пробивайтесь к нему на соединение! Только вперед! Вы меня поняли?

— Так точно, понял! Приму все меры!..

Сидорчук позвонил в другой батальон, но там на командном пункте находился лишь телефонист, он ответил, что «хозяин» впереди, поднимает людей в атаку. Сильный огонь...

Командир полка не имел возможности побывать в батальонах и плохо представлял истинное положение на поле боя. Это его сильно нервировало, но пока идет сражение, уйти от телефона он не мог: в любую минуту может позвонить генерал, дать указание. До тех пор, пока не будет сведений о том, удалось или нет ворваться в деревню, с КП ему отлучаться нельзя. И под рукой нет никого из штабных, чтоб послать в батальоны и узнать обо всем достоверно. Штаб полка пришел было в сожженную деревню. Лузгин покрутился возле костра и попросил разрешения вернуться туда, где остались уцелевшие дома. Иначе, мол, штаб не сможет работать. Сидорчук разрешил и теперь сожалел об этом. Он взялся было уже за телефон, чтобы вызвать кого-нибудь, но подумал, что это не выход. Пока вызванный доберется за десять километров, так и надобность в нем минует. И тут в землянку заглянул Крутов.

— Эй, сержант! — обрадовался Сидорчук. — Зайди!

— По вашему приказанию... — опускаясь на корточки в проходе, потому что, даже согнувшись, стоять не позволяла низкая землянка, неловко козырнул Крутов. Он переночевал на пепелище довольно сносно, лишь перед самым утром его пробрал мороз до костей. Вскочив, побежал к кострам, но там оставались одни жители, а все военные куда-то подевались. Куда? Жители отвечали, что, должно быть, ушли в лес, вперед, вот Крутов и подался по следам к своим. Если бы он знал, что штаб вернулся назад!

— Слушай, сержант, — сказал Сидорчук, — беги в батальоны и узнай, как там дела, почему не наступают. Заодно уточни потери. И бегом назад. Понял?

— Есть! Я мигом! — ответил Крутов и выбрался за порог.

Дорога к передовой была пробита основательная, потому что по ней прошли не только пехота, но и орудия на конной тяге, однако Крутов решил держаться линии связи, она приведет безошибочно куда следует. Подхватив рукой провод, как это делают опытные связисты-линейщики, он побежал. Очень скоро полушубок показался ему тяжелым, он вспотел, но темпа не сбавил. Где-то впереди рвались вражеские снаряды, однако его это пока не касалось. Вот доберется до батальонов, тогда другое дело. Ближе к деревне сосняку становилось меньше, лес мельчал, все гуще становились заросли черного ельника, от макушек до самого низу увешанного зелеными бородами и шапками снега. При выстрелах снег сыпался с ветвей, образуя пологи. Вот и опушка — самая низина, летом тут, наверное, воды по колено и моховое болото такое, что не выбраться, а пока снег чуть не до пояса, рыхлый, сыпучий. Все тропки, как ключи в реку, вливались тут в единую дорогу. Но при множестве проводов выпустить сейчас свою нитку из рук — значит вовсе не найти батальона. В ельнике артиллеристы наставили вышек, что-то оттуда высматривают. Снизу ведь ничего не видно, только круто поднимающееся белое поле со множеством следов. За горбом деревня Чухино, оттуда всюду режут пулеметы, и пули посвистывают над верхушками деревьев. Связные бегают по полю вверх-вниз, сверху спускаются раненые, кто ковыляет своим ходом, кого волокут на плащ-палатке, кого ведут. Вправо, километрах в полутора, тоже на холме, деревня в несколько дворов, вся на виду — Гостенево. Крутов смотрел по карте, другой нет близ Чухино.

Провод вильнул чуть влево, пролег ложиной и поднялся на гребень. Вскоре Крутов оказался на командном пункте батальона у Чичакова. Отсюда уже можно рассмотреть крыши и даже стены домов в Чухино. Если, разумеется, встать во весь рост на бруствере снежного окопа, в котором размещались комбат и его ячейка управления. Но ни комбат, ни кто другой из его окружения не поднимались без нужды, потому что вблизи рвались мины, снаряды, а пули выхлестывали воздух.

Чичаков, сгорбившись, сидел над телефоном, ухо его шапки было приподнято, чтоб можно было прислонить трубку. Крутов дождался, когда он переговорит, и доложил:

— Товарищ комбат, я от командира полка. Приказано срочно узнать, где находятся ваши люди, сколько потеряно, почему задержка?

— Вот твердят мне, что в деревне батальон соседа занимает окраину, а по моим оттуда садят так, что головы не поднять. Ерунда какая-то, — горячась, заговорил Чичаков. — Если б только по моим огонь, а то и по второму батальону чешут. Находишь там хоть один наш солдат, уж будьте уверены, подал бы знак. Нет там никого из наших, так и передай командиру полка. А мы даже пулеметного огня в ответ дать не можем, чтоб не поразить своих. И артиллерия бьет черт те куда, когда на переднем крае огневые точки не подавлены. Прямо бардак какой-то, а не бой... Но ты этого не передавай, это так, между нами. Сорвался. Зло берет, в самом деле...

— Я понимаю вас, товарищ комбат.

— Ну так вот, передай, мои лежат в двухстах метрах от деревни. Окопаться в снегу и то не дает противник, из орудий бьет, прямой наводкой садит, как только увидит двух-трех человек вместе. И еще крупнокалиберный пулемет где-то тут. Здорово мешает. Придется ждать ночи, может, тогда что и удастся, а пока не поднять людей...

— Потери большие?

— Сейчас только говорил с ротами. В строю меньше половины, но сколько убитых, а сколько раненых, сказать не могу. Уточним позднее, тогда сообщим.

Крутов видел, как раненых вели в тыл здоровые бойцы, и осторожно заметил:

— Может, многие увели раненых и не вернулись? Не проверяли?

— Откуда мне знать, может, и так. Раненым тоже надо помогать.

— А где, в каких домах должен находиться сосед?

— Надо идти в цепь, отсюда не показать. Утверждают, что соседи ворвались в длинный сарай и в дома рядом с ним, а мы, сколько ни смотрели, никого там не заметили. Надо посылать разведку, установить, есть там наши или, может, только были? И если нет, так давить пулеметы артиллерией. Без этого деревню не взять, сильно немец там укрепился...

Крутов хотел напрямик перебежать в соседний, второй, батальон, комбат же посоветовал не рисковать и обойти низом. И линия связи низом проложена, ее и держаться...

Сидорчук похвалил Крутова за расторопность и взялся за телефон, чтобы доложить обстановку генералу. Однако с первых же слов наткнулся на решительное несогласие комдива.

— Что ты мне говоришь! — раздраженно ответил Го-

релов. — Вот рядом сидит представитель соседа, он сам наблюдал, как бойцы ворвались в окраинные дома. И сейчас они там. Надо повторить атаку. Готовься!

Горелов положил трубку.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Повторная атака не удалась, пехота даже не поднялась как следует, потому что противник сразу открыл губительный огонь. Сидорчук на этот раз сам вышел на опушку леса, поднялся на вышку к артиллеристам, чтоб пронаблюдать за ходом атаки, и смог убедиться в справедливости слов комбата: огонь пулеметов прижал пехоту и не дал ей шагу ступить вперед. Он видел, как тотчас же откликнулось на первые выстрелы Гостенево — соседняя с Чухино деревушка, и оттуда во фланг прямой наводкой стали бить орудия. Сидорчуку стало понятно, что без серьезной артиллерийской поддержки деревней не овладеть, и он доложил об этом Горелову. Тот не принял его доводов:

— Не можем мы бить по деревне, когда там наши. Пусть даже один солдат, все равно не можем. Пойми! Надо пробиваться туда, соединиться с теми, кто там есть, и только тогда привлечь орудия для поддержки.

— Да нет там никаких наших! — вскричал в сердцах Сидорчук. — Чего бы они молчали во время атаки?! Морочат нам соседи голову, и только...

— погоди! Ты откуда наблюдал?

— От артиллеристов. Из низины деревня не просматривается, для этого надо выходить в первую цепь, так они настроили вышек, вот с нее и смотрел. Нет там наших, это я твердо заявляю.

— Твоего заявления мало. Надо убедить соседа. Попробую это сделать...

Через несколько минут Горелов позвонил сам:

— Говорил. Они твердо стоят на своем: там наши. Так что артподготовка по окраине отпадает. Сделаем так: подбери группу надежных людей и пошли проверить. К утру чтоб был точный ответ.

— Слушаюсь. Приступаю к выполнению!

Поскольку предстоял не обычный поиск «языка», а ставилась задача проникнуть на окраину Чухино и там либо найти соседей и соединиться с ними, чтоб вести совместные действия, либо самим закрепиться в двух-трех строениях и создать плацдарм, решили собрать группу

посолидней — человек тридцать. И Сидорчук, и Матвеев допускали, что прорвавшиеся в деревню соседи могли потерять там своих командиров, а рядовые не знают, что делать дальше, и бездействуют.

Возглавил группу заместитель Сидорчука капитан Гоголадзе. Он не раз проявил себя человеком решительным, смелым и был для этой роли подходящ. Поскольку разведывательных взводов в полку давно не имелось, собирали добровольцев из всех подразделений. Командиры батальонов уже вторые сутки не выходили с передовой, отчаянно мерзли и рады были скорей разделаться с этим Чухино. Есть там соседи — хорошо, группа подтолкнет их к действию, а нет — так без соседей можно будет закрепиться и поддержать атаку, когда придет время. Поэтому командиры выделяли для этой группы лучших своих бойцов. Всех хорошо вооружили, вдоволь снабдили патронами и гранатами, одели в новые маскировочные костюмы. Было ясно: предстояло очень рискованное дело.

Глубокой ночью, когда бдительность немецких часовых ослабевает, группа вышла на передовую. Пошумливал ветер в деревьях, на поле заметал поземкой старые следы. У противника порой взлетала осветительная ракета, и казалось, что темное небо лежит на крышах деревенских домов. До командного пункта Чичакова группа прошла в полный рост, а дальше пришлось ползти по-пластунски. Гоголадзе еще вечером побывал в первой линии у наших залегших пехотинцев, высмотрел на окраине длинный сарай и теперь уверенно держал к нему путь.

Чичаков позвонил Сидорчуку:

— Эстафету вручил! — Это значило, как договорились, что группа прошла через его позиции. В дальнейшем он должен был информировать обо всем замеченном. — Пока тихо...

— Хорошо, — отозвался Сидорчук. — Наблюдайте, слушайте внимательно...

Неизвестно, как обернется эта нелегкая операция. Быть может, группа проникнет в расположение врага и ей потребуются немедленная помощь. А если условия позволяют развить успех, то придется поднимать батальоны. Поэтому, несмотря на усилившийся к утру мороз, никого из пехоты с первой линии на обогрев не выводили.

Сидорчук и Матвеев не спали, ждали сообщений. Гоголадзе должен был подать сигнал ракетами, но время шло, а с переднего края никаких вестей. На исходе был пятый час ночи, когда позвонил Чичаков:

— Мои сообщают, что слышали несколько выстрелов

и вроде крики. Но далеко, к тому же ветер — и разобрат толком ничего не удалось...

— Как противник?

— Спокойно. Не похоже, чтобы был как-то встревожен...

— Ладно, наблюдайте получше.

Было уже светло, когда Горелов, не дождавшись доклада, позвонил Сидорчуку:

— Почему не информируешь? Где группа?

— Туда прошла, а сигналов не подает. В чем дело, не пойму. Перед рассветом в батальоне слышали в той стороне отдельные выстрелы, будто бы чьи-то крики, но чтоб это был бой — мало вероятно. Все ж не один человек, тридцать...

— Ладно, ждать некогда. Надо выполнять задачу. Тут такая петрушка: партизаны сообщают, что гитлеровцы возводят укрепления на линии Ржев — Зубцов. А ведь еще недавно собирались отступать до Великих Лук. Теперь они будут за каждую деревню цепляться, чтоб выиграть время и укрепиться. Чувствуешь? То-то! Вот и делай отсюда выводы: надо не ждать, пока сами оставят Чухино, а вышибать их оттуда. Так что не теряй времени, нацеливай своих, готовься!

— Как с поддержкой? Будет?

— На это не рассчитывай. Полагайся на свои силы, используй пулеметы...

Знакомая песня... Сидорчук к тому же надеялся, что когда пехота поднимется в атаку, то группа, ушедшая в Чухино, действенным образом проявит себя. Но из тех строений, где полагалось бы находиться нашим, остервенело били пулеметы. Всякий раз, едва пехота начинала шевелиться, она попадала под яростный лобовой огонь и следом — под фланкирующий. Казалось, что это не пулеметы, а сама поземка сечет под корень все живое, поднимающееся над снегом.

Который день перед вражеским рубежом толкутся войска, сначала одна дивизия, потом на выручку пришла гореловская, наконец, ночью командующий ввел в действие кавалерийскую дивизию. Ей предстояло обойти Чухино и перекрыть дороги во вражеском тылу, чтобы вынудить гитлеровцев к поспешному отходу. Хотя Чухино и соседние с ним населенные пункты находились в огневой связи, кавалеристы прорвались в лес между Чухино и Смагино. Однако вскоре они сами оказались в положении блокированных и не в силах были что-либо предпринять. Надо было выбить создавшуюся пробку, и в

войска выехал Русанов. В дивизии, которая первой подошла к Чухино, член военного совета пытался разобраться, почему батальон уже пятые сутки в Чухино, а к нему не пробьются, почему с ним нет связи?! Почему не принимают решительных мер? Сколько можно топтаться?! Командир дивизии, полковник, стоял перед ним и молча выслушивал упреки. Затем он заявил, что его дивизия уже давно бы освободила Чухино, если б ему не мешали, если бы к его голосу прислушивались. Ведь его полки первыми подошли к этому рубежу, они знают обстановку, а Горелов даже не поставил его в известность, когда решил атаковать, вот и получилась неразбериха. Людей много, а согласованности нет. Когда же его полки пошли в атаку, Горелов не поддержал, дивизия понесла неоправданно высокие потери. К батальону давно уже пробились бы, но туда все время тычутся гореловцы, держат противника в постоянном напряжении и мешают...

Горелов не оправдывался: да, не может овладеть Чухино. Войск толчется много, а проку мало. Штабы соседа оторвались от своих частей, не знают обстановки, только вносят дезинформацию. Утверждают, что им удалось ворваться в Чухино, что держатся там на окраине, но вот уже четвертые сутки идет бой, а из деревни ни одного сигнала, который бы подтвердил, что там есть кто-то из наших. Нужна артиллерийская подготовка, чтоб открыть дорогу пехоте, но сосед не дает на это согласия, цепляясь за свою версию: мол, побьем своих! Вот и кладем пехоту, а толку нет и не видно...

Русанов приехал вовсе не для того, чтобы выслушивать всякого рода оправдания. Он тут же, за столом у Горелова, написал приказ:

...«Используя успешный прорыв кавалеристов, направить в образовавшуюся брешь два полка с артиллерией. Полк Сидорчука оставить для взятия Чухино в лоб и для прикрытия на случай вылазки противника».

Он размашисто крупно расписался и протянул листок Горелову:

— Выполняйте!

До ночи нечего было и думать о выводе пехоты из-под деревни. Вечером Русанов совещался по этому поводу с Ушковым. Пригласили и командующего артиллерией полковника Сипягина. Чухино оказалось крепким орешком. Войска доносили о больших потерях и бесплодных попытках пробиться в деревню. У врага отлаженная огневая система: наступают на Чухино — бьют из Гостенево во фланг, и такой огонь еще более губителен. Пытаются

наступать и прорваться на Гостенево — свирепствуют пулеметы и минометная батарея в Чухино, не давая пехоте продвинуться. Эту цепь надлежало где-то разорвать, и, только выбив хотя бы одно звено, можно было рассчитывать на успех.

— Мы не можем бесплодно топтаться на месте, — говорил Ушков. — Каждый час промедления идет на пользу врагу. Что вы предлагаете? — неожиданно обратился он к Сипягину. — Есть у вас возможность подавить огневую систему противника артиллерией? Может, действительно, дать хорошую артподготовку по Чухино?

— Командир дивизии утверждает, что на окраине деревни держатся его люди. Можно побить своих, — сказал Русанов.

— Он об этом доносит уже в третий раз, а никто не видел ни одного сигнала, который бы подтвердил, что эти люди там есть, — возразил Ушков. — По-моему, это блеф. Кстати, Горелов тоже отправлял туда группу. Есть что-нибудь от нее? Вы там были, знаете?..

— Группа пропала без вести, — ответил Русанов. — С нею ушел заместитель командира полка, он не стал бы молчать, если бы установил контакт с кем-то из соседей. Похоже, что группа погибла.

— Я думаю так, — заговорил Сипягин, считая, что надо прежде всего ответить на вопросы командующего, пока разговор не увел их в сторону, — на артподготовку рассчитывать не приходится. Я завтра на месте посмотрю, что можно сделать. Думаю, что средствами артиллерии, тем минимумом снарядов, которыми располагаем, можно будет выполнить задачу, оказавшуюся пехоте не под силу.

— Решено: выезжайте в войска и принимайте меры! — подвел итог разговора Ушков.

В эту ночь, ближе к утру, из Чухино выбрались трое: капитан Гоголадзе и два раненых бойца из его группы. Они сутки пролежали, зарывшись в сугробы, и настолько перемерзли, что долго не могли говорить. Лишь отогревшись, они рассказали, что стало с остальными.

Тогда, группой, они гуськом проползли мимо огневой точки — крупнокалиберного пулемета, вынесенного метров на пятьдесят перед деревней в поле. В снежной яме по грудь топались два гитлеровца в белых касках и в каком-то тряпье поверх шинелей. Они разговаривали и, может, только сделали вид, что никого не заметили, а сами подали сигнал своим. За ямой темнел длинный сарай,

и Гоголадзе держал путь к нему, рассчитывая, что если соседи действительно ворвались в деревню, то должны находиться в этом обособленном строении. Группа стала приближаться к сараю, рассчитывая найти под его стенами укрытие, чтоб осмотреться и решить, как действовать дальше. Ползли друг за другом, чуть не касаясь головой валенок переднего. Внезапно двустворчатые двери сарая распахнулись и оттуда выбежали гитлеровцы. Их было много: на каждого нашего бойца приходилось по три-четыре немца. В первые же минуты схватки половина группы была переколота штыками, некоторых просто хватили и уволокли в сарай. Гитлеровцы действовали молча, и это было страшнее всего. Лишь несколько выстрелов, предсмертных криков, и с группой было покончено. Гоголадзе успел нырнуть в сугроб и зарыться в него с головой. Его не заметили, и он затаился, ожидая, что вражеский штык вот-вот пропорет ему спину. Он слышал, как гитлеровцы ходили и добивали раненых, как увели куда-то пленных.

Он пролежал в сугробе весь день до наступления темноты, не смея пошевелиться. В сарай входили гитлеровцы, выходили оттуда, снег был истоптан в свалке, и никому из них не приходило в голову прощупать глубокий сугроб, наметенный неподалеку. Ночью Гоголадзе осторожно выполз из сугроба. В сарае, у костра, о чем-то гомонили немцы, но снаружи не было никого. Вдруг он услышал стон. Из сугроба вывалился раненый. Гоголадзе потянул его за собой. Будь тот совсем беспомощным, едва ли капитан, сам обессиленный, утащил бы его, но тот полз, хоть и с трудом, и Гоголадзе только иногда подталкивал бойца, чтоб тот не отставал. Уже в пути, оставив позади сарай, они увидели еще одного ползущего, поняли, что это свой, окликнули и втроем добрались до передовой. Отсюда их вывели наши бойцы.

Выходит, Сидорчук не ошибался в своих предположениях, что если кто-то из соседей и ворвался в Чухино, то в живых не остался. Он доложил Горелову о случившемся.

Перемерзший Гоголадзе нуждался в лечении, и его вместе с ранеными отправили в санроту. У капитана поднялась температура. Он горел от жара, в бреду выкрикивал команды, метался, порывался вскочить. Временами, придя в себя, Гоголадзе долго и бессмысленно смотрел вокруг, припоминая, где находится. Врачи определили: воспаление легких в результате сильного переохлаждения. На другой день его отправили в госпиталь.

Теперь Сидорчук уже с неотступной настойчивостью требовал, чтобы артиллерия подавила огневые точки врага, ибо без этого все попытки атаковать Чухино останутся бесплодными. За эти дни он потерял личного состава едва не больше того, что получил в Пушкино, снова лишился командиров батальонов.

Начальник артиллерии дивизии Середин приказал нарастить на НП вышку. Он довольно отчетливо представлял сущность взаимодействия немцев между Чухино и Гостенево. Если последнее хорошо видно, то Чухино скрыто, и надо сделать так, чтобы оно тоже стало доступно наблюдению. Он стоял на опушке леса и ждал, когда разведчики замаскируют вышку, поскольку она значительно превышала окружающие ельники. С нее Чухино просматривается на всю глубину, целиком. Мороз пробирал Середина до костей, хотя на нем и был добротный полушубок. Он оттирал нос и щеки, чтоб не побелели, и втягивал голову поглубже в воротник. На эту вышку он возлагал большие надежды и хотел дожидаться, когда можно будет туда подняться и самому все осмотреть.

— Товарищ подполковник, вас там спрашивают. Срочно! — второпях доложил прибежавший от подводы ординарец. — Какое-то начальство...

Середин поспешил на вызов. Рядом с его подводой стояла кошева, возле нее нетерпеливо похаживал командующий артиллерией армии полковник Сипягин.

— Ну что тут у вас, докладывайте! — потребовал Сипягин, едва они поздоровались. — Топчетесь перед паршивой деревенькой несколько суток. Давно пора было раздолбить ее прямой наводкой...

— Тут суть не в самой чухинской обороне, — сказал Середин. — Главное звено в цепи — Гостенево!

— Ну, если разобрались, веда, показывай!

Середин вел Сипягина на опушку. Чухино скрыто белой горбиной холма, а Гостенево в стороне лежало, как на ладони, все на виду.

— Как только наша пехота поднимается, оттуда тотчас же начинают бить во фланг пулеметы и орудия прямой наводки...

— Так за чем дело стоит? Накрыть огнем это Гостенево, и дело с концом! Сколько орудий можете собрать? По-быстрому. Ну-ка, поворачивайтесь поживее, гоните их все сюда!

Середин стоял в нерешительности:

— Моих тут поблизости почти нет, одна батарея дивизионная, а соседей надо уламывать...

— Действуйте от моего имени, и чтоб никаких уговоров! Чьи бы орудия ни были, все сюда! — Сипягин в бинокль принялся рассматривать Гостенево. — У них что, огневые точки прямо в домах?

— Да, в домах пулеметы, а в сараях орудия. Когда ведут огонь, щиты отбрасывают, а пока замаскированы.

— Ну, ничего, мы эту маскировку сейчас сорвем!..

Артиллеристы выкатывали орудия на опушку с мерами предосторожности, чтоб не навлечь на себя огня противника. Щиты орудий были прикрыты белыми тряпками, стволы, колеса еще раньше побелены, расчеты — в маскировочных костюмах. Ставили орудия в один ряд, одно к другому: как на батареейной огневой, не получалось, не хватало места, с которого имелся обзор, поэтому на интервалы, дистанции не обращали внимания. Лишь бы не помешали друг другу при стрельбе. Бойцы, поставив орудия на позицию, тут же принялись нагребать перед стволами высокие брустверы из снега. Собралось семь пушек: пять дивизионок, одна полковая и сорокапятка. Снарядов оказалось маловато, и Сипягин приказал поднести их с ближайших батарей, — забрать последние, но чтобы здесь на ствол пришлось не менее пятнадцати.

— Я, пожалуй, встану за орудие, — сказал Сипягин. — Ты тоже становись. Начинать по моей команде!

Середин принял орудие рядом, хотя не думал этого делать, справился бы расчет и без него.

Как ни маскировались, а выставить столько орудий, чуть ли не кучей, и остаться незамеченными едва ли возможно, и Середин все время ждал, что вот-вот в стене сарая отвалится щит и грянет вражеское орудие. От этого в душе копилось, нарастало томление, когда бросает то в жар, то в озноб. Он старался не подавать вида, искося взглядывал на Сипягина, но полковник внешне вроде оставался спокоен, словно их ждал не бой, а простые учебные стрельбы. Или не ведает о грозящей опасности, или такая выдержка? Артиллерист он опытный, знает, чем грозит стрельба с открытой позиции, так что здесь скорее выдержка, характер.

— Начинать бы надо, пока не обнаружили, — высказал Середин свои опасения.

— Ну что ж, начинать так начинать, — согласился Сипягин. — Все готовы?

Командиры расчетов доложили о готовности.

Сипягин принял к панораме, взял в перекрестие широкую дверь сарая, за которой наверняка таилось вражеское орудие.

— Огонь! — подал он команду.

Ее ждали, успели изготовиться, поэтому орудия ударили дружно, словно единым залпом. Земля содрогнулась, с ветвей густо посыпался снег, он взметнулся и в преддольных конусах. На мгновение всю позицию окутало в белое облако, которое заслонило от артиллеристов Гостенево, и они не могли видеть, что делается у врага.

— Стрелять самостоятельно! — крикнул Сипягин. — Беглым, огонь!

Середин видел в прицеле дом, обычный, крестьянский, с добротными бревенчатыми стенами, там укрывались вражеские пулеметчики; наблюдатели уже не раз засекали их, хотя даже в прицел, при большом увеличении, он не замечал щелей, служащих амбразурами. Наверное, их открывали только на время ведения огня. Разрыв произошел внутри дома, из окон валила рыжая пыль. Середин снова послал снаряд в эту же цель. Если гитлеровцы укрываются в подполье, надо бить и бить, потому что осколками не сразу их достанешь. Сбоку грохотали другие орудия, и тугие волны горячего воздуха толчками накатывались на начальника артиллерии то справа, то слева. Он стрелял и ежеминутно ждал ответного огня, чутко прислушиваясь, не возникает ли внезапный свист, чтобы тут же упасть на землю; но его привычный слух не улавливал в этом грохоте чужих, посторонних звуков. Противник молчал. То ли был сразу подавлен и деморализован, то ли ждал конца налета, чтобы потом дать ответный огонь. Нет, скорее первое, потому что, когда наша пехота поднималась в атаку, гитлеровцы вводили в ход артиллерию почти одновременно с пулеметными очередями.

Странно, однако противник молчал, будто не по нему пришелся этот шквальный налет, а по пустому месту. Расчеты не отходили от орудий, ожидая, что вот-вот завоют, засвистят вражеские снаряды. И Сипягин не подавал никакой команды, сидел на станине орудия, опустив устало руки и глядя безучастно перед собой, словно в глубокой задумчивости. Надо было ждать, чтобы укрываться, если начнется ответный огонь, или, если все обойдется, спокойно убирать пушки на прежние позиции. Нечего им больше делать здесь, снарядов нет, выпустили весь неприкосновенный запасец, возимый при орудиях на самый критический случай, когда приходит пора батарейцам отбивать внезапный наскок врага, чтоб не достались ему орудия.

Но почему же все-таки противник не отвечает? Не

по вкусу пришелся налет? Сипягин внезапно подумал, что те орудия, которыми гитлеровцы сдерживали пехоту, разгромлены, разбиты, завалены в тех строениях, где они хоронились, и отвечать врагу нечем.

— Отдыхай, ребята! Закуривай! — весело командовал он и полез в карман полушубка за кисетом. — Налетай на командирский табачок, не жалко. Хорошо поработали, молодцы!

Словно по команде, напряжение развеялось, все ~~ваше~~ велились, заулыбались, потянулись к Сипягину, к его доброжелательно раскрытому кисету, хотя у каждого имелась своя махорка. «О-о! Дюбек, от которого сам черт убеги!» — сказал кто-то, и все рассмеялись.

— Похоже, врезали так, что фрицам не скоро очухаться! — сказал довольный Середин, улыбаясь всем своим худощавым лицом. — За пять минут более сотни снарядов фуганули, и не просто по деревне, а по конкретным целям. Если кто там и был, так теперь считай, что нет.

— Давно бы сами могли догадаться, организовать! — упрекнул Сипягин. — Смелее надо на прямую наводку выходить, меньше расход снарядов, а эффект выше. Или боитесь? Ждете инструкции?

— Ну, это вы напрасно, товарищ командующий. Мы еще осенью, в боях за Толутино, целым дивизионом с прямой били. Беда в том, что орудий совсем не остается, в полках вообще пусто — ни трехдюймовок, ни сорокапятков... Да и время нужно было, чтоб разгадать этот трюк с Гостенево...

За разговором, к которому очень внимательно прислушивались и рядовые и сержанты, никто не наблюдал за противником. И вдруг наводчик орудия закричал:

— Товарищи командиры, уходят немцы!

Все живо обернулись в сторону Гостенево и увидели, как с дальнего, укрытого разбитыми домами, конца деревни вытянулась на дорогу в направлении Чухино длинная колонна гитлеровцев. Они поспешно уходили, чуть не бегом, чтоб скорее миновать открытый участок дороги, где их могли обстрелять из орудий и минометов. Но снарядов, увы, больше не было. Артиллеристы молча смотрели, как уходит враг. Сипягин повернулся к Середину:

— По-моему, Гостенево можно занимать. Пошли, что ли? Кто со мной?

— Надо бы сначала пехоту... — нерешительно сказал Середин.

— А, чего там... Увидят сами! — И Сипягин, не мешкая, пошагал в направлении Гостенево.

Середин, видя, что командующий не шутит, двинулся следом, на ходу отдав распоряжение, чтобы от каждого расчета шли по два человека. Набралась группа. Шагали целиной, вразброд, утопая валенками в сыпучем снегу. Уже и пехота, лежавшая в этом снегу, осталась позади, когда над артиллеристами просвистела с тыла короткая пулеметная очередь — предупредительная. Мол, куда вы, не в плен ли сдаваться? Сипягин обернулся, погрозил кулаком, и больше выстрелов не последовало. Зато сзади стали подниматься из снежных окопчиков бойцы и редкой нестройной цепью тоже двинулись на Гостенево.

Середин считал своим долгом быть рядом с Сипягиным, если надо, то и разделить с ним на равных опасность, хотя думал, что идти в Гостенево совсем ни к чему. Они сделали свое, дали огня, а остальное должна довершить пехота. Но полковник по прихоти или по какой другой причине продолжал шагать. Ему надлежало докладывать командующему армией о своей поездке, и доклад должен быть объективным, говорить с чужих слов он не хотел, престиж не позволял.

Возле строений снег был покрыт щепой, соломой, сорванной с крыш взрывами снарядов, кирпичной рыжей пылью. Окна были выбиты, и, заглянув в первую на пути избу, свою цель, Середин увидел результат стрельбы. Разрыв и осколки настигли гитлеровцев, когда они сидели за столом, и теперь они валялись на скамейках и на полу изорванные, окровавленные. В ближнем сарае через распахнутую дверь, висевшую скособочившись на одной петле, проглядывал ствол пушки, и Сипягин направился туда. Стены сарая были пробиты неоднократно, в разных местах, обрушившиеся стропила, жерди, солома закрывали два полковых семидесятипятимиллиметровых орудия и штабеля ящиков со снарядами. Похоже, что шквал всесокрушающего огня был для гитлеровцев полнейшей неожиданностью. А вот для наших артиллеристов, пришедших в Гостенево, неожиданностью оказалось появление немецкого офицера. Держась одной рукой за окровавленный живот, он другой козырнул Сипягину, угадав в нем, как в более солидном и к тому же в белом чистом полушубке, старшего начальника.

— Гитлер капут! — Он произнес еще какую-то длинную фразу, но его никто не понял. — Плен. Нах Сибир! — Устало махнул он рукой и опустился на снег.

— Перевяжите его и отправьте в штаб, — распорядился Сипягин.

С Гостенево было покончено.

Горелову донесли: противник покинул Гостенево и поджигает дома в Чухино. Сомнений не было, враг оставляет рубеж. Генерал отдал частям приказ — наступать, не позволить немцам уничтожить деревню!

Накануне Нового года дни были самые короткие. А тут еще постоянная низкая облачность... Сидорчук вылез из землянки-норы, где ему приходилось гнаться у телефона, устало расправил грудь и плечи, огляделся. Небо над лесом вроде бы подкрашивалось в зоревые тона, и он понял, что это кровянит облака огонь. Деревня горит. На этот раз он не оставил телефонистов, велел им тянуть нитку за ним, чтоб связь была тотчас же, как только придется остановиться. Скорым шагом он проследовал до опушки, здесь уже группировались бойцы, собранные из разных подразделений, потому что стрелков оставалось мало. Командир полка приказал разворачиваться в цепь и следовать за ним. Опять, как и у Поминово, ему предстояло вести подчиненных в атаку.

Деревня еще была скрыта бугром, но над нею полыхало пламя, и языки огня, черные смрадные дымные столбы поднимались в небо, обозначая места и число пожаров. Горели все окраинные дома. Сидорчук оглянулся, чтоб проверить, приняла ли пехота боевой порядок. Идут по глубокому снегу, проваливаясь по колено, отчего фигуры бойцов кажутся странно укороченными. Да к тому же и широкими из-за маскировочных костюмов, надетых поверх шинелей и ватных курток. Идут медленно. Вот и гребень, откуда пехота столько раз — и бесплодно! — атаковала противника и откатывалась обратно, оставляя на снегу убитых.

— Огоны! — напрягаясь, закричал Сидорчук и поднял над головой пистолет.

Разрозненные выстрелы зазвучали справа и слева, в этот винтовочный треск вплелись упругие очереди. Стреляли из ручных пулеметов с руки, справедливо полагая, что если противник поджигает деревню, значит, основные силы уже отошли, а прикрытие, факельщики, не станут упорствовать в обороне и под пулями постараются быстрее улизнуть. К тому же рядом в атаку идут другие полки, охватывая деревню полукольцом: теперь, с бугра, наступающие виделись четко, как на ладони, хоть считай их.

По всему полю, озаренному огненными всполохами пожаров, лежали убитые, полузанесенные снегом, и казалось, что кто-то плугом взбугрил землю, поднял пласта-

ми, да не успел забороновать, засеять. Сидорчук старался не смотреть вокруг, но глаза помимо воли все улавливали, и эти страшные картины — зловещие огни пожаров и до кровавости озаренный пламенем снег, на котором проложили борозды те, кто шел и полз к своему смертному рубежу, — врезались в мозг, в сердце, чтоб никогда не изгладиться из памяти. Боже мой, разве думали те, кто осенью отступал этими полями, что за каждую пядь земли, за каждую деревню, чьих и названий-то не запоминали, а просто оставляли позади, придется платить такой дорогой ценой, прилагать в контрнаступлении столько усилий!

Но близка уже деревня, и над головой просвистела, процикала пулями очередь издалека. На пути глубокий снежный окоп, и в нем оставленный врагом крупнокалиберный пулемет. Тонким своим стволом он смотрел не на атакующих, а в сторону, чтоб поражать во фланг тех, кто прорвется к деревне поближе. Стреляли кинжальным огнем внезапно, как из-за угла, а с фронта и незаметны были, прикрытые снежным бруствером. Сидорчук отметил про себя сочетающееся с коварством умение, с каким строил враг оборону. Но сам факт, что такое ценное оружие брошено, вселил в душу уверенность, что на этот раз рубеж будет взят. Он обернулся, закричал во всю силу:

— За мной! Вперед! — и устремился бегом к горящим домам.

Факельщики зажгли только первые, ближние к окраине, строения, а в глубине деревенские порядки оставались еще нетронутыми. Сидорчук обогнул горящий дом и остановился под стенкой следующего, чтобы перевести дух. По глубокому снегу много не набегает! Он нимало не удивился, увидев рядом Крутова, хотя раньше, когда шел в цепи, возле себя вроде его и не замечал. Ну что ж, тем лучше!

— Сержант, — сказал подполковник, — беги назад, отыскивай связистов и, чтоб они зря не рыскали по деревне, веди их сюда. Я буду в этом доме.

Крутов ответил: «Есть!», повернулся и побежал. «Исполнительный и толковый парень. Ишь, меня оберегает! — Сидорчук подумал, а не оставить ли его при себе адъютантом. — Нет, пожалуй, рановато давать ему должность среднего командира. И так всегда под рукой. Успеется».

Связисты отстали здорово и только еще поднимались на бугор, когда их встретил Крутов и повел за собой. Вот теперь и он мог рассмотреть страшное поле боя и осмыслить в полной мере, что здесь пережили люди. Оза-

ренные факелами пламени, сожравшими крыши и теперь гудевшими над бревенчатыми стенами, повсюду лежали убитые: кто словно бы обнимал землю, кто неестественно скрючился, кто упал навзничь, утопая в снегу и выставив наверх побелевшие руки... Крутов четверо суток провел в лесу, засыпал от изнеможения под деревом, только окутывая голову одеялом, чтоб не обморозиться, однако холод тотчас донимал его и заставлял бегать, бегать... Но разве его мытарства идут в сравнение со страданиями тех, кто лежал в снегу под огнем?! Кто, обессиленный, шел и шел в атаку?! Кто умирал на морозе от ран?! Ведь не всех убивало мгновенно...

Он привел связистов в указанный дом, но Сидорчук облюбовал себе более просторный по соседству. Установили телефон, и командир полка начал докладывать Горелову:

— Чухино освобождено. Трофей — пять орудий разных систем и минометная батарея. Противник оставил большое количество мин, мы уже использовали их для обстрела факельщиков. Кстати, захватили троих, да еле довели до штаба. Жители деревни хотели сами расправиться с ними.

— Это еще что за новости! — повысил голос Горелов. — Не могли обеспечить порядка. Солдаты у тебя без оружия, что ли?!

— Тут такое дело, — поспешил разъяснить Сидорчук. — Нам сосед все голову морочил: мол, его бойцы занимают окраину... Так вот, нашли их. В сарае в штабеля сложены, и сарай подожжен был этими самыми факельщиками, чтобы следы замести. Ну и озлобился народ. Справедливый гнев...

— Ладно, я пришлю комиссию, пусть с этим злодеянием гитлеровцев разберутся, акт составят. А пленных в штаб. И никакого самосуда! Тут Матвееву надо получше глядеть — передай ему. Понял? То-то! Ну, что намерен дальше делать?

— Отдых нужен, хотя бы на денек. Ведь четверо суток без сна, на снегу. И второе: похоронить надо убитых. Полеми шли, душа заходится от одного вида...

— Ты про душу забудь, — сурово сказал Горелов. — Не у тебя одного душа — у всех, а воевать надо. Вот и держи ее на замке, не расслабляйся, нам это никак не положено.

— Свои ведь люди...

— Знаю, что свои, да только нам их и впредь в бой вести. Жалеешь, так лучше организуй бой, чтоб от твоей

жалости прок был. И переживания всякие тут ни к чему. Научимся хорошо воевать, тогда и спрос с нас будет другой, может, за каждого солдата отчитываться придется. А пока по-другому воевать не умеем, так нечего и мучиться, напраслину на себя возводить. У всех потери. Теперь — о деле. Сутки на передышку нам дают, можешь отдыхать, приводить подразделения в порядок. Действуй!

Часа через два, уже в полной темноте, прибыл штаб. Матвеев привел в Чухино тыловиков и санитарную роту. Несмотря на поздний час, он всех тыловиков направил выносить с поля боя убитых. К утру в штаб принесли «медальоны» погибших и различные крестики, ладанки, образки — собрали у старообрядцев. Каких только тут не было: резанных из темного дерева, отлитых из свинца или олова, медных и бронзовых, искусно выполненных и грубо кованых деревенскими умельцами. Передавались они в каждой семье от поколения к поколению как заговор от всяческой беды. Да только не оберегли они тех, кто шел в атаку на пулеметы и автоматы врага...

С самого утра весь штаб только тем и занимался, что составлял списки погибших и писал похоронки. Немели пальцы от напряжения у Крутова, но еще сильнее, словно обручем, сдавливало ему сердце всякий раз, как только развинчивал он черный патрон и разворачивал узенькую полоску бумаги: «Горьковская область, Варнавино»... «Ветлуга»... «Шарья»... Пиши знай и гони от себя чувство виноватости, что вроде бы ты оставался в стороне, что тебе все время было легче, чем другим, что ушел из своей четвертой роты в штаб полка. Да не сам он напросился в штаб, вызвали прямо из боя, когда одной миной накрыло штабную палатку! И все же, все же... Почему другие? Не всем в одно время? Так-то оно так, но...

В этот день кухня работала на полную мощность, повара приготовили кулеш, но Крутов не мог есть, пища не лезла в горло. Болела душа. Вот ведь нет никакой души, а что-то болит, и так болит, хоть плачь.

Часам к пяти разделались с похоронками, со списками; Крутов написал донесение в штаб дивизии. Помощника начальника штаба, присланного в полк на место Морозова, он не успел и узнать, как не стало и его, и теперь Лузгин все документы адресует Крутову: исполнить! Ладно, вся работа выполнена, нужно куда-то себя девать. Завалиться где-нибудь под стенкой и спать? Нет, не мог он так просто освободиться от гнетущих мыслей о войне, от безысходной тоски. Он решил пройтись по деревне. Только легче от этого не стало...

...Полк выступил из Чухино накануне Нового года. Почти сразу же пришлось идти целиной, без дороги, держась общего юго-западного направления. Оставшийся в единственном числе батальон принял под свою команду лейтенант Вязнин, бывший взводный, — он вернулся из госпиталя после легкого ранения. Лейтенант шел впереди, прокладывая дорогу остальным. Километров через двадцать пехота догнала противника, завязала бой за деревню. Гитлеровцы были застигнуты врасплох и в панике бежали. Получив такое сообщение, Лузгин приказал штабным ускорить движение: близилась ночь, и он рассчитывал переночевать в тепле, в деревенской избе, потому что мороз набирал силу и поджигал градусам к тридцати.

В штабе имелась одна лошадка, на ней возили ящики с документами. Несмотря на понукания Саши Злобина, повозочного, лошадка не желала побыстрее переставлять ноги в снежном месиве и придерживалась взятого малого темпа. В деревню вошли, когда смеркалось. Саша подогнал подводку к крылечку дома, который облюбовал под штаб Лузгин. Быстро занесли все ящики в дом, начали их расставлять, и в это время раздался взрыв: противник открыл огонь по деревне из минометов. От близкого разрыва в избе со звоном вылетели оконные стекла, и с улицы хлынули волны морозного пара.

Крутов поспешно выскочил на крыльцо, рядом с ним очутился Женька. Мины летели издалека и вразброс рвались на огородах и среди домов. Вой, свист, гулкие удары, приторный запах взрывчатки. Сизый дым от разрывов уже затягивал улицу. Саша Злобин увел лошадь за стену дома и там держал ее под уздцы, чтоб она не испугалась и не вырвалась. Внезапно свист раздался над головой — мина летела прямо на дом. Крутов присел и дернул к себе приятеля: «Берегись!» Избу потрянуло взрывом, дверь распахнулась, и на крыльцо выскочил испуганный Лузгин. Из дома через окна и дверь, раскрытую настежь, валили дым и пыль. Мина угодила в крышу, проломила потолок и разорвалась внутри, и хорошо, что в этот момент Лузгину пришлось в голову зачем-то заглянуть за печку, иначе ему бы несдобровать.

— Помогите! Помогите! — кричал Саша Злобин, и Крутов с приятелем кинулись к нему, полагая, что с повозочным случилось несчастье. Но он стоял на ногах и из всех сил поддерживал лошадь, а она выкатила фиолетовые глаза, хрипела и норовила повалиться на бок. Мохнатая ее грудь была пробита осколком, и из раны густо, толчками выкатывалась широкая струя крови и тут же

светлела, замерзая. Крутов привычно ухватил лошадь за переднюю ногу повыше копыта — она послушно ее согнула — и подпер плечом. Он это умел делать, научился у отца, когда помогал ему ковать лошадей. Только там приходилось держать ногу, чтобы отец мог обрезать копыто, подровнять и затем прибить подкову. А тут другое. Лошадь вдруг крупно вздрогнула, словно ее встряхнуло, и враз, как подрубленная, рухнула на снег.

Саша, чуть не плача от горя, принялся развязывать супонь, снимать с оглобель гужи, выпрастывать и стаскивать с лошади, пока она не закоченела, хомут, седелку. Он весь измазался в крови, и это заметили, только когда вошли в избу, чтоб доложить Лузгину о случившемся. Подошедшие к этому времени связисты завесили разбитые окна плащ-палатками, смели сор со стола и зажгли коптилку. Подключив телефон к линии, они передали трубку Лузгину. На проводе был командир полка. Он и приказал начальнику штаба немедленно сниматься и следовать дальше. Деревня, откуда гитлеровцы только что вели минометный огонь, освобождена, батальон уходит вперед, а с ним и командир полка.

— Грузите имущество на подводу и берите у коменданта другую лошадь, — распорядился Лузгин. — Ночевать будем в соседней деревне.

— Да разве ж комендант даст? — усомнился Саша Злобин. — У него самого подвод не хватает...

— Скажи, я приказал! Пусть сбросит любое барахло и выделит лошадь! И без разговоров!

В эту ночь никто не спал. Враг отходил на другие рубежи, оставляя за собой горящие деревни. Было без пяти двенадцать, когда Женька остановил Крутова:

— Пашка, погоди. Ведь Новый год! Надо отметить!

Он налил в кружку водки, едва на треть, видно, мало ее у него было, протянул Крутову.

— Ладно, — Крутов помедлил. — Выпью, хотя и не люблю этого. Выпью за то, чтоб никогда, сколько бы мы ни жили, не забывать этих пожаров, такой вот ночи, наших друзей, polegших в снегах. Светлая им память!

Он выпил все до дна, перевел дух. Хорошо бы теперь чем-нибудь закусить. Женька отыскал в кармане сухарь, разломил его пополам. Потом налил себе. Взглянул на циферблат часов: стрелки начинали расходиться, показывая две минуты первого.

— Ну, будем живы. С Новым годом!

Темное багряное небо тяжело лежало на снегах, зарева горящих деревень обнимали полгоризонта. Дороги не

было, ее пробивали, проваливались до колен. Усталые лошади отфыркивались густыми струями пара, часто останавливались, и тогда небольшая колонна застывала недвижно. Люди искали, к чему привалиться плечом, чтоб немного, хоть на минутку, вздремнуть или просто прикрыть глаза, пока не раздастся: «Шагом марш!»

Недавно пережитое, желание уснуть и усталость гнули Крутова к земле. Если б шел один, непременно повалился бы в снег. Но сейчас этого ему не позволят, поднимут.

Крутов тяжело шагал и думал о том, что пришла пора ему определяться, выбирать путь в этой нелегкой войне. Пора оставить побегушки, он не мальчик для посылки. Он многое постиг за последние месяцы, знал воинский труд не понаслышке, имеет опыт, вполне представляет, как надлежит действовать в боевой обстановке. Если раньше он отрешивался от всякого продвижения по службе, считая это помехой, которая может затормозить его возвращение к мечте, к гражданской жизни, то теперь понял, что и ему надо браться за командирский гуж и тянуть в полную силу нелегкий армейский воз.

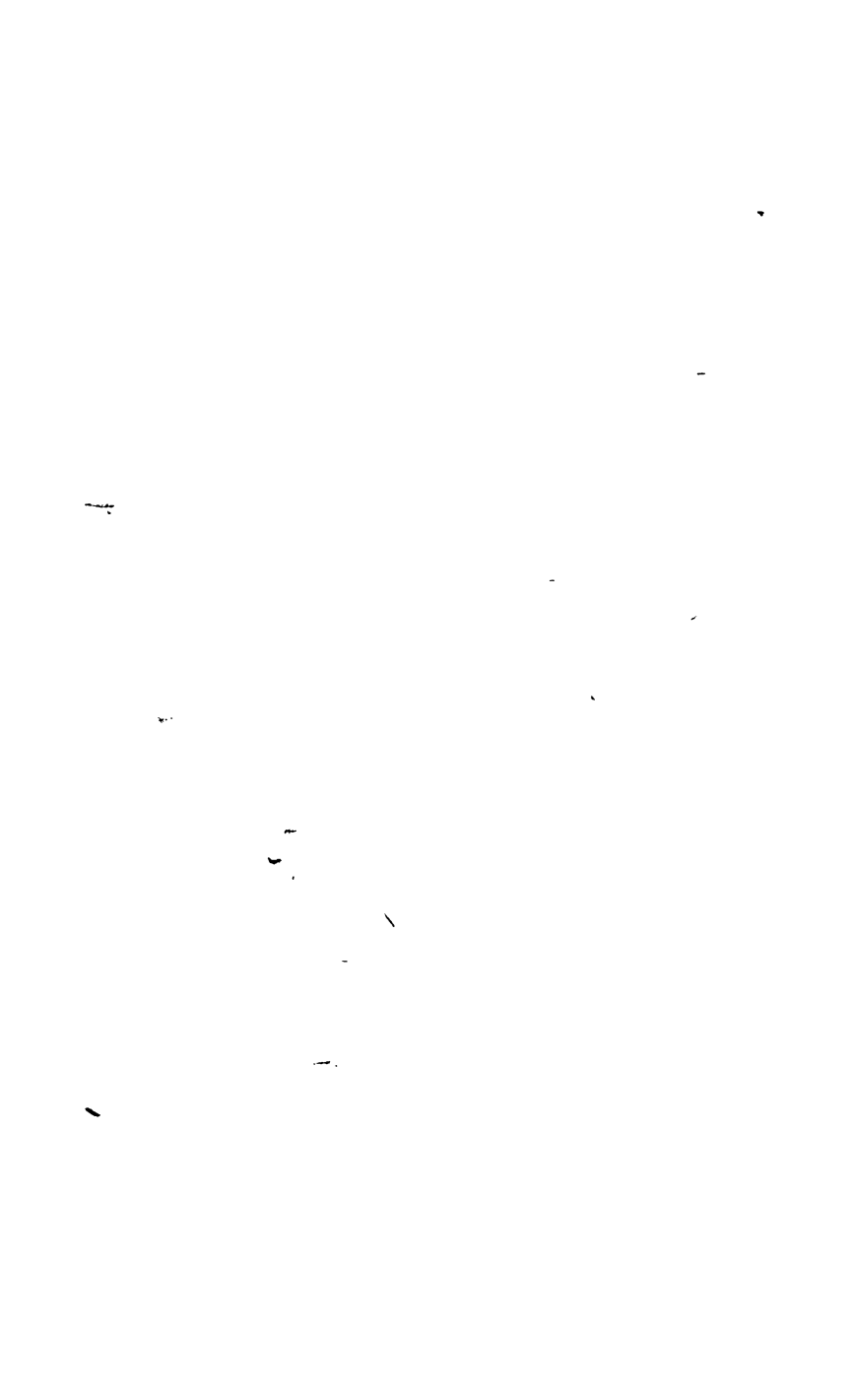
И еще забота у Крутова. Кроме той открытки, что нашел он в сумке пропавшего без вести почтальона, не было ни одной весточки от Иринки. Где она? Что с ней? Все еще учится или получила направление в войска? Об этом он никогда не забывал, но держал такие мысли в самом потаенном уголке. И тревога за нее, за несведущую еще в жизни девчонку, не покидала его.

Тяжелая новогодняя ночь подходила к концу. Серело небо на востоке, промозглый туман сгущался, окутывал землю и леденил лицо.

Генерал Горелов

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Стояла какая-то сумасшедшая зима: середина января, должны морозы ослабнуть, хотя бы днем, ведь январь — бокогрей, в эту пору звери уже выбирают затишные места, чтоб постоять под солнышком, а тут никакой передышки. Злые морозы, да порой и с ветром — у солдат и командиров черные обмороженные лица.

После чухинского боя дивизия Горелова преодолела еще один рубеж обороны, а перед ржевско-зубцовским, сколько ни бились, ни на шаг вперед. Неизвестно, как обернулось бы дело дальше, но тут Горелова и Шмелева срочно вызвали в штаб фронта к командующему. Что могло быть тому причиной, зачем потребовались — гадали, но верного ответа не находили.

Обстановка складывалась невеселая: войска доносили об истощении сил и все настойчивей просили передышки, пополнения, поддержки артиллерией. Командующий армией Ушков в который раз докладывал, что армия исчерпала все свои возможности и дальнейшие попытки прорвать вражескую оборону ведут лишь к бесцельным потерям. Но Западный фронт еще наступал, и приостановить активные действия здесь, на Калининском, значило бы оставить его без поддержки. Правда, к этому времени в наступление перешел Северо-Западный фронт. Свежими силами он с ходу опрокинул вражеские гарнизоны, освободил Торжок, Селижарово, ряд других населенных пунктов Калининской области, левофланговой армией завя-

зал бой за станцию Оленино западнее Ржева. Вот это обстоятельство и открыло перед командованием Калининского фронта новые перспективы.

Генерал Козин — небольшого роста, энергичный, бритоголовый, с зеленоватыми глазами — пригласил Горелова и Шмелева к столу. Времени в обрез, потому он сразу же попросил доложить о состоянии дивизии. Горелов захватил с собой необходимые справки, но Козин хотел знать лишь в целом — достаточно ли боеспособна еще дивизия, высок ли ее моральный дух. Выслушав короткий доклад, он заговорил о цели, ради которой вызвал в штаб командира и комиссара:

— Вы сами знаете, что фронтальные атаки не приносят нам желаемых результатов и надо искать другое решение. В наступление перешел соседний фронт. Для нас открывается возможность обойти город Ржев и начать борьбу в глубоком тылу врага. Ваша дивизия летом строила укрепления Резервного фронта, вела там бои, вам известны все пути, в тех местах имеются связи с населением, вам и карты в руки. На железной дороге Ржев — Великие Луки гарнизоны невелики, вам надлежит прорваться через нее в районе станции Чертолино и в глубоком тылу овладеть городом Белым. По сведениям разведки, в тылу противника имеются лишь команды, сформированные для полицейских функций из числа военнопленных. Учтите, что не все из них служат врагу по классовым мотивам, многие просто не выдержали тяжести плена или пошли в полицию из-за малодушия, в надежде спасти себя от гибели. Вам придется с ними не раз столкнуться, поэтому имейте эти факторы в виду, когда станете решать их судьбу. Овладев Белым, мы перекроем дорогу, по которой идет снабжение ржевской группировки, и тем самым поможем войскам, которые будут освобождать Ржев с востока.

— Белый находится в глубоком тылу. Мы можем оторваться от своей армии, — осторожно заметил Шмелев. — На кого нам ориентироваться в вопросах снабжения?

— Да, путь неблизкий. По прямой — и то более ста километров на юго-запад от Ржева, а если придерживаться дорог, то... Ну вы лучше меня знаете тот район. Мы предполагаем, что Северо-Западный фронт достигнет Великих Лук. Возможно, что вам придется устанавливать связи с какой-то из его армий через станцию Нелидово. Пока гадать не будем, все зависит от того, как пойдут дела под Ржевом. Со снабжением так: будем вас поддерживать насколько возможно отсюда, а если случится

неувязка, полагайтесь на местные ресурсы. В глубине гитлеровцы еще не успели обогнать население, поэтому сразу организуйте закупку картофеля, скота для нужд своей дивизии. Выдавайте справки о количестве взятого фуража, продуктов, а придет советская власть — по этим справкам произведет расчет, никого не обидит. В одиночестве действовать вам долго не придется, мы планируем вслед за вами перебросить в тыл врага, на его коммуникации, конников и пехоту. Кого, в каком числе, пока сказать не могу, этот вопрос рассматривается. Думаю, что когда гитлеровцы почувствуют у себя в тылу, за спиной, крупные силы, когда мы ихотрежем от баз снабжения, в Ржеве им не удержаться. За вашей дивизией — почин...

— Задача почетная, но сложная, — согласился Горелов. — Неплохо бы подкрепить нас личным составом.

— На это нет времени, вы должны завтра же форсированным маршем выходить на Чертолино, пока враг не усилил там гарнизон. Конечно, пополнение вам необходимо, но я думаю, что вы найдете выход. Осенью во время отступления нашими войсками оставлено в лесах много техники, боеприпасов. Организуйте сразу поиск, берите все, что потребуется на вооружение. Тех, кто не запятнал себя связями с гитлеровцами, можете призвать в свои части. После надлежащей проверки, сами понимаете.

Горелов вышел от командующего крайне озабоченный. Спускаясь с крыльца, обернулся к Шмелеву:

— Ожидал чего угодно, только не такого...

— Сложная задача, — сказал Шмелев. — Даже на обычном марше бывают отставшие, а тут форсированный. Кто отстанет, тому дивизию уже не догнать. Придется, не раскрывая общего замысла, сразу всех предупредить.

— В каждом полку создадим команду из надежных людей, и пусть следят, чтобы никто не отстал. Вполне некоторые бойцы могут свалиться на дороге и уснуть, ведь идти придется ночами. Выделим подводы для наиболее ослабевших. Ну, это мы все еще продумаем.

Командующий армией был предупрежден, поэтому дивизия снялась с места без промедления. Медсанбат всех раненых отправил по госпиталям. Командиры частей получили приказ на марш и маршрут в пределах одного перехода.

Шли всю ночь. Спать хотелось ужасно, и Крутов не раз

тыкался головой в штабную повозку. Хорошо, что Саша Злобин нагрузил ее поверх ящиков с бумагами еще и киевером, чтоб лошадка не голодала в пути. Уткнувшись головой в мягкое сено, можно было дремать на ходу. Утром, уже при ярком солнце, переходили Волгу. На крутых берегах развесистые ракиты гнулись под снежными пластами. На длинную черную колонну, хорошо видимую на белом, налетело с десятков самолетов, но им навстречу ударили зенитные счетверенные пулеметные установки, и один самолет сразу загорелся и рухнул. Остальные «юнкерсы» сбросили бомбы где попало и скрылись. Колонна узкой проселочной дорогой втянулась по косогору в деревню.

Как ни был измучен переходом Крутов, а не мог не отозваться на красоту природы, смотрел на все восторженными глазами. Снег пластами свисал с крыш на резные фронтоны и карнизы, лежал лентами на бело-голубых наличниках, ставенках, создавая иллюзию какой-то неземной чистоты. Первая за многие недели деревня, не затронутая войной. Но за порогом избы, в которую вошли на отдых, он сразу же понял, что впечатление незатронутости обманчиво. Жители и здесь натерпелись бед...

Отдых позволили недолгий: снова форсированный марш на всю ночь. Теперь шли левобережьем Волги, огибая Ржев севернее. К утру не успели выйти в назначенное место и марш продолжали днем. Восемнадцатого января, на пятый день, достигли разъезда Чертолино. Гитлеровцы бежали, не приняв боя. Хотя шли уже пять суток, задерживаться на полустанке не стали. Дальше пошли знакомые места. Дороги лежали нетронутые. Даже в деревнях улицы расстилались ровнехонькие, а стежка если и была, прижималась к изгороди или петляла по огородам от избы к избе. Не будь этой узенькой тропки, могло показаться, что деревня вымерла. Люди жили, но таились и без крайней нужды не показывались за порог. Помимо баб и детей жили и мужики служилого возраста, забородатевшие, в посконных рубахах. Их сразу окрестили «женихами». Это были отставшие от войск солдаты, пережившие лихую пору — осень и зиму — под чужим кровом.

Теперь вперед пускали команду «охотников». Они топили в глубоком снегу дорогу для остальных. Их часто меняли местами, давая возможность отдохнуть. Труднее, чем пехоте, доставалось артиллеристам. Колеса пушек резали снег до земли, лошади выбивались из сил, падали, и поднять их стоило большого труда. Прислуга, все,

кто только шел рядом, наваливались на пушечные колеса, лафеты, щиты и толкали орудия вперед.

Горелов, наблюдая, подозвал начальника артиллерии Середина:

— Вы понимаете, что держите всю дивизию? Если будем идти такими темпами, то не видеть нам Белого как своих ушей...

— А что можно сделать? — в свою очередь резко спросил Середин. Он был утомлен, взвинчен постоянными заботами, чтоб какое орудие не отстало.

— Что угодно делайте, но чтобы пушки не задерживали пехоту. Если надо, ставьте их на сани...

— Сани не выдержат, развалятся на первом же ухабе. Вот разве полозья...

— Подводите полозья, если считаете, что они лучше... Вы — хозяин, собирайте своих командиров, советуйтесь.

— Для этого нужен день — подвести полозья.

— Решено. Устраиваем дневку, но чтобы потом все пушки шли у меня вместе с пехотой.

Горелова беспокоила всякая задержка на марше. Эдак, чего доброго, найдутся лазутчики, быстро опередят дивизию с донесением о ее подходе, тогда о внезапности нечего будет и думать, придется вести бой на подступах к городу. Но и пушки оставить нельзя, без них не воинская часть, а партизанский отряд. Дневка все равно нужна. Потом можно будет двигаться быстрее.

На отдых остановились поздно вечером в деревне Васильевке. В этот день Крутов все время шел впереди, торил дорогу. В густом лесу, куда ветры не достигали, снег лежал рыхлый, толстой периной, и люди утопали в нем, как в болоте. Как ни берегся, а нагреб снегу полные валенки. Он там взялся льдом, спаялся с портянками и голяшками, и снять валенки не удалось, как ни елозил по полу, сколь ни ухитрялся. Друзья, видя его потуги, помогли, надрезали голяшки, и только потом валенки удалось стащить. Какое блаженство: растянуться в теплой избе на соломе, насланной на пол!

— Надо было тебе весь день переться впереди! — корил Крутова Женька — его друг, писарь строевого отдела штаба. — Шел бы за повозкой — милое дело!

— Ты понимаешь, не мог. Ребятам достается больше нашего, надо помогать. И потом, представь, что за прелесть идти первым, перед тобой все нетронутое, чистое, деревца над головой, как арки, на каждом лентой снег. Кажется, на чем только и держится этот серпантин: дохни посильнее — и посыплется. Это же не лес, а чудо. Сзади

такого уже не увидишь. До Шиздерова уже немного осталось, завтра должны туда дотопать. Опять впереди пойду...

Утром Шмелев отправился к артиллеристам. Те завтракали, и он подсел к ним заодно выпить кружку чаю. Среди батарейцев были люди одного с ним возраста, крепкие мужики. Известно, у пушкарей работа тяжелая, не каждому из молодых под силу. Шмелев сразу повел речь о том, что надо повысить темпы марша, иначе дознается противник через лазутчиков, успеет изготавиться к бою, а этого допустить никак нельзя.

— Товарищ комиссар, — спросил усатый сержант, — а вы в гражданскую где воевали: в пехоте или в кавалерии?

— В Первой Конной армии, в составе одиннадцатой дивизии. Взвоном кавалерийским командовал.

— О, так мы с вами чуть ли не однополчане! Я с этой дивизией до Львова доскакал, уж там меня с седла ссадили пулей. Помните, как у нас было: кавалерия впереди, рысью марш-марш! А пехота своим ходом пылит. Мы ее не ждали, сами с налету действовали. Вот и здесь бы так, создать команду из добровольцев или самим кого выделить как отряд, посадить на сани — и вперед. Пока мы тянемся с орудиями, да пешим порядком, они впереди такого шороху наделают...

— Вы предлагаете создать подвижный летучий отряд?

— А что, неплохо бы! В гражданскую получалось, почему теперь нельзя?

— Дельное предложение, — согласился Шмелев. — Мы его рассмотрим. А как с переводом пушек на санный ход? Получится?

— Конечно. Давно пора бы, а то режем снег, рвем жилы у коней, своих не жалеем. Подведем лыжины, укрепим, пойдут пушки, куда им деться. Мы свою задачу понимаем, товарищ комиссар. Эх, вечером бы вы пришли, вспомнили бы Первую Конную, молодежь бы послушала.

— Ну, это вы можете сделать и сами. Тем более что меня ссадили с коня много раньше, чем вас, — в бою под Ровно...

С Гореловым сошлись в стрелковом полку у Атаманова. Шмелев взял генерала под локоть, отвел в сторону. Шел мягкий пушистый снежок, не так давил мороз, и у Горелова был расстегнут черный реглан.

— Появилась дельная мысль, — сказал Шмелев. — Самы бойцы подсказали. Почему бы нам не создать летучий мобильный отряд? Посадить на сани и — марш-марш

прямо на Белый, ворваться в город с ходу, а там и мы подтянемся. Или ждать, пока нас какая-нибудь сволочь предупредит, доложит немцам о нашем подходе?

— Конкретно? — Горелов схватывал мысль на лету и тут же требовал решения. — Думал, кого назначить в отряд? До Белого уже два-три дня ходу, на раскачку времени нет...

— Они предлагали отряд из добровольцев, но я против такой «солянки». У нас есть заградотряд, вот его и использовать. Кстати, там и командир и комиссар инициативные люди, да и народ проверенный...

— Согласен. Пошли, соберем командиров полков, обсудим сообща, решим, кто и сколько может выделить подвод, да и дадим «добро» отряду. Волюнку тянуть некогда...

Заградительный отряд в семьдесят человек выехал из Васильевки на исходе дня. Удалось часть автоматчиков поставить на лыжи, и они шли дозорами впереди и по сторонам обоза.

Вечером поступила шифровка из штаба армии: тылы дивизии не успели пройти Чертолино, противник перекрыл дорогу. Дивизии перейти на самостоятельное снабжение. За Оленино соседи ведут затяжной бой, противник подбрасывает подкрепление из Ржева, контратакует. Дивизии предлагалось, чтоб обезопасить себя с тыла, оставить один полк в Шиздерово, а двумя другими овладеть Белым.

— Положение осложняется, — раздумчиво повертев шифровку, сказал Горелов. — Если дорогу не пробьют, как обещал командующий, то нас тут могут зажать основательно.

— Надо немедленно переходить на самообеспечение. Такой вариант Козин предусматривал, а теперь у нас официальный приказ. Выйдем к Белому, и надо сразу устанавливать связи с местным населением, с партизанами, если они тут есть. Местные жители должны знать, где что нашими в лесах оставлено. Меня беспокоит другое: если начнутся бои, раненые свяжут нас по рукам и ногам. Что мы станем с ними делать без медсанбата?

— Как считаешь, кого оставить в Шиздерово? — перебил Горелов.

Шмелев ответил не сразу:

— От Шиздерово до Белого сорок километров. Случись бой, полку придется вести его самостоятельно, без нашей подсказки. Значит, нужен опытный и в меру осторожный командир. Если Сидорчука?

— Так и сделаем. Я распоряжусь. А насчет раненых прозондирую почву, когда выйду на связь с командующим. Возможно, нацелят авиацию — «кукурузников», или нас подкрепят медиками. Вопрос важный, надо решать сразу...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Судьба... В эти же январские дни, когда дивизия Горелова пробивалась сквозь снега к Белому в глубокий тыл врага, дневальный по курсам гулко и громко оповестил: «Макарову в штаб! Срочно!..» Небольшого росточка курсантка, сидевшая в группе девочек в классе за рацией, поднялась, спросила лейтенанта:

— Товарищ командир, разрешите? Вызывают...

— Идите и побыстрее возвращайтесь. Нигде не болтаться!

Курсантка бежала в штаб, и тревога точила ее душу: зачем? Куда-нибудь турнут? Или письмо? Хорошо бы письмо. Курсы уже третий раз сменили адрес, и ни одного письма от Павла. Может, наконец откликнулся?..

Тревогам, волнениям уже полгода, с того дня, когда радио объявило о войне. Станция, где жила Иринка, сразу превратилась в большой муравейник. К «казармам» — так называли в поселке приземистые, барачного типа здания, в которых поселили год назад военных, — стали прибывать толпы мобилизованных. С ними понаехали женщины, дети, старики, и вокруг гарнизона, обнесенного колючей проволокой, образовался прямо-таки «цыганский табор».

За два дня до выпускного школьного вечера на фронт уезжал и очень дорогой для нее человек — солдат второго года службы Павел Крутов. Она познакомилась с ним случайно, на лыжной прогулке, когда десятиклассницы решили покататься с Татарской горы. Был довольно морозный день — конец ноября, а Павел появился среди них в одной гимнастерке. Он катался не очень лихо, но на лыжах стоял уверенно, и всякий раз старался пристроиться рядом, подать ей руку, если она падала.

С первым эшелонам он уезжал на страшную войну. Именно страшную. Раньше, когда о ней только говорили, война казалась чем-то похожей на ту, с шашками наголо, как в кинокартине «Чапаев». Там могли, конечно, кого-то убить, ранить, но ничто не заслоняло близкой победы. Теперь-то она поняла, как была глупа, когда про-

шалась с любимым, сидя на вершине Татарской горы, и пела для него песню: «Я на подвиг тебя провожала...» Даже сейчас стыдно за такую наивность... Она тогда не сказала ему, но сама твердо решила, что найдет его на фронте, чего бы это ей ни стоило.

Утром колонна солдат с оружием, скатками и вещевыми мешками вышла на станцию. Иринка шла в числе провожающих, стараясь не попасть Павлу Крутову на глаза. Он шел с пулеметным станком на плечах, старательно глядя под ноги, каска затеняла его лицо, и только когда он вскидывал голову, она видела милые пухлые губы, еще не отвердевшие по-мужски черты лица, большие темные глаза под широкими бровями. Накануне он просил не провожать его: почему-то верил, что если не провожают, то все обходится хорошо...

На вокзале бурлила толпа провожающих, играла гармонь и какой-то солдат плясал в тесном кругу, лихо притопывая ботинками и хлопая ладонями по засаленным обмоткам. «Наверное, из кадровых, таких как Павел, — подумала Иринка. — Родня далеко, провожать некому!»

Она пробиралась вдоль состава, поглядывая на солдат, теснившихся в широких проемах теплушек — крашенных суриком товарных вагонов. В конце перрона она прислонилась к фонарному столбу. На нее никто не обращал внимания, но она могла видеть все вагоны от первого до последнего и, конечно же, Павла...

Часть выехала на фронт, и поселок словно бы затаялся, замер. Вечером идти некуда, да и зачем? Отец — слесарь депо — подолгу задерживался на работе, приходил усталый, наскоро умывался, ел и ложился отдыхать. Мать бесшумно сновала по кухне, прибиралась, сестра Лида замкнуто сидела в отдельной комнатухе. Мужа ее взяли в армию, она ждала ребенка и ходила осторожно, все к чему-то прислушивалась. Иринка ни о чем ее не расспрашивала, но порой думала, что не будь войны, и они с Павлом где-то осенью сыграли бы свадьбу. Все могло быть, но война помешала...

Неожиданно ее вызвали в военкомат. Неулыбчивый, с усталым лицом капитан пригласил ее сесть.

— Так вот, Ирина Сергеевна... — начал он.

— Зовите просто по имени, — попросила она, страшно смущаясь, что с ней говорят, как с равной.

— Принято, — согласился капитан. — Так вот, Ирина, как ты на это смотришь, если мы пошлем тебя на

курсы военных радисток? Красной Армии очень нужны специалисты такого рода...

— Я согласна.

— Вот и хорошо. Отметки у тебя в аттестате хорошие, думаю, что мы в тебе не ошиблись. Как у тебя с иностранным языком? Шпрехаешь?

— С немецким? Читаю со словарем, пишу, разговариваю...

— Пока все определится, советую приналечь, повторить. Знание языка наших врагов может пригодиться...

Так оказалась она на курсах. Занятия по десять часов в день, свободного времени почти не оставалось. Осмотревшись, она написала Павлу, что учится на радистку. «Через полгода я найду тебя...» Она и в самом деле верила, что найдет его на огромном фронте, протянувшемся от моря до моря. Верила в это, хотя знала, что их готовят для крупных штабов, а он служит в стрелковом полку. Ответ пришел скоро: «Что ты наделала, — писал ей Павел, — почему не послушалась меня? Ты же не представляешь, что ждет тебя на передовой!» Будто мимоходом он упомянул про тетю, которая выехала из Ржева. Она поняла намек, что он находится неподалеку от этого города. Написать прямо, где служит, нельзя, не разрешалось, это военная тайна.

На курсах все внимание уделяли изучению радиостанций 5-АК, 11-АК-М. Учили настраиваться на волну, принимать передачу по телефону, работать ключом. Девчонки так увлеклись азбукой Морзе, что вместо разговора перестукивались. Усядутся в столовой и начинают барабанить пальцами по столу: «Пятый слева. Хорошенький?» — и вроде без причины расхохочутся. Но все это уже в прошлом...

Последнее письмо от Павла Крутова было в октябре, а потом как заколодило. И вести одна тревожнее другой: немецкие войска наступают, бои идут на подступах к Москве. В декабре началось наше контрнаступление, немцев погнали, но жив ли Павел? Бежала Иринка в штаб и гадала: письмо или куда-то направят?

Постучала, робко перешагнула порог кабинета.

— К начальнику! — буркнул дежурный.

— По вашему приказанию курсантка Макарова пришла! — доложила она и, руки по швам, замерла.

— Проходите к столу, — пригласил начальник курсов, седой подполковник. Он никогда ни на кого не кричал, говорил ровным голосом, и девчата считали, что с начальством им просто повезло. Когда требовалось уско-

рить подготовку радистов, он пришел к ним в класс и потечески сказал: «С этого дня будем заниматься по четырнадцать часов в день. Это очень трудно, но Родине нужны радисты, и вы уж постарайтесь, девушки, не подведите. Надо! Понимаете?..»

Подполковник оглядел ее, через силу улыбнулся:

— Какая вы маленькая. Почему так медленно растете?

— Я стараюсь, — растерянно пробормотала Иринка.

— Да-да, я знаю. У вас по всем дисциплинам отличные отметки. Дело вот в чем: формируется новая часть, нужны радисты. Мы считаем, что вы сумеете уже самостоятельно работать. Не надо бояться, рядом с вами будут опытные товарищи, помогут, подскажут... Пройдите в штаб, там выпишут все необходимые документы на продукты и — в добрый путь! Куда — не спрашивайте, все узнаете со временем. Боевых успехов вам, товарищ Макарова! — Пожал ей руку, потрепал по плечу и сказал: — Главное — не пищать! Помните, у Макаренко был такой девиз?..

На другой день Иринка стояла в строю небольшой команды, отправляемой на фронт. На ней шапка-ушанка из какого-то косматого меха, отчего казалось, что на голове решето, а не убор, под шинелью ватные брюки и куртка, на ногах валенки. Не человек, а из мягкой рухляди матрешка, что вдоль, что поперек — одинаковая. Самой себе казалось, что не повернется. Радистов усадили в спецмашину. В ней им работать, в ней и жить. Ехать было интересно. Быстро промелькнула Москва, начались пригородные поселки, поля, перелески. Поток машин к фронту не редел. На третий день свернули с большого шоссе на менее накатанную дорогу. По сторонам от проезжей части стеной стояли снежные валы, причем так близко, что машины едва могли разминуться со встречными. Постоянные ветры со снегопадом переметали заносами дорогу, и тогда приходилось браться за лопаты, расчищать, проталкивать машину вперед. Иринка выскакивала в одной куртке, а вот с шапкой просто беда: она все время сползала на глаза.

Машины и люди пробивались на Торжок, в распоряжение штаба армии. Эту новую армию Маслова командующий Калининским фронтом вводил в прорыв, образовавшийся северо-западнее Ржева. Первой ушла в глубокий тыл противника дивизия Горелова, чтобы овладеть городом Белым. Новой армии ставилась задача взломать оборону противника на ржевском направлении с тыла, с западной стороны.

Радисты раньше времени прикончили сухой паек, выданный им на три дня, действуя по принципу: не оставляй на завтра то, что можно съесть сегодня! Голод давал себя знать. Лишь иногда командирам удавалось выпросить на продпункте немного сухарей или концентратов. Всюду отвечали: «Продукты обязаны были получить на месте!» или «Быстрее следуйте к месту назначения!»

В Торжке армии не оказалось. Войска начали наступление, и штаб переместился вслед за ними. Куда? Никто не говорил определенно. Иринка во все глаза смотрела на прифронтовые села и дороги. Всюду полуголодные люди, обобранные гитлеровцами, нигде ничего нельзя купить, выпросить. По обочинам дорог разбитая, сожженная вражеская техника — машины всяких марок, орудия, транспортеры, фургоны, битые лошади и трупы завоевателей. Тем, кто громил врага, кто принуждал гитлеровцев бросать, жечь свою технику, наверное, было много труднее, чем им — связистам. Ей приходило на ум, что этими дорогами мог шагать и Павел. Разве могла она смалодушничать только из-за того, что недоставало еды и приходилось спать в холодной машине?

Во второй половине января связисты разыскали штаб армии. Радисты вошли в состав отдельного армейского батальона связи. Началась боевая служба. Радиостанция принимала и передавала донесения, приказы, приказания, через руки Иринки проходила секретная информация, но она ничего не знала, потому что исписывала листки не словами, а колонками цифр. С этими записями начальник радиостанции мчался в штаб, и только там цифры обретали смысл.

Радиостанцию всегда загоняли куда-нибудь в лес подальше, опасаясь, что ее запеленгуют, и она навлечет на штаб авиацию. Иногда, в порядке исключения, разрешали стать в селе в каком-нибудь овине. С целью той же маскировки они часто меняли место и потому всегда чувствовали себя как на «малой земле» — обособленными.

Когда потребовались радисты в дивизию, пробивавшуюся к Сычевке, туда отправили Иринку. Она снова сменила свой адрес и снова, как в пустоту, отправила письмо Павлу, теряя надежду получить от него ответ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

То ли к перемене погоды, то ли от усталости Горелов чувствовал себя скверно. Знобило, мозжало в костях, и

нечем было унять эту нудную боль. В таких случаях лекарства помогают плохо, лучше бы отлежаться на теплой печке под шубой, пропотеть, и тогда все пришло бы в норму. Но он не мог себе такого позволить, не имелось ни русской печки, ни жаркой бани. Да и дела не допускали даже кратковременно его отсутствия. Шмелев уехал в полки и должен вот-вот позвонить или появиться. В горнице сидеть прохладно, и Горелов вышел в переднюю половину избы. Тут жарко топилась печка, он подсел на скамеечке поближе, открыл дверцу, пошевелил кочергой пылающие поленья и задумался. Кочерга осталась возле колена, накинутый на плечи полушубок с поднятым воротником обнимал тощую, начавшую морщиниться шею, а ласковое тепло из печки обволакивало лысую оголенную голову. Жар достигал опущенных рук с проступавшими ветвистыми венами, приятно грел через суконные галифе настуженные колени. Ступни покоились в мягких разношенных валенках. Дымилась «козья ножка», едкий дымок махорки заставлял щурить припухшие глаза. Тепло, приятно, и мысли текли спокойные.

Своей семьи он не имел, в свое время не завел, а от сестер и брата так давно отошел, что вспоминал о них, лишь когда они сами давали о себе знать. Думалось просто о войне. «Не гадал, а вышел опять к тем местам, где воевал с немцами в империалистическую. Правда, в ту войну германцы так глубоко в Россию не зарывались. Ну да теперь дело пошло на лад, вроде тряхнули немцев изрядно».

Можно считать, что дивизия надежно зацепилась за город Белый, выполнила поставленную задачу. Не все прошло ладно, нашелся в Подвойском предатель — немецкий прихвостень, староста, при подходе частей сбегал в город, предупредил гитлеровцев. Еще дивизия только вошла в деревню, вытянувшуюся вдоль большака по самому бугру, а уж из города показалась черная колонна и двинулась навстречу. Город и Подвойское разделяли какие-то шесть-семь километров чистых полей, исключая низинку, по которой петляла река Обша, все видно как на ладони. Навстречу шло до батальона пехоты. Горелов приказал развернуть полки, батарею, и на полпути, у деревни Конного, гитлеровцев встретил шквальный пулеметный и артиллерийский огонь. Они не выдержали огня и, бросая убитых, раненых, повернули вспять. Полки начали их преследовать, с ходу ворвались в город, заняв едва не полностью северную его половину и часть южной. Оказалось, что били не гитлеровцев, а полицейскую коман-

ду, набранную из военнопленных. Гитлеровцы же крепко засели в каменных домах города, в бывшей сельхозшколе, и отчаянно отстреливались. Бежать им было некуда. Автоматчики заградотряда, посланные авангардом, ночью вышли к городу с юго-восточной стороны и захватили вражеский аэродром. Там стояло несколько «юнкерсов» да громоздились штабеля горючего в бочках и различных боеприпасов. С этого аэродрома автоматчики держали дорогу из города под прицелом.

Горелов, когда ему донесли, приказал ничего не жечь, пока не установит точно, что там находится. Туда выехали артиллерийские снабженцы и саперы. Оказалось, что с аэродрома вся южная половина города хорошо просматривается, за исключением тех мест, где дома лепились в распадках и по оврагам. Врага видно, да не возьмешь... «Половина города в наших руках, — думал Горелов, — возьмем и остальное. Гитлеровцы отрезаны от Смоленска, никуда им не деться...»

В это время по деревне, от избы к избе, шел худощавый парень в гражданской одежде и спрашивал генерала. Его недоверчиво оглядывали, отделявались шуткой: вот, мол, это я и есть. Чего изволите? Парень сердился, сводил черные стрельчатые брови к переносью, недобро шурил глаза и молча шел дальше. На счастье, ему повстречался командир из штаба дивизии, спросил, кто он, кого ищет тут и зачем. Парень отрекомендовался и сказал, что генерал нужен ему по важному делу. Командир указал избу, где размещались Горелов и Шмелев.

На крылечке с независимым видом сидел на перильцах часовой с автоматом на груди. Увидев, что парень направляется к нему, встал, строго спросил:

— Куда?

— Мне генерала. По важному делу.

— погоди, спрошу! — Часовой на минуту-другую скрылся. — Проходи! — И, оглядев цепко, спросил: — Оружия нет? Смотри!.. — Посторонился, дал пройти парню в сени, придержал дверь открытой, чтоб парень мог найти дверную ручку: со света в сенях темно.

В передней у печки сидел сухощавый старик, лысый, в наброшенном на плечи полушубке, в растоптанных валенках, смолил сигарку и пошевеливал кочергой головешки. Скосив глаза на парня, спросил простуженным голосом:

— Ну, чего тебе? Кого надо?

— Генерала, командира дивизии, — ответил, дерзко глядя на старика, парень. — Где он? В горнице?

— Я генерал. Зачем потребовался?

— Над парнем уже не раз подшучивали подобным образом, поэтому он ответил старику по-свойски, чтоб знал сразу: тут перед ним не простак.

— Ты мне, батя, лапшу на уши не вешай. Говори толком, где генерал. Может, вышел куда?

— Говорю же тебе, я — генерал! Не веришь — отваливай, и не мешай мне. Не то кликну часового, он живо выставит. — Видя, что парень недоверчиво смотрит на него, Горелов отбросил с колена полу полушубка и, задрав ногу, похлопал по лампасу: — Видишь? Или тебе еще документ предъявить? То-то! Бери табуретку, подсаживайся и говори, зачем пришел. Я слушаю!

Красные полосы по штанине убедили парня лучше всяких документов. Он сразу вытянулся струной, кинул руки по швам и четко доложил:

— Товарищ генерал, командир партизанского отряда Попов прибыл к вам для установления контакта с действующими частями Красной Армии!

— Ну и что ты мне собираешься доложить, товарищ Попов? — спросил Горелов потеплевшим голосом и отставил кочергу к печке. — Да ты садись, садись! Если и правда, что командир отряда, так разговор у нас будет долгий. Чем порадуешь? — Глянув пристальней, заметил: — Что-то, молод ты очень. В армии служил или не успел?

— Это у меня такая конституция, — ответил Попов. — Кто ни глянет, не дают мне моих лет, да и только. Можно сказать, мучаюсь от недоверия. — Он засмеялся. — Вы меня зовите просто — Володей, ладно? А то неудобно, вы генерал, а мне — мальчишке по сравнению с вами — «товарищ»! В армии я служил, но осенью, когда было отступление, отбился от своих в здешних краях поневоле. Приткнулся к деревне, там оказалось еще несколько таких же, как и я. Огляделись, познакомились. Стыдно сидеть сложа руки, когда немец уже под Москвой, вот и сговорились организовать отряд и действовать. С нами еще несколько гражданских парней, девчат. Могли бы набрать много, но мы пока считаем, что это ни к чему. Малому отряду легче укрыться, легче сманеврировать. Как правило, действуем на дорогах подальше от своей деревни. Оружия всякого по лесам тут — завались, что угодно найти можно. Позавчера узнали, что в Белом бой, наша Красная Армия пришла, меня сразу и направили к вам. Тут по деревням окруженцев много...

— «Женихов»? — усмешливо уточнил Горелов.

— Вообще-то, да, в какой-то степени. Некуда было народу податься, вот и пристроились, чтоб зиму пережить, кто как сумел. Не все, но частью да... Может, поставите задачу оповестить их, чтобы шли к вам, так мы это провернем, «почта» у нас налажена. И нам как быть: возьмете наш отряд к себе?..

— Вовремя ты появился, Володя. Молодец! — Горелов похлопал его по плечу. — Я как раз думал, как нам тут подкрепить своих, и в смысле оружия, боеприпасов, и едой, и от фуража не откажемся. А ты тут как тут! Сделаем так: вот-вот должен появиться комиссар, мы соберем еще кое-кого, ты познакомишься с нашими людьми, они — с тобой, чтоб потом действовать в полном согласии. Твоя помощь нам очень потребуется, буквально завтра же, так что с переходом к нам повременим. Ты отдыхал? Есть хочешь? Я сейчас прикажу, чтоб тебя накормили, а к тому времени и комиссар явится.

Горелов прошаркал в горницу, вертанул там ручку полевого телефона, вызвал командира из комендантской роты. Через несколько минут появился старший лейтенант.

— Товарищ генерал, по вашему вызову!

— Вот его хорошо накормить! — указал Горелов на Попова. — Он давно армейской пищи не ел, поэтому не скупись. Только водки ни капли, у него серьезное дело впереди!

— Есть! — ответил старший лейтенант. — Накормим. Водки не дадим.

На совещание вызвали в основном начальников служб, снабженцев. Им предстояло добывать вооружение, боеприпасы для полков. Пригласили командиров, оказавшихся в штабе, разведчика Бернштейна в том числе. Попов доложил о своем отряде, о той помощи, которую они могут оказать. Отряд базировался в небольшой деревне юго-западнее города, вблизи смоленского большака. Когда знакомство состоялось, Горелов объявил, кому куда ехать, что отыскивать. Провожатых должен дать Попов. Строго глядя на него, Горелов сказал:

— Без нашего ведома никаких операций пока не проводить. Будете помогать нам. Ваша боевая задача — наблюдать за движением противника по большаку и немедленно ставить нас в известность. Докладывать нашему начальнику разведки. Вы, Бернштейн, проинструктируйте его на этот счет. Мы должны знать о намерениях противника. Эта задача для отряда главная, вы должны ее вы-

полнять, и чем тише будете держаться, тем для вас лучше. В дальнейшем мы наладим свою разведку, тогда вы сможете заняться непосредственно партизанскими делами, более активными, что ли. Это приказ...

Шмелев сказал, что партизаны будут получать от них газеты, радиосводки с фронтов, все это надо нести в народ, чтоб люди знали правду и уверенней смотрели в будущее. Политотдел наметит меры на этот счет...

Попов уехал из дивизии окрыленный.

В окрестных лесах действительно оказалось много оружия — и стрелкового, и артиллерийского. Начальник артиллерии Середин был озабочен только поисками боеприпасов да выколачиванием подвод. Летом, когда дивизия находилась в составе Резервного фронта, ему по долгу службы довелось не раз бывать в действующих частях. В то время командир роты или батареи мог нанести на свою рабочую карту обстановку за дивизию и даже за армию, хотя это им и ни к чему. Вот и командующий артиллерией армии, стоявшей в обороне у Андреаполя, позволил Середину отметить на своей карте расположение складов и огневых позиций армейских и дивизионных частей. Середин будто чувствовал, что она понадобится, хранил эту карту и теперь уверенно направлял своих снабженцев на бывшие огневые, и те находили там боеприпасы. Для борьбы в городе, чтоб разбивать каменные стены, нужны были гаубичные фугасные снаряды, но снабженцы везли только пушечные осколочные гранаты, и это снижало эффективность артиллерии. Гаубичный дивизион держали на отшибе у Шиздерова, поскольку снарядов к этим орудиям все равно не было. И все-таки даже с осколочными гранатами воевать можно. Это не то, что посылать людей на пулеметы с винтовкой, как было под Калинином. Полк Афонина уверенно, дом за домом, отвоевывал у противника город. Враги держались в северной половине только за каменными стенами бывшего ремесленного училища, да еще в Ильинской церкви. Церквей в Белом насчитывалось четыре, все белокаменные, старой кладки, стены такие, что не разбить и мощной пушкой, не то что дивизионкой.

Полк Атаманова вел бой за сельхозшколу. В южной половине города группировались бывшие купеческие особняки, административные здания, они образовывали целые кварталы, и противник оборонялся тут упорно. Еды и боеприпасов у врага было достаточно, и они не жалели патронов. Не прошло и недели с того дня, как появилась в Белом дивизия, как партизаны донесли, что по смолен-

скому большаку двинутся колонны вражеских войск. Знакомый им солдат противника, по национальности чех, сообщил, что это подходит полк, переброшенный из Франции. Одна ли часть направляется сюда или за ней последуют другие, он пока не знает. Этот чех находится в деревне в составе команды ремонтников. Он симпатизирует русским, и ему можно верить...

Задержать, не пропустить в город это подкрепление Горелову было нечем. Все силы скованы в уличных боях. Срочно нужен был хоть какой-то резерв. Ночью, выйдя на связь с командующим армией, он попросил разрешения пополнить свои части «женихами» — бывшими окруженцами. Иначе в городе не удержаться.

Командующий позволил набрать по двести человек на полк, а остальных, как только к Белому пробьются части Северо-Западного фронта, командами отправлять в распоряжение штаба армии. Здесь они после проверки организованно пойдут на пополнение...

— Двести человек на полк. Представляешь? — огорченно заметил Горелов в разговоре со Шмелевым. — Это нас даже в малой степени не устроит. Окруженцев тысячи, как узнали, что мы тут объявились, валом прут. А мы должны задыхаться, терять в боях последних испытанных сибиряков. Какая может быть лучшая проверка для «женихов», чем бой?!

— Ничего не случится, если мы эту цифру превысим, — сказал Шмелев.

— Возьмем по тысяче на полк, — решил комдив, — создадим в каждом по батальону, и пусть оправдывают себя в боях. Уверен, что воевать будут хорошо. Только надо строго предупредить, чтоб ни в какие другие подразделения их не зачисляли. В крайнем случае возьму грех на себя, сам отвечу за своеволие, потому что считаю этот шаг оправданным. В штабе армии плохо представляют, в какой обстановке мы тут воюем. Соседи еще неизвестно когда к нам пробьются, а в Белый вот-вот подвалит полк гитлеровцев. Тут будет не до шуток.

Гитлеровский полк, сменивший уютную теплую Францию на русские снега, проследовал в город. Его и не задерживали. Лишь одной батареей и смог Горелов обстрелять подходившие колонны врага. Гитлеровцы сразу от обороны перешли в контратаки, начали теснить полк Атаманова к Обще. Эта речушка огибала Белый с востока, затем резко поворачивала на запад, деля город на две равные половины. В Белый начали наведываться транспортные самолеты — неуклюжие «юнкерсы». Они не са-

дились, а кружа над городом, сбрасывали гитлеровцам с малой высоты тюки. Горелов приказал поставить ближе к Белому зенитную батарею. Первым же залпом она сбила «юнкерс». Снаряд угодил в носовую часть самолета, и он развалился на куски. Бойцы уследили, как при этом от самолета отделился черный круглый комок и шмякнулся возле батареи. Они тотчас же побежали и принесли шлем летчика. Пленный, взятый через два дня, сказал, что погиб летчик-ас, барон, один из лучших пилотов Геринга, награжденный двумя Железными крестами...

— Вот и заработал третий крест, березовый, — сказал Горелов, когда Бернштейн доложил ему о результатах допроса. Подумал немного и решил порадовать командира батареи: — Жиганов, знаешь, кого ты сбил? Уже сказали? Вот прохвосты, опередили генерала! Кто это у тебя такой болтливый? — спросил он Бернштейна. — Ну да ладно... Так вот, Жиганов, действуй и дальше так же, не позволяй им безнаказанно летать над городом. Спасибо за службу!

Горелов не мог усидеть на месте, стал расхаживать по избе, довольно потирая руки. Шмелев не успел переступить порог, как комдив обратился к нему:

— Слышал? Жиганов-то не кого-нибудь, а барона сбил. Гитлеровского аса! — И рассмеялся. — Ничего, отучим и баронов в нашем небе хозяйничать. Надо, чтобы не только зенитчики, но и в полках вели борьбу с этими «юнкерсами». Вкопал в землю столб, на него тележное колесо, на колесо пулемет, вот и вся недолга. Готова зенитная установка. В германскую мы делали так, почему же теперь нельзя? А то обнаглели, чуть ли не на брюхе над городом ползают. Ты там подшевели своих политотдельцев, пусть разъясняют бойцам, что за сбитый самолет будем представлять к награде. Как только наши пройдут дорогу к Белому, отпуск домой дадим. Так пусть и говорят: мол, сам генерал отпуск обещает. Мое слово твердое — неделю дам побывать дома. Всколыхнуть народ надо. Опять же, разве нельзя вести залповый огонь? Вот то-то! Активности надо больше!

Вражеские летчики стали осторожнее, над городом появлялись реже. Теперь они сбрасывали тюки в Клемятино, неподалеку, а уж оттуда боеприпасы, продукты, оружие немцы везли в город подводами и машинами по ночам, когда дорога не просматривалась. Наращивание сил шло с обеих сторон, но у гитлеровцев оно происходило быстрее.

Кормить дивизию в нищем, обобранном немцами районе оказалось трудным делом. Каждое утро Горелов и Шмелев допрашивали снабженцев, чем они располагают, распределяли продукты. Людей прибавилось. Помимо тех, кого призвали в полки, кормили сотни бывших окруженцев, стекавшихся из деревень в дивизию и ждавших открытия дороги за линию фронта. А все окрестные деревни обобраны еще осенью, когда через них прошли гитлеровцы. Оставались считанные буренки, которых христом-богом умоляли оставить многодетные женщины. Приходилось полагаться в основном на картошку. Мясо бывало редко, да и то — конина. Хлеба давно не видели, сухари пришли к концу. Будь с дивизией тылы, можно бы наладить хлебопечение из местного зерна, но они неизвестно где находились. Все лучшее, что удавалось купить у населения, шло раненым, которые с каждым днем накапливались. Изредка, каким-нибудь обратным рейсом «кукурузника», отправляли за линию фронта двух-трех тяжелых. Эти самолеты связи летали, прижимаясь к самой земле, чтоб избежать встречи с «мессершмиттами». Они доставляли из-за линии фронта в армию Маслова сухари и соль, без которых и картошка не еда. Армия прорвалась в тылы противника, вела бои очень напряженные; от баз снабжения она была отрезана, как и дивизия Горелова. Она осадилась с западной стороны Сычевку, но гитлеровцы держались за линию железной дороги буквально зубами. Сводки о боях регулярно поступали в дивизию, Горелов был в курсе происходившего и уже не столь оптимистично оценивал положение под Белым.

— Хоть и получили немцы под Москвой крепкий удар, а все еще много сил у них. Уцепились за Ржев, надеются отсидеться до лета, чтоб опять на Москву. Лето — их козырная карта... — говорил Горелов.

— Не для того им дали от ворот поворот, чтоб снова допустить до Москвы, — отвечал Шмелев. — Не должны.

— Я думаю, нам тут надо поосновательней закреплять завоеванное, а то могут потеснить. Меня беспокоит эта северная церковь. Как больной зуб. Сидят там тридцать—сорок гитлеровцев, а взять ее не можем, не подступишься. Вчера смотрел с наблюдательного, у них налажено сообщение с городом, ходят солдаты за обратными скатами высот. От моста через Обшу до церкви километра полтора, от дома к дому пробираются. Перерезать бы эту нить, да нечем. Рядом с мостом другая большая церковь — Воскресенская, оттуда все видят, поддерживают своих в северной...

— Может, все же попытаться выбить их из церкви? Афонинцы лежат буквально в полусотне метров. Рывок посильнее — и завершить бы борьбу на этом участке, а то вытянулись цепочкой на четыре километра. Людей и так маловато, а тут еще сами рединку создаем.

— Завтра пройду туда, посмотрю, что можно сделать. В крайнем случае, даже рискну, отведу своих на сотню метров, чтоб дать хороший налет по гитлеровцам...

— Стоит попробовать. Наш Селиванов не раз работал прямой наводкой, вот и приказать ему, чтоб выставил батарею, и успех будет обеспечен, — сказал Шмелев.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Утром Горелов вышел на наблюдательный пункт к Афонину. Туда заблаговременно вызвали и командира дивизиона Селиванова. После того как гаубичный дивизион оставили в Шиздерово, батареи Селиванова были единственной ударной силой в городе. Командир — рослый плечистый капитан в белом полушубке, перетянутый ремнями, чернобородый, посверкивая золотом зубов, что-то рассказывал веселое командиру полка, и оба смеялись. При появлении Горелова они смолкли, поднялись с чурочек, на которых сидели, и выжидательно глазели на генерала. Селиванов вынул трубку из рта, но не спешил прятать ее в карман, держал в пальцах опущенной руки.

— Ну что, так и будем поглядывать на противника или начнем думать, как его выкурить? — с ходу, без обычного «здравствуйте», начал Горелов. Голос звучал ворчливо, но недовольство было напускное, скорее по привычке, а так он был в хорошем настроении и каждому по очереди пожал руку. — Ну, кто даст генералу закурить? Эх, золотые мои помощники! Вам бы, по вашим делам, не махорку, а сигары гаванские курить! — сказал он, беря щепоть махорки из протянутой пачки и привычно свертывая «козью ножку» пожелтевшими пальцами. — Бумаги приличной и той нет, старую газету на курево у комиссара стибрил. Ну, ничего, все впереди. Живы будем, народ наши ратные труды не забудет. Да-а. Шел сюда, думал: то ли кажется, то ли в самом деле весной запахло? Вот даже глины на полушубок нацеплял, пока окопом к вам добирался. Тут весна дружная, враз поплывет все. Мне здешние места знакомы еще по той, по царской, войне. Ну, дотолковаться успели или нет?

— Только что прикидывали, как с этой церковью луч-

ше управиться, — доложил подполковник Афонин, считая, что ему, как старшему по званию и должности, надлежит объясняться с генералом. — Капитан Селиванов считает, что на время артподготовки людей никуда отводить не надо, пусть сидят в своих окопах. Орудия будут стрелять прямой наводкой, поэтому недолеты исключены. Конечно, известная доля риска остается, поскольку осколки от стен будут лететь и назад, но с этим ничего не поделаешь...

— А ну, посторонись, дай и мне на эту церквушку взглянуть, — потеснил плечом Селиванова от стереотрубы Горелов. — Где там наши?

Подкручивая окуляры стереотрубы, он увидел, словно бы на вытянутую руку перед собой, исклеванные пулями и осколками обшарпанные стены беленой, а теперь почти красной от выбоин и обнаженного кирпича церкви. Она стояла на самом бугре, вокруг теснились черные от непогоды липы с оббитыми ветками и редкими уцелевшими на них галочьими гнездами. Эта небольшая церквушка, рассчитанная на отпевание усопших, а не на обычные службы, без колокольни, способна вместить полсотни человек. Ее округлые окна были без единого стеклышка, да и рамы выбиты, и стены зияли черными проемами. На высокой паперти громоздилась груда каких-то плит и кирпича...

— У них на паперти пулеметное гнездо, — пояснил Селиванов, изучивший вражескую оборону до тонкостей. — На время обстрела укрываются внутри, за стенами, а как только огонь утихает и наши поднимаются в атаку, выскакивают из церкви с пулеметом наготове...

Вокруг церкви вся земля черна от множества воронок, битого кирпича, сгоревшей взрывчатки. Горелов все же разобрал, что это не просто бугристая земля, как вначале показалось, а старые могильные холмики. На отдельных еще держались покосившиеся надгробия — каменныеobelisks, литые чугунные и деревянные кресты. Среди этих холмиков он увидел и окопы. От них по какой-то канаве, среди снега, уже частично подтаявшего, пригибаясь, пробирался в тыл не то боец, не то командир.

— Там мои и сидят, — доложил Афонин. — До церкви рукой подать, а не возьмешь. Шквальный пулеметный огонь...

— Стены старой кладки, — добавил Селиванов. — Предки неграмотные были, а умели класть основательно, кирпичик к кирпичику, на века. Чтобы разбить, надо пушку стопятидесятидвух...

— Не стены надо рушить, а головой думать. Знаете же, что корпусного полка с нами нет, пушек таких нам никто не даст, так и нечего о них, — сердито сказал Горелов. — Бабские разговоры, зряшны... Из реальных возможностей исходить надо. Сделаем так: хороший налет батарей, эдак снарядов двадцать — тридцать, и пехоте подъем. Артиллеристам же сразу переносить огонь выше — по окнам, чтоб снаряды внутри церкви рвались. Пусть пулеметчики думают, что налет продолжается. Следить в оба, чтоб по своим не ударить. За это вы отвечаете. Поняли? Пехоту настроить на решительный бросок, каждому объяснить план действий, чтоб не промедлили, и успех будет. Уверен... К пехоте сразу корректировщика, чтоб мог направить огонь, когда враг полезет в контратаку. Значит так: сутки вам на подготовку, на то, чтобы поставить орудия, поговорить с людьми, подвезти боеприпасы, и завтра в это время... — Горелов вскинул руку, высвобождая из-под рукава часы: — Ровно в десять и начнем!

Не думал, не гадал Горелов, что бой, задуманный им как скоротечный, выльется в трехдневную ожесточенную схватку. Как он и предполагал, штурмовая группа ворвалась в церковь, в рукопашной уничтожили тех гитлеровцев, которые под огнем замешкались и не успели сбежать. Внутри церкви ничего не оставалось деревянного — ни пола, ни рам, ни дверей. Даже балки потолка и стропила были поотпилены у стен, обрушены, и все пошло на костры, у которых и обогревались гитлеровцы. Только хоры у стен еще оставались, и на них вели каменные ступеньки. У самых стен нарыты щели, накрытые сверху где железом, где каменными плитами. В них и укрывались гитлеровцы во время обстрелов.

Горелов приказал тут же усилить штурмовую группу пулеметами, дать туда связь. Следовало надежно закрепить церковь за собой. Но и гитлеровцы не сидели сложа руки: они тут же обрушили шквал минометного и артиллерийского огня, и оказать помощь раненым, поднести боеприпасы, еду стало невозможно. Линию связи изорвало осколками снарядов и мин, и восстановить ее так и не удалось. Гитлеровцы осадили церковь, оттеснив от нее подразделения полка Афонина больше чем на сто метров. В тех окопах, среди могил, где Горелов перед боем видел своих бойцов, теперь сидели гитлеровцы и поливали оттуда пулеметным огнем. Что делается в самой церкви, кто там обороняется и в каком числе, никто не мог сказать. Горелов тревожился, нервничал, но изменить поло-

жение не мог, не хватало сил. Гитлеровцы перехватывали инициативу, теснили гореловцев повсюду, отвоевывая одну за другой ключевые позиции — каменные дома.

Полк Афонина оставил электростанцию и двухэтажное каменное здание городской больницы, и гитлеровцы теперь контролировали подходы к северной половине города. Атаманов оставил аэродром, его атаквали среди ночи. Пока стрелки Атаманова сдерживали противника, саперы успели подготовить штабеля трофейных авиабомб и других боеприпасов к взрыву. Они отходили последними и тянули за собой провода. На безопасном расстоянии произвели взрыв. Столб огня и дыма взвился гигантским грибом в черное ночное небо, озарил облака, потрянул землю в Белом. Еще грохотание катилось в лесные дали, как над аэродромом взвилось пламя пожара и бушевало до самого утра — выгорали остатки невывезенных масел, горючего.

Неудачи дивизии были не случайны. К гитлеровцам подошел еще один пехотный полк. Надо было ждать и третьего, а за ним и средства усиления пехотной дивизии, перебрасываемой из Франции. Пробьются ли к этому времени на помощь соседи? Оставалось только гадать.

На исходе третьих суток, перед рассветом, из церкви пробрался связной. Горелов сразу потребовал, чтоб бойца доставили на наблюдательный пункт, и сам выехал туда. Усталый, с потемневшим от бессонницы лицом, боец едва держался на ногах, но при появлении Горелова встал со скамейки:

— Товарищ генерал, велено передать, что нужно подкрепление. У нас держаться уже нет сил, мало нас осталось...

— Почему сам командир не пробился ко мне? Не на кого оставить подразделение?

— Нет его, командира, еще позавчера убило осколком. И артиллерийский командир ранен.

— Так кто у вас там командует?

— Команду принял пулеметчик, он там теперь за главного, он и меня прислал сюда и велел передать, что патроны у нас на исходе, скоро нечем будет стрелять.

— Как же вы держитесь? Тяжело?

— Очень тяжело, товарищ генерал. Вчера перед вечером дело было: начался артобстрел, ну мы приноравлились, сразу по укрытиям, под стенами там глубокие щели, еще немцы сами их понарыли, они от осколков спасают. Как только огонь прекратился, мы выскочили и — к дверям, окнам, потому что знаем — гитлеровцы подня-

лись в атаку. На паперти пулемет у нас стоял, побило его осколками, нечем стало стрелять, заминка у нас произошла. Гитлеровцы в церковь к нам ворвались. Тут наш командир кричит: «На хоры, ребята! Быстрее на хоры!» У нас там раненые находились, ну и мы туда заскочили. Немцы начали к нам гранаты бросать, эти, с длинными деревянными ручками. Она еще шипит, а мы ее обратно вниз. Вот и вышло, что гитлеровцы от своих же гранат из церкви убрались. Так и отбились, да еще и ихним пулеметом попользовались, не успели они его унести. А что дальше будет — и сами не знаем. Конечно, отступить мы не собираемся, но хватит ли сил удержаться? Ведь того и гляди опять на приступ пойдут. Вот командир и послал меня: кровь, говорит, из носу, а проберись к нашим, доложи все как есть. Мы уже два дня как не евши сидим. У кого какие сухари имелись, так собрали и раненым отдали. Убрать бы их от нас как-то. Мучаются люди...

— Ты молодец, — сказал Горелов и с чувством пожал бойцу руку. Он ценил доблесть солдата, знал по себе еще с германской, что главная тяжесть на войне всегда падает не на начальников, а на рядовых. — Сейчас пойдешь в тыл, тебя там накормят, я прикажу, и отдыхай. А мы тут подумаем, как вам помочь.

— Мне-то как, возвращаться или погодить? Командир велел обязательно ответ доставить, да проберусь ли назад до вечера?

— Ты и так рисковал, хватит! Другим путем узнают твои товарищи о помощи. Благодарю за службу! — Горелов поднялся при этих словах и руку приложил к папе.

— Служу Советскому Союзу! — отчеканил боец. — Разрешите идти?

— Иди, отдыхай, герой!

Медлить нельзя. Пока в церкви еще держатся, надо пробиваться к ним, отпихнуть как-то гитлеровцев. Горелов взялся за телефон:

— Афонин, ты в курсе? Слышал, что связной говорил? Так вот, собирай своих в кулак, продумай, чем и как поддержать, и действуй. Пока наших там не задавили, надо выручать. Объясни людям положение, поймут что к чему. О готовности доложить. Солдата, который доставил донесение, представляй к награде. Заслуживает...

Время артиллерийской подготовки совпало, словно сговорились, с немецкой атакой. Завыли, засвистели снаряды и мины с обеих сторон, церковь окуталась дымом

разрывов и рыжей кирпичной пылью, от стен и остатков купола полетели обломки. Шквал огня обрушился и на церковное кладбище, где среди могил сидели гитлеровцы. Они сначала приняли этот огонь за ошибку своих артиллеристов, и в небо полетели белые ракеты. Но вскоре разобрались, поскольку наши орудия били прямой наводкой по высоте, на которой стояла церковь.

Афонинцы поднялись дружно и у паперти оказались в одно время с гитлеровцами, шедшими на штурм церкви. Немцы не приняли рукопашной схватки и повернули обратно. Бой скоро затих. Потрескивали отдельные винтовочные выстрелы, трассирующие пули оставляли огнистые следы, но это уже была обычная дежурная перестрелка, на которую мало обращали внимания. Горелов решил побывать в церкви, поговорить с ее защитниками. Шмелев начал его отговаривать:

— Зачем рисковать? Мы здесь пока одни. Случись с вами несчастье, кто вас заменит? Вы должны учитывать это обстоятельство. Лучше вызвать этого пулеметчика на энпэ и там спокойно обо всем расспросить...

— Нет, комиссар, — твердо заявил Горелов, — то, что я увижу сам, своими глазами, мне никто не доложит. Нам эту церковь держать, и я хочу на месте посмотреть, что можно сделать там для надежности.

— На всякий случай возьмите с собой хорошую охрану.

— Это другое дело, против этого кто станет возражать!

Ходом сообщения, потом между старыми могилами, пригибаясь, прошел Горелов в церковь. Встретил его командир батальона, доложил о себе.

— Ты погоди, с тобой поговорить я успею, — отстранил его генерал. — Давай мне того, кто до тебя тут командовал — пулеметчика.

От стены шагнул широкоплечий боец.

— Товарищ генерал, это я — рядовой Сумароков!

На горизонте еще догорала поздняя зорька, и через оконные проемы пробивалось достаточно света, чтобы разглядеть лицо бойца. На темном, осунувшемся лице молодые усики и русая бородка. Из-под надвинутой на самые брови шапки-ушанки посверкивали глубоко посаженные, какие-то шалые, будто после стакана водки, глаза. Боец держал руки по швам.

— Откуда ты такой? Наш, красноярский, или позднее прибил к дивизии? Не из «женихов» ли?

— Никак нет, не из окруженцев. Кадровую в вашей

дивизии прослужил, в полку Сидорчука. А под Щербинино ранило меня, месяц провалялся, да и снова в дивизию.

— За это ты молодец! Но почему не в свой полк?

— Был у меня там кореш, в Щербинино пропал без вести, Лихачев. Других тоже поранило, поразметало кого куда, вот и посчитал, в какой полк ни приду, везде одинаково...

— Постой, постой!.. Лихачев. Не пропал он без вести, его, раненого, немцы живьем сожгли за пулеметом. Акт о злодеянии составляли, есть свидетели. Помню, подписывал!

— Гады. Вовек не прощу им этого. Такой челове-чище!

— Ну так каково настроение, в тыл отвести или еще повоюешь? Поможешь удержать церковь?

— Хотел в тыл, отдохнуть бы денек-два, а теперь, когда вы мне такое сказали, не пойду. Здесь буду и дальше воевать, мстить гадам буду! Мне бы станкач сюда, а то наш разбили...

— Будет пулемет. А за доблестную службу отныне ты не рядовой. Присваиваю тебе звание лейтенанта и назначаю командовать взводом и оборонять церковь. Комбат, слышал? Принимай под свою руку, помоги ему организовать оборону, обеспечь оружием и всем необходимым с запасом. — Горелов поднял голову: на небе, ограниченном стенами с рваными краями купола, некогда прикрывавшего церковь, зажигались робкие первые звезды. — Церковь мала, тут вы зажаты, как в мышеловке, ни огня вести, ни сманеврировать людьми. Каждый снаряд сюда. Надо рыть окопы вкруговую, чтоб ни с какой стороны враг не подступился. А церковь у вас в центре, тут вы можете отдыхать. Ставь, комбат, всех своих людей на отрывку сплошного окопа. Я сейчас распоряжусь, кирки, ломы вам подвезут... Лейтенант Сумароков, постройте свой взвод!

— Взвод, ста-а-новись!

— Товарищи бойцы и командиры! Вы в течение трех суток с доблестью обороняли вверенный вам объект, как и надлежит сибирякам. Благодарю за службу!

— Служим Советскому Союзу! — вразной, но с воодушевлением ответил строй.

Горелов еще раз взглянул на узкие хоры, где не потерявшийся Сумароков догадался укрыть своих бойцов. Метровой ширины узкий балкончик вдоль стен, а стал преградой на пути врага. Нет, не балкончик, русский возмущенный дух поднимается перед наглыми захватчиками!

Возвращаясь, он думал, что в порыве воодушевления несколько превысил свои права, присвоив Сумарокову звание среднего командира. Придется писать рапорт, объяснять, но в штабе армии должны понять его, утвердить это решение. Должны! Командные кадры так нужны, а тут инициативный, дерзкий и храбрый солдат доказал, что может воевать умело, грамотно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сидорчуку пришлось заняться комплектованием разведывательного взвода. Надо кому-то следить за противником. Гитлеровцы находились неподалеку — в десяти—двенадцати километрах. Сплошной линии фронта еще не было, враги занимали полустанки и казармы путевых обходчиков на железной дороге Ржев—Великие Луки и прилегающие к дороге деревни. Вот на них и нацеливали разведчиков. Командиром взвода назначили сержанта Брагина — коренного сибиряка, смуглого, с горячим румянцем, приземистого, невозмутимого при любых обстоятельствах и скупого на слова. Казалось, ему легче прошагать на лыжах десять километров, чем сказать фразу-другую. Обычно в штабе он молча выслушивал задание, отмечал на карте маршрут и, козырнув, отвечал: «Есть!» У себя во взводе он ограничивался тем, что называл фамилии и — «собирайтесь!», «пошли!».

В Парфеново или Кострицу разведчики приходили за светом, сидели там, пока не стемнеет, чтобы враги не уследили за ними, а ночью лесной целиной по ничейной земле достигали дороги, по которой гитлеровцы ездили подводами и на машинах. Дороги часто расчищали, и они превратились в глубокие траншеи между двумя валами снега. В удобном месте разведчики устраивали засаду и терпеливо ждали, когда появится добыча по силам. Сержант Брагин всегда держал при себе щуплого с виду бойца Шура — отменного ручного пулеметчика. Редко когда возвращались разведчики без «языка», хотя для этого приходилось лежать у дороги всю ночь, а порой прихватывать и часть дня.

Когда вести о том, что гитлеровцы потеснили наших от Ржева в Мончаловский лес, дошли до Горелова, он считал, что с разведкой в районе Белого дело обстоит более благополучно, тут на дивизию работают еще и партизаны, и опасаться внезапного появления каких-то значительных сил не приходится. А вот с мыла? Со стороны

железной дороги? В полк Сидорчука прибыл майор Бернштейн. Незадолго перед этим Горелов говорил с командиром полка по телефону:

— Решил направить тебе заместителя по строевой части. Ты его знаешь, наш разведчик. Пусть присматривается, набирается боевого опыта, а то звание высокое, а командовать ему не приходилось. Поручи пока ему разведку, он в этом дока. А потом посмотрим.

Сидорчук и Матвеев занимали отдельный дом, там столовались и спали, а работать приходили в штаб — просторную избу, где размещались начальник штаба, первый помощник и писари. Здесь поселили и Бернштейна. Крутов с удивлением и любопытством смотрел на грузного и неповоротливого майора и недоумевал. В его представлении разведчик — энергичный, проворный, легкий на подъем. Бернштейн же больше всего лежал на топчанине в своем углу, что-то вычитывал в затрепанной записной книжке, морщил лоб, когда глубоко задумывался. Газеты он тоже просматривал лежа. Иногда он требовал подводу и ехал с Брагиным в Кострицу или Парфеново. Крутов знал, что в таком случае Брагин поведет своих ребят брать «языка».

Разведка казалась занятным и очень привлекательным делом с романтической окраской. Бывать в засадах, брать пленных, внезапно нападать на врага — кого из молодых это не привлечет, тем более что пока разведчики всякий раз возвращались без потерь.

Крутов и Злобин, сговорившись, обратились к начальнику штаба с просьбой о переводе в разведвзвод.

— Да вы что? Делать вам нечего? — возмутился Лузгин. — Ну, Злобин еще куда ни шло, ему простительно, и я не возражаю, но вы, Крутов? Вас и так черти носят по всему полку, хоть за ногу к столу привязывай! Вам-то чего не хватает? Или прикажете мне за донесения и схемы садиться? Работайте и выбросьте эту блажь из башки.

Саша Злобин передал лошадку и свои обязанности ездового другому бойцу и с тощим вещевым мешком быстро перебрался к Брагину. Его там хорошо приняли, одарили трофейными безделушками. Взяли даже в поиск, но держали на подхвате. Саша вернулся и с восторгом рассказывал, как они устроили засаду, как долго лежали за снежным валом дороги. Им повезло: поздно ночью шла без сопровождения легковая машина. Ее подорвали связкой гранат. Шофер и офицер, сидевший на задней подушке, погибли, но сумку с документами удалось выхватить из горящей машины. В сумке оказалась карта с це-

лой системой каких-то пометок и цифр: ею тотчас же завладел майор Бернштейн, углубился в изучение, целый день что-то подсчитывал и сопоставлял, мучительно морща лоб. В последнюю очередь он обратился к записной книжке офицера и там, неожиданно, среди повседневных, почти дневниковых пометок, вдруг наткнулся на разгадку: те же цифры и буквы, что и на карте, но против каждой стоят цифры — 150, 340, 125... Офицер был интендантом-снабженцем, и Бернштейн сообразил, что за этими цифрами скрывается численность гарнизонов, стоящих в обороне по линии железной дороги. От станции Оленино до Мостовой выходило около пяти тысяч, целая дивизия.

— Разгадка найдена, — сказал он Сидорчуку и начал по немецкой карте и по записям в книжке сопоставлять числа.

— Возможно, вы и правы, — согласился командир полка. — Но знаете, как в разведке принято: догадка должна быть подкреплена, только тогда она становится истиной. Берите «языка», и если он подтвердит хотя бы отдельные цифры, можете докладывать в штадив.

Сообщить на основании сомнительных догадок, что перед фронтом полка обороняется целая дивизия, осторожный Сидорчук не решался. Информацию можно передать пока только как предположительную, не более.

В связи с этим Брагин получил задачу взять «языка» не на дороге, а в какой-либо деревне, чтобы пленный мог назвать численность гарнизона. А на другой день в штабе появился старшина хозяйственного взвода батальона и сказал Крутову, что его друг Злобин тяжело ранен.

— Как? Когда?

— Только что отвез его в санроту. Сами понимаете, что разведка не игра, не все получается, как хотелось бы. Принесли его утром. Говорят, хотел бросить гранату в часового, тот стоял за пленницей, а она при швырке попала в рукав маскхалата — в рукавичку. Граната уже шипит, и ни вынуть ее, ни оторвать с рукавичкой — вот он и сунул руку поглубже в снег перед собой. Кисть оторвало напрочь, осколками спину и голову изрешетило. В деревне сразу переполох. Брагин приказал брать раненого и отходить. Тут уж не до «языка». На себе тащили его километров пятнадцать. В батальоне перевязали и — в санроту. Мне пришлось везти. Плох он, крови много потерял, все же времени прошло много. Все просил, чтобы я вам сказал, проститься хотел. Сейчас его должны дальше отправить, так что не знаю, успеете ли к нему...

Крутов помчался в санроту. Километров восемь пробежал менее чем за час. Сашу уже подготовили к эвакуации. Он лежал на полу на соломе под суконным одеялом. Вся голова в бинтах, сразу и не узнать. Знакомая сестра-медичка подвела к нему Крутова:

— Вот он, ваш Саша, — и добавила тихо: — Вы его сильно разговорами не утомляйте, плох он, только что со стола, ослаб.

Из-под бинтов проглядывали лишь закрытые бледными веками глаза, кончик заострившегося носа и губы.

— Саша, дорогой мой, как же ты так оплошал? — спросил Крутов и опустился рядом с ним. — Мне только что старшина сказал, думал, не успею...

— Хорошо, что пришел. Проститься хотел, — отпихивая языком с губ мешавшие бинты, ответил ослабевшим голосом Злобин. — Нашим всем поклон от меня... Хорошо мне с вами было. А теперь...

— Ты еще поправишься, Саша...

— Не знаю. Тяжело меня поранило. Весь в осколках, как решето. Может, и жистянке конец...

— Не говори так.

— Ты не думай, я не боюсь. Жалко, что так нелепо случилось. Ребятам помешал и сам отвоевался... — Он пошевелил рукой, толсто обмотанной и короткой.

— Матери сообщить, или как?

— Не надо. Выживу, так сам напишу, а нет — общат. Не забудь, ребятам привет...

Вошел повозочный: пора ехать! Сестра принесла тулуп, Крутов приподнял друга за плечи, помог обернуть его шубой и на руках вынес к саням. Сестры укутали его сверху еще и одеялом: дорога не близкая — километров двадцать пять, а еще и зима. Ездовой тронул лошадь вожжами, полозья закрипели.

— Прощай, Саша! Выздоровливай...

В ясном ночном небе показался сияющий диск луны. Зеленоватый свет озарял блистающие, уже покрывавшиеся настом снега на холмистых полях, стволы старых и толстых берез у дороги. Ветви никли до самой земли. Эти старые деревья тут называют почему-то наполеоновскими, поскольку, мол, высажены перед нашествием французов. Мимо них шагали французы на Москву, мимо и бежали назад. Многие перевидели на своем долгом веку эти березы, может, потому и стоят такие грустные и жалко-печальные...

Брагин вынес раненого в батальон, дал людям поспать и снова увел разведчиков в лес. На этот раз устроили

васаду на дороге у самой деревни. Ждали недолго. Только в зоревом небе солнце спряталось за стволы сосен, как показался обоз. Шли три подводы, возле каждой шагали по два гитлеровца с винтовками. Как только подводы, зажатые снежными придорожными валами, поравнялись с разведчиками, открыли стрельбу. Лишь один гитлеровец, сразу поднявший руки, и уцелел. Его, в тонкой велевой шинели, в лаптях поверх сапог, с бабьим платком поверх пилотки, и поволокли разведчики за собой. В деревне слышали выстрелы, и оттуда шли на выручку своим гитлеровцы. Разведчики легко скользили на лыжах, а пленный бежал, глубоко утопая в снегу лаптями, и скоро начал задыхаться. Брагин остановился, велел дать пленному лыжи, их имели всегда в запасе одну пару. Немец сбросил лапти, привычно закрепил ремни на сапогах, двинул ногой.

— Гут! — Он выставил большой палец.

— Ну, если гут, так топай, не отставай! — сказал разведчик, и все ходко пошли дальше.

Немец был сравнительно молод, лет тридцати, высок ростом и жилист. Его не приходилось подгонять. Он на ходу улыбался, словно мечтал о плене. В Шиздерово его доставили на подводе.

— Гутен морген! — приветствовал немец всех находившихся в штабе, щелкнул каблуками и вытянулся перед командиром полка, угадав в нем старшего. При этом он произнес длинную фразу.

— О чем это он? — спросил Сидорчук Бернштейн.

— Благодарит судьбу, что она привела его в плен. Теперь он будет жив и, когда Гитлеру настанет капут, вернется к семье.

— Ишь ты! Значит, осчастливили его! В таком случае спроси, кто он, откуда, куда ехали подводами?

Гитлеровец выслушал вопрос и заговорил пространно и охотно.

— Он ефрейтор, — переводил Бернштейн. — Служил в мотоциклетном батальоне, но под Москвой потеряли всю материальную часть, и во Ржев пришел пешком. Он инженер, и его, как специалиста, пока определили в обозники. Ирония судьбы — с машины на сани. Но он не жалуется на судьбу, иначе не встретил бы таких смелых и прекрасных советских солдат. Он возил раненых и больных в Оленино и возвращался с товарищами порожняком в свою команду. В деревне стоит батальон...

Увидев перед Сидорчуком карту на столе, пленный потянулся к ней, быстро разобрался в русских названи-

ях деревень, нашел свою, нужную: «Батальон»... На столе черкнул пальцем прямоугольничек флажка и сказал: «Регимент»...

— Что, полк? — спросил Сидорчук.

— Нет, штаб полка и батальон, — пояснил Бернштейн. — Все примерно сходится с пометками того интенданта.

— Спроси его, каково настроение солдат. Что думают делать, чего ждут?

Гитлеровец говорил долго, рассуждал. На тощей шее двигался кадык под рыжей, недельной давности щетиной.

— Говорит, что они, солдаты, после разгрома под Москвой потеряли веру в фюрера. Он их обманул, все было пропагандой: что русские исчерпали свои силы, что у них нечем воевать. Теперь Гитлеру капут! У них в роте все солдаты уже пожилые люди, они хотят вернуться домой, а не лежать под березовыми крестами. Они хотели бы перейти в плен, но боятся, что русские будут мстить. Офицеры утверждают, что всех, кто попадет в плен, уморят в Сибири. Теперь-то он знает — все это брехня! Его накормили вкусной картошкой, его никто не бьет.

Сидорчук выразительно глянул на Бернштейна: вот это поет! Но тот не заметил этого взгляда и горячо заговорил о чем-то с пленным, перебив его излияния.

— О чем вы? — спросил Сидорчук.

— Я его спросил, если он убедился в нашем гуманном отношении, не согласится ли вернуться обратно и привести за собой товарищей. Отвечает, что за роту поручиться не может, в роте есть несколько молодых, они глупые и будут следовать за Гитлером даже на тот свет, а вот взвод... Во взводе все пожилые, с их мнением считается даже офицер... Может, рискнуть?

— Звоните генералу. Как скажет, так и сделаем.

Бернштейн принялся звонить в дивизию. Начался долгий разговор. Наконец Горелов не устоял перед доводами Бернштейна и склонился к тому, чтоб провести эксперимент. Он поручил Бернштейну самому проводить пленного до нейтральной полосы, самому и встретить, когда тот приведет других.

Матвеев подсел к командиру полка:

— Решили отпустить? Зря. Плут, обманет, только и всего. Где-то Бернштейн вроде опытный, а тут как младенец, честное слово. Не пришло еще время, чтоб гитлеровцы переходили в плен добровольно, мало биты...

— Генерал разрешил.

— Ну что ж, его право... Не могу спокойно смотреть на это гитлеровское отребье. Пойду!

Вечером пленного накормили досыта и отвезли в Кострицу. Дальше, пешком, разведчики сопровождали его в нейтралку, указали направление. На полпути, между нашими и вражескими гарнизонами, находилась сторожка лесника. В ней и решили ждать возвращения пленного. В случае, если у него не получится согласия с остальными, он обещал вернуться один. Ночь провели почти без сна. Днем, часов в одиннадцать, наблюдатель заметил гитлеровцев. Они шли в боевом порядке — цепью, с оружием — и еще издали обстреляли сторожку. Может, в их ряду шел и вчерашний пленный?

Брагин приказал Шуру ответить. Тот поднялся на чердак и прошелся по цепи длинной очередью раз, другой.

— Товарищ командир, лежат все, уткнувшись носом в снег. Разрешите еще один диск запузырить? Их там целая рота, не меньше!..

— Слезай! Отдохни!

Разведчики начали отход. Гитлеровцы зажгли сторожку и вернулись в деревню.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В январе 1942 года в район западнее Ржева и Вязьмы, на линии которых оборонялись гитлеровцы, прорвались армия Маслова и кавалерийские соединения. Они вместе с парашютистами и партизанскими отрядами удерживали обширные участки советской земли в огромном прямоугольнике, ограниченном пунктами Ржев — Вязьма — Дорогобуж — Ярцев — Белый. Но на основных магистралях, по которым осуществлялось снабжение ржевско-вяземской группировки противника, сидели гитлеровцы. Стоило в каком-либо месте перерезать дорогу, как противник предпринимал контратаки с танками, артиллерийской поддержкой и восстанавливал прежнее положение. Армия Маслова настойчиво пыталась взломать ржевскую оборону с тыла, но успеха не имела. Слишком неравные были силы: у одних танки, авиация, артиллерия, численное превосходство, у других только легкое стрелковое оружие.

Наши войска испытывали большие трудности. Все они находились в полном отрыве от баз снабжения, все перебывались на картошке и конине. Много лошадей гибло от налетов вражеской авиации.

В такую сложную обстановку попала Иринка, когда

в феврале ее перевели в стрелковую дивизию обслуживать радиостанцию РСБ. Полагалось возить эту станцию в машине, но бензин кончился, и чтобы не остаться без связи, радиостанцию разобрали на упаковки и носили их на себе. Штаб дивизии подолгу на месте не стоял: части вели бои на подступах к Сычевке, то отбивали какую-нибудь деревню, и тогда штаб продвигался к ним поближе, то гитлеровцы снова теснили наших, и штаб тоже отходил. Радистов, как всегда, держали на отшибе, им самим приходилось охранять себя и свое имущество. На ночь они устроились в овине — длинном бревенчатом строении без окон, но с широкими двустворчатыми дверями. Когда-то в овине подсушивали перед обмолом рожь. Вымолоченными снопами была забита третья часть овина, и радисты на ночлег позарывались в солому.

Пришла очередь Иринки заступать на пост. Середина ночи. Вышла из теплого овина и сразу почувствовала, как мороз охватил ее всю от головы до пят. Болели плечи от тяжелой одежды; скоро месяц, как не снимает ее ни днем, ни ночами. Ломило ключицы от лямок упаковки, и она начала ходить взад-вперед, чтоб скорее размяться. На небе полная луна, ее зеленоватым светом залиты заснеженные поля, крыши деревенских изб со снежными пуховиками. От яркого света стены изб и сараев, близкий лес казались черными, как и тень, следовавшая за Иринкой. Снег скрипел под валенками, и этот звук в ночной тиши казался очень громким.

Мороз крепчал, не давал стоять на месте. Радистка ходила по тропке, протоптанной ее предшественниками перед овином, потом, чтоб скоротать время, начала чуть слышно, только для себя, декламировать пушкинские стихи. Она много их знала наизусть и могла читать страницами. Но даже любимые строки не давали отрешиться от жизни с ее тревогами и невзгодами. Давно нет писем. Ну, дома все ладно, дом далеко от фронта. А что с Павлом? Почему молчит и не подает вестей? Жив ли он?

Без всякой связи припомнилось, как в первое же увольнение девчонки помчались в город фотографироваться. Не утерпела и она: хотелось посмотреть, как она выглядит в военной форме. Через три дня карточки были готовы. Уединившись, Иринка долго с удовольствием и некоторым удивлением рассматривала себя и не узнавала. На нее смотрела темноглазая, круглощекая девчонка в лихо сдвинутой набекрень пилотке. Гимнастерка с отложным воротником и черными петлицами туго обтягивала высокую грудь. Неужели она за какие-то два месяца так распол-

нела? А вроде и не наедается досыта. Она долго изучала свое лицо в зеркальце, сверяя с карточкой. Самой себе она определенно нравилась. Вот только одна бровь на снимке показалась ей жидковатой. Она взяла простой карандаш и старательно, чтоб поправка осталась менее заметной, подчеркнула бровь. Оставалось подписать карточку. Самую первую, конечно же, ему. Она перебрала в памяти несколько четверостиший, которыми обычно сопровождают даримые карточки, но все они показались ей банальными. И она написала на обороте: «Павлу на память. Вот такой я теперь стала. Не забывай».

Ответа она ждала с нетерпением, и вскоре он пришел: «Дорогая Иринка! Получил твое фото и очень обрадовался. Ты стала такая красивая, что даже не верится, ты ли та самая, с которой я был знаком? И меня охватила тревога: такой красивой девчонке не дадут дожидаться меня...»

Кажется, это было чуть ли не последнее письмо. А потом курсантов подняли по тревоге и привели на станцию. Там их ждал эшелон. Начался долгий путь на запад.

А теперь передовая совсем близко, и в любую минуту может показаться враг из леса, чернеющего совсем рядом. Что тогда? Стрелять? Она на миг представила, что по снежному полю к деревне идут гитлеровцы. Бр-р! Страшно даже подумать! Едва ли хватит у нее сил выстрелить. Скорее, побежит, разбудит всех, а уж тогда станет делать, что прикажут.

Скрипел, рыпал снег под валенками. Казалось, ходит целую вечность, а смены все нет. Может, про нее забыли? Ремень с тяжелым подсумком отдал плечу и бедра, от карабина замлели руки, хоть и держит она его под мышкой, наперевес, дулом вниз. Манящим кажется оwin, в котором спят остальные связисты. Там можно зарыться в солому и спать. Так хочется закрыть глаза хоть на минутку, просто постоять, прислонившись к стенке овина плечом. Но этого делать нельзя, она знала, что, если встанет, тут же заснет. А за сон на посту... Лучше ходить и ходить...

Рядом с овином другой длинный сарай с незаделанным дверным проемом. В черной глубине что-то высвечивает. Пойти посмотреть? Это ж не покидая поста, чтоб не так клонило в сон. Иринка шагнула с тропинки в снег, побрела к сараю, вглядываясь в темноту. Какие-то дрова сложены в штабель? Сделала еще шаг и... отпрянула. Из штабеля торчала босая белая нога, и все, что она приняла издали за дрова было трупами. Они лежали, кто

в обмундировании, кто в нижнем белье. Когда и кто собрал их сюда? Поздней ли осенью, когда по лесам вокруг бродили окруженные голодные солдаты, или они погибли недавно? Крик ужаса застрял где-то в гортани, не давая вздохнуть.

Почему ее никто не предупредил? Знали, что она тогда скорее умерла бы, чем заступила на пост? А может, не успели заглянуть сюда, устав после перехода? Да, наверное, так, иначе ей бы сказали, иначе на пост поставили бы ребят, а не ее, девчонку! Ведь так можно помереть со страху! Еле передвигая одеревеневшие ноги, она попятилась к овину. Повернуться не могла, казалось, тотчас костлявая рука мертвеца вцепится ей в спину.

Из овина вышел радист на смену.

— Все в порядке? — спросил он, зевая и поеживаясь от холода.

— Там... там в сарае наши... — трясась, как в ознобе, сказала Иринка.

— Знаю. Зачем ходила? Дура. Лезешь куда не положено. Поставили на пост — и стой, так нет, в сарае она что-то потеряла. Война. Еще не такого насмотришься. Иди спи и не думай...

В другое время она бы обиделась на такие слова, а тут и в голову не пришло: ведь ее никто туда не посылал, значит, и в самом деле дуреха! Она успокаивала себя, а перед глазами помимо воли стояла страшная картина, и ее долго колотила неумемная дрожь. Второй раз война показала ей свое ужасное лицо. Первый раз — когда ехали к Москве. Перед приходом их эшелона небольшую станцию бомбили, и на путях горели вагоны и валялись побитые люди. Но тогда они без остановки проскочили мимо, и все осталось позади, как дурной сон. А тут рядом. Может, в деревне придется простоять еще не один день, и всякий раз проходить мимо, зная, что рядом, в нескольких шагах, трупы...

Февраль показался ей долгим, как вечность, невыносимо трудным. Кончились в дивизии продукты, кухня перестала варить еду. Связисты голодали и перебивались тем, что сами варили мерзлую нечищенную картошку. Да еще парни отыскивали под снегом побитых лошадей, рубили и приносили мясо. Сначала куски были хорошие, потом стали подбирать все, вплоть до костей и кожи. Надо жить, чтобы бороться, выстоять до лучших времен, все это понимали и ничем не брезговали. Часами дымились костры, вываривали то, на что в другое время и смотреть не хотелось. Подкрепляли силы кружкой «бульона» и при-

нимались за работу. Хуже всего, что этот «бульон» и посолить было нечем. Давно не видели и сухарей. Самолеты У-2 привозили по нескольку мешков; по сухарику, по два доставалось бойцам первой линии, да еще раненым, которых много скопилось к этому времени в дивизии. А радисты, связисты могли потерпеть...

Лишь в последних числах февраля к Белому со станции Нелидово пробилась дивизия Северо-Западного фронта, и по тракту, вслед за ней, пошли обозы. В котлах стали варить концентраты — супы и каши, солдаты получили махорку. Все воспряли духом: кончилась голодная пора!

Открывшаяся дорога принесла Иринке и неожиданную радость: она получила сразу три письма, и одно из них от Павла. Он жив! Хотелось плясать от радости. А ведь сколько раз ей приходило в голову, что в том страшном штабеле, быть может, лежит и он. Павел писал, что не мог сообщить о себе потому, что долго не работала почта. Иринка догадалась: причина одна и та же, она не могла написать письма домой тоже потому, что не было связи с Большой землей. Значит, он где-то недалеко от нее.

Самолетки, летавшие в дивизию, возили соль, сухари, более нужные войскам, а письма могли и подождать. Значит, надежда найти Павла остается. Уж она поставлена его разыскать!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Изоляция дивизии кончилась: к Белому подошли другие части, обложили город с западной стороны. Им удалось с ходу овладеть центральной церковью — Воскресенской, стоявшей на берегу Обши почти у самого моста. Но дальше гитлеровцы уперлись и не отдали ни одного дома. В дивизию Горелова прибыли тылы, не успевшие месяц назад пройти вслед за частями через станцию Чертолино. Белый пришлось огибать, что называется, на пушечный выстрел. Из деревни Паново, что на нелидовском большаке в шести километрах от города, обозы сворачивали на Пушкири и оттуда шли на Егорье. Транспорты с продовольствием и боеприпасами шли этой же дорогой и в армию Маслова. Гитлеровцы старались этому помешать, обстреливали из Белого Пушкири и Подвойское, старались подловить машины на дороге. Под обстрел попадал и штаб дивизии. Горелов распорядился перевести его из Подвойского, расположенного на самом бугре, в

Макарово — рядом, но в ложине. Транспорты стали пропускать через Пушкари только в ночное время или в непогоду, когда видимость сокращалась.

Казалось бы, с подходом новых частей к Белому следовало ожидать облегчения, но Горелов этого не чувствовал. Что ни день, то контратаки врага, каждый раз все настойчивее, с возрастающей артиллерийской поддержкой. Горелов никому не говорил, даже Шмелеву, но в душе должен был признать, что инициативу постепенно перехватывает противник. И не мудрено: вслед за одним полком из Франции перебросили в Белый и другие части полнокровной, небитой пехотной дивизии. Это уже сила, с которой приходилось считаться. Утешало одно: самое трудное время, когда не на кого было опереться ни справа, ни слева, миновало. Есть соседи, есть надежная связь с армией, есть снабжение, можно не тревожиться за раненых.

Анализируя обстановку, он приходил в тупик: делает все возможное, а видимых результатов нет. Бои приняли характер затяжной позиционной борьбы. Нужно где-то создавать ударный кулак и таранить оборону врага, а его силы распылены и всюду прикованы к месту. Никого нельзя стронуть, чтоб это не отразилось тотчас же на общем положении. В армии, во фронте, должны об этом думать. Предложить что-то радикальное он тоже не мог, ибо плохо представлял обстановку, сложившуюся на других участках, западнее Ржева, Вязьмы. Нет сообщений об армии генерала Ефремова. У остальных, судя по сводкам, положение неважное. Вслед за сообщением о взятии какой-либо деревни, тут же пишут: оставлена. Хотя западнее Ржева действуют многие соединения, какова их численность, возможности — неизвестно. Коли нет от них видимых результатов, то и ждать чего-то существенного не приходится.

С того дня, как открылась дорога на Нелидово, дивизию Горелова передали в состав другой армии, той, что действует в направлении станции Мостовая. Командующий вроде благожелательно к нему относится. Надо чем-то оправдывать и доверие, и хорошее отношение. А чем?..

В северную церковь ночью пришел инструктор политотдела, принес большое белое полотнище.

— Что, наши бомбить город собираются? — спросил Сумароков. — Полотнище для обозначения позиций?

— Нет, — ответил старший политрук. — Плакат. На-

до, пока темно, вывесить на стенке. Призыв, чтоб немцы сдавались в плен, пока Гитлер не привел их в могилу.

— Так и написано, сдавайтесь в плен? — недоверчиво спросил Сумароков. Лицо у него потемнело от постоянного пребывания на морозе, оттого что ночами приходится жаться к костру, разводимому в ямке под стенкой. От дыма воспалились глаза. Ни умыться, ни раздеться, ни уснуть по-человечески. Казалось, что в этой церкви он живет уже целую вечность, а не дни.

— Вы там доложите кому следует, что у немцев в окопах появились наши — русские. Ночами кричат, матюгами нас обкладывают, костерят по-всякому, грозят всех нас перевешать, если в плен не сдадимся. А вы хотите, чтоб они к нам в плен переходили. У немцев сейчас сила, а не у нас, так что для таких плакатов не время, пожалуй. Погодить бы с этим...

— Не моя придумка. Приказано, значит, надо. А там как получится. На всякие выкрики не обращать внимания, не отвечать, чтоб никакого контакта с предателями. Все это вражеская пропаганда. Завелись изменники... — Паршивая овца все стадо портит и везде найдется... А выкрики само собой. Не каждый кричит, а заводилы. Определенно утверждать не могу, в глаза не видел, но сдается мне, что есть среди них один тип — Знобыш. В нашем полку служил, по мобилизации взяли, когда формировались. Такая паскуда. Сморчок, гриб червивый, а вони от него много. Осенью, когда отходили, сам сбежал и нашего командира отделения за собой сманил. Земляки, с Украины оба. Я за ними смотрел: вдвоем, рядом шли, а потом отстали. И с концом... Вот теперь вроде его голос частенько слышу, он же по-холяцки жарит. Не мешало бы его на заметку взять, а когда попадется — и прищучить, спросить с паскуды...

— Напишите об этом донесение, чтоб официально.

— Я ж говорю, что только предполагаю. Когда матерят нас, так орут кому что в башку придет, тут не разберешь, а если с призывами, так в трубу говорит кто-нибудь один. Он к своим землякам обращался, вот мне его голос и показался знакомым...

— Так и напишите, а при случае проверят... Как же все-таки нам это полотно повесить, чтоб немцам видно было?

— За углы проводами подвяжем, через стенку перебросим, подтянем. Сейчас распоряжусь...

Бойцы взяли полотнище, и через несколько минут оно уже висело на стенке. Чтоб ветер не задирает его, к ниж-

ним углам привязали по кирпичу. Оставалось ждать рас- света, когда гитлеровцы увидят плакат.

— Не то написали, — говорил Сумароков. — Надо бы по-другому: мол, когда Гитлер сам себя за хвост укусит, тогда и Москву увидит...

— Озвереют немцы, когда прочтут. Достанется нам...

Утром в немецких окопах загомонили, потом подня- лась стрельба. От стен полетело крошево, но плакат ви- сел. Со свистом прилетело несколько снарядов. Они разо- рвались перед церковью, выбросили тугие клубки плот- ного дыма. Ветер потянул их, размотал в длинную сизую завесу. Минометы начали бить по церкви.

— Ну, братва, раззадорили мы немчуру, теперь дер- жись!

— Приготовиться к отражению атаки! Занять места! — распоряжался Сумароков. — Пулеметчики, огонь!

Дымная завеса ползла по неровностям кладбища, рва- лась на клочья, и тогда в разрывах мелькали фигуры гит- леровцев, пробиравшихся среди надгробий, могил и чер- ных лип. Но плотный пулеметный огонь не давал им при- близиться к церкви, прижимал к земле. Дымовая завеса постепенно сползала, и гитлеровцы так и не вышли на рубеж атаки. Снова заговорили орудия. Они в клочья раз- несли плакат, выщербили стены, и без того исклеванные множеством осколков и пуль. Но старая кладка не руши- лась, стены стояли, надежно укрывая защитников.

Самые ожесточенные бои разгорелись за каменные зда- ния городской электростанции и больничного комплекса. Бойцы Афонина отбивали по нескольку вражеских атак в день, не имели передышки. Отважно дрались батальоны из бывших окруженцев. Их героизм был настолько ярким, что Шмелев, несмотря на скептическое к ним отноше- ние — все ж нарушили присягу, поотставали в трудную минуту от своих частей, зиму отсиделись, когда честные люди бились с врагом, не щадя сил и жизни! — решил поблагодарить их от имени командования. В северной по- ловине действовал такой батальон от полка Сидорчука, в южной — два батальона от других полков дивизии. Шмелев прошел в окопы афонинского батальона. Комбат собрал кого можно в безопасном месте, построил. Комис- сар видел перед собой усталых, измученных постоянными боями людей. Они ничем не отличались от тех, кто прошел в составе дивизии по дорогам войны все время, и он впер- вые подумал, что был не прав по отношению к ним. Вой-

на долга. Не всем, не в одно время идти в бой. Хватит и на этих людей военного лиха! Если человек идет в атаку и бьется с врагом насмерть, так можно ли разграничить и сказать, что старослужащие дивизии хороши, а новички хуже, не ранив тем самым человека в самое сердце? Хватит проверять, испытывать, пора принять новиков в семью как равных, не деля больше на своих и чужих. Все наши!

С первого дня, как начали набирать окруженцев в дивизию, он прежде всего думал о наказании, о том, как заставить их прочувствовать вину. С этой целью он и настаивал на формировании отдельных батальонов, чтоб ни один окруженец не миновал очистительного боя, чтоб всех пропустить через огонь и кровь. А нужно ли было так делать? Шмелев не мог ответить определенно: он поступая, как диктовала совесть. И тут ему на ум пришли слова командующего фронтом, когда он напутствовал их с Гореловым. Значит, уже тогда он предупреждал их, чтоб не стригли всех под одну гребенку. Он верил, что молодежь, воспитанная в годы советской власти, не пойдет на сознательную измену Отечеству. Могут проявить слабость, растеряться — и только. У многих не хватило силы воли, веры, не успели они воспитать их в себе. В таком случае старшим командирам следовало навязать им свою волю, но этого не сделали. В решительную минуту в конечном счете все зависит от командира, от его умения повелевать людьми, держать их в руках. Нет крепкой вяжущей силы — и подразделения рассыпаются, превращаются в толпу, а там сколько людей, столько умов, и все разные. Если этого не было, так кто виноват, с кого спрашивать?

С воодушевлением отвечали солдаты на слова благодарности. Шмелев сказал доверительно, что дивизия в самом недалеком будущем станет гвардейской и они могут считать себя полноправными членами воинской семьи, что он в них уверен. В ответ солдаты так громко прокричали «ура», что всполошили гитлеровцев. Весь передний край осветился ракетами, злобным лаем залились вражеские пулеметы, и трассирующие пули полетели в разных направлениях, расчеркивая черную темень ночи.

О гвардейском звании он узнал случайно. Шел разговор с членом военного совета армии. Шмелев докладывал о моральном состоянии личного состава. Сказал, что положение дивизии осложнилось: противник усиленно подкрепляет гарнизон в городе, сбрасывает ежедневно с транспортных самолетов десятки тюков с оружием и бое-

припасами. В городе уже полностью сосредоточилась пехотная дивизия, прибывшая из Франции. Гитлеровцы теснят на всех участках наши подразделения, отбиваться становится все труднее. Сосед оставил два квартала в центральной части города, и гитлеровцы теперь свободно маневрируют своими силами, беспрепятственно перебрасывают их в нужное место. Соотношение сил стало неравным, а третий полк дивизии до сих пор в отрыве — за сорок километров...

— Ничего, мобилизуйте внутренние резервы. Лучше расставляйте людей, прочешите свои тыловые учреждения. Информируйте своих гвардейцев о положении Северо-Западного фронта, о наших зимних успехах. Газеты поступают нормально?

— Да, газеты получаем. Только какие еще мы гвардейцы?!

— Можете считать этот вопрос решенным. Дело за опубликованием указа. Подбодрите своих...

— Спасибо за добрую весть.

Шмелев вернулся с передовой Макарова, куда они перебрались вместе с Гореловым вслед за штабом. Хотя час был поздний, в избе горел свет, он пробивался через неплотно зашторенные окна. Адъютант вскочил при его появлении. Он был заметно смущен.

— Кто у генерала?

— Врач медсанбата...

Шмелев только вошел, как сразу заметил, что Горелов чем-то взвинчен.

— Что случилось?

— Ты только послушай, комиссар, что он докладывает. Нашу повариху надо отправлять в тыл. Это же черт знает что...

— Ну, это не столь уж и страшно. Я думал, что по-серьезнее, а тут дело житейское. Наверное, у нее есть муж...

— Утверждает, что постарался адъютант, а жениться не хочет.

— Обязать и мы не можем, дело добровольное. К тому ж война, семью заводить не время. Отправить ее в тыл и — дело с концом. Дай бог, как раньше говорили, чтоб родился гвардеец. А повара возьмем из комендантской роты.

— Как это у тебя все просто! — возмутился Горелов. — Она утверждает, что отец будущего ребенка адъютант, а этот прохвост отказывается. А если командир лжет, как можно доверять ему? И что скажут другие: ничего, мол,

наши старички постарались! Ты представляешь?! Нет, так просто я этого не оставлю. Он кто — командир Красной Армии или хлыщ? Дай только волю, так у нас не дивизия, а бордель будет, в момент всех связисток, санитарок порастеряем.

— Любовь не запретишь даже на войне. Надо поговорить с ним, пусть оформляет брак, чтоб все по закону, по-хорошему.

— Адъютант!

В горницу тотчас вошел крепкий широкоплечий лейтенант. Молча козырнул: «По вашему приказанию явился!». По сосредоточенному хмурому лицу видно, что он кое-что за дверями слышал и догадывается, зачем потребовался...

— Понимаешь, зачем вызвали? — сердито спросил Горелов, сверля его взглядом. Надо же, был расторопный, дейльный командир, а теперь хоть суди его за аморальное разложение!

— Я вас слушаю!..

— Слушаешь... Повариху Зину надо отправлять в тыл. Вот тебе и слушаешь...

— Пусть едет. Я тут при чем?

— Как это «при чем»? Твоя работа? Ты кобелился? Женись!

— Не хочу! Я останусь на фронте, а она с другим ляжет, да еще на мой аттестат поить его будет...

— А раньше тебя это не беспокоило? Значит, заделал ребенка и — в кусты, пусть растет беспризорником? Тебя-то отец с матерью растили, а она одна пусть с ребенком сопли на кулак мотает? Так? Нет, брат, этот номер тебе не пройдет! Мне такие не нужны! Завтра же в батальон окруженцев, примешь стрелковую роту. В окопах тебе будет не до гуляний. Все! И чтоб духу твоего тут не было! — И врачу: — Отправляйте ее в тыл. Все документы, как положено, паек на дорогу и на первое время аттестат, чтоб не голодала...

— Видал ухаря? — возмущался Горелов, оставшись наедине со Шмелевым. — И откуда такие берутся? Я никак не возьму в толк: неужели у него нет никаких чувств к женщине, которая носит его ребенка?

Его личная жизнь сложилась не совсем удачно. Восемнадцати лет пошел добровольцем в армию. В неудачливом для России тысяча девятьсот пятнадцатом году офицерский корпус понес столь большие потери, что в его состав брали, не разбирая сословий, лишь бы пограмотнее. После второго ранения и контузии комиссия призна-

ла его негодным к строю. Началась гражданская война, требовалось создавать свою революционную армию. Его как большевика Владимирский губком направил в Красную Армию. Снова бои, уже за советскую власть, борьба с кулацкими бандами на Ставрополье. Неделями не слезал с седла, спал, не выпуская из рук маузера и сабли. Его батальон отличился, разгромил крупную банду, захватил много оружия. В этом бою его снова ранило...

Кончилась гражданская война, но вокруг, в закордонье, остались враги, исподтишка жалили, бряцали оружием. Надо было кому-то оберегать советскую власть, свой народ, и он остался в кадрах армии.

У него, Горелова, дело заслонило все остальное. Проходили годы. Он неохотно отвечал на письма сестер и братьев, совсем не навещал их, чтоб не отвечать на их постоянные вопросы: как он, все еще одинок?..

А тут... Молодой, полный сил мужчина отказывается от женщины, по сути, предает ее. Неужели обошли его стороной любовь, ответственность за близость, присущие каждому нормальному человеку?

Это Шмелев, будучи уже в годах — под тридцать, как-то сумел ухватить в станице, пока стоял там с эскадронном полмесьяца, учительшу-казачку, уговорил ее, и она вскоре приехала к нему в город. Иначе тоже остался бы в старых холостяках. Идет жестокая война, мир еще неизвестно когда наступит. Так береги то, что тебе досталось в такой трудный час! Тебя могут ранить, покалечить так, что отвернутся друзья, даже родные, и только любящая жена примет, как бы ни тяжелы были увечья...

С

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Первая декада марта оказалась для Горелова очень тревожной: гитлеровцы накопили сил и оттеснили полк Атаманова из южной половины города, и тот едва держался на кромке высокого берега. Сразу за окопами крутой спуск к Обше. Сама речка малая, метров сорок—пятьдесят, а долина ее широка, с золотушными узкими полосками ивняка, повторяющими изгибы ее берега. В них не укрыться, они и просматриваются, и простреливаются насквозь вражескими пулеметами из города. Через долину к подразделениям не пройти в светлое время. Беспрерывный бой идет за самые крайние дома — здание бывшей электростанции с примыкающими к нему мастерскими и больничный комплекс.

Соседняя дивизия, подошедшая к Белому в конце февраля, на помощь которой очень большие надежды возлагал Горелов, не только не продвинулась навстречу, а вовсе оставила то, что удалось взять с ходу: центральную самую большую церковь — Воскресенскую и, более того, старую бельскую крепость тринадцатого века. Крепость эта сразу за городом, за узкой ложиной. На карте она не значится, поскольку мала — квадрат площадью с гектар, обнесенный высокими земляными валами. Ничего другого от нее не сохранилось, но эти валы, окаймлявшие прежнее городище, являлись серьезными укреплениями, за которые стоило держаться всеми силами. Но поскольку на карте она не показана, то и значения этим холмам, заросшим деревьями и кустарниками, не придали, и крепость ни в одном документе-донесении, приказе за полтора года борьбы за город не упоминалась. Но крепостные валы оставались, и тот, кто владел ими, полностью контролировал подходы к городу с западной стороны. Пулеметные гнезда на этих валах держали всю оборону гитлеровцев еще на протяжении года.

Воспользовавшись таким выгодным положением, гитлеровцы снова осадили гарнизон Ильинской церкви. Неподалеку от нее захватили большое кирпичное здание и оттеснили подразделения афонинского полка на триста—четыреста метров. Сумароков снова оказался отрезанным от своих: ни связи, ни еды, боеприпасов мало. Ранит кого — не вынести, помощи не оказать. Долго ли смогут держаться так двадцать человек? Рядом с ним теперь находился политрук Калинин. Было с кем посоветоваться, разделить тяжесть ответственности. Отдыхали, по возможности, только днем, а ночью никто не спал, все сидели в укрытиях с оружием наготове. Гитлеровцы раза по четыре в день принимались бить по церкви из орудий и минометов, пытались атаковать гарнизон, но пока их всякий раз отбивали огнем. Ночью можно было ждать внезапной атаки, и тут смотри и смотри...

Шли третьи сутки полной изоляции.

— Что будем делать, политрук? — Сумароков отозвал Калинина в сторонку. Вопрос слишком серьезный, чтобы раньше времени обсуждать его с остальными. — По моему, надо нам отсюда как-то выбраться самим, пока наши еще рядом.

— Черт его знает... Мы к ним, а наши вдруг к нам. Как бы шею не намылили за самовольный отход.

— А что прикажешь делать? Двое суток сидим без куска хлеба, брюхо к хребтине присохло. Ослабеем, ого-

лодаем, тогда вовсе не выбраться. Я предлагаю ночью прорываться...

— Ну что ж, видно, так и придется. Только об этом пока никому ни слова. Скажем в самый последний момент, а то все настроены держаться до последнего, а мы настроение поломаем.

Калинину двадцать семь лет, молод, но у него уже немалый боевой опыт. После училища год прослужил на заставе в Средней Азии. Уже там привык к боевой обстановке. С заставы — в полк, сформированный из пограничников. С ним и вступил осенью в свой первый бой, когда их поспешно перебросили с резервных укреплений в гореловскую дивизию.

Воевал хорошо, но в одной из атак был ранен. Пуля перебила ему обе лучевые кости, и он провалялся в госпитале более двух месяцев. Кости срослись неровно, рука стала чуть короче, плохо повиновалась, но врачи успокоили: руку надо разрабатывать, и со временем она станет послушна. Конечно, поднимать гири уже не придется, но держать ложку, застегнуть пуговицу сумеешь! Его выписали еще и потому, что он — политрук, ему не копать землю, не носить, не поднимать тяжести — ограниченно годный! Он пришел под Белый вместе с отставшими тылами и пополнением, кружной дорогой, в конце февраля. Командир полка Афонин решил побережь его, еще толком не выздоровевшего, и направил в церковь к Сумарокову: народу там немного, за стенами не так опасно, знай только обороняйся! Словом, посчитал, что там политруку будет полегче... А тут каждый день атаки врага, полная изоляция, третий день без еды, бойцы уже около месяца не знают тепла, все время на морозе, у дымных костров. Все почернели от дыма, от недосыпания, и Калинин плохо представлял, о чем с ними можно в такой обстановке говорить, чем поднимать их боевой дух. Спроси его, он не ответил бы, как можно выдержать такое, откуда у людей берутся силы? Сам он решил, что прежде всего надо держаться самому. И вот более недели как-то жил, переносил холод и голод и еще подшучивал над собой, что когда выйдут в тыл к своим, то станет выдавать себя за марокканца. Тогда можно будет вовсе не умываться, а кожа станет еще чернее... И бойцы на эти слова смеялись глазами — рта не раскроешь, губы у всех порастрескивались, кровоточат...

Ему просто повезло, что людьми командовал Сумароков. Он нещадно, по поводу или без, матерился, хотя все у него при этом «кореша» — друзья, мог сколько

угодно говорить о «бабах», не ставя ни в грош ни одну, кроме своей «законной». Но не трус, бережет людей, по-умному их расставляет, руководит. Его уверенность передается бойцам, и они дерутся смело, знают, что Сумароков в лешку расшибется, а не оставит никого в беде. Он никому не разрешал высовываться, наблюдение вел кто-нибудь один. Чтобы видеть своих соседей, Сумароков велел пробить в боковой стене, на хорах, отверстие. Пришлось повозиться, помучиться с твердой кладкой, но лом взял свое. Теперь и у этой щели дежурил боец. Он заметил что-то важное и позвал командира. Сумароков поднялся на хоры:

— Что там?

— Вроде наши зашевелились, накапливаются перед кирпичным зданием, занятым фашистами.

Гитлеровцы их пока не замечали, а со стороны церкви все как на ладони. Начали бить наши орудия, и каменный дом, зиявший проломами стен и проемами окон, заволокло дымом и пылью. Сумароков скатился с хоров, отозвал Калинина:

— Слышь, наши целятся атаковать гитлеровцев! В самый раз и нам выбираться под шумок. Своим поможем... Как думаешь?

— Что ж, командуй! Вместе и отвечать будем, если что...

— Становись! Слушай мою команду! Наши атакуют. Пора и нам выбираться к своим, пока не задавили. Нас отсюда гитлеровцы не ждут, ударим дружно, поможем нашим. Я на вас надеюсь, братва. Уговор: смотреть друг за другом, чтобы никого не оставить. Ну, пошел!..

Они выскочили из церкви все одновременно и в считанные секунды скатились с бугра и скрылись за деревьями парка. Запоздалая пулеметная очередь срезала с лип ветки и щепу. У кирпичного здания, отстоявшего от церкви на триста—четырееста метров, оказались в одно время с атакующими, разом ворвались в него. Гитлеровцы бежали...

Сумарокова и Калинина беспокоило, как посмотрит на этот их шаг командир полка, да и генерал, их «батьа», еще неизвестно, что скажет. Но Афонин, наблюдавший за боем, одобрил действия Сумарокова и приказал ему немедленно вывести всех своих людей в тыл на отдых. Оказывается, атака была предпринята, чтоб овладеть кирпичным зданием и деблокировать осажденных в церкви. Генерал знал, что им уже три дня не могут доставить пищу.

Их отвели из города в полковые тылы — в ближнюю деревню, накормили горячим кулешом — варили и первое и второе вместе, потом помыли в бане. После месячного сидения в церкви за холодными сырыми стенами, в узких щелях, где ни обогреться, ни вытянуться, снова пасть под крышу, в тепло, — это ли не блаженство?!

Сумароков прямо в предбаннике нацепил на петлицы шинели зеленые «кубари» и щеголял в этих командирских знаках различия, чувствуя себя чуть ли не именинником. Вот бы встретить кого из своих однополчан, чтоб посмотреть! Но нет больше «мирового мужика» Лихачева, неизвестно, выжил ли Кракбаев и где он. Остался еще Пашка Крутов, но полк, говорят, где-то за сорок километров от Белого... С остальными же, хоть и просидел бок о бок столько дней и ночей, близко не сошелся. Чувствовал, нет у него такого доверия, такой симпатии, как к прежним «корешам», с которыми прослужил два года. Правду говорят, что есть время заводить друзей и время терять их. И чем дальше человек уходит от своей юности, тем труднее найти друга по душе... И грусть защемила ему сердце, и погас солнечный день, и, кажется, нацепи ему сейчас даже «шпалу» — и то радости не испытал бы. Зачем они, «кубари», если некому показаться!

А кирпичное здание в тот же день снова оставили. Полк отступил из северной половины города, и там теперь полностью хозяйничали враги. Афонинцы закрепились в Демидках, на холмах, по другую сторону широкой долины, в двух километрах от города.

Гитлеровцы вообще обнаглели: со второго этажа большого здания сыпали пулеметными очередями по заранее пристрелянным направлениям, не давая никому пройти в полк Атаманова. Командиры, связные, подносчики пищи пробирались туда только ночью, и то со всеми предосторожностями, рискуя нарваться на слепую пулю. Они спускались в долину Обши к старой мельнице, где от запруды оставались только концы свай, а от здания — каменный фундамент, делали передышку в окопах боевого охранения, чтоб отсюда быстро сбегать в русло Обши и прижаться к другому высокому берегу. Здесь по самой кромке вырыты окопы и ход сообщения. А струи трассирующих пуль брызгали во все стороны из больших окон, посверкивая злыми огнистыми осами. Белые осветительные ракеты поминутно взлетали в воздух, раздвигая донага и без того голую землю.

Подразделения Атаманова не раз делали попытку выбить гитлеровцев из здания больницы. обстреливали ее из орудий, но осколочные снаряды не могли разрушить, проломить каменных стен. Однажды все же удалось ворваться в здание. Гитлеровцам некуда было отступать, и они укрылись на втором этаже. Начался ближний бой, в ход пошли гранаты. Враги оказались в более выгодном положении: кидали их сверху в пролеты лестницы, через отверстия в потолках. Пришлось оставить здание. Закрепились рядом — в семидесяти метрах, в бывших регистра-туре и изоляторе — отдельных домиках, тоже кирпичных. Когда начинали обстрел больницы, гитлеровцы издевательски кричали: «Рус! Не стреляй! Свои!..»

Вечерами, когда перестрелка в городе ненадолго стихала, из окон больничного здания неслась музыка — гитлеровцы ставили патефонную пластинку, и приятный баритон Утесова выводил: «Раскинулось море широко...» Как только доходило до слов: «Напрасно старушка ждет сына домой...», песня прерывалась и потом повторяла эти же слова. Бойцы злились, что нечем заткнуть глотку гитлеровцам вместе с их патефоном. Но что они могли поделаться? Теперь все оконные и дверные проемы первого ~~жа~~ этажа были заделаны «ежами» и «рогатками», густо опутанными колючей проволокой.

— Погодите, сволочи, доберемся до вас! — грозились бойцы, пока напрасно. Добраться не представлялось возможным. Ожесточенные бои шли рядом — за кирпичные здания бывшей электростанции и мастерских, и полк был, по сути, зажат на пятачке у самого берега Обши. Атаманов доносил Горелову, что сил не хватает...

— Это последняя наша позиция в городе, — говорил Горелов Шмелеву. — Отдать ее, значит оставить Белый. Придется ввести туда батальон афонинского полка, подкрепить. Пусть возьмет на себя больницу, тогда Атаманов уплотнит свои боевые порядки и сможет заняться только электростанцией.

— Так мы совсем ослабим свои фланги — и в Демидках, и южнее города.

— Не страшно. Между МТС и нашими позициями открытое ровное место, там отобьемся и меньшими силами. Им важно выжать нас из города, чтоб получить свободу маневра. Значит, тут и надо нам прежде всего держаться. Отбить бы больницу, тогда перекрыли бы им всякое сообщение.

— Тыловики донесли, что по нелидовскому большаку идут к нам свежие части...

— Слышал. Это не к нам, у них другая задача. Но на помощь от них я тоже надеюсь. Отвлекут из города часть сил на себя, тогда и нам станет легче.

— Говорил с командующим?

— Так, намеками... Группа фронтового подчинения. Видимо, и перед ним карты не раскрывали. Поживем — увидим...

Горелов приказал Афонину ввести в город третий батальон и овладеть зданием больницы. Ночью взвод Сумарокова сосредоточился в тесном помещении регистратуры. Напротив, на хороший бросок гранаты, — здание больницы. Необходимость крайней осторожности бойцы уяснили сразу: чуть заговорили погромче, и сразу по регистратуре прошла хлесткая пулеметная очередь, заставившая всех прильнуть к земле и стенам. Оконные проемы зияли. Следовало вырыть окоп и вокруг домика, чтоб было где обороняться. Распоряжался уверенно. Днем он все вокруг высмотрел: больница рядом, можно внезапно атаковать и за доли минуты перекрыть броском открытое пространство. А потом? Все входы и оконные проемы закрыты ежами, окажешься под стенами, забросают сверху гранатами, расстреляют. Надо крепко думать, прежде чем решиться на какой-то шаг. Он не сомневался, что их вот-вот заставят брать больницу. Не для отсидки же их сюда ввели?! А растерять людей, да и самому по-дурному сложить голову не хотелось.

— Слышь, кореш, оставь «сорок», — попросил он бойца, курившего сигарку. Тот протянул ему кисет: завертывай!

— Не-е, это и у меня есть. Ты оставь раза на два затянуться, и все... Что-то голова кругом идет от такой жизни. — Сумароков присел рядом, свесил ноги в отрытую у стены щель. — Крепкий орешек эта больница. Прямо не знаешь, как и подступить. Он же всех нас тут в момент перещелкает, только высунься...

Сумароков жадно затянулся, с удовольствием выдохнул струю дыма.

— А если не высовываться?

— То есть как? По воздуху, что ли? — Сумароков даже поперхнулся. — Ты излагай толком, если что в башке крутится!

— А вот так: тихой сапой! Читал я, как раньше крепости брали, подкопом...

— Подкопом? Эй, политрук, шуруй ко мне, разговор есть! — позвал Сумароков Калинина. Тот опять был с ним, поскольку роты как таковой не набиралось. — Ты

послушай, что солдат предлагает. Прорыть ход к больнице...

— Не выйдет! — решительно заявил Калинин. — Они же дураки, ждать не станут, встретят на полпути...

— Так не сверху рыть, а под землей, не увидят.

— Все равно. Ворвемся на первый этаж, они нас со второго гранатами закидают. Забыл, как до нас тут было?

— Тогда взорвать их к чертовой матери всех, и дело с концом! — глаза Сумарокова сверкали, он представил, как это может получиться. — Все, решено! Сегодня же начнем!.. Спасибо, кореш, что подсказал!

Он не любил откладывать дело, коль решено его исполнить, и вечером бойцы начали рыть колодец рядом со стенкой, чтоб пройти под фундаментом, а уж дальше вести штольную горизонтально. Пробили слой мерзлой земли, оказавшийся довольно толстым. Под коркой суглинок и песок — легкий грунт. Только успевай подавать землю наверх.

— Надежная «крыша» над головой, — радовался Сумароков. — Никакой крепежки не надо. А землю выносить и сыпать в Обшу под лед, чтоб фрицы не заметили, не догадались. Тоже ушлые, черти! Только вот что, братва, никому ни слова. Кто угодно, хоть сам генерал. Не знаем, и точка! Командир, мол, велел. Ко мне направляйте, если прижмут, — сам объясню. Если разболтаем, хана всей нашей затее. Сами же первые тут головы сложим...

Работа пошла полным ходом. Рыли подземную штольную поочередно, меняясь местами. Особо не размахивались, лишь бы пройти согнувшись. Один копал, другой выносил мешок с землей и подавал его наверх. Троиим в штольне было не развернуться. Остальные поддерживали режим огня, наблюдали за врагом. Днем, по возможности, отдыхали. Сновать по ходу сообщения с мешками земли опасались: могут заметить гитлеровцы. Сумароков прикидывал: если такими темпами рыть, как в первую ночь, за неделю должны пройти до самой больницы. А уж тогда придется просить взрывчатку, докладывать о проделанной работе, передавать дело в руки саперов...

Но доложить пришлось раньше. Афонин появился в окопах сам, чтоб наметить план дальнейших действий. Генерал жал на него, поторапливал разделаться с гитлеровцами. Брать больницу штурмом? Как бы всех своих не положить, ведь за стенами около сотни солдат и офицеров. И удастся ли артиллеристам сделать проломы?.. В

сопровождении адъютанта он шел по ходу сообщения к регистратуре. Ему встретились два бойца с мешками.

— Что несете? Куда?

Бойцы, помня наказ, мялись, хоть и видели, что перед ними командир полка.

— Земля, товарищ подполковник... Пощупайте сами...

— Вижу, земля. Откуда? Зачем несете? Да вы можете объяснить толком, как положено, чтоб не тянуть вас за язык?

— Командир велел отнесть, высыпать под лед. Да вы его спросите...

Афонин решительно направился в регистратуру. Сумароков и Калинин встретили его у входа, отапортовали: «Взвод обороняет вверенный участок, происшествий нет...» В это время из колодца у стены показался боец, он подавал очередной мешок, туго набитый землей.

— Что у вас тут делается? Докладывайте!

— Разрешите наедине? — и Сумароков выразительно глянул на адъютанта. Афонин обернулся к нему, приказал:

— Обождите меня в ходе сообщения! Ну?!

— Подкоп делаем. Вы нас извините за такое недоверие, но мы боимся, чтоб немцы не пронюхали...

Афонин спустился в колодец, прошел в самый конец штольни, где угадывался мерцающий свет и кто-то ворочался. Вдоль стены, чтоб как-то рассеять крошечную тьму, был подвешен телефонный кабель. Просмоленная, прорезиненная его обмотка горела дымным чающим огоньком, от духоты, дыма, спертого воздуха у Афонина перехватило дыхание.

— Как вы тут работаете? — спросил он бойца, ковырявшего землю лопатой.

Тот, не разглядев, кто с ним разговаривает, ответил по-свойски:

— Ничего, мы меняемся! — И блеснул белыми зубами на потном темном лице. — В деревне как говорят: захочешь с...ть, штаны сымешь! Вот и мы — приноровились!

— Му-у-дреды! Философы прямо, — протянул Афонин. Когда вылез обратно, сказал Сумарокову: — Продолжайте работу. И никому больше ни слова. Насчет взрывчатки я сам с генералом переговорю...

Он по достоинству оценил инициативу Сумарокова и Калинина и тепло попрощался с ними, пожал им руки. Фронт велик, от моря до моря, а еще нигде до такого не додумались. Старый, забытый всеми метод, а вот пригодился. И не думал в то время, что много лет спустя, бу-

дучи слушателем академии Генерального штаба, вдруг услышит от лектора-профессора, что за всю войну был один и потому уникальный случай подкопа — в Белом. «Единственный за всю войну!» — подчеркнул профессор. При этих словах Афонин поднялся, как принято в армии, что если о тебе говорит старший, хоть плохое, хоть хорошее, надлежит встать. «Вы чего?» — удивился профессор. «Это сделано в моем полку!..»

Горелов тоже был удивлен, когда Афонин прибыл на командный пункт и запросил у него взрывчатки в большом количестве. Пришлось рассказать о подкопе.

— Так, говоришь, тот самый лейтенант? До этого обонялся в церкви?! Я его еще тогда заметил. Глаза у него шалые. Как смотришь, комиссар, ведь заслуживает парень награды? Да и другие — тоже! Только бы получилось, а там сразу представляй! Они там сами скажут, кого следует! — И генерал заходил по горнице, радостно потирая руки. — Только надо с этим поторапливаться. Вторая половина марта, того и гляди морозы отпустят, тогда зальет их, весь труд насмарку. Тут весны бурные, враз поплывет... Надо к ним дивизионного инженера послать, пусть посмотрит, подключит саперов. Работа техническая, негоже стрелкам ее вести, когда есть специалисты...

Люди Сумарокова успели пройти около двадцати метров, когда к ним нагрянули дивизионный инженер и командир саперного батальона. Оба капитаны. Они похвалили Сумарокова за инициативу, сказали, что генерал приказал передать работу им. Они спустились в штольню, достали буссоль, начали выверять направление, обстукивать мерзлую «крышу», чтоб убедиться в надежности. Стрелки оказались плохими маркшейдерами: ход отклонился вправо и могло случиться, что вели бы его, да так и не встретились с фундаментом больницы. В эту же ночь в здание регистратуры пришли саперы и заменили стрелков в штольне. Саперы менялись каждые полчаса. Спешили. Чем дальше уходила штольня, тем труднее становилось в ней дышать. Жгли все тот же провод, работали в противогазах, но в спертom задымленном воздухе и они помогали плохо.

А гитлеровцы что ни вечер крутили заезженную пластинку, и Утесов пел «Раскинулось море широко...». Но теперь это никого не возмущало. Бойцы посмеивались: без регулярного культурного обслуживания скука одолела бы, а так и работать веселей!

На дивизионных складах собрали всю взрывчатку —

тысяча триста килограммов, но инженер утверждал, что этого мало, стены старой кладки, крепкие.

— Ничего, хватит! — пресек запросы Горелов. — Кто уцелеет, тех добьют. Негде взять больше толу...

Саперы достигли фундамента больницы, подрывались под него и, когда образовались две большие ниши, начали укладывать в них взрывчатку. Работали молча, осторожно, боясь стукнуть, чтоб гитлеровцы не услышали.

Опасения Горелова насчет скорого прихода тепла сбывались. Днем пригревало, на глазах сгоняло снега с полей, пригорков, Обша наливалась синевой, и вот-вот снежная масса, превратившись в жижу, могла двинуться по реке поверх льда. Но работа уже подходила к концу. Даже командир батальона не знал о подкопе на его участке, пока ночью при обходе позиций не наткнулся на саперов. Он промолчал, сделал вид, что ничего особенного тут нет, раз прислали их на его участок — значит, по делу. Ему сообщили о готовящемся взрыве, когда пришла пора укрывать людей в окопах, чтобы не пострадали от разлетающихся кирпичей. И вслед за взрывом — атака!

Стрелки, командиры, предупрежденные о взрыве, с нетерпением ждали этого момента. Афонин и Горелов наблюдали с ближайшего НП в Демидках. И взрыв полыхнул. На глазах вспучивалась земля у больничных стен, само здание взгорбилось, словно потянулось после долгого покоя, и стены начали разваливаться. Из-под них вырвался огненно-черный вал дыма. Громыкнуло так, что земля под ногами дернулась. Взрывная волна, сметая с поверхности все, что непрочно лежало, сдирая снег до земли, валом прокатилась над окопами, засыпая их крошечным кирпичом и комьями. Бойцы прижались к стенкам и подбрустверным нишам, не смея поднять головы под этим каменным градом, и только когда он перестал, распрямились. В рыжем облаке дыма и кирпичной пыли едва угадывались развалины обрушившихся стен.

— В атаку! Ур-ра! — Сумароков поднял свой взвод первым, по праву считая, что начатое им дело он и обязан завершить.

Огня из развалин не последовало, гитлеровцы молчали, их всех либо погребло под развалинами, либо разметало по сторонам. Лишь вечером, приспособив развалины к обороне, бойцы слышали в одном углу стоны. Начали растаскивать обломки и извлекли двух гитлеровцев. Один открыл глаза, осмысленно оглядел окруживших его солдат, сказал: «Гитлер капут!» — и вытянулся.

— Вот тебе и море широко... — глубокомысленно из-

рек пожилой боец. — Кому что пророчишь, того и сам не избежишь!

В город вступала весна. Вместе с ней уходили надежды на облегчение. У Горелова состоялся телефонный разговор с командующим. Хотелось знать, чего можно ждать от подходивших к Белому войск. Тлела надежда, что подбросят сил и в город, поскольку тут самые напряженные бои, но оказалось, что во фронте замахнулись на автономную операцию. К Белому направили отдельную армейскую группу в составе трех дивизий под командованием генерала Колпакчи. Они широким фронтом вышли к смоленскому большаку юго-западнее города и завязали бои за деревни Свиты, Черный Ручей и ряд других. Замысел был серьезный: перерезать дорогу, лишить бельскую группировку снабжения, изолировать ее и покончить с боями в этом районе. В случае успеха положение ржевской группировки стало бы труднее, немцам пришлось бы считаться с тем, что у них в тылу серьезный противник. Весь март и начало апреля гремели бои юго-западнее города, о них Горелов получал информацию и от партизан Попова, и от штарма. В дивизиях этой группы не доставало артиллерии, снарядов, а без них трудно надеяться на серьезный успех. Горелов все ждал, что гитлеровцы хотя бы полк-другой перебросят туда из города, но и этого не произошло. Противник подбрасывал силы из Смоленска и не уступал дороги.

Фронт принял причудливую конфигурацию: районы, занятые нашими войсками, перемежались с территорией, где прочно держались гитлеровцы. При этом основные магистрали, питающие Ржев и Вязьму, находились в руках врага, и эти «коридоры» раскраивали советские районы на отдельные лоскуты.

Ожидание весенней распутицы, которая могла серьезно осложнить снабжение войск, оказавшихся в глубоком тылу ржевской группировки, тревожило Верховного Главнокомандующего. Разглядывая «слоеный пирог», он думал, не лучше ли пока поступиться этими территориями и тем самым сократить столь растянувшуюся линию фронта. Казалось заманчивым сразу высвободить большую массу войск и ими уплотнить оборону на других участках фронта. Решил посоветоваться, прежде чем принять решение на этот счет. Он вызвал командующих Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов и прямо спросил, не лучше ли, пока не развезло дороги, вывести войска из этого «пирога» и за счет сокращения линии фронта облегчить снабжение и высвободить значительные си-

лы. Командующие в ответ единодушно заявили, что выводить войска нельзя. Они сковывают большие силы противника, препятствуют будущему наступлению на Москву, если Гитлер попытается это сделать в предстоящее лето. Спрявление линии фронта послужит больше на руку врагу, чем нам...

Упоминаний об этом небольшом совещании читатель не найдет в мемуарной или иной документальной характера литературе. Видные военачальники неохотно вспоминают о малоуспешных операциях. Автору рассказал об этом совещании бывший командующий Калининским фронтом четверть века спустя после войны.

Насколько правы были командующие в оценке обстановки, подтверждает тот факт, что именно об этом думал в это же примерно время и Гитлер. Для летнего наступления требовалось перебросить часть сил из группы армий «Центр» на юг, а взять их можно было только за счет ликвидации «слоеного пирога». И гитлеровский генеральный штаб, попутно с подготовкой большого наступления на Сталинград и Кавказ, получил задание разработать частную операцию под кодовым названием «Зейдлиц» — был такой удачливый генерал-кавалерист в прусской армии. Суть ее заключалась в том, чтобы уничтожить все советские войска в тыловых районах западнее Ржева и Вязьмы. И тут не могло быть и речи об оставлении Белого. Городок невелик, но выгодно расположен. Деревни вдоль смоленского большака тоже все на холмах и в совокупности представляют надежный оборонительный рубеж. Наступающие поневоле оказываются перед ними в низинах, болотах, каждый их шаг под наблюдением и прицельным огнем артиллерии с дальних позиций. Вот почему гитлеровцы не сняли из города ни одного солдата, на что так надеялся Горелов.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Весна принесла большие огорчения: из-за распутицы снова начались перебои с питанием. Опять, как зимой, мучило чувство постоянного голода. Мало того, глубокие снега превратились в кашу, и по этой жиже приходилось шлепать в валенках. Ноги никогда не просыхали, а ночью, когда схватывал мороз, шинель и обувь превращались в ледяной панцирь. Иринка даже зимой так не мерзла, как в эти весенние дни. Зубы постоянно клцали от холода.

Нелидовская дорога, хоть и дальняя, кружная, как пуповина, все же связывала войска с основными силами фронта и вселяла уверенность, помогала переносить лишения полуголодной фронтовой жизни. Она же принесла Иринке и неожиданную радость: снова получила письмо от Павла. Он жив! Жив! Хотелось тотчас поделиться с кем-то радостью. А ведь сколько раз ей приходило в голову, что его уже нет в живых или сильно поранило! Павел писал, что очень о ней беспокоится, ведь война не щадит никого: ни тех, кто в ближнем тылу, ни тех, кто на передовой. А писем от нее давно нет. Или она его уже забыла? Глупый, глупый! Разве может такое быть! Просто ее письма, как и его, где-то задержались в пути. Ведь весна! Весна!

В апреле изрядно потеплело, унесло вешние воды по распадам в ключи и малые реки, весело зазеленели озимые хлеба на полях, из-под жухлой слежавшейся листвы, устилавшей опушки леса, появлялись подснежники. Опушились, пожелтели от соцветий вербы, на их медвяные запахи откуда-то прилетели пчелы. Сочнее стала хвоя сосенок, деревья будто умылись и посвежели. Только ели оставались по-прежнему черными монашенками в повеселевшем весеннем лесу. В деревнях на уцелевших деревьях, несмотря на пепелища, загомонили грачи и галки, начали устраивать новые гнезда, подновлять старые.

Перед майскими праздниками Иринка Макарова сдала надоевшую тяжелую и неуклюжую зимнюю одежду, валенки, которые доставало уже сил волочить по земле. Получила все летнее: гимнастерку, юбку, сапоги, пилотку. Улучшилось и питание. Только снарядов по-прежнему в войсках доставало. Об этом многие говорили, а шоферы, появляясь в штабе, рассказывали, что по нелидовскому большаку невозможно ехать — воронка на воронке, не успевают их засыпать. Все движение — ночами, но и тут не разгонишься: самолеты развешивают «фонари» — осветительные ракеты — и бомбят. До самого Нелидово не найти ни одной уцелевшей деревни, все дома в развалинах. Это было горькой правдой, с которой столкнулись войска, находившиеся западнее Ржева.

Но какое до всего этого дело девочкам-радиисткам? Они, как весенние цветы, оживали от тепла, на похулевших лицах лучились улыбки. Душа Иринки наполнилась ожиданием счастья. Она не знала, в чем именно будет оно заключаться: принесет ли наступающее лето новую большую победу, или их часть выведут куда-нибудь в тыл на переформировку, или найдут они с Павлом

друг друга, чтоб никогда уже не разлучаться? Она жила ожиданием чего-то неизведанного, и глаза ее лучились, сияли, и жизнь казалась радостной, как праздник, и это окрыляющее состояние не покидало ее.

Стрелковая дивизия занимала оборону на указанном рубеже, стояло сравнительно долгое затишье. Командир батальона связи откомандировал девчат из штабной радиостанции во второй эшелон для обучения, чтобы каждая из них могла работать и на полковых радиостанциях ПК и РВ.

В пору раннего разгула весны старшего сержанта Павла Крутова вызвал начальник штаба Лузгин и категорично сказал:

— Хватит тебе гонять собак! Пора браться за ум. Поедешь на армейские курсы штабных командиров, собирайся! Надоел ты мне...

Но это было сказано уже не всерьез, потому что глаза его смеялись. На двухмесячные армейские курсы, где предстояло подготовить группу адъютантов стрелковых батальонов, нужно было ехать во фронтовой тыл, в неведомый поселок Кувшиново.

Вечером Крутов распрощался с товарищами. У крыльца ждала грузовая машина, ехавшая до штаба дивизии. Лузгин вместе с другими вышел проводить Крутова. Приобняв его за плечи, сказал доверительно:

— Я всегда был тобой доволен. Ты умеешь быстро и толково работать. Я бы с тобой ни за что не расстался, но тебе пора выходить в командиры. Война долга, и нечего тебе киснуть в писарях. Свидимся ли еще...

— Я обязательно вернусь в свой полк, товарищ капитан!

— Ты-то, может, и вернешься, да будем ли мы живы... Ну, прощай! — Лузгин оттолкнул Крутова, повернулся и ни на кого не глядя быстро прошел в избу.

Грусть защемила Павлу сердце: в самом деле, мало ли что произойдет за два месяца? Ведь война!

Ехали ночами при мерцающем свете осветительных бомб, во множестве сбрасываемых с самолетов. То впереди, то сзади тяжело громыхали взрывы. Деревни вдоль большака казались вымершими — ни звука, ни огонька. Вместо домов — развалины, придавленные шапками обрушившихся крыш. Да еще несчетно печные трубы — несуразно высокие и нелепые среди пепелищ. Долго и тряско пробирались машины лесными темными коридорами,

то выныривая из них, то снова скрываясь под сень лесов. Наконец достигли Селижарово, выжженного гитлеровцами дотла. Мост через реку был тоже сожжен, и на берегу во множестве работали саперы, тесали бревна, вязали ряжи для нового, спешили построить его к моменту вскрытия реки. Машины шли в объезд, то ухая в промоины, то с натужным ревом выбираясь на крепкий лед.

На фронтовом контрольно-пропускном пункте всю команду завели в дом и предложили сдать личное оружие: в тылу оно им не понадобится. Крутову жаль было расставаться с пистолетом ТТ, — успел приноровиться к нему, свыкнуться, что он всегда на поясе, но пришлось сдать. Утешал себя тем, что, когда вернется в полк, друзья подберут ему другой — не хуже!

Первого апреля разросшаяся в пути команда будущих младших лейтенантов достигла Кувшиново. Курсы располагались в здании поселковой школы. Прежде всего предстоял медицинский осмотр. Высокий, по-юношески нескладный, Крутов очень откровенно побаивался таких осмотров и комиссий, потому что всегда выглядел хуже других, будто его держат на голодном пайке. Еще будучи студентом, он хотел записаться на курсы парашютистов — не взяли. Оказывается, между ростом, весом, окружностью груди существует взаимосвязь, и будь ты хоть как здоров, но если рост сто восемьдесят пять, а окружность груди и вес в сумме цифр много меньше, — скажем, разница более четырнадцати, то не видеть тебе ни парашюта, ни другой видной военной профессии. Разве что возьмут в пехоту. Именно так случилось, когда Крутова призвали в армию. На его желание пойти в артиллеристы военком хмыкнул: «Мало баранов скушал. Туда хлипкие не нужны!» Вдруг и тут скажут подобным образом? Вот будет неловко возвращаться ни с чем!

Но никакой комиссии не оказалось: война внесла свои поправки, теперьгодились всякие, лишь бы не без царя в голове! Приказали снять гимнастерки и полуголыми, в затылок друг другу, шагать мимо столика, за которым, не поднимая головы, сидела женщина в белом, отмечая в списке проходивших. Будущие курсанты шли мимо, громко докладывая: «Рядовой Иванов!», «Сержант Павлов!» Другая женщина, не то сестра, не то врач, бегло оглядывала обнаженное по пояс тело, коротко бросала той, что отмечала в списке: «Годен! Годен!» Это было здорово, что за порогом прихожей они все оказались курсантами!

Районный поселок Кувшиново более других уцелел, и в нем разместились многие службы тыла армии и фрон-

та. Дивно было Павлу снова сесть за школьную парту, увидеть черную доску, учителя перед ней. Только учителем оказался майор с полевыми петлицами и зелеными «шпалами», прихрамывающий. Он тут же начал знакомиться с курсантами, а потом сказал, что будет преподавать им тактику и штабную службу, а других предметов и вовсе нет. На этом знакомство и закончилось. Их отпустили устраиваться в отведенных для жилья классах. Представилась возможность осмотреть и поселок. Удивительной показалась мирная жизнь тылового поселка. Ни выстрелов, ни гула самолетов, ни тревог с криками «воздух!». Правда, вблизи школы, у подножия высокого холма, похожего на древний курган, стояла зенитная батарея. Ее стволы торчали вверх из-под маскировочных сетей. Потом оказалось, что «мессершмитты» знают о ней и наведываются, всякий раз норовя разбомбить, расстрелять зенитки, и тогда частые выстрелы орудий, разрывы бомб и треск авиационных пушек и пулеметов будоражат поселок, напоминая, что нет мира и в тылу. Через полмесяца Крутов стал свидетелем такого налета. Пара самолетов налетела при заходе солнца, но батарейцы так удачно их встретили, что первый, как шел в пике, так и воткнулся в землю близ батареи, а второй загорелся и упал в болото на окраине поселка. Курсанты кинулись туда, но на поверхности валялись только изуродованные оторванные крылья, а фюзеляж с кабиной и летчиком ушел глубоко в торфяную жижу, и черная вода уже наполняла, заравнивала яму по самые края.

Казалось бы, живи, учись, радуйся! Но с первых же дней курсанты почувствовали разницу между фронтовым и тыловым пайками. Четыреста граммов хлеба в день для здоровых парней, да еще при солидной нагрузке, оказалось маловато. Через неделю Крутов, долее других форсировавший закалкой, выбегал на улицу умываться уже в шинели, едва плескал водой в лицо и скорее возвращался. Ждали обеда с нетерпением, а в столовой то и дело объявляли, что хлеба не подвезли. В супе же крупинка за крупинкой гонялась с дубинкой. Крутов не помнил, чтоб когда-то сказали: дополучите хлеб! Прожито — забыто!

Курсанты мерзли, хотя стоял апрель. С полей согнало последние снега, река текла вровень с берегами, заполнив все низины. Однажды на перекуре курсант увидел на мелководье среди тальников щуку. По его возгласу многие бросились ловить рыбу. Пометавшись, щука ушла, проскочила на глубину.

— Эх, такая жареха была б! — с сожалением говорили

неудачливые рыболовы, словно щука в килограмм могла насытить сорок голодных ртов.

— Нет, зря я согласился на эти курсы! — с досадой сказал коренастый, крестьянского вида солдат. До этого он работал на полковом продфуражном складе.

Преподаватель-майор сидел на пригорке, подставив лицо солнышку, жмурился и молчал. Ему, толком не выздоровевшему после ранения, тоже жилось несытно, но кому пожалуешься?

— Ста-а-новись!..

Как-то выпал свободный от занятий денек. Крутов отправился в близкий лес, он темнел за поселком в километре. Зеленели толком еще не поднявшиеся озимые на полях, а по обочинам дороги снег высился двумя белыми валами, хотя и осевшими. Эти валы накопились за зиму от постоянной расчистки дороги. Крутов шел сбоку по дощатому тротуару, рассчитывая в лесу отдохнуть на пеньке. Все не так будет думаться о еде. Но лес оказался забитым до отказа разными тыловыми службами, от тротуара расходились тропки с указателями-стрелками. Тут не отдохнешь, сразу спросят, кто ты и зачем тут околачиваешься! И Крутов повернул назад. Из леса на тротуар вывернулся боец в замасленной телогрейке и окликнул его:

— Эй, земляк, погоди!

Крутов остановился, недоумевая.

— Послушай, ты давно из полка? Я ж тебя знаю, не раз видел в нашей роте ПВО. Как там рота? Жива? Не расформировали? Я ведь там служил, а потом меня после ранения в автобат турнули!..

Крутов не помнил этого бойца, но, поскольку тот его знает, интересуется полком, почему не поговорить. И он рассказал, что знал. Так, беседуя, достигли поселка — его первых домиков.

— Завернем? — предложил боец. — Мы тут рядом живем. Может, когда сам заглянешь. Вот уже сколько месяцев здесь служу, а все равно по друзьям скучаю, — признался он. — Свой полк — это не хала-бала...

В избе, кроме печки, стола да стоявших впрытык друг к дружке топчанов, ничего больше. Пол замусорен и давно не метен, на стене на вбитых гвоздях промасленные фуфайки, шинели. Прикрывшись кто чем, прямо в обуви, спят два солдата.

— Наши. Только из поездки вернулись, — пояснил

обретенный приятель. — Пусть спят, мы им не помешаем, будем говорить потише, и все. Мы ведь в рейс уходим на несколько суток. Батальон фронтовой... Знаешь, как за баранкой надергает, да без сна? Здорово выматываемся! — Увидев, что Крутов оглядывает избу, неприбранный стол с кусками черствого хлеба, невымытыми котелками и кружками, пояснил: — Тут не до чистоты, браток, не мирное время, когда все вылизывали до блеска. Я-то третий день загораю, отоспался. Резина полетела, а запасную никак не дают, все нет и нет... Нас ведь в дороге бомбят почем зря...

— А вы как, с едой не бедствуете? — указал Крутов на хлеб.

— Хочешь есть? А, понимаю... Вас на тыловую норму поставили. Бери, не стесняйся. У меня и консервы найдутся, и сахар. Наливай чаю!

Крутов напился чаю, потом собрал все куски, присоединил к ним и полбуханки — приятель настоял, их, мол, снабжают хорошо!

— Ты заходи, когда свободен. Меня не будет — не стесняйся, бери что найдешь, ешь. Я своих ребят на этот счет инструктирую, а потом сам с ними познакомишься. А то я смотрю, ты что-то бледный стал, болеешь, думал...

Крутов еще не раз навещался к шоферам. Брал веник, подметал в избе, мыл кружки, котелки. Просто взять хлеб и уйти — не позволяла совесть. Необходимо чем-то отблагодарить...

Учение шло успешно, подходило время сдавать экзамены по уставам, каставлению полевой службе штабов, по тактике. В эти напряженные дни Крутов получил письмо из полка. Друг сообщал, что Иринка звонила их связистам, спрашивала про него. Часть, в которой она служит, стоит неподалеку, по соседству. Он тотчас же пошел туда, но неудачно, там сказали, что Макарова на каких-то сборах в дивизионном тылу. Приезжай, тогда сам ее разыщешь! И еще новость — наша часть теперь гвардейская!

Павел так обрадовался, что с блеском сдал все зачеты майору. Тот хоть и говорил до этого, что тактику превыше всех знал Суворов, а все остальные смертные едва на тройку, все же поставил Крутову за тактику и знание штабной службы отличные отметки. Но тут на курсы появился начальник отдела боевой подготовки фронта — генерал. Увидев в таблице высокие отметки, усомнился и решил сам проэкзаменовать курсанта. Прямо в

поле подозвал его к себе, усадил напротив и начал «гонять» по уставам: разведка, служба охранения, боевые порядки роты, батальона. Только весной эти уставы были приняты в Красной Армии, они отменяли прежнее эшелонирование подразделений в наступлении, иначе обязывали строить оборону — узлами, глубже, с учетом танкоопасных направлений. Наставление полевой службе штабов тоже новое, приведенное в соответствие с боевыми порядками и требованиями взаимодействия на всех этапах... Павел на все вопросы дал четкие ответы, показав, что зря времени не терял, не ленился. Генерал остался доволен...

Дело оставалось за назначением, но в армии что-то не могли решить, как быть с курсантами из дивизий, которые перешли в состав другой армии — передавать их туда или оставить у себя в частях, где есть нужда в кадрах. Шел третий месяц пребывания на курсах. Генерал не зря экзаменировал Павла, ему за отличные знания сразу присвоили лейтенанта и рекомендовали не в батальон, а в полк — помощником начальника штаба.

В новом обмундировании — в гремящих жестких брюках из плащ-палаточной ткани, с зелеными «кубарями» в петлицах гимнастеров, в пилотках и кирзовых сапогах, небольшой командой молодые командиры потопали к фронту. Оказий не случилось, попутные машины сидели по кузов в грязи, пришлось идти пешком. За Селижаровым, в лесах, начались гати, насланные из бревен по заболоченным местам. Где их стелили поперек колеи, где укладывали попарно вдоль, схватывая скобами, чтоб не разъезжались под колесами. Гати тянулись на многие километры, как и сами заболоченные сосново-еловые леса.

Можно было б сносно идти, да за два-три дня перед этим прошли танки и перемесили гати так, что ни одного целого бревнышка не осталось, все были искрошены гусеницами, и обломки плавали в грязевых озерах. Шли, утопая по колено, прыгая с обломка на обломок. На пути не раз обгоняли команды с передовой. Бойцы несли к фронту хлеб, по несколько булок в вещевых мешках, а под мышками — по снаряду. Машины не могли подвезти ни продуктов, ни боеприпасов.

Постепенно товарищи один за другим сворачивали в стороны — в свои части, и вскоре с Павлом шел лишь один — худенький, смуглый, щуплый, как парнишка, младший лейтенант с растерянными глазами: он никак не мог свыкнуться с мыслью, что его назначили в батальон, робел перед будущими обязанностями. Не всем нравится командовать людьми. Павел помалкивал. За зиму

он достаточно поднатерел в штабной службе, хотя действовал не сам, а по указке старших. Теперь придется включаться в боевые дела самому, решать, оценивать. Но что травить душу сомнениями заранее? Не боги горшки обжигают! Не оставят его без поддержки, без доброго совета старшие. Лучше думать о том, как встретиться с Иринкой. Какая молодчина! Отыскала все же его часть! Не ожидал он такой прыти от девчонки, и эти новые ее качества, так внезапно открывшиеся — ее настойчивость, целеустремленность, — радовали и настораживали. Чувствовал, что встретит не прежнюю школьницу.

Продуктов, выданных на дорогу, не хватило: расчеты на попутный транспорт не оправдались, шли вторую неделю вместо трех дней. Но в запасе имелась махорка — Павел и его спутник не курили, но от пайков отказываться не стали. Они не скупясь угощали встречающих солдат куревом, а те оделяли их сухарями, консервами. Взаимно. «Второй фронт, — шутили солдаты, раскрывая банку с консервированной колбасой. — С таким «оружием» сразу одолеем фрицев!» Так и добрался Крутов до своей дивизии. Штаб оказался за Общей в деревне Макарово.

В полку, из которого Крутова послали на курсы, вакантной должности не имелось, и кадровик предложил ему пойти в соседний, стоявший у Белого, помощником начальника штаба по разведке. Павел согласился. Ему не хотелось сидеть без дела в резерве и ждать, пока где-то освободится должность. Одна досада, что встреча с Иринкой отодвигалась. Ну не беда — решил он. Вырвется на денек-два, чтобы съездить в свой полк. Она знает, что он на курсах, подождет. С тем и приступил Крутов к новым нелегким обязанностям. На первых порах делами его не загружали. Начальник штаба — бывший пограничник майор Минаев — сам направлял действия разведывательного взвода, обобщал сведения, поступавшие с наблюдательных пунктов и из подразделений, подсказывал, что указать в сводке, донесении.

— Ты изучай передовую, чтоб знал, где и кто находится, в любое время мог туда пройти, примечай, что у противника, — говорил он Крутову, понимая, что вечерашнему сержанту сразу трудно освоиться с новой ролью. — Днем присматривайся, где у немцев блиндажи, посты, откуда работают его пулеметы, какие перед окопами заграждения, чтоб мог поставить разведчикам задачу, нацелить их, помочь выбрать объект поиска. Знакомься с людьми. А бумага в штабе — не главное.

Разведчики каждую ночь лазали на нейтралку, прислу-

шивались, что делается у противника, в городе, подолгу лежали в засадах, поджидая, не выйдет ли за проволоку немецкая разведка. Крутов днями сидел на наблюдательных пунктах, с которых хорошо просматривался не только вражеский передний край, но и глубина. По дорогам в город шли машины, пехота, проносились орудия на мехтяге. Почему-то больше шло в город, чем из него. Разведчики доносили, что по ночам в Белом слышен шум моторов, что в окопах гитлеровцы веселятся напропалую, играют на губных гармошках, крутят патефон. Из блиндажей доносятся и женские голоса. «Наши, русские бабы! — утверждали они. — Нашли время развлекаться! Курвы! Мы тут воюем, под пулями лазаем, а они хвостом вертят!..»

Командование требовало «языка» из глубины обороны, чтобы вернее мог сказать о намерениях гитлеровцев. Горелов решил воспользоваться помощью партизан, послал к ним в отряд бывшего разведчика дивизии Бернштейна. Пришлось для этого отозвать его из полка Сидорчука. Разведчик вернулся через неделю, двадцать пятого июня, доложил: гитлеровцы большими командами с танками выжимают партизан из прилегающих к смоленскому большаку деревень, жителей всех угоняют, а дома выжигают до единого, создают зону пустыни на десять километров от дороги. На Белый идет много пехоты, артиллерии, танков. Взятый прямо из колонны пленный утверждает, что скоро немцы станут наступать, но срока пока не знает.

О грузах, непрерывно доставляемых в Большое Клемятино самолетами, Горелову доносили и раньше с наблюдательных пунктов, и теперь эти сведения в совокупности говорили о том, что скоро надо ждать вражеского наступления. Вот только когда конкретно нанесут гитлеровцы удар, оставалось неясным. Следовало брать другого «языка».

В день возвращения разведчика Горелов и Шмелев по телефонам говорили с командующим армией и членом военного совета, просили, чтоб полк Сидорчука вернули под Белый. Просили и подкреплений, потому что оборона жидка, да к тому же левофланговый полк не имеет соседей — дальше партизанский край, а именно оттуда и может нанести удар противник.

Командующий выслушал Горелова и сказал, что разговор кстати, поскольку есть приказ фронта откомандировать его в соседнюю армию на должность заместителя командарма.

— Спасибо за добрую весты! — ответил Горелов. —

Но как нам быть тут, под Белым? Оборону необходимо укрепить...

— Пополнение вам послано, с ним прибудет и новый командир дивизии, — сообщил командующий. — Ознакомьте его с обстановкой, введите в курс... Полк из Шиздерово снимать нельзя, он охраняет армейские тылы со стороны Оленино, способствует обороне соседней армии. Да, вот еще что: вам надлежит всех бывших окруженцев немедленно собрать и откомандировать в распоряжение армии.

— Но ведь они у нас равноправные гвардейцы! Как же так, отдать в такой напряженный момент опытных солдат и командиров и заменить их неизвестно какими? Мы же вконец ослабим оборону!

— Это не ваша забота, — холодно ответил командарм. — Делайте как приказано! Окруженцы не должны позорить гвардию. Командование знает о намерениях врага, принимает меры...

Горелову ничего не оставалось делать другого, как подчиниться.

— Вот это новости! Пришло время нам расставаться с тобой, Дмитрий Иванович! В такой момент...

— Я рад за тебя, честное слово! — искренне сознался Шмелев. — Хотя, тоже честно, расставаться жаль!

— Не знаю, как для тебя, а для меня оставить в такое тревожное время выпестованную до гвардии дивизию на чужие руки — это беда! И еще с этими окруженцами! Как смотреть людям в глаза после этого? Прямо ума не приложу, как быть. Беда...

— Ну какая ж это беда! Радоваться надо повышению, тому, что оставляешь другому такое соединение — настоящих солдат, воинов!

— Какая там радость — беда! — стоял на своем Горелов. — А она, окайнная, в одиночку не ходит. Пришла одна, а там раскрывай ворота...

Ночью в лес севернее деревни Егорье прибыло пополнение — восемьсот человек, набранных из казахстанской глубинки. Приписной состав. У себя на родине им говорили, что они направляются в родную панфиловскую дивизию, но получилось не так, и многие были недовольны этим. В том, что они все слабо обучены военному делу, беда невелика. Научатся! Беспокоило Горелова другое — из всего состава лишь десятка два могли объясняться по-русски сносно, остальные либо вовсе не понимали, либо

с пятого на десятое. Командиры прямо за голову хватались: как такими солдатами командовать? Как учить? Воспитывать? Надо не меньше месяца, чтоб наладить какой-то контакт, чтоб люди привыкли к фронтовой обстановке, научились обороне... И Горелов разделял их тревогу, хотя говорил им обратное: люди наши, советские, больше внимания к ним, заботы, они поймут, оценят! А душу точило сомнение: дадут ли для этого времени гитлеровцы? Ох, не дадут!..

Новый командир дивизии полковник Савельев честно признался Горелову, что до этого был начальником военного училища, фронт представляет слабо, и браться сразу же за дивизию ему страшновато...

— Ничего, справитесь, — заверил его Горелов. — Вот Дмитрий Иванович на первых порах поможет, он всех в дивизии знает досконально. Только бы немцы повременили немного со своим наступлением. За левый фланг опасаюсь, ему побольше внимания, а здесь перед городом оборона понадежнее...

Говорил, успокаивал другого, а самому было тревожно: хлебнешь ты горького, полковник! Будь бы еще старые гвардейцы на местах, а то повсюду новые люди! Не дадут тебе немцы осмотреться, освоиться на новом месте! Разжиженные полки в случае крепкого удара не устоят!.. И в такое время оставлять своих людей, по сути, покинуть их на неумелые руки? Хуже предательства! Шел Горелов на повышение, а сердце болело, и было жаль до слез расставаться с выпестованной дивизией, ставшей ближе, чем родная семья! «Хоть проститься со старослужащими успеть бы!» — с тоской думал он.

Разведывательная рота взяла пленного из второй танковой дивизии. Он дал показания, что войска противника уже сосредоточились на исходном положении, что подтянуты танки, артиллерия пехотной дивизии, что наступление уже дважды откладывалось по непонятным причинам — с начала июня на середину, а теперь говорят определенно: наступление начнется в конце текущей недели. Танкистам поставлена задача — выйти к лесу севернее города Белого и окружить советские войска...

Прочитав такую сводку — копии дивизионных донесений направляли в штабы полков, — Крутов забеспокоился. До боя совсем уже ничего! В свой полк бы ему! Там он всех знает, его тоже, там все знакомо... Написал Иринке открытку, что он теперь офицер — лейтенант,

что знает, где она находится, и непременно ее найдет, как только выпадет более свободное время...

Ночью он впервые вышел с разведчиками на нейтральную полосу. Они хорошо ориентировались в темноте по каким-то неведомым Крутову признакам и вскоре все лежали в ложбинке перед немецкими окопами. Гитлеровцы о чем-то громко переговаривались, смеялись и при этом не забывали периодически выбрасывать осветительные ракеты и строчить из пулемета перед окопами. Пули с треском впивались в землю, рикошетили от нее и уносились огнистыми светляками. При вспышке ракеты все вжимались в землю, застывали неподвижно. Крутову казалось, что он весь на виду, как голый, под ярким светом, бегущим над неровностями, травой, кустарниками, что вот сейчас жадно вжикнувшая пуля кого-то, может, и его, достанет... Он почти два года был за пулеметом, но никогда не представлял, что за страшная сила горячая струя свинца, если бьют почти в упор, а под обстрелом надо лежать, лежать, не подавая признаков жизни, если хочешь уцелеть. Здесь даже вскрикнуть нельзя, иначе погубишь всех.

Пулемет находился не в блиндаже-дзоте, а на открытой площадке рядом, и под светом удаляющейся ракеты они видели блеск на каске солдата... Новая должность требовала, чтоб он привык к этим обстрелам, и разведчики утверждали — привыкнет! Вот еще раз-другой сходит с ними, и все войдет в норму. Такое, мол, с каждым...

Утро выдалось яркое, зоревое. Крутов только что вернулся с передовой, обмундирование на нем мокрое от росистой травы. Он поставил на столбик перед собой котелок с водой и начал умываться. День обещал быть жарким, он хотел уже снять с себя гимнастерку и повесить на забор сушить, но в это время послышалось низкое, с подвыванием гудение «юнкерсов». Он безошибочно их угадывал по звукам, вот они сами показались, наплывают звеньями... Часто, дробно начали бить зенитные орудия, и черные разрывы испятнали небо перед самолетами. Первое звено спикировало на какую-то цель. Вздрогнула земля, а потом докатился и тяжкий звук разрывов. Бомбили Макарово и переправу через Обшу, так определил Крутов. На передовой, где-то в районе обороны на левом фланге дивизии, поднялась артиллерийская пальба, гул орудий прорывался, когда стихала на время бомбежка. На крыльцо выскочил начальник штаба Минаев, какое-то время прислушивался и снова нырнул в избу.

Крутов вошел следом. Минаев разговаривал с началь-

ником штаба соседнего полка, спрашивал обстановку. Ему сказали, что батальоны атакованы крупными силами пехоты и танков, идет бой, положение уточняется... Минаев начал обзванивать свои батальоны, комбаты отвечали, что наблюдают бой у соседей, а у них перед городом пока спокойно. Подразделения приведены в готовность.

— Крутов, садись за телефон! Обзванивай наблюдательные пункты, подразделения, уточняй обстановку!

Скрытый этап операции «Зейдлиц» закончился, началась ее завершающая фаза.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Генерал-полковник Козин внимательно следил за нарастающими событиями, вчитывался в строки донесений, где говорилось о наращивании вражеских сил, выслушивал доклады начальников. Все яснее обрисовывался замысел противника, хотя оставались непонятными некоторые моменты. Вдруг за малой частной операцией последует удар большей силы негде-то под Белым, а на другом участке? Что замыслил Гитлер на предстоящее лето? Где решил взять реванш за поражение под Москвой? Ржевский выступ является ближайшим направлением на столицу, и не будь этой постоянной угрозы Москве, гитлеровцы не держались бы за Ржев, Вязьму с таким упорством.

Наступление одной танковой и одной пехотной дивизий для командира стрелковой дивизии — серьезное испытание, для командующего армией — серьезный повод для беспокойства, а для фронта — обыденный эпизод, не дающий предлога для особой тревоги. Не волновался и Козин, хотя получил сообщение о начавшемся наступлении врага под Белым. С такими силами, как у неприятеля — две дивизии, — он может незначительно продвинуться, только и всего. Даже если танковая дивизия и укомплектована по штатному расписанию, сотня танков не такая уж и сила, чтоб рассчитывать на крупные успехи. Танки у немцев легкие и средние — Т-III и Т-IV, они имеют слабую броню, маломощные пушки. Какую-то часть машин побьет сама пехота, а против остальных... В резерве у командующего армией Таранина две стрелковые и кавалерийские дивизии и танковая бригада. Ими можно надежно блокировать прорыв, приостановить наступление. На первый случай сил вполне достаточно, резервные дивизии стоят неподалеку на армейских оборонительных ру-

бежах, они могут вовремя подойти на помощь атакованным. Планы оборонительных боев в штабах отработаны. Но Козин полагался не столько на армейский резерв, сколько на собственный — укомплектованную танковую бригаду. Все командиры-танкисты имеют большой фронтовой опыт. Начинали войну у самой границы в Прибалтике, оборонялись, сами контратаковали врага, прорывались из окружения, бились с врагом под Лугой и у стен Ленинграда. Когда дивизия растеряла в боях почти все машины, ее вывели на переформировку. На базе дивизии создали танковую бригаду, поскольку такая форма организации больше отвечала духу времени и требованиям фронта. Три месяца личный состав ждал новую технику, учился. Из заводских цехов прислали танки КВ и Т-34, хорошо зарекомендовавшие себя в боях. Бригаду передали Калининскому фронту. Командир — полковник Ковалев, опытный офицер с высшим академическим образованием, волевой, напористый, проявивший себя и эти свои качества в летне-осенних боях сорок первого года, — пришелся Козину по душе.

Козин распорядился поставить бригаду неподалеку от Белого в лесном урочище Поповка. Это обширный массив заболоченного леса между двумя сходящимися клином дорогами Нелидово — Белый и Мостовая — Белый. Бригада добиралась туда своим ходом по сырым дорогам, лежневкам и гатям. Тяжелые машины полностью разрушили за собой дорогу и поставили под угрозу снабжение армий, находившихся в районе Белого и под Сычевкой. Но с такой неприятностью приходилось мириться, поскольку перебросить бригаду другим путем невозможно. Фронтовые саперные батальоны за две недели восстановили дорогу. Главное, что все машины бригады пришли к указанному месту, и полковник Ковалев доложил о полной готовности. Офицеры фронтового штаба бронетанковых войск проверили маскировку бригады. Машины надежно укрыты от наблюдения с воздуха. Вражеская «рама» несколько раз делала облеты урочища, но ничего не заметила, иначе покружилась бы над подозрительным местом. При необходимости бригада явится «приятным» сюрпризом для неприятеля. Расположена она удачно: за ее спиной нелидовский большак, а перед ней дорога на Мостовую. Планы контрударов отработаны, офицеры бригады провели рекогносцировку и все дороги знают. Вблизи бригады никаких других войск, чтоб не демаскировали ее и не навлекли вражескую авиацию. Да и нечего делать войскам в заболоченном лесу, где не окопаться.

Резервы армии на рубежах рек Лббы и Лучесы. Непода-
леку от бригады деревеньки Веревкино и Нестерово, но и
там ни тылов, ни войск нет.

Когда Козин впервые появился в Нестерово, старики-
жители поведали ему, что в двадцатом году в конце ав-
густа к ним в деревню приезжал на охоту Ленин. С ним
были его брат Дмитрий Ульянов, Крыленко и Жуков. Они
приехали по старому ржевскому тракту со стороны Оле-
нино на двух крестьянских подводах. Егерь Виноградов
был предупрежден письмом от знакомого, служившего в
охране Кремля. Тот попросил его не только устроить го-
стя, но и оказать ему всяческое содействие, поскольку он
занимается важной и трудной работой и ему необходим
отдых. Егерь договорился с дальней своей родственницей
Трошениной: дом у нее был побольше и почище... Стари-
ки показали Козину этот дом.

Правда, Ленин и его спутники поселиться в горнице
не пожелали, ночевали на сеновале на сене, там тепло
и свежий воздух. Вставали чуть свет, шли купаться на
речку Лббу, потом завтракали и отправлялись на охоту.
Ленин себя по фамилии не назвал, но егерь узнал, что
за гость к ним пожаловал, сказал, что слышал его речь
на Финляндском вокзале. Ленин не стал отрицать, позднее
много разговаривал с крестьянами Нестерово и Крапив-
ны о деревенском житье-бытье. Охотились на тетеревов и
перепелов. Тут уж егерь старался навести охотников на
дичь, понимал, что у Ленина не часто выпадает время
для отдыха. Из деревни гости ушли пешком, так как ло-
шади сбежали от возницы. Лишь в Крапивнах их нагнали
новые подводы...

Хорошо бы сберечь эту деревню в целости, но удастся
ли? Завяжется бой вблизи, или налетит вражеская авиа-
ция, чем заслонишь ее домишки? А сельчане столь охотно
рассказывали о Ленине неспроста, а с намеком и тайной
надеждой на защиту. Это Козин понял сразу...

Что ж, пусть гитлеровцы покажут, проявят яснее на-
мерения, а там будет видно. Если Таранин не сладит с
ними своими силами, тогда можно двинуть и бригаду —
все отработано, и помешать, спутать планы может толь-
ко авиация. Против нее выставить нечего, кроме слабой
защиты зенитными средствами самих частей. Как бы ни
повернулся ход событий, дальше деревень Паново и Пуш-
кари противнику не пройти, а это каких-то семь километ-
ров на север от Белого.

О том, что к этой операции гитлеровцы могут при-
влечь силы и с других участков фронта, в частности из

самого Ржева, как-то не думалось. Козин считал, что враг будет действовать только со стороны Белого, с одного направления. Он не предполагал, что летняя кампания задумана Гитлером шире, что на этот раз под угрозой окажется не Москва, а Сталинград, Кавказ, что замахнулся враг одним ударом лишить Красную Армию нефти, угля, хлеба и тем поставить ее на грань катастрофы. А здесь, под Белым, Гитлеру необходимо лишь высвободить свои войска для решающего южного направления...

События нарастали стремительно. Рано утром гитлеровцы ударили небольшими отрядами пехоты и танков по позициям дивизии, оборонявшейся западнее и юго-западнее города. Что это было — разведка боем, чтоб прощупать стойкость защитников, или попытка оттеснить наши части от города, улицы которого плотно загромодили войска, — сказать трудно. Лишь за последний перед общим наступлением день в Белый прошли сто шестьдесят автомашин, тридцать танков, двадцать три орудия, две сотни повозок с грузами и до тысячи человек пехоты. Вся эта масса пехоты и техники укрывалась среди развалин, в каменных домах, в распадках и за валами древней крепости, и любой посланный в город снаряд нашел бы свою жертву. При согласованных действиях дивизий Горелова и соседа, стоявших одна с востока от города, другая с запада, можно было нанести противнику значительный урон еще на исходном положении. Но либо командарм Таранин об этом не думал, либо не считал такое возможным из-за недостатка снарядов, попыток согласовать действия соединений, нацеленных на городишко, не делалось. А враг, видимо, чувствовал уязвимость своего положения и первым делом решил себя обезопасить.

Юго-западнее города отряд гитлеровцев силой до батальона внезапно атаковал наше боевое охранение и ворвался в хуторок Торчилово, но тут же был оттуда выбит. Западнее города действовали два пехотных батальона с танками. На первых порах они захватили наши окопы и продвинулись по дороге до Асташутино. Начальник артиллерии сумел организовать залп батареи «катюш» по гитлеровцам. Для тех огневой удар оказался ошеломляющим, под разрывы попали и пехота, и танки, враг понес сразу большие потери. Противник начал грузить убитых и раненых на броню машин и отходить к городу. Наши тут же перешли в контратаку и восстановили положение. Во второй половине дня противник повторил атаку, но на этот раз им не уступили ни пяди. Эти атаки явились сигналом, и Таранин выдвинул из армейского резерва в

тылы гвардейцев стрелковую, кавалерийскую дивизии и танковую бригаду. В составе последней едва набиралась треть боевых машин из числа положенных, да и те, латанные-перелатанные, битые и штопанные, нуждались в заводском ремонте и могли в любой момент выйти из строя. Танки имели неполную заправку, почти израсходовали ее, пока вышли в выжидательный район — в лес южнее Егорья, и на какой-то маневр возможности не имели. Отсюда резерв мог действовать и в сторону Белого, и в сторону открытого фланга гореловской дивизии. Лес мог укрыть и пехоту, и танки от наблюдения и возможной бомбежки. Еще одна стрелковая дивизия из армейского резерва находилась дальше, более чем в суточном переходе, на полпути между Белым и Нелидово. Она тут же получила приказ сняться с позиции запасного рубежа и прибыть в район Подвойского. Пока все шло по плану...

Таранин знал, что гореловская дивизия (он все еще так ее называл, хотя там уже неделю командовал полковник Савельев) слишком ослаблена, что ее фронт растянут настолько, что поставь всех солдат в цепь — и один от другого будет на двести метров. Он принимал меры к ее поддержке, но не мог предположить, что реальное ее положение много хуже, чем он думал. Дивизия была ослаблена не столько из-за широкого фронта обороны, а сколько от того, что из ее состава взяли большое число опытных солдат и сержантов — бывших окруженцев, а вместо них влили малопригодных, неподготовленных. В любом случае, каковы б они ни были, они не готовы встретить врага, не оглядевшись, не овладев навыками боя. Почти сорок процентов новых бойцов вовсе не понимали русских слов, команд, и, не притершиеся, не обстрелянные, они ослабили и стойкость тех бывалых, что еще оставались в частях.

Полк Атаманова не имел сплошной обороны, подразделения держались в отдельных опорных пунктах на рубеже: Головеньки, высота 214,8, Косилово, Тараканово. Между этими пунктами не имелось ни должной огневой, ни зрительной связи. Справа полк соприкасался с полком Афонина, а левее на многие километры простирался «партизанский» край — открытые, вовсе не защищенные места. Следовало сразу предполагать, что эти опорные пункты могут лишь предупредить о появлении противника, заставить его развернуться в боевые порядки, но долго не продержатся.

На защитников опорных пунктов и обрушился первый удар врага. Открыла огонь артиллерия, налетела враже-

ская авиация, группами по пятнадцать—двадцать самолетов закружилась, вываливая на окопы и домишки сотни бомб. Следом показались танки в большом числе и за ними пехота...

Полковник Савельев был разбужен грохотом бомбежки, частыми выстрелами зенитных орудий, клочкотанием счетверенных пулеметных установок. Самолеты звеньями пикировали на мостик через Обшу и на деревню, где располагался штаб дивизии. Не будь помехой огонь зенитных орудий, самолеты в момент превратили бы деревню в груды пылающих развалин. Но перед самолетами все небо в клубках грязно-черных разрывов, за крыльями тянутся пушистые трассы пулеметных очередей, они возникают и перед кабинами пилотов. Один бомбардировщик задымил, потянул за собой черный хвост и вдруг свалился на крыло и врезался в землю. Черный столб огня и дыма взметнулся на том месте, разбросал обломки. Все это видели летчики, поэтому спешили сбросить груз куда придется. Тут не до прицельного бомбометания. Но все же несколько деревенских построек поразметало взрывами, поднялся переполох, была нарушена связь.

Полковник Савельев не побежал прятаться в щель, но был ошеломлен настолько, что не владел собой. Руки, губы тряслись, лицо покрылось смертельной бледностью и казалось оклеенным пергаментной бумагой. Не лицо — маска. Шмелев видел не раз людей, объятых паническим страхом, они куда-то бегут, укрываются. Тут же был страх иного рода, не за личную жизнь, а страх перед необходимостью командовать, принимать решения, перед ответственностью. Шмелев впервые подумал, что с таким командиром хватит лиха, и горько пожалел, что нет рядом Горелова. Это действительно пришла беда — беда для Горелова, для него, Шмелева, беда для всей дивизии, и ничем ее не предотвратить, никакими указаниями дела не поправить.

Он, стараясь унять противную дрожь в руках, взялся за телефон, чтоб узнать обстановку в первую очередь у Атаманова. Успел услышать, что гитлеровцы атакуют с танками, что противник бомбит... Голос Атаманова пропал. Порыв...

— Але! Але! — зачастил связист с коммутатора, потом сказал, что на линии повреждение...

Стены избы ходили ходуном от близких разрывов, пол вздрагивал, со звоном вылетели стекла, и в избу ворвался дым взрывчатки. Грохот заставил Шмелева прижаться к стене.

— Может, на время выйдем? — предложил он Савельеву, метавшемуся по избе. — Все равно связи пока нет...

— Да, да! — машинально ответил тот.

Шмелев взял его под руку и повлек за собой. Щель находилась сбоку от дома. Кажется, самолеты удалялись, смолкал и грохот зениток. Прятаться не было резону. Шмелев увидел разметанные по бревнышку дома, один полыхал, желтый, ядовитого цвета дым свивался над соломенной крышей в тугой огненно-черный султан и тянулся высоко в небо. Возвращались из-под крутого берега реки солдаты и командиры, вылезали из щелей и прочих убежищ. Рядом с домом на огороде огромная яма с рваными краями, комя разбросанной земли. От этого близкого взрыва и повывлетали в избе стекла. Летчик немного не угадал...

Только потеря связи на добрые полчаса уберегла Савельева от опрометчивых решений, продиктованных растерянностью, позволила ему овладеть своими чувствами, взять себя в руки и рассуждать здраво. Сначала он порывался немедленно снимать с неатакованного участка батальон Афонина и слать его на помощь Атаманову, потом пришло в голову, что надежнее просить помощи у командарма, чем, конечно же, сразу уронил бы себя в его глазах. Но что он мог иное поделать, что предпринять? Ему и в голову не приходило, что бой — это прежде всего столкновение характеров, воли, что немедленно никакой маневр не делается, что нужно набираться терпения и ждать, ждать. Все возможное в данном случае делается на месте самими бойцами, сержантами, офицерами: они сражаются, укрываются, меняют позиции... Для него, Савельева, такое испытание выпало впервые, ему представлялось, что впереди все гибнет, и если тут же не подкрепить, то все рухнет. Раньше Савельев командовал училищем, требовал, чтобы учения максимально приближались к боевым условиям, но не думал, сколь серьезно война отличается от игры в бой...

Всяких навидался Шмелев за долгую службу, но чтоб такому доверили дивизию?! Может, потому лишь и поставили, что надеялись на постепенное обретение боевого опыта, поскольку основа — теоретические знания — все же имелась. А обстановка все спутала, взяла да и бросила неумеющего плавать на глубину. Вот и барахтайся, выбирайся! Сумеешь — станешь плавать, нет — уступишь место другому!

Шмелев полагал, что Атаманов и Миронов — комиссар полка, уже взяли события под свой контроль. Пора побе-

спокоиться насчет связи. Он потянулся к полевому телефону, крутнул ручку. С коммутатора откликнулись.

— Как там, с Атамановым могу говорить? Нет еще? Долго копаетесь! Живее надо шевелиться. А с верхом? Тоже нет? Дайте трубку начальнику связи. Троян, ты? Немедленно связь, любыми средствами! Что?.. Мне нет никакого дела. Понятно? У тебя батальон. Не можешь распорядиться, потребовать, так бери нитку в зубы сам — и на линию! Чтоб связь мне была!..

Главное сейчас — связь с атакованным полком, а в штарме сами побеспокоятся. Связь поддерживается сверху вниз, таков порядок.

— Может, все-таки вывести из обороны один из батальонов Афонина и послать туда? — обратился Савельев к Шмелеву, когда обрел способность рассуждать разумно и немного успокоился. Чувство ответственности помогло ему справиться с первым страхом и утвердиться в мысли, что без него никто не предпримет ответных мер.

— Враг только этого и ждет. Он тут же перейдет в наступление, стоит увидеть, что мы покидаем окопы, сядет батальону на хвост, и тогда все покажется, не сдержат. Вот восстановят связь, уточним обстановку и думать станем, что делать дальше. Нас не оставят на произвол судьбы, ведь у командования на такой случай наготове резервы, а нам только какое-то время продержаться...

Продолжительное зазуммерил телефон. Связь дали. С наблюдательного пункта откликнулся телефонист:

— Нас бомбили, ранены первый и второй...

— Кто из командиров есть поблизости? — в сердцах закричал Шмелев. — Позовите любого командира! Адъютант цел?

— Никого. Адъютант сопровождает раненых!

— Но вы-то сами что видите, или нет? Что там у вас делается?

— Сейчас посмотрим... С обороны отходят.

— Много?

— Нет, группами по четыре-пять человек, вытаскивают раненых...

В это же время гитлеровцы перешли в наступление и со стороны станции Мостовая на участке соседней армии, в которую перевели Горелова. Пехота и танки вклинились в наши позиции, стремясь прорваться на юг, на Нестерово и Белый. Части пока отбивались, не давали гитлеровцам распространиться и сломить оборону. Однако долго ли продержится атакованная дивизия, никто сказать не мог. Опасность прорыва и последующее затем

окружение соседних, стоящих у Белого частей армии генерала Таранина вырисовывалась столь очевидно, что надо было принимать срочные меры. Командарм направил к месту боя Горелова. Пусть помогает организовать бой, привлекает к обороне всех, кого сочтет нужным!

Теперь и генералу Козину стал вполне ясен замысел противника — встречными ударами от Мостовой и Белого отсечь соединения армий Таранина и Маслова от основных сил фронта. Армия Маслова находится в самой глубине — под Сычевкой, она перенесла тяжелые бои и более других ослаблена. Ее положение может оказаться очень опасным и сложным, если под Белым не удержаться. Что назревает удар и со стороны Оленино — с третьего направления, донесла воздушная разведка: замечено движение колонн от Оленино на Гусево. Хорошая погода подсушила дороги, и за машинами поднимались хвосты пыли, которые невозможно скрыть. Похоже, размах операции шире, чем вначале Козин предполагал.

Дорогу на этом третьем направлении «седлает» пока один полк в районе Шиздерово. Почему-то Таранин ничего о нем не докладывал. Неужто, увлеченные событиями под Белым, упустили его из виду и не заинтересовались, как там дела? Козин вызвал к телефону Таранина. Так и оказалось: пока что сообщения только из-под Белого. Армейский резерв подходит к месту боя...

Козин вызвал Маслова к аппарату и приказал немедленно сменить гореловский полк в обороне ближней к Шиздерово дивизией, чтоб не допускать прорыва гитлеровцев по большаку Оленино — Белый. Распоряжения были отданы вовремя и верные, но исполнение по разным причинам задерживалось. Дивизия, хоть стояла рядом с полком Сидорчука, не сумела быстро и организованно сняться с обороны и перебросить части на угрожаемый участок. Львиную долю времени отняла подготовка приказов и приказаний, их доставка в части, переговоры. Для быстрой рокировки по фронту не оказалось подходящих дорог, а обходные удлиннили маршрут. Гитлеровцы же атаковали Сидорчука, и он своим полком с трудом отбивал противника в полном одиночестве. Выручало лишь то обстоятельство, что противник наступал пока одной пехотой, поскольку для танков местность была неподходящей — заболоченной. Вот гитлеровцы и держали боевые машины во втором эшелоне, чтобы бросить их в наступление, когда пехота пробьет брешь и освободит дорогу.

За день ряды защитников сильно поредели. Уверен-

ности, что полк выдержит натиск и на другой день, у Сидорчука не оставалось. Он трезво оценивал свои возможности. Вечером он довольно откровенно изложил обстановку Савельеву и попросил разрешения отвести полк. Командир дивизии ответил, что положение частей под Белым плачевное, помочь он ничем не в состоянии, а приказа на отвод дать не может, ибо полк находится в оперативном подчинении армии.

Выручка к Сидорчуку пришла совсем неожиданно, уже ночью. Как с неба свалился Горелов. Запыленный с ног до головы, он появился в штабе полка. Тревога за этот третий полк ни на миг не оставляла его в течение дня. Как только к вечеру бой на позициях затих, он сел в машину и рванул из-под Мостовой в Шиздерово. Выслушав доклад Сидорчука, его сомнения, он категорически заявил:

— Ни о каком отходе и не думай! Выбрось из головы! За твоей спиной армия Маслова. Если гитлеровцы прорвутся на Шиздерово, они отрежут его соединения от сил фронта и поставят их в безвыходное положение. Принимай все меры, ставь всех тыловиков в окопы, но держись! Ты должен продержаться еще хотя бы сутки, за это время Маслов сам примет нужные меры. Сутки! Понял?

Горелов отказался даже от стакана чаю, тут же сел в машину, пожелал Сидорчуку, Матвееву, Лузгину успехов, тепло попрощался с ними и приказал шоферу трогать в обратный путь. И никто не предполагал, что это последняя их встреча. На войне о таких вещах стараются не думать, а уж говорить и подавно.

Горелов довольно правильно изложил им обстановку на фронте, в частности под Белым и Мостовой, сказал об угрозе окружения и только одного не знал, что Козин уже распорядился о смене полка, что сменяющие части на подходе. Маслову предстояло взять контроль над событиями, от которых зависела судьба его армии.

Часом спустя в штабе полка появились командиры — представители соседней дивизии с приказом о смене. Сидорчук тотчас выделил своих командиров штаба, и те повели их на позиции полка, батальонов. На дорогах выставляли маяков, чтоб они направляли подходивших. Пока в штабе оформляли акты на передачу позиций, пока проводили рекогносцировку с соседями, короткая летняя ночь кончилась. Наступил рассвет. В окопы батальонов вошла смена.

Гитлеровцы заметили перегруппировку и открыли

огонь. Назревала атака. Сидорчук и Матвеев помчались на передовую на свой командный пункт, поднялись на «вышку». С земли трудно вести наблюдение за полем боя, и командир полка приказал подготовить ему место на дереве. Поставили на ветках небольшую площадку для обзора, на которой могли уместиться от силы трое. Что-то задерживался командир сменяющего полка, а бой уже разгорался. Хотя акты на передачу позиций и подписаны, уйти Сидорчук не мог. Устав обязывал оборонять в таких случаях участок вместе...

На этот раз гитлеровцы применили иной тактический прием. Одновременно с атакой по фронту небольшие группы автоматчиков, проникшие разными путями в тылы подразделений, подняли стрельбу, деморализуя защитников видимостью окружения. Просочиться через разрывы в боевых порядках полка труда не составило, кругом заболоченные леса, кустарники, а обороняющиеся утомлены вчерашним боем, в окопах же сутолока, и не разобрать, где свои, где чужие. С автоматчиками шли и корректировщики-артиллеристы, чтобы наводить огонь батарей на командные пункты и другие важные цели. С началом атаки по фронту они начали действовать: резать связь, нападать из засады на бойцов и командиров-одиночек, обстреливать тех, кто ехал на передовую или в тыл.

Под минометный огонь попал и Сидорчук. Кто-то умело наводил огонь, разрывы все плотнее обкладывали наблюдательный пункт.

— Какая-то сволочь засела неподалеку и корректирует огонь, — сказал Сидорчук Матвееву. — Спустишь, пожалуйста, вниз и прикажи группе бойцов прочесать всю опушку вправо и влево... Мобилизуй для этого комендантский взвод и разведку...

Ветки деревьев способствовали тому, что мины рвались, не долетая до земли, и секли все вокруг осколками. Матвеев громко кричал вниз, отдавал приказания, и Сидорчук мог видеть, как группы саперов, разведчиков и бойцов комендантского взвода бегом устремились в стороны от наблюдательного пункта. Внезапно возникший вой летящих мин заставил Сидорчука прижаться к стволу ели. Мина рванула в кроне соседнего дерева, его обдало запахом взрывчатки и резко ударило в бок. В глазах потемнело, поплыло, но он удержался на ногах. Чувствуя, что теряет сознание, присел на площадку и ухватился руками за перильца ограждения. Второй разрыв рядом, уже на земле; оттуда он был защищен настилом. Внизу кто-то пронзительно закричал. В глазах Сидорчука все

закружилось, начало опрокидываться, и ему показалось, что земля летит ему навстречу, охватывая его глубокой темнотой...

Очнулся он на земле. Кто его туда стащил, как, или он сам свалился с дерева, не помнил. Жесткие руки санитара поддерживали его под мышки, а другой в это время сноровисто бинтовал ему грудь. Оголенное тело холодило от утренней свежести и росных капель, падавших сверху. Всякое прикосновение рук к ране отзывалось болью и заставляло его вздрагивать. Скосив глаза, он увидел рядом фельдшера с тремя «кубарями» на зеленых петлицах, что-то делавшего над другим раненым. Сидорчук видел оголенные до бедер окровавленные ноги, отброшенные в стороны взрезанные штанины. По откинутым хромовым щегольским сапогам признал раненого — адъютант Саша Давыдов. Он глухо стонал, видимо, в забытьи.

— Что с ним? — разлепил спекшиеся губы Сидорчук.

— Перебиты ноги, — ответил санитар. — Сейчас подойдет повозка, и вас троих в санроту...

— Кого троих?

— Так комиссара тоже зацепило и, похоже, контузило...

Сидорчук заметил подошедшего начальника связи полка капитана Бочкарева и поманил его к себе.

— Передай Лузгину, пусть отводит батальоны... Командует.

— Они уже отходят, штаб полка меняет место.

— Хорошо... — Сидорчук замолчал, говорить мешала какая-то острая игла, засевшая под ребром и забивавшая дыхание.

Молоденький фельдшер закончил работу, устало распрямился, смахнул с острого носа капельку и, отыскивая кого-то требовательным взглядом, спросил:

— Ну где они там? Пусть подъезжают, да будем грузить!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Военфельдшер полка Иван Акимович Викторов, которого за молодость и шуплую фигурку все звали Ваней, был по-юношески тонковат телом, лицом смугл, в движениях легок и скор. Особой смелости за собой он не чувствовал. Когда его позвали на командный пункт, чтоб оказать помощь раненым, обстрел еще продолжался. Он

не мог отстать от санитаров, которые поспешали впереди него, а не будь их, может, повременил бы где — так страшили его разрывы. Но дело исполнено, раненые отправлены на передовой пункт медицинской помощи, можно возвращаться в штаб полка. Он оглянулся, отыскивая взглядом капитана Бочкарева. Этот крепкий плотный мужчина, очень спокойный, внушал ему невольное уважение. Капитан командовал связистами, чтоб они проворнее сматывали провод на катушку и снимали телефоны. Вскоре все было готово, и Ваня пристроился к ним, чтоб вместе идти в штаб.

Нашли штаб полка в лесу. Лузгин решил здесь дожидаться подхода батальонов, чтоб потом общей колонной следовать к Белому. Никакого смысла нет рыть щели для укрытия. Пристроились кто за комлем толстого дерева, кто в ямке, кто просто улегся на землю. Курили, разговаривали, ждали. Над лесом кружила «рама» — разведывательный самолет, но на нее не обращали внимания — не заметит. Видимо, летчики все же что-то заметили, потому что «рама» закружила над одним местом настойчиво, и в лесу начали рваться снаряды.

Ваня лежал, прижавшись к плотному кряжистому капитану, устроившемуся за толстой сосной, и ему было хорошо, покойно под теплым боком, куда лучше, чем лежать одному и ждать, что вслед за нарастающим свистом раздастся взрыв... Снаряд разорвался неподалеку, и кто-то крикнул: «Фельдшера к майору Лузгину! Быстрей!» Ваня подхватился, прижал к боку санитарную сумку и бросился на зов. Начальник штаба лежал лицом вниз, в каске рваная дырка, на спине гимнастерка оплывает кровью. Ваня опустил на колени рядом с раненым, ему помогли перевернуть Лузгина лицом вверх. Отстегнули пробитую каску. Раны были в темя, в спину, в бок. Целый пучок осколков прошелся по нему. На губах пузырилась кровь, взгляд оставался безжизненным, ничего не выражающим. Не приходя в сознание, Лузгин сделал последних вздох и умер на руках у фельдшера. Ваня смотрел на него растерянными глазами и не знал, что делать дальше — перевязывать ли, или уложить и оставить на месте? Только что жил человек — и уже его нет. Непостижимо! Как можно в такое поверить?! Хоть бы кто-то сказал, что нужно делать!..

Внезапно его самого кто-то сильно толкнул в спину и придавил к земле. Одновременно раздался взрыв снаряда где-то вверху, и острая боль пронзила его правую голень, словно по самой кости ударили палкой. Сразу во

рту появилось что-то горячее, с привкусом крови. Все поплыло перед глазами. Какое-то время Ваня пролежал неподвижно, не смея и думать, что он ранен, а может, и убит, как только что Лузгин. Мазнув рукой по губам, увидел кровь. Значит, все-таки ранен. Неужели конец? Ведь и у Лузгина шла ртом кровь!.. Попробовал пошевелиться. Ничего, боль терпима, правда, острее отдавалось не в ноге, по которой ударило, а почему-то в области лопатки и в позвоночнике. Может, там просто ушибы?

Метрах в пяти, снова за деревом, капитан Бочкарев говорил с кем-то по телефону. Ваня сказал ему, что ранен и не знает, как теперь быть...

— Могло быть хуже, — ответил Бочкарев. Потом подошел к нему и начал его перевязывать. — В голень просто ударило, а на позвоночнике рана, чуть ближе к правой лопатке — другая. Если можешь двигаться, го поднимайся, я дам тебе сопровождающего и шагай на медпункт!

— Я попробую!

Ване было страшно отрываться от капитана, и он начал его уговаривать, чтобы тот шел с ним. Побыстрее с этого ужасного места, пока еще кого не убило. Ведь где ждать батальоны — одинаково.

— Нет, брат фершал-маршал, уйти с тобой я не могу. Ты же сам видишь, что все начальство повыбито, и оставить батальоны на произвол судьбы нельзя. Вот дождусь их, поставлю задачу на дальнейшее, тогда и пойду! Счастливо, браток...

Это «брат фершал-маршал» было у Бочкарева в ходу, он словно бы подтрунивал над молодостью Вани, его неопытностью. Он подал Ване руку, помог встать и махнул в сторону дороги: иди! Ваня потянулся было за санитарной сумкой с перевязочным материалом, но Бочкарев сказал: «Оставь! Тебе больше она не нужна, а здесь может пригодиться!» И Ваня, опираясь на плечо бойца-сопровождающего, поковылял из леса к дороге. В медпункте Ваня увидел раненых командира полка, комиссара и адъютанта. Их уже обработали и укладывали на повозку, чтобы отправить дальше — в санитарную роту в Боярщину. И тут, пока Ваня ждал обработки, на полковой медпункт доставили раненых капитана Бочкарева и командира комендантского взвода лейтенанта Купчука. Оба с тяжелыми осколочными ранениями. Бочкарев, бледный как полотно, лежал на носилках, не подавая признаков жизни. Только по тяжелому прерывистому дыханию можно было догадаться, что он в сознании, но страдает, ста-

раясь сдерживать стоны. Ваня подсел к нему и спросил, как его самочувствие. Не открывая глаз, капитан признался:

— Худо мне, брат фершал-маршал. Изменила мне фортуна...

Ваня припомнил, что только вчера, когда сидели в блиндажике на командном пункте, Бочкарев говорил, что судьба к нему милостива, бережет его. Может, теперь сожалеет о сказанном? О том, что раньше времени хвалился? И зачем он это говорил? Если везет, так молчи! Но это могло ему только показаться. Он сам ранен, боль корежит при каждом неловком движении, вяжет по рукам и ногам, и тут не до анализа чужих дум. Не время и расспрашивать человека в таком состоянии, о чем он думает. Все же он постарался ободрить капитана, сказал, что только бы им добраться до медсанбата, а там врачи хорошие, помогут... Но что пустые слова! Он уже понимал толк в ранениях и знал, чем могут обернуться раны, когда раздроблены бедренные кости, да еще в жаркое летнее время!

Бочкарева и Купчука продержали на обработке более часа и лишь потом отправили на повозке в Боярщину. Бочкарев и Купчук лежали на носилках, а Ваня сидел около них, подоткнув под себя сено. Ехали через деревни, в которых он не раз бывал, помогал больным. Жажда мучила Бочкарева, приходилось стучать в знакомые дома, чтоб вынесли воды. А раненому хотелось чего-нибудь кислого, острого. В очередной деревне Ваня попросил у хозяйки дома квасу, мало надеясь, что он у нее окажется. Хозяйка вынесла целую кринку, запотевшую от холода. Напившись вволю, Бочкарев сказал:

— Вот если бы поили таким квасом до самого госпиталя, все обошлось бы хорошо. Сразу стало легче...

Ваня был рад, что услужил наконец-то человеку.

В санитарной роте Ване сказали, что у него в позвонке застрял маленький осколок, но извлекать его лучше в медсанбате, а пока надо потерпеть. Теперь их отправили дальше на машине, опять всех троих вместе, да еще посадили четырех раненых и повезли к Белому. Шофер несколько раз загонял машину в кусты, укрываясь от вражеских самолетов.

В медсанбат раненых доставили к вечеру. Тут их разлучили. Ваню положили на стол и после недолгих, но очень мучительных минут занесли в избу. Там на носилках лежал командир комендантского взвода Купчук. Видимо, он сильно страдал, потому что не заговаривал и

не открывал глаз, а только временами глухо стонал и скрежетал зубами, вытягиваясь и напрягаясь. Его тяжело ранило, когда он повел своих бойцов отбивать наскок вражеских автоматчиков. Осколки попали и в кости, и в мягкие ткани обеих ног.

Ваня устроился рядом с ним на полу: то ложился, то вставал и все не находил себе места. Растревоженная рана не давала ему ни лечь, ни сесть, ни ходить. Как ни пристроишься, все не так, боль корежит тело. Ко всему прочему, очень хотелось есть. Со вчерашнего вечера во рту не было ни крошки, а своих припасов не имелось. О простом черном сухарике мечталось: так бы и погрыз, запивая холодной водицей. И боль, наверное, отступила бы! Ночь показалась ему длинной, как вечность.

Операция «Зейдлиц» набирала силу. Самолеты эшелонами заходили на бомбежку повсюду, где обнаруживали скопление войск. Стоило им появиться над полем боя, как гитлеровцы сериями белых ракет указывали направления для бомбометания. Особенно пострадали от налетов авиации артиллерийские батареи, выдававшие свое местонахождение столбами пыли, возникавшими при стрельбе. Орудия не на чем было перемещать на новые позиции, повыбило лошадей. Расчеты вели огонь до последней минуты, пока подавались команды с наблюдательных пунктов, пока действовала связь, пока танки не оказывались вблизи. Бороться с ними нечем, на огневых имелись только семидесятишестимиллиметровые осколочные гранаты и ни одного бронебойного снаряда. Приходилось снимать замки с орудий и отходить. Гибли от огня танков расчеты сорокапятимиллиметровых противотанковых пушек, вступавших с ними в борьбу поодиночке. С выходом гитлеровцев на северный берег речушки Вены, которая в какой-то степени прикрывала опорные пункты своими высокими и крутыми берегами, с полковой артиллерией было покончено. Подразделения полка Атаманова, выбитые с позиций, потерявшие телефонную связь, неуправляемые, теснимые врагом, под бомбежками отходили к реке Наче — другому притоку Обши. Каждый батальон, рота вели бой самостоятельно.

К концу дня оборона полка была полностью разрушена, все его позиции оказались в руках гитлеровцев. Теперь перед ними находился естественный рубеж — река Нача, небольшая, но с высокими берегами. Лишь ближе к ее вершине имелись подходящие для машин броды. Этот

выгодный рубеж был прикрыт войсками только возле устья Начи, хотя сама природа уготовила его как прекрасную отсечную позицию, которая могла надежно прикрыть оборону дивизии с юга. По плану на этом рубеже врага должны были встретить резервы армии, но они с выходом задержались и только еще сосредоточивались в районе Егорья, в десяти—пятнадцати километрах.

К тринадцати часам второго июля гитлеровцы овладели всеми опорными пунктами полка Атаманова: Головеньками, высотой 214,8, Косилово, Тараканово. К исходу дня подошли к реке Наче у Точилина и Шайтровщины, где находился штаб полка Афонина. Через речку гитлеровцы не пошли, справедливо рассудив, что встретят здесь отпор. Танки и пехота направились вдоль речки на восток, широкой дугой охватывая позиции гвардейской дивизии с тыла. Вечером танки вошли в совхоз Шамилово, возле которого имелся хороший мелкий брод, и двинулись дальше на Шевырдино, Бондарево. Все три этих населенных пункта находились уже севернее Начи, в тылу дивизии, и, естественно, никем не прикрывались. Острие вражеского клина указывало направление действий на следующий день — выход за Обшу на Егорье. Захват этого пункта на большаке сразу оставил бы без дорог армию Маслова.

Утро третьего июля начиналось, как и вчерашнее, зоревым, ясным, и в небе сразу загудели вражеские бомбардировщики. Они летели на Егорье и бомбили подходившие туда колоннами войска — резервную дивизию. Поступило сообщение, что в тылах в районе Ермолино немцами выброшен парашютный десант численностью до восьмидесяти человек, что танковая группировка в Шамилово за ночь получила подкрепление пехотой.

Афонин с комиссаром с раннего утра находились в Точилино на наблюдательном пункте. Перед позициями батальонов в Белом никакого движения. Казалось, что там и гитлеровцев нет, окопы опустели. Зато в тылу, в пяти километрах, в совхозе Шамилово находились гитлеровские танки. Куда они пойдут: дальше на Егорье или по шоссе на Шайтровщину и сомнут штаб полка? И с передовой никого нельзя снять, чтоб защитить свой тыл.

Майор Минаев вызвал Крутова и приказал расставить на окраине деревни бойцов комендантского взвода. Сразу за деревней глубокая и широкая лощина перекрывала дорогу. Вдали, в Шамилово, различные простым глазом, передвигались десятки танков. Видимо, выстраивались в боевые порядки, ждали, пока пехота позавтракает. Солн-

це хоть и било в глаза, но обзору не препятствовало. Крутов указал места для двух станковых пулеметов, расставил взвод и приказал окопаться.

Лишь через два часа, когда солнце поднялось высоко, около трех десятков танков от Шамилово двинулись на Шайтровщину. Шли медленно, чтоб не отрываться от следовавшей за ними пехоты. Встретить врага было нечем, и Минаев приказал штабу свертывать связь и переходить на другое место, ближе к Обше, на север. В километре от деревни остановились посреди ржаного поля. Шайтровщина вся на виду, она на высоком бугре. Среди домов уже передвигались танки, медленно, словно решили дасть время батальону, оборонявшемуся перед Белым, спокойно отойти.

Афонин из Точирино передал в штаб приказание, чтоб батальоны отходили за Обшу. Обороняться, когда за спиной танки, бессмысленно. Левофланговый батальон сразу отошел и отключился от связи, а правый что-то не отвечал на вызовы. Минаев попытался дозвониться до него, но связь не работала: где-то случился порыв.

— Крутов, быстро беги навстречу батальону, он должен отходить на Журы и Конново, и поторопи, чтоб не медлили!

Крутов повторил приказание и бегом припустил в батальон. Чтоб сократить расстояние, решил придерживаться не дороги, а линии связи. Он пробежал уже изрядно, когда сильное гроыхание заставило его оглянуться. В том месте, где он оставил штаб, черными султанами вздыбилась земля, а в небе хищными птицами кружило с десятков самолетов. Другая группа бомбила кого-то дальше, у Егорья. Видимо, там разворачивались части для контрудара, и гитлеровцы стремились сорвать их замысел...

Крутов уже приближался к Журам. Справа ржаное поле спускалось к Обше, а в другой стороне от полевой дорожки расстилалась луговина, и за ней стояла небольшая роща. Оттуда развернутым строем вышла группа солдат. Солнце било в глаза, и рассмотреть, свои это или чужие, ему никак не удавалось. Идти им навстречу он опасался, ибо утром позвонили в штаб и передали, что в нашем тылу немцы высадили парашютный десант. Вдруг это они и есть?! Но тут же близко передовая! И все-таки подозрение закралось в душу. Недоверие вызывалось тем, что на всех солдатах темное обмундирование, когда у бойцов с передовой, у кого ни возьми, выбеленное от пота, стирки, солнца и дождей. Они не могут выглядеть такими темными, даже если и смотреть на них против солнца.

И еще — каски. На каждом. А наши так неохотно их надевают даже в бою... Солдаты шли наперерез Крутову, они видели его на дороге. Передний даже взмахнул рукой, подзывая к себе. Оставалось каких-то сто—сто пятьдесят метров. Крутов все еще медлил, не зная, на что решиться. Может, свои из батальона, тогда и ходить дальше зачем? И тут на боку у одного что-то блеснуло. Гофры! Гофры на металлической круглой коробке с противогазом! Немцы! У наших парусиновые сумки. Но откуда они?..

Пулеметная очередь с руки, с ходу, взбила фонтанчики земли, пули жадно зацвели, и только потом донеслось тархтение выстрелов. Крутов прыгнул с дороги в высокую рожь, упал, несколько раз перекатился с боку на бок и сбежал в лощинку. Все это проделал машинально, бездумно, в каком-то сумасшедшем темпе, повинаясь инстинкту, а не разуму. Обща протекала рядом, среди высоких, заросших ольхой и ивняком берегов. Тут он отдыхался, перешел бродом на другую сторону и присел в кустах, чтоб обдумать положение. Будь батальон в своих окопах, гитлеровцы так спокойно не разгуливали бы в его тылу. Это не парашютисты ли в батальонном тылу? Все же надо было предупредить своих в штабе...

Крутов вернулся на дорогу. Осторожно огляделся. Гитлеровцы ушли, наверное, к переправе через Обшу в Конново. Эта деревня загорелась вся враз, словно на нее плеснули бензином. Густые столбы дыма, ядовито-желтые внизу, свивались над крышами с огненно-красными языками пламени и устремлялись в небо черными столбами. Павел повернул к штабу. Навстречу шли два связиста, они сматывали провод.

— Куда?

— Приказали смотать на катушки провод...

— Будьте внимательны, я только что встретился тут с гитлеровцами, — предупредил связистов Крутов. — А где штаб? На месте?

— Нет, перешел за Обшу. Нас бомбили. Начальник связи сказал, чтобы мы искали своих в Беганщине...

Значит, идти назад незачем. Павел снова перебрел через Обшу. На перекате, где от быстрого течения волновалась вода и хорошо обозначила мелкое место, воды было чуть выше сапог, а дно твердое, каменистое. Выбравшись из прибрежных кустов на чистое высокое место, Крутов увидел гитлеровцев. От Конново они закрайками полей, кустарниками, то скрываясь в них, то снова показываясь, пробирались к Гридинской высоте. Дорога на

Беганщину тоже лежала у подножия этого холма. На карте он обозначался как высота 228,4. Самая высокая в районе Белого. Расположенная среди низин, круглая, она выглядела внушительно. С восточной стороны ее склон до самого верха распахан, и там колосилась спелая рожь, как и на окрестных полях. Павел машинально сорвал горсть колосков, хотел вытерebить зерна, но они были еще мягкие, молочные. «Жать рановато, — подумал он. — И неизвестно, кому придется...»

На дороге у подножия высоты толпились бойцы и командиры, что-то громко приказывал им незнакомый Крутову полковник. Артиллеристы отстегнули упряжку лошадей и разворачивали орудие-дивизионку стволом в направлении высоты, укладывали рядом с пушкой запас снарядов, готовились вести огонь прямой наводкой. Глянув в сторону холма, Крутов увидел на самом гребне гитлеровцев. Они поспешно рыли там окопы, вверх летели комья земли...

— Лейтенант! — услышал он окрик. — Становитесь в строй!

Полковник всех, кто подходил — и рядовых, и командиров, — ставил в общий строй. Набралось человек пятьдесят. Когда артиллеристы приготовились к стрельбе, полковник приказал атаковать гитлеровцев на холме и выбить их оттуда, иначе они никому не дадут ни пройти, ни проехать по дороге. По его команде орудие оглушительно рывкнуло, столб рыжего дыма и земли взметнулся на самом гребне; выстрелы зачастили, и под этот беглый огонь все солдаты и командиры развернулись в цепь и пошли в атаку. Крутов видел, что гитлеровцы бросили окапываться и побежали за гребень, спасаясь от осколков рвавшихся снарядов.

— За мной! Вперед! — кричал полковник, размахивая пистолетом.

Цепь дружно шла за ним. Павел держал карабин наперевес, он подобрал его на дороге, видно, оставил какой-то раненый, заодно бросив и подсумок. Высокая рожь шелестела колосьями, скрывая его выше пояса. Снаряды с визгом проносились над цепью, заставляя идущих пригибать невольно голову. Под такую «музыку» идти бы до самой цели! Но снаряды быстро кончились — надолго ли хватит запаса в зарядном ящике! Как только смолкли орудийные выстрелы, тишина повисла над полем. Она была настолько глубокой, вязкой, что вначале ошеломила Крутова, подавила все звуки, и только какое-то время спустя они начали выныривать на поверхность, и стали

различимы шаги идущих рядом людей, тяжелое дыхание...

Как собаки из подворотни, из-за гребня холма выныривали гитлеровцы, прыгали в недорытые окопы. Затакавали, сливаясь в скороговорку торопливых очередей, пулеметы и автоматы, и пули густо засвистели над головой, защелкали разрывные. Солдаты попадали в рожь, поле враз опустело. Вражеский огонь утих как по команде. Крутов лежал и ждал, что полковник снова позовет подниматься, но тот молчал. Вставать под пули не хотелось, он знал, что если кого ранят, то никто не станет их выносить, спасать. Все отходят, каждый занят самим собой. Чьи-то близкие шаги заставили его приподняться, посмотреть. Солдаты повернули назад, спускались к дороге. На холме снова замелькали лопаты и комья выбрасываемой земли. Гитлеровцы спешили закрепиться...

Вечерело. Погода, ясная днем, хмурилась, наплывшая низкая облачность густела, начал накрапывать дождик. Все шли в деревню Жилинщину, ее домики чернели неподалеку от Гридинской высоты, и в окопах проклевывались первые робкие огоньки. Там можно переночевать, устроиться под чьей-нибудь крышей, пусть даже не в избе, а в сарае, овине, амбаре. Уже третью ночь Крутов проводит на ногах, уснуть удавалось лишь урывками, и спать хотелось так, что готов был упасть где попало. И снова, уже в деревне, кто-то из начальников дивизии начал собирать вокруг себя командиров. На этот раз набралось человек сорок, только офицеров. В сумерках Крутов не мог разглядеть, кто перед ними — полковник или полковой комиссар, видел только «шпалы» в петлицах, а что на рукаве — шевроны или звездочка — не понять, потому что полковник стоял и держал руки за спиной.

— Ну, гвардейцы... — Он обложил их площадной бранью. — Не могли выстоять в окопах, так держитесь теперь за землю хоть зубами, и чтоб ни шагу назад. Всем в оборону...

Он вывел строй за деревню, приказал окопаться и ушел. Павел вырыл малой шанцевой лопаткой ячейку по пояс, прикрыл бруствер ржаными колосьями, настелил немного и под себя, поудобнее привалился спиной к стенке. Рядом еще переговаривались, копали землю другие, а потом все смолкло. Тихонько, редко накрапывал дождик, теплая летняя ночь обволокла землю. Темная и непроглядная, она словно бы накрыла всех черным одеялом...

Проснулся Крутов рано, зорька на востоке только раз-

горалась, земля слегка парила после малого дождя, на траве, листьях дрожали дождевые капельки. Он совсем не чувствовал ног — онемели. Кое-как разогнулся, выполз на руках из тесной ячейки, поднялся и начал массировать ноги. Вокруг никого. Еще с вечера командиры вырыли ячейки, а спать ушли в деревню. Куда идти? В Жилинщину, где спят остальные, или в Беганщину отыскивать свой штаб? Раздумья кончились враз: гудели, приближаясь, самолеты. Головной словно бы клюнул носом, наклонился и с воем пошел в пики. От фюзеляжа отделилась черная капля — бомба. Следом спикировал на деревню другой. Громынуло совсем близко, возле крайних домов деревни, и черный султан разрыва взметнулся выше крыш, выше деревьев. Следовало уходить подальше. Земля громыкала, выбрасывала черные фонтаны; небо гудело десятками моторов, визжало от перегрузок, выло от падающих бомб. Эскадрильи сменяли в небе друг друга, не давая передышки...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Командующий армией Таранин с начальником оперативного отдела направлялись в штаб атакованной дивизии, чтобы на месте уточнить обстановку. Заодно Таранин решил проверить, как действует армейский резерв. Штаб дивизии все еще находился в Макарово, хотя его уже следовало перевести куда-то дальше, за Обшу. Пока ехали через Пушкири, видели бомбежки и бой частей, которые держали оборону северо-западнее Белого. Похоже, там разгорался танковый бой. Таранин еще вчера приказал снять с обороны юго-западнее города, с неатакованного участка, стрелковый полк и перебросить его севернее Белого, чтоб остановить здесь продвижение гитлеровцев. Для усиления придал полку танковую роту с десятком машин. Они-то и вели бой. На машине командующий быстро проскочил по дороге опасные обстреливаемые места. Полковник Савельев сразу провел их в кабинет — вторую половину изб. Первая растерянность у него прошла, но похвалиться было нечем: управление частями утрачено.

— Докладывайте, что у вас делается! — потребовал Таранин.

— Связи с полками нет, поэтому могу доложить обстановку лишь в общих чертах, — сказал Савельев.

— Да вы садитесь, — указал ему Таранин на стул. — Разговор долгий...

— Полк Атаманова выбит с позиции в первый день боя. Командир и комиссар ранены, выбыли из строя. Могу лишь предположительно указать место, где обороняются отдельные подразделения Шарова. — Савельев потянулся к карте, чтобы указать названный пункт. — Высокая, высота 206. Впрочем, сказать, что на высоте еще держатся, не могу, сообщение вчерашнее. Полк Афонина снялся с позиций, потому что танки вышли ему в тыл. Где находятся батальоны, штаб, пока неизвестно, связи с ними нет со вчерашнего дня. Послал офицеров на розыски полка. Замечено, что танки противника, свернув оборону полка, из Шайтровщины и Точирино повернули на север к Обше, заняли Гребенщину, Журы. В Конново имеется переправа, поэтому предполагаю, что танки за ночь переправились и будут наступать дальше — на Гридино и Жилинщину. Гридинская высота — господствующая в том районе, еще вчера захвачена вражескими автоматчиками, отбить не удалось...

— Ну, а ваш третий полк? Что с ним?

— Связь утрачена вчера в полдень. Последние сообщения таковы: оборону передали соседней дивизии, но похоже, что задержать противника не удалось ни им, ни соседям. Командир тяжело ранен, комиссар контужен, начальник штаба убит...

— Кто же ими там командует?

— Где подразделения, кто их возглавил, неизвестно...

— Связь со штабом имеется?

— Так точно!

— Полковник, — обратился Таранин к своему начальнику оперативного отдела. — Звоните, узнавайте обстановку в других частях. Как там наш резерв?

Через несколько минут полковник доложил, что резервная дивизия вела наступление на Бондарево, занятые гитлеровцами, но встретила крупные силы пехоты и танков, к тому же была атакована авиацией и вынуждена была отойти. Противник прорвался до Ольшаников и Чернышей, идет бой...

— Черт возьми, это же рукой подать от вашего штаба! — воскликнул Таранин. — Почему не смените место штаба? Кто-нибудь охраняет штаб с тыла?

— Батарея зенитных орудий и машины ПВО, — ответил Савельев. — Приказал им быть в готовности к борьбе с танками противника...

— Где наша кавалерийская дивизия? Она чем-нибудь занимается полезным или отсиживается в лесах?

— Им нельзя показать носа из леса, сразу бомбит

авиация, — ответил начальник оперативного отдела. — Одним полком она ведет бой за Смоляны, двумя другими — в лесу...

— Ну, проку от них и ждать нечего. Дальше...

— Вторая резервная дивизия вышла в Подвойское пока только одним полком.

— Кажется, мы уже сообщили во фронт, что вышла полностью. Придумайте какую-нибудь вескую причину задержки, когда будете писать сводку. Где танковая бригада? Вышла в Нестерово?

— От нее никаких сообщений.

— Но приказ фронта, чтоб она туда вышла, ей передали?

— Так точно, еще вчера. Принял лично начальник штаба — майор...

— Почему не сам полковник Ковалев?

— В штабе не знали, где он находится...

— Новость... — фыркнул Таранин. — Ладно. Прикажете, пусть немедленно пошлют кого-нибудь в бригаду и проверят, где она. В сводке укажите, что бригада задержалась с выходом на Нестерово по причине разрушения дорог авиацией...

Позвонил Савельеву начальник артиллерии дивизии Середин: на подходе к позициям батареи замечены танки. Чьи — установить пока не удастся, еще далеко. Артиллеристы боятся ошибиться. Вдруг это наши танки, действующие с соседом? Что делать?

— Какое мне дело? — сдерживая вскипавшее раздражение, ответил Савельев. — Или я за вас пойду разбираться? Бейте хоть всех подряд, только воюйте! — Он в сердцах бросил трубку.

— Что ж, полковник, вижу, что ничем хорошим вы нас не порадуете. Собирайте кого только можно, группируйте, ставьте в оборону, организуйте бой. Кстати, почему не вижу комиссара?

— Шмелев занят с полковым комиссаром из политотдела армии.

— Ладно, командуйте, распоряжайтесь! Не обращайтесь на нас внимания.

Но Савельев не знал, за что взяться, кому и о чем звонить. Будь еще он один, а то за каждым словом, действием будет невольно следить командарм! Вызвал по телефону начальника связи: отвечают ли полки?

— Пока ни с кем связь установить не можем! — ответил майор Троян.

Савельев с тоской прислушивался к грому ханю близ-

кой бомбежки. Это по резервным частям — по соседству была вражеская авиация, нарушая связь, мешая передвижению, организации боя, подходу подкреплений.

Резко и громко зазуммерил аппарат армейской связи. Савельев схватил трубку и тут же передал ее генералу Таранину:

— Вас просят, товарищ командующий!

Звонил начальник штаба армии. Срочное сообщение: противник атаковал части, обороняющиеся под Мостовой крупными силами пехоты и танков. Около тридцати танков и машин с пехотой прорвались из Мостовой через боевые порядки и устремились по большаку на Ивановку и Нестерово. Сосед сообщает, что у него задержать врага нечем. Просит принять меры...

— Товарищ командующий, — продолжал начальник штаба, — от Нестерово до Белого восемнадцать километров, для танков и машин каких-то полчаса ходу. Я опасаюсь, как бы гитлеровцы, наступающие от Белого, не соединились с этим танковым десантом. Может, вам лучше вернуться в штаб?

— Да-да, я сейчас же выезжаю. Но что там делает танковая бригада? Ее можно скovyрнуть с места, сдвинуть, или нет? Вы проверили, где она?

— Так точно. На прежнем месте. Послал офицеров штаба. Найти командира бригады не удалось, похоже, он просто нас игнорирует...

— Нет, это переходит всякие границы. Я сейчас же доложу командующему фронтом. Але! Соедините меня с генералом Козиным! Это Таранин...

Козин выслушал доклад Таранина спокойно. Он сразу понял угрозу войскам из-за прорыва группы танков и мотопехоты на Нестерово.

— Я приму немедленные меры, пошлю в бригаду командующего бронетанковыми и механизированными войсками фронта. Вы-то сами что намерены делать?

— Возвращаюсь в штаб армии. Первый же батальон, который окажется ближе, ставлю на большак, чтоб перекрыть путь этим танкам...

— Действуйте! — согласился генерал Козин. — Бригаду я подтолкну!

Таранин положил трубку телефона, какое-то время сидел задумавшись, потом обернулся к Савельеву:

— Вот что, полковник... Прикажи-ка, пока не поздно, своим тылам сниматься. Пусть выходят лесными дорогами на Нестерово или на Пушкарки и дальше на нелидовский большак, да поскорей. Не медли с этим...

...Ирина Макарова вернулась из второго эшелона дивизии, где проходила практику работы на радиостанциях всех основных типов, имевшихся в войсках на вооружении. Начальник сказал, что приходил из соседней части какой-то сержант, спрашивал ее. Она обрадовалась: неужели Павел? Уже вернулся с курсов? Но почему сержант? Ведь ему должны присвоить звание среднего командира. Она начала расспрашивать, каков с виду был сержант — высокий, брюнет? Начальник только пожал плечами: что-то не разглядел. Сержант и сержант, без особых примет. Не беспокойся, еще придет, коль узнал, что ты здесь!

Радости не было предела. Ее мечта сбывается, она встретится с Павлом и уж тогда от него ни на шаг. Надо проситься в часть, где он служит. Порывалась даже сама сбегать в эту часть, но что-то ее сдерживало. Как-то неловко даже представить, что сама заявится, незваная. Надо ждать...

Штаб дивизии стоял в деревне, а радиостанция — она снова была на колесах — в отдалении за речушкой. К ней надо идти через большое ржаное поле тропой, потом по бревну с перильцами через речушку. По сторонам тропинки васильки, васильки, синие глазочки. Невозможно пройти и не набрать букетик. Рожь уже колосилась, поднялась в полный рост, Иринка скрывалась в ней по грудь. Тропка ненаезженная, но плотно утрамбованная, по краям заросла травами — широкими листьями подорожника и стебельками пастушьей сумки, какими-то белыми с оливковым оттенком колокольчиками, стелющейся травкой топтуном. Сама сердцевина тропки выбита сапогами радистов, которым по несколько раз за день приходилось бегать в штаб и обратно. Дни, как на подбор, стояли ясные, безоблачные, теплые. По опушкам леса уже зрела земляника, ее духом напивался сосновый бор. Кукушки откуковали, умолкли жаворонки и другие мелкие певчие птицы, и только по краю поля, ближе к болоту, кружили чибисы, протяжно, будто жалуясь, вопрошали: «Чьи вы? Чьи вы?» Да еще пустельга всегда висела под полем, часто трепеща крыльями, чтоб удержаться на месте, зависнуть и получше высмотреть в хлебах мышь, или птенца, или какую кобылку...

Начало июля выдалось жарким, солнечным; на калининскую землю пришло долгожданное тепло. Иринка только что прибежала из штаба и уселась за рацию, как вдруг услышала близкие разрывы. Плохо еще разбираясь в звуках, она выскочила из машины посмотреть, не само-

леты ли бомбят деревню. Но в небе ни гудения самолетов, ни их самих, а по полю, где она только что бежала, вспухают сизыми волдырями разрывы и свистят очередные снаряды и мины. Прямо-таки шквальный огонь. В чем дело? Ведь в штабе дивизии все было спокойно, никакой тревоги она не заметила, и вдруг такой обстрел! Первое, что пришло в голову, — радиостанцию засекли, теперь жди, что огнем вот-вот накроет машины. Девчата прижались к колесам, приникли к земле. Начальник радиостанции вдруг вскочил и побежал в штаб, петляя полем, как заяц, чтоб не попасть под разрыв. Решил узнать, в чем дело, как ему поступить...

Эти тревожные, страшные минуты ожидания тянулись, как вечность, хотя времени едва ли прошло с полчаса. Огонь продолжался, снаряды рвались теперь и вблизи машин, и девчата не знали, где спасение. Прибежал запыхавшийся начальник, крикнул, что прорвались немецкие танки, надо немедленно отходить. Штаб дивизии уже снялся... Новый артиллерийский налет пришелся чуть ли не по стоянке машин. Радистки кинулись врассыпную.

— На большак! Всем выходить на большак! — кричал начальник радиостанции.

Эта команда привела Иринку к широкой гравийной дороге, по которой в дивизию доставляли продукты, боеприпасы, увозили в тыл раненых. А на ней столпотворение: обозы с имуществом, с ранеными, машины разных служб и штаба. Конные обгоняют пешех, ездвые стремятся вырваться с повозками вперед машин, все кричат, сигналият, требуют дорогу. Людская лавина течет во всю ширину большака и по обочинам. Все это вперемешку: люди, техника, повозки со скарбом. Иринка влилась каплей в широкий поток. Огляделась, нет ли кого из подруг или знакомых связистов? Только тут вспомнила, что, когда бежала от машины, забыла про свой вещевой мешок, а в нем белье, письма... Ладно, теперь поздно возвращаться! И откуда, когда взялись эти танки? Ведь все дни на передовой стояла тишина, будто и войны нет, и только вчера куда-то начали переходить войска. Но что может знать на войне рядовой? О планах командира, о событиях, пока они его не коснутся? Почти ничего. Тем более девчонка, вся служба которой ограничена стенками спецмашины.

Иринка шла в толпе отступающих, придерживаясь обочины, потому что на дороге не продохнуть от пыли, в толкучке не заметишь, как попадешь под копыта лошади или под колеса. Сколько она так шла без привалов, без остановок, сказать не смогла бы. Поток, казалось, сам

нес ее, как несет щепку полая вода. Время давно перевалило за полдень, хотелось есть, пить, в желудке подсасывало. Но все куда-то спешили, не могла остановиться и она. Куда идут — никто не мог сказать. Шли на запад, там возле Белого свои, там нелидовский большак...

Перед маленьким мосточком образовался затор. Люди накапливались, обозы напирали и теснили их в стороны, пробка разрасталась вширь, как ширится поток перед внезапной преградой. Иринка не помнила, кто закричал: «Воздух!» Когда она глянула — самолеты уже близко и заходили на бомбежку. Люди бросились от мостика врассыпную, кто искал спасения под берегом ручья, кто стремился убежать в сторону подальше, кто искал укрытия на земле. Иринке казалось, что если она упадет в какую-нибудь ямку, то именно тут настигнет ее осколок, и бежала, задыхаясь от страха и усталости. Последние силы покидали ее. Бомбардировщики уже над головой. Донесся хватающий за душу визг не то от самих самолетов на пикировании, не то от падающих бомб. Разрывы перекрыли все остальные звуки, землю встряхнуло, заколебало так, словно кто-то пытался выдернуть ее из-под ног. Иринка упала и обхватила голову руками: все, конец!.. Фурчали, разлетаясь, осколки, шлепались вокруг комья вздыбленной земли, один даже пришелся ей на спину, но она только сильнее сжалась, чтоб превратиться в маленький комочек...

Вспыхнули и загорелись чадным дымом машины, у перевернутых повозок бились и дико кричали в постромах лошади. Взывали о помощи люди. Самолеты снова зашли над побоищем, обстреляли из пулеметов и улетели.

Отовсюду, из ямок, канав, воронок поднимались солдаты и группами, безмолвные, не глядя по сторонам, чтоб не встретиться случайно с глазами, молящими о помощи, поспешно уходили в лес, подальше от большака, на котором их снова могли застать самолеты. Иринка оказалась среди этой массы людей совсем одинокой. Никому не было дела до девчонки в военной гимнастерке. Она и сама не знала, к кому ей примкнуть, с кем идти. Ей пришло в голову, что где-то в этой сумятице находится и ее Павел, и она начала метаться, отыскивать его или хотя бы тех, кто его знает. Занятие столь же безнадежное, как отыскивать иголку в стоге сена, но она надеялась, спрашивала всех подряд, нет ли кого из части, в которой он служил. Хоть плачь, хоть кричи — никого! Одни говорили, что эта часть должна быть где-то впереди, другие — обратное.

Все шли в одном направлении, шла и Иринка. Никто никем не командовал, каждый двигался самостоятельно, мог свернуть куда захочет, мог остановиться, но не делали этого, шли след в след за теми, кто прокладывал путь, и, видимо, знали, куда надо спешить. Остановок не делали, хотя начало смеркаться и быстро темнеть. Иринка спотыкалась о невидимые в сумерках корневища и валежины, ей казалось, что вот она упадет и тогда больше не встанет, тут же заснет от усталости, но откуда-то брались силы тянуться и не отставать. Хоть и незнакомые, но свои же люди! С ними не так страшно. Окажись одна в темном лесу, тотчас умерла бы от страха. Лишь где-то к полуночи остановились, попадали на землю, уснули.

На рассвете Иринка проснулась от сырости и прохлады. На ней все мокрое от обильной росы. Рядом, кашляя, ругаясь, поднимались солдаты, кляли все на свете, вытягивались друг за другом на тропу. Шли весь день. Еды никакой, никто ничего не варил, да и развести огонь нельзя — в небе гудят самолеты: заметят дымок — налетят бомбить. Теперь говорили определенно, что армия попала в окружение, но где-то есть еще не прикрытое врагом место, там можно проскочить. Только бы успеть. Но ближе к вечеру начали попадаться группы идущих навстречу, на восток. Эти говорили, что на нелидовский большак не выйти, потому что на дороге перед ним курсируют танки, ведут непрерывный огонь из пулеметов, не дают подступиться. В лесу много наших, немец бомбит... Уж лучше пробираться в сторону Оленино, там реже вражеское прикрытие, там легче выйти к своим за линию фронта. Эти разговоры внесли смятение, сомнения, разброд. Большие группы начали распадаться на мелкие: одни шли вперед с надеждой пробиться к своим, другие были склонны искать обходные пути. К ночи даже мужчины выбились из сил, начали говорить, что пора остановиться. Предлог был: прежде чем соваться к неведомой дороге, на которой сидит враг, надо же разведать, что там на самом деле. Добровольцы-разведчики ушли, но назад не вернулись...

В этой неразберихе Иринка вдруг увидела своих командиров из батальона связи — ротного и инженера. Они единственные, кто знает ее, кого знает она. Обрадовалась несказанно, прилепилась к ним, не отставала ни на шаг. Как-то вдруг развеялась, подевалась куда-то растерянность, прояснилось будущее. У них есть карта, компас, они знают, куда идти, и выведут ее. Она не пропадет!

На них можно положиться, они свои, не обидят сами, защитят ее от других. Под впечатлением этой радости она не замечала, что командирам совсем не улыбалось связывать себе руки заботой о ней — девочке. Они, не зная, что с ней делать, как поступить, недоуменно переглядывались, потом решили, что утро вечера мудренее. У командиров в сумках нашлись концентраты, котелок, спички. Развели маленький костерок в защищенном месте — среди густых елей, чтоб свет не замечен был сверху, сварили наскоро похлебку, и Иринка впервые за двое суток поела горячего. Но к голоду она привыкла еще зимой, голод ее не столь страшил, как одиночество. После ужина легли спать, чтобы утром рано отправиться дальше. Прикинули по карте, где находятся. Дорога Мостовая — Белый совсем недалеко, к ней вплотную примыкают леса и болота, там и надо ее переходить. За дорогой — свои!..

Командиры, склонившись над картой и присвечивая фонариком, рассуждали, как им быть дальше, а Иринка, прислушиваясь краем уха, свернулась калачиком в ложбинке между корневищами дерева, пригrelась и начала задремывать, и было ей радостно-спокойно, как никогда, и грезилось хорошее, что встретит Павла и уж тогда будет с ним рядом... Истомленная переходами, передвижениями, голодом и страхами, она уснула безмятежным глубоким сном...

Обстановка накалялась. Когда Таранин прибыл в штаб армии, стало известно, что танки и машины с гитлеровской пехотой прорвались в Нестерово и, похоже, закрепляются там основательно. Таранин понял, что противник решил плотно закрыть выход через Нестерово для тылов и войск, которые находятся восточнее Белого. До города противнику рукой подать, но не идет дальше, значит, ждет встречного наступления своих. Теперь решающее значение приобретали Пушкари. Удержим этот важный пункт — будет хоть плохой, но выход. Сдадим — окружение. В кольцо окажутся армия Маслова и большая часть соединений собственной армии Таранина. Вокруг леса, болота... Люди еще как-то могут пробиться, а для техники, тылов, сбозов нужна дорога.

— Немедленно передайте Ковалеву, пусть выводит бригаду в Нестерово и держит большак! — приказал генерал Таранин.

— Но там уже гитлеровцы, — неуверенно напомнил начальник штаба, полагая, что командарм об этом забыл.

— А вот это меня уже не касается! Сам промедлил, допустил их туда, сам пусть и вышибает! И если хоть один танк прорвется на Белый, Ковалев будет объясняться с Козинным. Приказ на выход бригады был отдан два дня назад самим командующим.

— Командующий фронтом изменил свое решение: получена шифровка выйти в Нестерово не бригадой, а одним мотострелковым батальоном...

— Ковалев об этом знает?

— Приказ вручен ему лично подполковником Бояровым — офицером штаба БТМВ фронта.

— Вот пусть и шевелится. Батальоном или бригадой — дело его. Лишь бы держал Нестерово. Пошлиге кого-нибудь из старших офицеров проверить исполнение. А то в бригаде, смотрю, все с гонором, не захотят и говорить с капитаном или майором. Надо добиться, чтобы на этот раз она приказ выполнила. Положение серьезное, на раскачку времени нет, сами видите. Что вторая резервная дивизия, скоро подтянет свои полки в Подвойское? Не узнавали?

— Обещают к ночи закончить сосредоточение. Авиация мешает.

— Хорошо. Сразу с утра пусть приступают к выполнению задачи. Передайте приказ: прочно удерживать рубеж Подвойское — высота 206 — высота 211,6, не допуская распространения противника на север, за реку Обшу. Одним полком, во взаимодействии с частями, действующими севернее Белого, ликвидировать противника, прорвавшегося в Гридино... — Командарм отдавал приказ, бегло взглядывая на карту, чтоб не ошибиться в названии населенных пунктов, не забываясь о том, успевает ли начальник штаба за ним записывать. Полагался на его память и понимание обстановки. — Первой резервной дивизии — продолжать атаки во фланг ударной группировки противника, не допуская его прорыва на Егорье. Держать локтевую связь с дивизией Савельева. Кавалеристы скованы авиацией противника, от них толку нет и не будет, пусть выходят в район Крапивны — восточнее Нестерово — и активными действиями не допускают подхода подкреплений к прорвавшемуся в Нестерово противнику...

Начальник штаба кратко записал указания командарма и через полчаса появился с приказом на подпись и с вечерней итоговой сводкой. Генерал Таранин сидел с членом военного совета — бригадным комиссаром Савиным. Обменивались мнениями. Таранин бегло прочитал отпечатанный боевой приказ, размахисто расписался и

протянул его на подпись Савину. Над сводкой задержался, сказал недовольно:

— Сколько еще будем морочить голову себе и командующему фронтом: вышла, не вышла, задержалась из-за бомбежки... Укажите: «Согласно приказу фронта вышла в Нестерово одним мотострелковым батальоном». И пусть как хотят, так и разбираются с этой бригадой. В конце концов она не моя, а фронтовая. Вас попрошу об одном: немедленно посылайте проверять, чтоб утром была полная ясность. — Обернулся к члену военного совета: — Надо ускорить выход тылов. У меня нет уверенности, что окружения не случится.

— Делаем все возможное. Авиация днем не дает никому ходу, нещадно бомбит, — ответил бригадный комиссар. — Медсанбат Савельева обозначил все свои машины опознавательными знаками Красного Креста и не помогло, растрепали всю колонну с ранеными.

— Выходили через Пушкири?

— Нет, лесными дорогами. Через Пушкири пути нет, враг с Гридинской высоты просматривает все подходы. Надежда только на Нестерово, но и там пробка. Там все же легче укрываться — леса.

— Туда всех и направляйте, может Нестерово все же отобьем назад...

На рассвете из танковой бригады вернулся офицер с результатами проверки. Он доложил, что бригада стоит на прежнем месте, что вопреки приказу в Нестерово послали не батальон с танками КВ, а всего лишь взвод автоматчиков. Противник обстрелял их, и они отошли в Веревино — деревушку в двух километрах от Нестерово...

— Чем мотивировал Ковалев такие его действия?

— Меня принимал начальник штаба бригады майор Голубев. Командир отдыхал и приказал его не беспокоить.

— Ну а Голубев? Он что? Почему послал взвод?

— Таков, мол, приказ командира бригады — послать взвод, чтоб прежде разведать, уточнить обстановку.

— Видимо, Ковалев ждет, чтоб к нему приехал Козин и лично передал приказ.

— Возможно. Во всяком случае со мной он встретиться не пожелал.

— Что ж, доложу командующему фронтом, пусть сам разговаривает с этим строптивцем.

Таранин понял, что Ковалев из самолюбия пошел на принцип и не сдвинется с места, пока к нему не обратится сам Козин.

Только показалось солнце нового дня, как в небе снова загудела авиация. Десятки бомбардировщиков безраздельно хозяйничали над полем боя, потому что зенитчики расстреляли весь свой боезапас. Разрывы уже не выстилали перед самолетами путь, и летчики могли вести машины на предельно малой высоте, отыскивать цели и бомбами прокладывать дорогу своим танкам и пехоте. Наступление велось по двум направлениям: со стороны совхоза Шамилово на Егорье и от Белого на Пушкири. В каждой группировке по тридцать—сорок танков и пехота. Они теснили части резервной дивизии к Обше. Наступление шло медленно, но неотвратно, словно гитлеровцы прежде тщательно выверяли каждый свой шаг, чтоб не попасть впросак. Дело в том, что командарм Таранин придал резервной дивизии роту из танковой бригады, она хоть и в небольшом числе, а не давала ходу вражеским машинам. Слабая броня легких и средних немецких танков Т-III и Т-IV не выдерживала удара семидесятишестимиллиметровых пушек, которыми были оснащены наши танки Т-34. Их-то гитлеровцы и опасались, маневрировали, стараясь не приближаться на верный выстрел. Несколько вражеских машин уже были подбиты и сожжены как в районе Егорья, так и севернее Белого, где действовали другие машины армейской танковой бригады. Пикировщики Ю-87 набрасывались, как стая хищников, стоило им заметить наши танки, орудия или сколько-нибудь значительную группу солдат. Из-за обтекаемых щитков, которыми прикрывались шасси самолетов, наши солдаты прозвали эти бомбардировщики «лапотниками». К полудню резервная дивизия оставила Черныши и Ольшаники и с трудом удерживала позиции перед Обшей.

От Конново противник перебросил большую группу пехоты в Гридино и вел наступление на Жилинщину. Сюда отходили подразделения и отдельные группы солдат из гвардейской дивизии Савельева. Штаб этой дивизии тоже оставил Макарово и отходил к Беганщине.

Командующий фронтом генерал-полковник Козин следил за развитием событий. Его начала нервировать неясность, исходившая от резервной танковой бригады. Ведь это такая сила, что способна перемолоть на лом всю танковую дивизию гитлеровцев. Но почему она бездействует, почему не выполняет его приказов? По сути, игнорирует его как командующего? Терпеть такое положение дальше нельзя. Козин выехал в урочище Поповка, чтобы разо-

браться на месте в происходящем. Едва машина остановилась, как с рапортом подошел полковник Ковалев.

— Почему вы до сих пор здесь, а не в Нестерово?! — распаяя себя, закричал Козин, не давая полковнику раскрыть рта. — Вам что, не обязательны мои приказы?

— Товарищ командующий, я полагал, что, поскольку являюсь вашим резервом...

— Знать не хочу, что вы там полагали! Вы получили приказы от Таранина и Боярова? Отвечайте!

— Распоряжения самые противоречивые, задачи не соответствовали возможностям бригады, и я полагал, что раньше времени не имею права выказывать свое местонахождение...

— Из-за вашей бездеятельности в окружение попадают две армии! Вы хоть это понимаете или вовсе перестали соображать?! С вами будет разбираться трибунал! Отстраняю вас от командования! Передайте бригаду своему начальнику штаба! Где он?

— Я тут, товарищ командующий, — ответил, выступив вперед, майор Голубев.

— Немедленно, не теряя ни минуты на раскачку, одним батальоном пехоты и двумя ротами КВ выбить противника из Нестерово и держать большак! Остальным выходить в район Паново и ждать моих распоряжений! Ясно?

— Так точно, товарищ командующий, задача ясна!

— Куда прикажете мне? — спросил Ковалев, видя, что Козин дал команду охране садиться в машину. Бледность разлилась по лицу полковника, но он старался держаться, не роняя достоинства. Так просто с командиром танкового соединения никто не позволит разделаться даже командующему фронтом. Опытные танкисты, прошедшие через многие бои, на вес золота, особенно когда поговаривают уже не о бригадах, а о формировании корпусов и армий...

— Отправляйтесь в штаб фронта, ждите! — не глядя на полковника, ответил Козин. — Заранее могу сказать: если хоть одна из армий окажется в окружении, суда вам не миновать!

Батальон пехоты на машинах быстро прибыл в Веревино, развернулся в цепь и начал наступление на Нестерово. Противник встретил наступающих ураганным огнем. Мотострелки залегли, а потом начали отходить...

Майор Голубев привел бригаду в район Паново. День клонился к исходу. Над Заньково, Пушкарями столбами стояла пыль, поднятая недавним боем: машинами, разры-

вами снарядов и бомб. Догорали в деревнях разрушенные постройки. Козин стоял на опушке леса в окружении старших командиров и смотрел на Пушкири. Он устал, был раздражен неудачным ходом событий. С потерей Пушкирей в окружение попадали почти две армии. Надо деблокировать, выручать, а все складывается не так, как хотелось бы...

Голубев выскочил из танка и подбежал к Козину:

— Товарищ командующий, танковая бригада прибыла по вашему приказанию в указанный район...

— Видите Пушкири? — Козин указал на деревню, стоявшую за глубокой и широкой ложиной на высоком бугре. — Только что занята противником. Атаковать и выбить!

Голубев обвел взглядом прилегающую к деревне местность, потом взглянул на карту в прозрачном планшете, развернутую на нужном месте. Минуту размышлял, потом решительно распрямился и сказал:

— Задача ясна, товарищ командующий! Только перед Пушкирями глубокое болото и ручей, как бы не посадить танки. Разрешите атаковать на Примушки, вдоль дороги, чтоб оттуда повернуть на Пушкири?

— Много разговоров, майор! Выполняйте приказ! — Козин резко и нервно взмахнул тонкой палочкой, которую где-то подобрал, хлестнул себя по голенищу хромового сапога. — Пошевеливайтесь!

Возражать после такого ответа кто посмеет? Голубев козырнул: «Есть!» — и побежал к своей боевой машине. Место командира-танкиста во время боя в танке, там его командный пункт, там рация. По радио он передал команду: «К бою! Атаковать Пушкири!» Проследил, в какой последовательности проходят машины, дал команду развертываться в боевой порядок, и приказал механику выводить машину во фланг.

Козин смотрел, как мимо пронеслись тяжелые машины, вздымая облако сухой едучей пыли, перемешанной с синим дымом, с комьями вскинутой траками земли, и, когда скрылись за увалом, повернулся и стал смотреть на Пушкири. Там еще догорали строения и поднимались дымы. В бинокль хорошо просматривался западный крутой косогор, на нем вот-вот должны показаться танки. Но они почему-то задерживались. Вскоре оттуда появился идущий на полной скорости танк. Круто развернувшись, он остановился, качнувшись от резкости всей громадой. Из танка выскочил Голубев, вытянулся перед Козиним.

— Товарищ командующий! Перед Пушкарями непроходимый ручей. Тринадцать танков засели в торфяную жижу! Я говорил...

Он не успел досказать фразы. Козин закричал, взмахнул палочкой и несколько раз довольно чувствительно огрел майора по плечам.

— Он говорил!.. Разгильдяй! Я вас научу выполнять приказы! Научу! — выкрикивал он. Потом отбросил палочку и, стыдясь своего срыва, отвернулся и устало проговорил: — Ну, чего стоите, майор! Вытаскивайте свои машины, если умудрились их утопить, и выполняйте задачу!

— Есть! — ответил майор, багровый от стыда и неловкости: быть побитым командующим, побитым на людях! За что? Он же предупреждал, что такое может произойти, он же и виноват! Ладно...

Четверть века спустя, уже будучи равным по должности и званию, он напомнил Козину про этот эпизод:

— А помните Пушкар? Как побили меня палкой? — Уже давно угасла обида, Голубев и сам не раз бывал на грани срыва, когда все складывается не так, как хотелось бы, а душа кипит и требует какой-то именно физической разрядки. Спрашивал не для того, чтобы укорить запоздало собеседника, а по чисто случайно возникшей ассоциации.

— Ну, не может этого быть! — вскинулся Козин.

— Как же... В руках у вас была этакая тоненькая березовая палочка...

— В самом деле? Ну прости, голубчик, не со зла... Сам знаешь, какая была обстановка! — Все же помнил, значит!

На вершину холма в Пушкарях выполз вражеский танк и начал вести огонь по засевшим машинам. Некоторых из них спасало то, что они были скрыты ивняком, росшим по берегам ключа, или травяными кочками. Голубев приказал трем экипажам отогнать огнем вражескую машину. Началась эвакуация засевших танков. Цепляли их тросами и вытаскивали сразу двумя машинами. Они выползали, как неведомые чудовища, облепленных глыбами торфяника, рыжая жижа потоками скапывалась с бронированных боков и спин. Ревели дизели, окутывая низину синим дымом выхлопных газов. От едучего запаха сгоревшей солярки трудно было дышать, дым рвал горло, резал глаза...

Утром, с нового исходного положения, танки бригады рванули на Примушки, разогнали там гитлеровскую

пехоту и выскочили на дорогу южнее Пушкарей. Голубев доложил командующему по радио, что оседлал большак, кольцо окружения прорвано... После этого приказал танкистам занять оборону на две стороны — против Пушкарей и Белого. Образовался коридор, шириной около километра. Появлялись группами и одиночно наши солдаты. Они торопливо выходили из болот и кустарников, усталые, мокрые, голодные. Но продолжалось это недолго, и вышло не более тысячи человек. Из Белого начала бить вражеская артиллерия, и вскоре коридор был весь в огне: дым, разрывы мин и снарядов. Показались три группы самолетов. Голубев прислонился плечом к горячему дрожкому боку машины и наблюдал за ними. Гул самолетов подавил все другие звуки. Разрывы бомб, сброшенных кассетами, стеной прошли по всему коридору. Вблизи машины рванула бомба, взметнула черный султан земли, дыма, осколков. Что-то сильно ударило Голубева в бок, в глазах замельтешило черное и красное, и он повалился, тщетно хватаясь руками за блестящие траки, чтоб удержаться. Радист и командир экипажа выскочили из машины, подхватили майора, подняли на корму. Танк помычался в тыл...

Голубев не помнил, как перевязывала его сестра, как, роняя слезы над ним, долго везла на повозке в какую-то деревню, куда вызвали самолет, не помнил, как доставили его в Торопец, а оттуда в Москву. Крупный осколок распорол ему бок, задел легкое. Он потерял много крови, и врачи полгода боролись за его жизнь. Рана зажила, он вернулся в строй, прошел с танками пол-Европы, и только рана душевная долго еще не затягивалась, тревожила и не давала ему спокойно жить...

После бомбежки и обстрела гитлеровцы перешли в контратаку и вытеснили танки бригады из Примушков, начали их преследовать и подошли к Паново. Эта деревня находилась уже на дороге Белый — Нелидово. Огнем орудий вражеские танки были отогнаны. Козин уехал в штаб фронта. Ему надлежало думать о том, как спасти людей, оказавшихся в окружении, как обосновать это поражение перед Верховным.

Первое, о чем он распорядился, — приказал послать самолет и вывезти из окружения Маслова. Да сделать так, чтоб это не выглядело бегством. В начале войны командующими многих армий были назначены ведущие работники Наркомата внутренних дел. Полагали, что они имеют богатые организаторские способности. Но особых полководческих способностей они не проявили: репрес-

сивный опыт не согласовывался с требованиями войны. В трудную пору отступления осенью прошлого года командиры из НКВД доставляли немало хлопот. Козину приходилось не раз заниматься их тяжбами, давать объяснения Верховному. Эти люди знали многие тайны своего прежнего наркомата. Оставить в окружении Маслова — значило вызвать гнев всесильного Берии.

Транспортный самолет приземлился возле штаба армии, два молчаливых офицера с погонями василькового цвета словно бы под конвоем провели командарма в самолет. Командарм оставил свою армию...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Крутов не стал медлить и быстро пошел в Беганщину. Он видел, как из Жилинщины, спасаясь от бомб, в разные стороны побежали люди. Что ему там делать? Ранит — пропадешь. Каждый занят собой, никто не станет с ним возиться, куда-то тащить, перевязывать. Одна мысль о том, что где-то может свалиться, приводила его в смятение и лишала уверенности. Он помнил, с каким трудом вчера удалось устроить раненого на повозку. Он увидел его случайно, услышав, что кто-то окликнул: «Браток, помоги!» За кюветом дороги, скрытый кустом ракитника, лежал раненый солдат лет тридцати пяти, изрядно обросший.

— Что с вами?

— Браток, помоги, не бросай!..

Крутов поглядел на дорогу. На его счастье, показалась повозка. Он дождался ее подхода. На ней сидело несколько человек — тоже раненых. Держась за борта, шли еще двое. Все, кроме санитаря, правившего лошадью, были с повязками.

— Возьмите раненого!

— Некуда, товарищ командир! — отвечал санитар. — Лошадь и так еле тянет, перегружена.

Чуть ли не под угрозой оружия заставил он их потесниться и кое-как втиснул на повозку раненого. И санитар был прав: лошадь едва тащилась. А не будь повозки, что он делал бы с этим раненым? На себе не понесешь. И куда нести, когда все перемешалось и не поймешь, кто и где?

До Беганщины километра два или чуть больше. Крутов так и дошел до деревни, не показываясь на дороге. В небе все время проплывали самолеты, вдруг какому

летчику придет в башку мысль погонять русского Ивана? Было такое однажды осенью прошлого года. Гонялся за Крутовым летчик, все пытался подловить его очередью из пулемета. Побегал он тогда!

В деревне людно, на улице группами солдаты и офицеры. Свой полк. Наконец-то! Связисты указали место штаба. В стороне от деревенского порядка, на краю огорода, землянка. В ней о чем-то совещались Афонин, комиссар и начальник штаба. Крутов присел поодаль. Огород своим краем обрывался у болота. Оно лежало ниже, обширное, с редким соснячком и зарослями темной ольхи. На осоке, кустах еще не сошла роса, и оттого они казались седыми. Крутов ждал, когда появится майор Минаев, может, скажет, что сейчас делать, как быть дальше. Громыхала, ухала бомбежка в Жилинщине, над лесом показались дымы пожаров: деревня горела. Самолеты, издали похожие на хищное воронье, стайей кружились, один за другим падая в пике и снова взмывая вверх. Да, вовремя он оттуда ушел! Но о чем так долго можно совещаться в сырой землянке?

Он так и не дождался выхода начальника штаба. Новая группа самолетов показалась над Беганщиной. «Воздух!» — закричали солдаты и побежали подальше от домов. За Беганщиной взлетело несколько белых ракет, указывая самолетам цель. Когда успели появиться у деревни гитлеровцы?.. Захлопали разрывы мин, с воем и визгом понеслись к земле «лапотники». Крутов видел, как ближний дом, скрытый наполовину развесистой раkitой, вдруг словно бы подпрыгнул. Разваливая его, изнутри вырвался огненно-черный султан огня и дыма, далеко в стороны разбросал строение по бревнышку. Гремело, ухало по всей деревне, огонь с треском пожирал соломенные сухие крыши, обнажая черные стропила. Самолеты удалялись, но еще чаще стали рваться мины, затыркали вражеские автоматы, и они сами, гитлеровцы, в темных мундирах, промелькнули между окраинными домами...

Наконец-то из землянки показались командиры! Вскочил на ноги и Крутов, но свист, резко нарастающий, мгновенный, заставил его пригнуться. Рвануло неподалеку, чем-то горячим и жестким хлестнуло по бедру, достав обжигающей болью до самого сердца, так, что перехватило дыхание. Он мазнул ушибленное место рукой, но крови не увидел. На земле парил крупный осколок чугуна величиной в детскую ладошку — боковина мины. «Слава богу — цел!» — обрадовался Крутов, но, кажется, рано. Нога не повиновалась, нестерпимая боль выжимала из

глаз слезы. Самое страшное — лишиться подвижности — случилось. Солдаты и командиры, отстреливаясь, отходили в лес, а Крутов, опираясь на карабин, подволакивая ногу, спустился с огорода в болото под яр. Ноги утонули в моховых подушках, он еле их вытаскивал, но все же добрался до темного ольховника и залег там. Холодная вода сразу просочилась через одежду, обволокла и смягчила боль. «Отлежусь, — подумал он. — Гитлеровцы не полезут в болото, а там будет видно, что дальше делать!»

Он пролежал до заката, прислушиваясь к несмолкаемым звукам боя. Лежи — не лежи, а надо идти. Поднялся, срезал крепкую ольховую палку и пошел, опираясь на нее. Нога все еще болела, под рукой прощупывалась опухоль на ушибленном месте. Еще когда лежал, он по карте внимательно изучил местность и решил, что постарается перейти к своим у деревни Заньково, находившейся между Пушкарями и Белым. Там к дороге близко примыкает болото, а сама дорога идет среди густых зарослей кустарника. Там легче будет через дорогу проскочить.

Солнце садилось в багрово-красную пелену дыма и пыли. Вытягивали за собой длинные белесые шлейфы танки, шедшие развернутым строем на Пушкاري и плывавшие с коротких остановок орудийными выстрелами. Следовало дожидаться темноты, и Крутов снова залег. Сумерки начали сгущаться, бой утихал, туман редкой кисеей затягивал низину. Пронзая темень и туман, заблестали трассирующие пули. Они цепочками летели из Заньково, из Примушков, выстилая огнистыми следами все болото. Клокотала пулеметная стрельба, не замолкая и с каждой минутой усиливаясь. Нет, здесь не пройти, заслон крепкий, не подступишься! Крутов поднялся и пошел назад, в лес, ожидая с каждым шагом, что дурная пуля вот-вот чмокнет его в спину. Даже лопатки сводило от холода... Хотя двое суток он не имел ни крошки во рту, голод его не тревожил, мучило тоскливое чувство покинутости: он в окружении!

Штаб дивизии вышел в Солодилово, еще не занятое противником, хотя от Беганщины — неподалеку. Начальники служб, политработники, командиры отделений штаба и те, кто оторвался от своих подразделений, комендантская рота, связисты старались поближе держаться к полковнику Савельеву. Рядом с ним неотлучно находились представители из управления армии — оперативник и

полковой комиссар из политотдела. Им предстояло выходить из окружения, ставшего очевидным, вместе со штабом дивизии. Савельев занял блиндажи на поле, метрах в трехстах от деревни. Кто их построил, для кого, неизвестно, но теперь онигодились. Два блиндажика с накатом бревен в один ряд — все же укрытие. Остальным пришлось вырыть для себя ячейки вокруг, чтоб уцелеть при возможном обстреле. К счастью для штаба, в Солодилово оказалось несколько танков из бригады, которая поддерживала резервную дивизию. Полковой комиссар Шмелев ушел к танкистам, чтоб расставить танки в обороне. Оказалось, что они и отошли-то сюда потому, что весь боезапас израсходовали и сюда доползли на последних каплях горючего. Они не могли даже занять позиции, чтобы сдерживать противника хотя бы своим видом.

Шмелев вернулся в штаб. Ничего не удастся: ни собрать остатки разгромленного в первый день боя полка, ни отыскать полк Афонина, неизвестно куда подевавшийся. Как сквозь землю провалился, бросив штаб на произвол судьбы. Нет, не зря он всегда относился к Афонину с подозрением и недоверием. Пришла трудная минута и проявила характер командира полка. А может, он, чувствуя постоянное к себе недоверие, неприязнь, теперь решил поквитаться? Нет, тут простое самовольство, стремление уйти от опасности самому и сберечь полк, поскольку исход боя стал очевиден в первый же день! Афонин, конечно же, все понял! Но все равно это не делает ему чести, и за каждый шаг ему еще придется держать ответ. Шмелев не из тех, кто забывает проступки и прощает!

Гитлеровцы подошли к Солодилово, и начался бой. Шмелев видел, как из деревни, кто к штабу, кто сразу в лес, отходят солдаты и танкисты в темных комбинезонах. Над деревней поднимались черные дымы. К штабу вышел командир танковой роты — лейтенант с закопченным черным и усталым лицом, опустился на землю.

— Где ваше подразделение, лейтенант? — сурово спросил Шмелев. — Да встаньте, когда с вами говорит старший! Где люди? Почему вы их оставили? Отвечайте!

Танкист поднял на комиссара измученные, полные тоски глаза:

— Не знаю. Ничего нет, ни машин, ни людей. Все пропало... Сам, вот этими руками, поджег машины, чтоб не достались целыми врагу. Можете меня расстрелять, мне все равно. Конец...

— Встать! — крикнул Шмелев. — Разнюнились, распустились, как баба! Стыдно смотреть! Возьмите себя в руки...

Шмелев еле сдерживал себя, хотя в нем все клокотало от раздражения, от желания выместить на ком-то все, что накипело за несколько дней. Но что этот танкист, в чем он виноват?! Шмелев устало махнул рукой и отошел. Затихли в Солодилово последние выстрелы. Внезапная тишина показалась Шмелеву ошеломляющей. Как вспышка молнии рвет темноту грозовой ночи, так неожиданная мысль вдруг пронзила его: а ведь это и в самом деле конец! Нет больше дивизии! От этой мысли потемнело в глазах, зашлось сердце, будто молотком ударило в голову. Шмелев как стоял, так и рухнул на землю без сознания. Сказались нечеловеческое напряжение нервов, воли, волнения, не оставлявшие его ни на минуту несколько дней подряд. Кто-то брызгал ему в лицо водой, тряс за плечи: «Товарищ комиссар, товарищ комиссар!...»

Он дрогнул веками, раскрыл глаза, не понимая, что такое с ним приключилось. Обморок? С ним — здоровым сорокалетним мужиком? Что о нем подумают?.. Отстранив офицеров, которые хотели помочь ему, он поднялся и, схватывая губами стекавшие по лицу капли воды, ссутулившись, и вроде вмиг постарев на добрый десяток лет, пошел в сторону, стараясь не смотреть в глаза окружающим. Полковой комиссар и полковник из армии сочувственно проводили его взглядами и ничего не сказали. Пусть человек побудет наедине с самим собой. Они понимали и разделяли его переживания.

Шмелев набрел на чью-то оставленную ячейку, спустил в нее ноги. Приятно холодила свежевырытая земля, не успевшая еще прогреться. В Пушкарях, хорошо различных невооруженным глазом, гремел бой, что-то горело. «Выходит, пути наглухо отрезаны, — подумал он. — Значит, и в самом деле конец? А знамя? Гвардейское Знамя дивизии?» Во все времена считалось, что сколько бы ни оставалось в полку людей, но пока существует знамя, существует и полк! Как же он мог забыть о том, что надо позаботиться о знамени? Перед глазами зримо встала картина вручения знамени дивизии...

Уже зеленели березы, теплынь разливалась по земле, поднималась рожь, и в небе звенели жаворонки. Весь личный состав собрать было невозможно, не оставишь даже ради такого случая окопы пустыми! Но от каждого пол-

ка, от каждой службы выделили команды, и они стояли в торжественной тишине на просторной поляне неподалеку от Егорья. Праздник на земле и в небе, в душе каждого солдата и командира. Шмелев и Горелов стояли чуть особняком, ждали приезда командующего армией Таранина. Говорили о том, что этот день всколыхнет всю дивизию, сплотит людей. «Помнишь, — сказал Горелов, — я ездил в Андреаполь в соседнюю армию за опытом. Командующий еще тогда сказал: вы — сибиряки — должны добиться высокого звания гвардейцев! Сбылось!..» Приехал командующий, перед строем вручил расшитое знамя Горелову. Генерал преклонил колено, поцеловал край алого полотнища, поклялся, что дивизия пронесет знамя до победы! Рослые brave знаменосцы подхватили древко, встали по сторонам, и команды, представлявшие всю дивизию, прошли перед знаменем в торжественном марше, и гремел оркестр...

Шмелев встряхнулся, распрямился. Он снова был полон энергии и готов был действовать. Ближнему командиру приказал найти Жохова — офицера-шифровальщика, парторга штабной организации. Это был надежный, дисциплинированный офицер, высокий ростом, с неулыбчивым суровым лицом, скупой на слова. Он подбежал к Шмелеву, вытянулся перед ним:

— По вашему приказанию...

— Вот что, — стараясь говорить так, чтоб не услышали со стороны, сказал Шмелев, — отбери пятерых надежных солдат и сержантов и выносите знамя, пока не поздно. Вы должны спасти знамя! Задача ясна?

— Так точно, товарищ полковой комиссар!

— Тогда выполняйте! Немедленно! Старайтесь не привлекать к себе внимания! Знамя лучше с древка снять...

Шмелев проследил, как группа Жохова вышла, скрылась в близком лесу. Он облегченно вздохнул: гитлеровцы еще не успели создать сплошной линии фронта, держат только деревни, так что небольшая группа смелых людей перейдет и вынесет знамя. Гора с плеч!

В небе показалась эскадрилья самолетов. Она напразднлась на Солодилово, но из деревни навстречу вспорхнула целая стая белых ракет, указывая на поле, где находился штаб дивизии. Савельев вышел из блиндажа, хотел видеть, куда нацеливаются самолеты, чтоб не погребло под обломками. Есть какое-то подсознательное чувство, заставляющее людей, вопреки разуму, покидать надеж-

ное укрытие и встречать опасность, глядя ей в лицо. Нависающая над головой тяжесть бревен ли, бетона гнетет человека, давит на психику. Разрывы бомб, сброшенных целыми кассетами, пронеслись по полю, вздымая черные дымные космы. Люди прижались к земле. Савельев вдруг вскрикнул и повалился, хватаясь руками за грудь. Офицеры подскочили к нему. По лицу полковника разливалась восковая бледность, пальцы скребли землю, а она ускользала, ускользала...

Из деревни, строча из автоматов и пулеметов, показалась цепь гитлеровцев. Начальник химслужбы дивизии, высокий подполковник с окровавленной щекой — ему осколком пробило щеку и вышибло зуб — ухватил Савельева под одну руку, кто-то другой под другую и потащили мертвое тело к лесу, пригибаясь на бегу, чтоб не попасть под пули. На опушке остановились отдышаться. Собирались остальные, командиры и рядовые, начали перевязывать раны, остывать от пережитых волнений. Гитлеровцы не преследовали.

— Здесь хоронить или будем выносить к своим? — спросил начхим Шмелева, указывая на труп командира дивизии.

— Где они, свои? К ним еще надо выйти, пробиться, — ответил Шмелев. — Вы бы хоть перевязались сначала...

— Ерунда! — отмахнулся начхим. — У той толстой сосны приметное место. Как считаете? Подходящее?

— Копайте! — согласился Шмелев.

Начхим — жилистый мужчина, годами постарше Шмелева, с резкими чертами лица и глубоко посаженными черными глазами, бровастый, протянул руку к ближнему солдату:

— Дай сюда! — И вырвав у него из чехла малую шанцевую лопатку, глубоко вонзил ее в землю. Он не выпустил ее из рук, пока не вырыл могилу по колено. Копал сноровисто, как опытный солдат. Участник мировой и гражданской войн, он много перелопатил земли и еще больше видел разных смертей и не терялся перед мертвыми. Война! Тут всегда кто-то погибает, и всякие переживания совсем ни к чему! Так он считал... Моли бога, что не твой черед лечь в землю!

Савельева, как был в окровавленной кожанке, завернули в плащ-палатку и опустили в подготовленное место. Первые горсти земли, последнее «прощай!» — и могилу засыпали, обложили дерном и мохом. Чуть приметный холмик почти сливался с окружающими неровностями и не привлекал внимания. Начхим размахисто ударил по

сосне лопаткой, срубил кусок коры до смолистой древесины, еще раз с другой стороны ствола...

Сгушались сумерки. Пора выходить, искать путь через занятую немцами дорогу. Люди вытягивались гуськом в глубину леса. Шли плотно, чтоб не потеряться. Потянуло густой сыростью, под ногами захлюпала вода. Началось болото. Шмелев шел, тяжело вытаскивая ноги из вязкого месива. Полы шинели намокли и обвисли, мешали идти, облепляя ноги. Сил не хватало нести такую тяжесть, он остановился, сбросил шинель с плеч.

— Выйдем к своим, так дадут другую, если... — Он не договорил мысль, мучившую его, и пошел дальше.

Середин — начальник артиллерии, шел с ним рядом. Видя, что Шмелев все чаще останавливается перевести дух, крепко взял его под руку. Когда убило полковника Савельева, Шмелев предложил Середину: «Принимай дивизию на себя!» «Нет уж, вы главное, вы и принимайте!» Не дурак, чтоб принять ответственность, когда дивизии, как таковой, фактически нет. Шмелев устало махнул рукой: «Ладно, — сказал, — все равно мне отвечать за все!» И больше разговора на эту тему не заводил, не настаивал. И вот теперь совсем обессилел. Чувствует, конечно, что главные неприятности впереди, будет с него спрос и за Савельева, и за всех. Ох, нелегко ему придется...

Перед дорогой, близость которой угадывалась по разным звукам, остановились: надо же сначала разведать, что впереди, чтоб не влететь черту в зубы! Послали надежных людей во главе с комиссаром штаба, подполковником. Гулко перекатывались пулеметные очереди, огнистые трассы пуль расчеркивали черноту ночи. Томительно тянулось время. Тревожно прислушивались люди к временами наступавшей обманчивой тишине, дрожко передегивали плечами. Прохлада забиралась под сырые гимнастерки...

— Вроде нашли подходящее место, — сказал вернувшийся из разведки подполковник. — Гитлеровцы сидят на дороге редко, далеко друг от дружки. Если тихо подойти, то незаметно и проскочим за дорогу. Без шума лучше. Они вдоль дороги стреляют, так идти надо пригибаясь...

Дорогу перебежали, пригнувшись, не все скопом, а небольшими группами. Все шло хорошо, да кого-то ужалила шальная пуля, вскрикнул, и тут пулеметчики открыли шквальный огонь. Пережить не было смысла, и все, кто не успел перейти еще за дорогу, рванули вперед, на пули, лишь бы скорее к своим, а там — куда кривая выведет...

Полк Афонина почти в полном составе, с оружием первым вышел из кольца до того, как гитлеровцы захватили Пушкири. Командующий армией Таранин, как только ему об этом доложили, сразу поставил его на позиции — по высоткам вдоль дороги между Пушкирями и Нестерово. Задача — не допустить продвижения гитлеровцев дальше на запад к дороге Белый — Нелидово. Через сутки, ночью, из окружения вышла сначала резервная дивизия из-под Егорья, а через некоторое время и другая — из Подвойского. Эта дивизия была неожиданно атакована танками, прорвавшимися со стороны Оленино, через Шиздерово. Дивизия не готова была к отражению и отступила в леса. Она организованно вышла к большаку севернее Нестерово, там уничтожила слабый заслон гитлеровцев и пошла колоннами через дорогу. Вскоре со стороны Нестерово послышался шум танковых моторов — гитлеровцы шли к своим на помощь. Саперы быстро заминировали дорогу. Когда первый танк подорвался, остальные дальше не пошли, открыли огонь с места, но помешать выходу частей не могли. Стрелковое оружие пехота вынесла, а пушки пришлось бросить еще в начале пути. Теперь только кавалеристы где-то бродили еще по лесам, но Таранин считал, что как только основательно оголодают, выйдут и они...

Лесами, в направлении Белого, шли на выход соединения из армии Маслова. Где-то, неизвестно в каком состоянии, блуждал полк Сидорчука, да за линией фронта оставались разрозненные остатки разных тыловых подразделений и учреждений.

Всех выходявших тут же ставили в оборону, наращивая плотность войск на новой образовавшейся линии фронта...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Ваня Викторov за всю ночь так и не сомкнул глаз. Болели раны, и эта боль корежила, вязала все тело в какой-то мучительный клубок, не давала пошевелиться. Утром чувствовал себя разбитым, отяжелевшим. Пуще прежнего мучил голод.

Вскоре возле дома загудела машина, в избу зашел врач, и Ваню вместе с Купчуком вынесли в кузов грузовика, накрытого брезентом. Там уже лежал тяжелораненый капитан-минометчик с прибинтованными к шинам ногами, у бортов сидели человек пять легких. Доктор

сказал, что дивизия в окружении, но остается на выход еще лесная глухая дорога, по ней и постараются проскочить к своим. Дорога эта вроде еще не перекрыта...

Ваня спросил доктора, вставшего у кабины на подножку, чтоб следить за дорогой, где капитан Бочкарев. Тот поколебался, говорить правду или нет, потом сказал: — Не выдержал операции, скончался...

Не стало такого человека! Казалось, ничто, никакая сила его не сокрушит, а его уже нет! Ваня был настолько ошеломлен этой вестью, что даже не догадался спросить, как называется деревня, в которой они ночевали.

Колонна машин медсанбата тронулась тотчас же и вскоре втянулась в густой лес. Верхушки деревьев смыкались, образуя зеленый тоннель. Когда машина, и до того еле ползущая, остановилась, раненые забеспокоились:...

— Ну, что там? Почему стоим?

Всех нервировали слухи об окружении. Если здоровые могли что-то предпринять для своего спасения, пробиться с боем через заслоны, то на что могли рассчитывать они, прикованные к носилкам? К этой машине? Ваня сидел ближе других к кабине, приподнялся посмотреть, откинул брезент. Рядом с дорогой по лесу едут кавалеристы. Кто верхом в седле, кто ведет лошадь в поводу, чтоб не цепляться головой за ветки. К машине подошел врач, сказал:

— Кто может, выбирайтесь из машины и следуйте в голову колонны. Мы опасаемся, что нас обнаружат и станут бомбить.

— А почему стали? Почему дальше не едем?

— Некуда дальше пока ехать. Ждать надо...

Капитан-минометчик и Купчук посоветовали Ване и другим раненым выбираться и уходить в лес подальше. Сами они были прикованы к носилкам, и им оставалось полагаться только на судьбу. Врач помог Ване спуститься на землю:

— Ну как, ничего? Ноги чувствуешь? Тогда двигай вперед помаленьку...

Первым долгом Ваня достал нож и срезал две палки для опоры. Примерил и поковылял вслед за другими ранеными. Сестры медсанбата несли лежачих на носилках, забирая их в первую очередь с последних машин. У головной машины стояли командир медсанбата и врач-терапевт. Этого врача Ваня хорошо знал.

— Дальше, дальше идите, — наставлял раненых командир.

Ваня прошел еще метров триста по лесной дороге вперед, и в это время в небе загудели самолеты. Они обнаружили колонну и начали ее бомбить. Завыли, загрохотали бомбы, черным дымным пламенем вспыхнули машины. Горели не все, отдельные, но они своим дымом обозначали местонахождение колонны. Самолеты, сбросив весь груз, прострочили эту лесную дорогу еще из пулеметов. Во время бомбежки и обстрела Ваня лежал, уткнувшись головой в комель толстой сосны. Она прикрывала его от пуль и осколков. Когда налет кончился, он поднялся и побрел дальше. Вскоре показалось скопление повозок, людей. Целый табор среди леса. Подошел. Здесь находилось большинство раненых, а также врачи медсанбата. Среди них несколько командиров-кавалеристов во главе с полковником. Ваня увидел и своих командира полка и комиссара, оба лежали на носилках. Сбившись в тесную кучу, стояли девчата — сестры медсанбата.

Утомленный до предела столь длинным переходом, Ваня выбрал местечко под телегой — она стояла, приткнутая к березе, — присел, потом примостился в ямке на мягкой моховой подстилке и задремал. Сказалась тяжелая бессонная ночь. Очнулся оттого, что кто-то тряс его за плечо:

— Лейтенант, а, лейтенант!

Ваня открыл глаза: над ним, склонившись, стоял солдат. Что-то знакомое проскользнуло в памяти, но признать, где видел уже этого бойца, не мог. Тот сам напомнил о себе:

— Что, лейтенант, не узнаешь? А Боярщину помнишь? Ярославского парня помнишь? Окруженца?..

— Где же ты сейчас? — спросил Ваня.

— Сержант разведвзвода. Мы с вашим полком по соседству стояли, в Парфеново. Сейчас идем и наткнулись на вас. Скажи, ты сегодня что-нибудь ел?

— И не спрашивай, есть хочу зверски!

— погоди. — Сержант отлучился ненадолго и принес целую селедку. — Больше у ребят ничего не оказалось. Ты уж как-нибудь... Солоня, стерва, но все равно... Да, а как ты, лейтенант, думаешь отсюда выбираться? — Он величал Викторова лейтенантом, хотя тот был военфельдшером. — Без боя нам отсюда не выбраться, это уж я точно знаю...

— Как все, вместе с медсанбатом, с остальными...

— Ну ты даешь! На этих-то палках, даже не на костылях? Нет, браток, так ты далеко не уйдешь, это уж я определенно говорю, посмотрелся на таких прошлой

осенью. Ты подожди меня тут, никуда не уходи...

Минут через десять он появился, ведя в поводу соловой масти коня — светло-рыжего, с белыми хвостом и гривой.

— Вот тебе конь, никому его не отдавай. Только он тебя и вывезет! Больше ничем я тебе помочь не могу. Прощай, браток! Удачи тебе, лейтенант! — И сержант ушел, перебросив автомат за плечами поудобнее.

Ваня держал в поводу коня, а тот тянулся к ближней сосне и норовил ухватить зубами кору. Ваня понял, что конь голоден, как и все люди вокруг, что надо его попать. Кое-как он забрался на телегу, не выпуская повод из рук, подвел коня вплотную и сел на него. Лошадь словно бы понимала состояние человека, не противилась, вела себя спокойно. Понукнув, Ваня поехал в сторону от дороги, чтоб найти лужайку и накормить своего коня. Когда-то, еще мальчишкой, довелось ему пасти колхозных коней, гонять их в ночное. У него был почти такой же соловый конь, высокий и худой, с костлявой спиной. Но отличался он большим упорством, жилистый был, как говорили в деревне, работающий. Сейчас Ване представлялось, что под ним тот самый конь, верный, надежный...

Отъехав метров сто от табора, так можно было именовать скопление людей и повозок, Ваня увидел среди больших замшелых кочек седло, настоящее, обшитое сверху кожей с войлочной подкладкой и стремянами. Он сполз с коня. Все ж на седле будет лучше, удобнее, чем на костлявой хребтине, да и коню легче. Ваня чувствовал, как неудобно, как неловко ему сидеть на голой спине. Без седла долго не усидеть, а пешком не уйти! Уже сейчас ранение в позвоночник отдавалось острой болью при каждом неловком движении, а что будет дальше? Он, конечно, не смог бы оторвать седло от земли, не то что положить на спину лошади, потому что при попытке наклониться потемнело в глазах и подкосились ноги. Но тут его заметили. Неподалеку, кружком, сидели солдаты-казахи. Один из них поднялся, подошел.

— Помоги, товарищ! — попросил его Ваня.

Солдат взял седло, осмотрел его, подтянул стремяна покороче, полой шинели протер насухо войлок, чтоб не пропарило спину лошади, оседлал ее.

— Теперь не упадешь. Держись, батыр! — И, подняв Ваню на руках, усадил в седло. — Гуляй, батыр! — и рассмеялся, показав белые зубы.

Ваня поблагодарил солдата и направил коня на лужайку с зеленой травой. Конь жадно и sporo скубал ее,

не луговую, а лесную, хотя обычно, Ваня это знал, такую траву лошади не любят и не едят. Но голод не тетка... Вдали показалась еще лужайка, и Ваня направил коня туда, может, там трава окажется получше. Но лужайкой оказалась дорога, по которой ехали на машинах. Она пересекала лес прямой, как стрела, просекой и на ней, неподалеку, догорали, дымились машины. Вокруг, словно после буреломного ветра, вкривь и вкось понавалены лесины, желтеют глинистые плешины воронок. В лесу тихо, и от этой словно бы мертвой тишины особенно жутко и тягостно видеть картину разбоя. Ваня пустил коня по обочине, а сам примостился в седле поудобнее, чтобы подремать. Вдруг он услышал, что кто-то его зовет, негромко, но отчетливо:

— Ваня... Виктор, подъедь, помоги!..

Он направил коня на зов и сразу же под кустом увидел лейтенанта Сашу Давыдова — адъютанта командира полка. Тот лежал весь в поту, обе его ноги были плотно стянуты длинными дитериховскими шинами.

— Помоги... Сил больше нет... Где наши? Я перекинулся через борт во время бомбежки и вот ползу...

Ваня был поражен и не сразу нашелся что ответить. Человек с перебитыми бедрами, с прибинтованными шинами переваливается через борт машины и ползет на руках триста метров, волоча свое тело... Оказывается, таким же путем выбросился из другой машины и капитан-минометчик. Когда он увидел, что рядом Купчука чмокнула пуля, решил выбрасываться, а там что будет. Но ползти не смог, так и остался лежать на дороге.

— Он живой, только обессилел, — сказал Саша. — Я мимо полз, говорил с ним...

— Ладно, я сейчас поеду, скажу, чтоб вас подобрали. Все наши тут, неподалеку. А сам я не могу даже наклониться. Прости, брат...

Ваня разыскал раненого командира полка и сказал, что его адъютант Саша лежит на дороге, что он полз, но больше двигаться не может и просит помощи. Сестры медсанбата и санитары тотчас пошли с носилками и принесли обоих раненых, но осматривать все машины не стали, хотя там могли еще оставаться тяжелые...

Лишь на четвертые сутки после долгих переходов по болотам и лесам нашли подходящее место для прорыва через линию фронта. Гитлеровцы повсюду сидели на дороге и не подпускали к ней окруженцев, стреляя из пулеметов в сторону леса, по которому бродили сотни оголодавших, сбившихся в толпы солдат и офицеров. Про-

рваться за шоссе значило выйти из окружения. Всех, кто мог двигаться пешком, предупредили, чтоб от солдат-кавалеристов не отрывались, не отставали. Санитары, девчата-сестры, а также здоровые солдаты, взявшись по четыре человека за одни носилки, несли раненых. Позади всех держались коноводы с лошадьми. Помня наказ ярославского парня, да и на собственном опыте уже убедившись, что без лошади ему не дойти и до дороги, Ваня примкнул к коноводам. Он рассчитывал, что, когда пройдут пешие, проскочат и они с лошадьми. Что из себя представляла дорога, он плохо понимал, но было в ней что-то зловещее, заставлявшее тысячи оголодавших людей кружить по лесу.

Близко к рассвету подошли к блокированной немцами дороге. Конноводы спешили и вели лошадей в поводу. Так поступил и Ваня. К боли настолько притерпелся, что уже не мог сказать, откуда еще берутся силы. Сполз с седла, на правую руку намотал гриву коня, в левую зажал хворостину, и через дорогу конь буквально перетащил его. За дорогой все они очутились на большой поляне среди леса. Тут позади в небо взметнулась ракета, раздалась пулеметные очереди, говорок автоматов, и стрельба затихла. С помощью коновода Ваня забрался в седло. Еще с полкилометра, и на пути опять болото. На другой его стороне стоял старшина-кавалерист и требовал, чтоб лошадей оставляли и дальше шли кто как может. Позади у дороги рвались мины и снаряды, поэтому все спешили поскорее убраться подальше от опасного места. Ваня снова вырезал себе палку и, едва переставляя ноги, побрел вслед за другими. На небольшой поляне увидел раненых. Кто на носилках, кто на земле: среди них вповалку лежат измученные сестры и санитары, солдаты. Вместе с чувством успокоения — наконец-то у своих! — навалилась расслабляющая вялость. Казалось, не сделает и шага, как упадет и заснет мертвецким сном.

Откуда-то привезли и поставили палатки. Раненых напоили горячим чаем с сахаром, дали сухарей и начали партиями отправлять в Нелидово в полевой госпиталь. Ваня снова был рядом с командиром полка Сидорчуком, с комиссаром Матвеевым, с Сашей Давыдовым...

Нет, Купчука не убило. Когда ходячие раненые сползли с машины и ушли вперед, опасаясь налета вражеских самолетов, в кузове остались только трое прикованных к носилкам. Вот и шоферы собрались уходить. Напоследок один подошел к заднему борту, откинул его.

— Браток, не кидайте нас, пристрелите! — попросил его Купчук.

— Не имеем на это права, — ответил шофер. — Мы вернемся, постараемся вас забрать, не оставим просто так!..

Хорошее утешение: лежать и ждать бомбежки, обстрела, когда и без того еле дышишь и жизнь вот-вот оборвется! Купчук устало закрыл глаза: будь что будет, видно, такова его судьба. Он не видел, когда и как исчез с машины капитан-минометчик, лежал с закрытыми глазами, недвижим, хотя бомбовые удары и пулеметный обстрел колонны продолжался, казалось, целую вечность.

Раненого соседа снова нашла пуля, и он затих. Купчуку стало ясно: колонна разбита, а он брошен на произвол судьбы.

Ночью все стихло, только издали доносилось приглушенное лесом клочкотание пулеметного огня. Купчук смыкал глаза, но сон не шел. Думалось о разном, но где-то все время неотступно стояло: бросили, бросили, бросили! Утром мимо снова пошли солдаты — одиночками и группами. С машин доносились стоны и голоса тяжелораненых, моливших о помощи, но на их зов никто не откликался. Старались быстрее пройти мимо. Из медсанбата никто не приходил, хотя люди лежали уже вторые сутки без воды и пищи. Купчук никого не подзывал: бесполезно! Кто его возьмет, прикованного к носилкам?! Вдруг он увидел, что обочиной бредет оседланная лошадь и будто кого-то ищет. Он начал подзывать ее к себе: «Рыжка! Рыжка! Вася!» Подумалось, вдруг угадает, как ее зовут, и она подойдет. Все ж живое существо, понятливое, можно поговорить, не так тоскливо будет! Лошадь подошла вплотную к машине, внимательно и как-то печально посмотрела на него, постояла немного и ушла. «Ищет своего хозяина, — решил Купчук. — А он, наверное, убит».

И снова ночь в лесу и терзание: неужели брошен? Утром вблизи машины он услышал немецкую речь. Подошли гитлеровцы, начали проверять автоколонну, заглядывать в кузова. Одни ушли, появились другие, с ними наши солдаты — уже пленные. Они начали снимать раненых с машин, выносить их на поляну. После этого проверили машины на исправность. Среди разбитых оказалось несколько целых. Купчук смотрел на послушных врагу солдат и глазам не верил: еще вчера они были с оружием в руках, а сегодня превратились в немецких холоуев! Да как это возможно?! Куда смотрели их командиры! Разве

некому было заставить их сражаться, выполнять свой долг, как велит присяга?

Всех раненых снова погрузили на машины, и колонна тронулась в путь. Близ какой-то деревни автомашина, на которой лежал Купчук, заглохла, остановилась. Немцы слезли, о чем-то погорготали и уехали на других машинах, а четверо раненых снова оказались брошенными. Они пролежали в машине до вечера и снова всю ночь. Пока было светло, к ним из деревни подходили немцы, что-то говорили по-своему. Купчук только и мог разобрать: «Рус солдат, дойч солдат, пук-пук!» И уходили.

Утром из деревни пришли гитлеровцы, привели с собой двух бородатых, но еще крепких мужиков. Они сняли раненых с кузова и уложили в сторонке от проезжей части. Машину уволокли в деревню. Днем к раненым опять зачастили любопытные немцы, глазели на них, как на диких зверей. Каждый раз товарищи Купчука по несчастью начинали просить у них воды: «Пить! Пить! Вассер...» Только Купчук не открывал глаз и ничего не просил у врагов. Думал: скорее сдохну, чем попрошу у них помощи! В сумерках к раненым снова подошли три гитлеровца. Раненые начали у них просить: «Пить! Пить!» Гитлеровцы стояли молча, потом один подошел к Купчуку, он лежал крайним, ударил его ногой в голову и сказал: «Айн солдат капут!» (Один солдат кончен!) Он посчитал, что убил его ударом ноги. После этого вытащил из кобуры пистолет и начал всех по очереди расстреливать. Прежде тех, кто просил воды, потом выстрелил и в Купчука. Целился в голову, но пуля срезала лишь кусочек уха. Для верности, что убил его, он потоптался ногами на груди, и только после этого все они ушли. Купчук остался лежать и ждать следующей казни. Что еще могло его ожидать?

Ночь выдалась влажная и тихая. Звезды в темном небе перемигиваются, и нет им никакого дела до земли с ее тревогами. Хотя нервы у Купчука всегда были крепкими, в панику он никогда не бросался, но в эту ночь он с дрожью думал, что будет, если утром немцы придут их закапывать! Неужели придется лечь в могилу живьем?! Он старался себя успокоить: надо держаться до конца! Человек никогда не знает, что ему уготовано, как повернется судьба — лицом или спиной.

Перед утром на деревню налетели наши самолеты, начали бомбить, среди немцев поднялись крики, стрельба. Утром из деревни подошла женщина, увидела убитых, запричитала. Купчук подозвал ее к себе и попросил у нее

воды. Она принесла ему попить и вдруг с криком: «Ой, опять немцы в деревню едут!» — убежала.

Часа в четыре дня гитлеровцы обнаружили, что Купчук еще живой и занесли его в деревню. Во дворе сидели и лежали раненые наши солдаты. Молодая крестьянка разносила воду, кому совала в рот кусочек хлеба, кому картошку. Старуха увидела, заорала на нее: «Ты что это еду транжиришь?! А сама что жрать будешь? Их таких много, всех не накормишь!»

На ночь всех раненых загнали, занесли в сарай для скота и продержали там двое суток. Опять несколько суток ожидания, пока нашлись вагоны. Железной дорогой везли долго, но оказалось, что привезли только в Оршу, а не в Германию. Снова всех выгрузили и Купчука вместе с другими занесли в какое-то пристанционное кирпичное здание, забитое до отказа ранеными. Он настолько обессилел от голода, от ран, что уже мало соображал, жизнь покидала его.

Среди пленных находились медсестры и врачи. Они помогали раненым чем только могли. Купчуку предложили операцию. Профессор, так называли хирурга, сказал, что без ампутации ноги ему не выжить, но Купчук заупрямился: если и умирать, так с ногами, без лишних страданий! В конце концов хирург согласился. Купчука положили на стол, тут же, где теснились вокруг люди, накинули на лицо маску...

Очнулся он на полу, среди других раненых. Врач сидел с ним рядом и шлепал его по лицу ладошками. «Что-то долго ты не просыпаешься!» Тут Купчук почувствовал, что у него сильно болят ноги, и обрадовался: раз болят, значит, они при нем! «

— Спасибо, что ногу не отняли! — поблагодарил он доктора.

— Ну, это никогда не поздно. Успеется...

В Орше раненых продержали до весны, а потом всех отправили в Люблин. Там вблизи от города, в Майданеке, был выстроен огромный концентрационный лагерь на десятки тысяч пленных, там день и ночь дымились трубы крематория... Надо было пройти через постоянный голод, радоваться, когда в блок подавали для еды мешок-два зеленой травы, пройти через отлаженную систему уничтожения пленных, пройти через несостоявшийся расстрел, чтобы выжить и дожидаться освобождения. Но и оно не принесло радости, а только новые оскорбления и издевательства за измену... А была ли она, это никого не интересовало...

Никто не будил Ирину Макарову до утра. Она сама проснулась от прохлады и сырости. Огляделась. Вокруг ни души, тихо, слышно, как шлепают росные капли с ветки на широкий лист орешника. Кусты поседели от росы, отяжелели и даже поникли от накопившейся на них влаги. Тишина такая, что в ушах звенит натянутой струной. Командиров рядом нет. Может, отошли по нужде? Поднялась, окликнула. Ни слова в ответ, ни шороха. Лишь тут она поняла, что они оставили ее и ушли. Конечно, сочли, что такая обуза им ни к чему: вдруг заболит или ранят ее, что с ней делать, куда ее девать?! А если придется пробиваться к своим с боем?..

Бросили! Поняв весь ужас своего положения — одна в лесу! — Иринка упала на землю и зарыдала. Кругом враги, а она одна, и никому на свете не нужна! Сколько она так проплакала, уткнувшись лицом в мох, не помнила. Силы оставили ее, и хотелось только одного — умереть! Но где-то беспокойно тенькнула синица, порхнула с ветки на ветку и уставилась черным глазком на лежащую ничком женщину, где-то вдали гроыхнуло раз и другой... Нет, надо жить! Иринка перевернулась на спину, вроде немного отлегло от сердца и стало свободнее дышать. Горько, обидно, а жить надо! Отчетливо донеслись орудийные выстрелы. Раз бой, значит, кто-то сражается, борется, не сдается, не все еще потеряно! Передовая не так уж далеко, надо туда идти! Опустошенная, подавленная, она через силу поднялась, постояла, помассировала затекшие руки, ноги. Пошла... Лес влажный, сырой. Она на ходу схватывала росу с трав и кустарников, мокрыми ладонками освежала лицо. Припомнилось давнее и далекое и потому особенно тронувшее до слез: «Росичка, росичка, умой мое личко, чтоб глазки блестели, чтоб щечки алели...» Когда это было? Вернется ли? Накатившаяся к себе жалость, к утраченному счастью туманила глаза слезами. Но разве слезы помогут? Кое-как она взяла себя в руки: надо держаться!

До нее лесом прошли сотни людей, и за ними пооставались тропки на многих моховых подушках, на обнаженных участках земли. Не заблудиться — тропки обязательно выведут ее куда следует. Ее, одиноко бредущую, догнала группа солдат. Один, пожилой дядечка, спросил:

— Куда держишь путь, дочка? Почему одна?

— Туда! — Она махнула рукой, не в силах сказать большего.

— Тогда пристранвайся Чего одной-то? Мы тоже туда...

Она пошла следом. Орудийные выстрелы, частая пулеметная стрельба слышались совсем близко. Значит, они уже где-то у большака, через который переходить? Но почему такой бой? Может, немцев отогнали? Эти тревожные мысли одолевали каждого. Шли с надеждой и опасениями. Вот какая-то лесная дорога. Стоят обгорелые машины, покинутые повозки с побитыми лошадьми, а вокруг глубокие, уже заполненные водой воронки, оббитые догола деревья, и смрад вперемешку с запахом сгоревшей взрывчатки уже накрыл недавнее побоище. Остановились оглядеться, решить, куда двигаться дальше: по этой ли дороге, или пересечь ее и идти навстречу злосчастному большаку? Иринка присела на дышло повозки. В обсуждении плана ей нечего сказать, она последует туда, куда и остальные. И тут из леса повалили толпой другие окруженцы. Многие ранены, одни идут сами, других ведут под руки. Пытались пробиться через большак, да нагвались на танки, пулеметы. Надо ждать ночи, искать новое место для перехода. Солдаты осмотрели повозки и в одной обнаружили медикаменты, бинты.

— Братва! Кто волокет в медицине? Перевязать бы людей...

— Я попробую. Нас в школе учили, — поднялась Иринка. — Только пусть кто-нибудь помогает, а то одна боюсь, не привыкла...

— Давай, сестренка, действуй! Поможем.

У повозки сразу образовалась очередь. Иринка взялась за бинты, вату, отыскала марганцовку и развела ее в чьем-то котелке. Сначала работала робко, потом осмелела. Солдаты сами помогали ей, оголяли раненое место, а она смывала тампонами кровь, наскоро обрабатывала кожу вокруг раны марганцовкой, йодом, туго бинтовала. Ничему другому, кроме перевязки, их в школе не учили. Что еще могла она сделать, чем помочь? Оторванные, порой висящие лишь на коже, сухожилиях пальцы, куски человеческой плоти отсекала, как заправский хирург. Раненые сами просили ее об этом. На перебитые кости рук накладывала шины-дощечки или расщепленную палку, которые ей тут же готовили и подавали помощники. Как кстати оказалась эта повозка с медикаментами!

Раненые, размазывая рукавом слезы, терпели невероятную боль, но крепились, сдерживая стоны, и только катившийся по лицу пот указывал, сколь тяжки мучения. Потом, собравшись с силами, уходили. Иринка сложила

обязанности медсестры и присоединилась к небольшому отряду, возглавляемому молодым, но очень суровым лейтенантом. Он повел своих солдат на север, параллельно большаку, полагая, что у Ивановки удастся проскочить через большак без боя. Ближе к дороге не выходили, потому что гитлеровцы беспрерывно обстреливали прилегающий лес из минометов, не утихая, клочкотала и пулеметная стрельба. Через чащобу, болото, редколесье, через поля шли весь день. Заночевали в лесу. Сумерки еще не угасли, но все начали укладываться, чтоб отдохнуть и подняться до рассвета. Иринка не знала, как ей быть. В пути к отряду присоединился молодой мордастый солдат и пошел с ней рядом. Он все уговаривал ее идти с ним, мол, он знает, где лучше выйти к своим, но она понимала, чего он добивается, и отмалчивалась. А тут он и вовсе обнаглел: «Чего куражишься? Не со мной, так с другим все равно ляжешь, а то еще хуже — немцам достанешься!...». Как тут ляжешь спать, когда он рядом, пристаёт? Хоть плачь! Спасибо, солдат один вступился:

— Эй, ты! Чего прицепился к девчонке? Наел где-то в тылу морду...

— А ты кто такой, чтоб командовать? Тебя не касается, ты и не сохни, сопи себе в дудочку...

Но тут не стерпел лейтенант, приподнялся, в руках наган:

— Убирайся отсюда! Немедленно! Считаю до трех!

Лейтенанта поддержали, загалдели:

— Чего с ним чикаться? Намцлить морду — и все! Нашел время!..

— Сейчас в лесу кого угодно носит. Немцы наших же, которые сдались, засылают наших же бить. Может, и этот из таких. А ты ложись, сестренка, к нам поближе, не обидим...

Ночь показалась Иринке долгой, как вечность. Она то васыпала, то вскидывалась в тревоге, и тогда тоска стискивала ей душу. Над головой в темном небе сияли, словно горстями брошенные, звезды, крупные во влажной прохладе, будто приблизившиеся к земле, а она думала, что вот мир велик-велик, а нет на нем места для людей, коль даже на своей родной земле жгут, убивают, калечат... Во сне ее сразу начинали преследовать кошмары: кто-то темный, безликий преследует ее, наплывает вплотную, а она не может ни убежать, ни отбиться. Руки, ноги будто ватные, не повинуются...

На рассвете солдаты поднялись. Встала и она, разбитая, обессиленная. Есть нечего, люди сразу пошли, по-

мятые, угрюмые, молчаливые. Иринка поплелась за ними, чтоб не остаться снова одной в темном лесу, поплелась, как бездомная собачонка, потерявшая надежду, что кто-то из случайных прохожих ее приютит. От постоянной сырости, мокрети, голода ноги начали отекать, сапоги стали тесны и сдавливали ступни до боли. Она читала, что раньше инквизиторы пытали людей тесными сапогами. Сначала размачивали их, натягивали на ноги, а потом начинали подсушивать у огня. Кожа съеживалась, стискивала ноги. Только у нее не сапоги усыхают, а ноги пухнут, им тесно...

Вышли на редколесье, потом на опушку. Показалась деревня. Кто в ней — свои или гитлеровцы? Но не стоять же на месте! Лейтенант хмуро оглядел солдат:

— Что будем делать? В деревню? Или обойдем стороной?

— Сил нет на эти обходы, — прохрипел простуженным голосом солдат. — Может, наши еще, так расспросим, картох добудем...

Солдаты гуськом поплелись в деревню, а Иринка осталась. Ей было страшно, вдруг в деревне немцы? Солдаты начнут отстреливаться, а она попадет в плен в лапы врагов. Чтоб они над ней измывались? Нет, ни за что! Лучше умереть! Она пролежала весь день, не поднималась, все думала, решала, как ей быть. Наконец, остановилась на таком варианте: на рассвете проберется в деревню и узнает, есть ли там немцы, или нет. Есть — так уйдет, нет — свои, русские люди ей помогут, не дадут пропасть. Выдаст себя за беженку, переоденется в гражданское, чтоб только не в плен.

Ночь она провела на том же месте. Одежда промокла от павшей к утру росы, нестерпимо ныли отекавшие ноги — хоть садись и немедленно разувайся! Но этого сделать нельзя, потом опухшие ноги не втиснешь обратно, а босиком пропадешь. Брезжил сырой туманный рассвет. Пора идти. Еще издали она высмотрела на окраине захудалую маленькую избушку и направилась к ней. Уж в такой немцы ночевать не станут! Поскреблась в окошко. За стеклом промелькнула фигура, значит, сейчас хозяйка откроет дверь. Иринка поспешила на крылечко. В приоткрытой двери, уцепившись костлявой рукой за косяк, на пороге стояла баба-яга! Такой рисуют ее в книжках — костлявой, усохшей, как перезрелый гриб, с распущенными космами седых волос, с провалившимся беззубым ртом, в опорках на босу ногу. Крестьясь, что-то шамкая, она встретила Иринку, как сатану. Уцепилась рукой в плечо и начала

выталкивать ее, переступившую уже за порог одной ногой, обратно, когда та готова была молить о помощи со слезами на глазах:

— Куда тебя несет, окаянную! У-у, шешки голодные, погибели на вас нету!

Иринка так и не поняла, что, какой смысл вкладывала старуха в эти слова.

— Бабуся, я же девушка. Не ругайся, не шуми, ради бога! Мне бы только переодеться во что-нибудь старенькое. Не бойся, меня никто не видел...

Вот так успокаивая старуху, она думала: сейчас откроется дверь пошире, а там гитлеровец с автоматом. «Баба-яга» все-таки вняла ее мольбам,пустила в избу. Там пошарила в сундуке, выкинула тряпки. Обмундирование, армейское белье, сапоги — все оставила Иринка за лохмотья, которыми едва прикрыла наготу. Уже по такому приему она поняла: устроиться даже на время не удастся. Старуха выпроваживала ее поскорее от греха подальше, чтоб не дай бог не нагрянули немцы. Они тут уже были...

— Иди, иди, не велено никого пущать. Вот в Заболотье шагай, там нет врагов, может, и поесть дадут — деревня большая...

Утро выдалось ясное, несмотря на ранний час, пригревало солнце, но от страха перед неизвестностью Иринку тряс озноб. Как встретят ее в этом Заболотье, примут ли за беженку? Смущали не лохмотья, а опухшие, давно не видевшие солнца — все время в сапогах и чулках! — белые ноги. Сразу поймут, что служила в армии, ходила в форме. На родной земле, а всем чужая, никому не нужная, никто куска не даст...

Заболотье показалось сразу, едва вышла за околицу и поднялась на пригорок. Каких-то два-три километра. Стараясь упрятать страх поглубже, Иринка напускала на себя независимый вид местной жительницы, чтоб не навлечь подозрений. Но в деревне, где все знают друг дружку, она оказалась белой вороной, жалкой, потерявшейся в своих невообразимых лохмотьях. Никто не пускал ее за порог, все отправляли к старосте: он один мог решить, переправить ее куда дальше или оставить в деревне, у кого поселить. Все-таки нашлась добрая душа, приютила у себя. Но старосту уже уведомили, что в деревне чужая. За Иринкой пришел полицай — русский, но в немецком, с чужого плеча старом мундире, повел в комендатуру. Начался допрос: кто такая, зачем пришла? Иринка составила себе легенду и твердила одно: она из Сибири, ехала

в Смоленск к родителям, но началась война, в город она не попала и вот уже год скитается, ищет их. Макаровы... Может, проживают у вас такие? Нету? Вот беда! Обносилась, оголодала, везде воюют, и куда теперь деваться? И слезы — непритворные, горькие...

Ей не поверили, но все же разрешили остаться у приютившей ее женщины. Предупредили: из деревни ни шагу! Завтра всем на дорожные работы, чтоб и она выходила!..

Утром Иринка вместе с хозяйкой вышла на работу. Гатили дорогу за деревней. Валили деревья, пилили на чурки по ширине колен, волокли и укладывали на разбитых участках, засыпали землей ямы. По дороге не раз проводили пленных. Опустив плечи, мрачно глядя под ноги, шли они, полураздетые, кто в чем, многие босые, с повязками на теле, усталые, еле волоча ноги. Иринка всматривалась в каждого и боялась до дрожи в ногах узнать в скорбных, полных безысходной тоски глазах взгляд родных глаз. Сердце разрывалось от боли, тревоги, и невольно, глядя на унылый строй, думалось: что заставило их, молодых и здоровых, сложить оружие? Неужели только страх перед смертью в бою?! Ведь и она вышла в эту деревню, обманом избежав плена, не только из-за страха за жизнь, а потому что не видела выхода, не знала, что ей делать. Если б кто-то сказал: бери винтовку, иди стреляй и пробивайся, она бы пошла, не отстала бы от других! Может, и их кто-то должен был заставить воевать, стоять насмерть, и они б стояли, сражались. Но этого не было, и войска превращались в толпу. Кого же винить, что так произошло?!

Много лет спустя она перечитает все военные мемуары, но и там не найдет ясного ответа на этот мучительный вопрос. Операция «Зейдлиц»? Она едва заслужила упоминания в двух-трех строках. Ее заслонили другие, более важные события, да и о тех, если неудачные, все больше в общих чертах, со ссылками на обстановку. Можно увидеть даже портрет солдата, подбившего танк, но не узнать ни причин поражения, ни фамилии командира, проигравшего сражение...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Многие сотни и тысячи солдат и командиров, оголодавших, потерявших ориентировку, бродили еще по лесам в поисках выхода из окружения. Где-то еще шли к линии фронта соединения армии Маслова. Пушки, машины, про-

чую тяжелую технику, которую нельзя было вытащить по бездорожью, сразу пожгли, поломали, чтоб не досталась врагу, при себе несли только стрелковое личное оружие. Каждое соединение держалось своего направления — одним ближе выходить около Нестерова, другие шли в обход Белого — к смоленскому большаку, рассчитывая встретить там не столь плотное прикрытие. Немалое значение имело и то обстоятельство, что южнее Белого деревни не попали в зону боев, и население могло помочь едой.

Связь с окруженцами прекратилась, и командующий фронтом генерал Козин не получал информации. Что у них происходит, можно было только догадываться. Он наверняка знал, что не всюду сохраняют должную дисциплину, организованность, что отдельные части и даже соединения распались на неуправляемые группы. В таком положении появляется ложная иллюзия, что мелкими отрядами легче укрываться от противника, легче проскользнуть мимо врага незамеченными, и командиры, поддавшись таким настроениям, сами распускают части, подразделения: действуйте, как вам удобнее! Меньше ответственности за других, не надо заботиться о раненых, о питании, о разведке и контроле за подчиненными. Это самое скорбное заблуждение, играющее на руку только врагу! Вместо целенаправленного движения большой массой и силой, когда можно и отбиться от врага, и помочь тем, кто ослабел, дробятся на группы, беспомощно тычутся кто куда, гибнут в мелких стычках с врагом. Надо кому-то идти за линию фронта, лучше генералу! Потому что капитану или майору люди не захотят подчиниться, начнут оспаривать их решения. Но кто добровольно возьмется за такое рискованное дело? Кто пойдет за линию фронта, кто не потеряется сам в этих заболоченных лесах?

Козин готовился к объяснению с Верховным Главнокомандующим. Теперь уже не секрет, что гитлеровцы предприняли это наступление с целью высвободить войска для переброски на южное направление, где развернулись крупные бои. Конечно, Козин не ждал такого результата, какие-то пружины в армейских и фронтовых механизмах не сработали, хотя казались надежными. Войска опоздали с выходом на рубежи, не проявили должного упорства в обороне, командиры старшего звена плохо организовывали бой, танковая бригада не выполнила и десятой доли того, что ей предназначалось. Если б удалось удержать, не допустить этого окружения! Пусть бы даже отдали какую-то часть территории! Теперь все внимание Верхов-

ного привлечено к южным фронтам, где гитлеровцы стремятся взять реванш за поражение под Москвой. Там тоже войска отходят, и на фоне тех событий бои под Белым выглядят просто пустячными. И все-таки объясняться все равно придется, и тогда неизвестно, чем обернется разговор, какотреагирует Верховный. Вдруг разговор совпадет с его плохим настроением?

Настоятельно требовалось послать кого-то за линию фронта, чтоб объединил, направил тех, кто еще остаётся в бельских лесах, чтоб спасти кого возможно и тем уменьшить потери. Тогда легче будет объяснять причины неудач. Конечно, много тяжелой техники утрачено, но на фоне потерь, которые несут фронты на юге, это капля в море. А люди выходят, каждую ночь через линию фронта прорываются сотнями. Ускорить бы выход остальных!

Козин вспомнил про Горелова. Зимой он провел дивизию в глубокий тыл врага, два месяца был отрезан от войск фронта и все-таки вел ожесточенные бои. Он знает в районе Белого многих, и его там помнят, ему известны все дороги, деревни, местность, он держал связь с партизанами. У него опыт империалистической и гражданской войн, а это очень важное качество. После недолгого раздумья он позвонил командарму, у которого Горелов был заместителем:

— Надо послать Горелова за линию фронта. Пока существуют малоприкрытые участки, пока не стабилизировалась вражеская оборона, пусть идет, собирает неорганизованных, выводит... Речь идет о спасении сотен и тысяч наших людей от плена и напрасной гибели. Где он сейчас находится?

— В войсках!

— Вызывайте срочно, объясните задачу. Как думаете, согласится? Дело добровольное, в приказном порядке навязывать не могу, но очень необходимое, хотя и рискованное...

— Он сам порывался идти, все беспокоится о своей гвардейской. Но она в основном, кажется, вышла, где-то задержался один полк... Теперь, если такова задача, удерживать его не стану.

— Подберите ему надежных офицеров и солдат для охраны и сопровождения. Где перейти, он сам знает лучше, этого ему не навязывайте...

Последнее сообщение, полученное Гореловым, было из Солодилово: штаб дивизии во главе с командиром пол-

ковником Савельевым переместился в эту деревню. От Солодилово до большака четыре километра. Ну, эти сами выйдут, прорвутся! С ними Шмелев — крепкая рука! Горелов за них не беспокоился, а вот положение полка Сидорчука — тревожило. Он сам приказал ему держаться до последней возможности. На Шиздерово и далее к Белому прорвались танки, значит, оборона полка смята. Где он теперь, где искать людей, есть ли кому командовать, или разбрелись кто куда? Кто им теперь поможет?

Горелов придерживался старых взглядов: военачальник обязан разделить судьбу своих подчиненных. Хотя формально он передал дивизию в другие руки, но в душе по-прежнему считал ее своей, не снимал с себя и ответственности. Нигде и никому не высказывал он своего суждения, но твердо полагал, что генерал, которого вытаскивают в то время, как его люди остаются в окружении, не имеет далее морального права командовать. Он должен либо разделить судьбу, либо уйти в отставку, куда угодно, хоть к черту! Если бы этого правила придерживались твердо, если б оно было узаконено, может, избежали бы многих бед. Нет, теряя армию, считают необходимым непременно спасти командующего, не оправдавшего надежд, других высоких лиц, которые более всех и виноваты в том, что армия превращается в толпу. А где гарантия, что они не оставят и другую армию в столь же тяжелом положении? Ведь только от командира зависит, сражаются ли его люди, пусть даже отступают, но организовано, в порядке, или разбегаются. Не бросил же своих солдат Суворов, хотя мог без хлопот улизнуть из Италии морем или сушей. Нет, считал за честь привести своих солдат в Россию! Не может жизнь одного цениться выше тысяч других! Только общая судьба цементирует, сплачивает людей. В разведке на десяток солдат закон распространяется: если человек оставлен раненый или даже убитый и не вынесен к своим, не похоронен, остальных убирают, они ненадежные! Только так! Но почему выше не распространяется этот непреложный закон? Почему без ущерба для чести, совести возможно преступить его?

Эти мысли захватили Горелова, когда он узнал, что Маслова вывезли из окружения на самолете. Последнее слово все же оставалось за командармом, но, видно, не хватило у него пороку проявить характер. Теперь задача, от которой он уклонился, что называется, умыл руки, падает на него, Горелова. Он должен отыскивать людей Маслова, организовывать, направлять их, чтоб они могли выйти за линию фронта. И, может, после этого он сам

снова попадет в подчинение Маслову, как осенью сорок первого? Но как смотреть им друг другу в глаза? Ему-то, Горелову, что, а вот Маслову?!

Да, значит, его жизнь ничего не стоит по сравнению с безопасностью Маслова? Горько это сознавать, обидно!..

С такими мыслями, с подавленным настроением ушел Горелов за линию фронта. Он стремился прежде всего найти полк Сидорчука и повел свою группу на Шиздерово. Только леса еще оставались нашими да глухие деревушки, а близ дорог всюду сидели гитлеровцы, наводили свои порядки. Они уже начали засылать тех, кто, оголодав, пришел к ним сдаваться, обратно в леса, чтоб выводили и других, а если кто не пожелает выходить — уничтожать. Горелова поразила картина гибели целой группы наших солдат и командиров: как сидели кружком возле костра, так и полегли, не успев взяться за оружие. С командиров сняты гимнастерки, а на солдатах все оставалось. Только оружия не было. Это работа предателей. Люди уже боялись и гитлеровцев, и своих, стараясь избегать встреч.

Горелов приказал остановиться на скрещении троп: надо сгруппировать разрозненных, и этому помогало присутствие генерала. Завидев его, окруженцы смело к нему присоединялись: он знает, куда и как выходить! Появилась надежда на благополучный исход. Командиры из свиты Горелова распределили собиравшихся по взводам, ротам. Набралось несколько сотен. Предстояло провести их к месту перехода линии фронта, если надо, организовать прорыв. Они уйдут к своим, а Горелову снова возвращаться в леса, снова собирать людей.

В эту пору, когда стояли в лесу лагерем, охрана задержала и привела к генералу группу парней в гражданской одежде, вооруженных немецкими и нашими автоматами. Среди них несколько человек в гитлеровской форме. Это показалось подозрительным, и Горелову надлежало решить, как с ними поступить. Задержанные называли себя партизанами.

— Товарищ генерал! — воскликнул радостно парень, назвавшийся старшим, в немецкой униформе, сухощавый, смуглый. — Вы меня не узнаете? Я — Попов, командир партизанского отряда! Помните, зимой приходил к вам?

— О, Володя! Как ты здесь очутился? — узнал его Горелов. — Послали или по собственному почину? Ты же был где-то под Пречистым!..

Эти радостные восклицания с обеих сторон перемежа-

лись горячими рукопожатиями. Генерал даже обнял и похлопал по плечу Попова, так обрадовало его появление и как-то высветило, разрядило несколько накапливавшуюся гнетущую тоску, все сильнее охватывавшую Горелова в последние дни. И вот Попов! Скорее всего послали помогать окруженным. Стараются вывести, не забывают!

— Вообще-то, мы там и находились, ближе к Пречистому, но потом, в мае — июне, гитлеровцы создали зону, деревни пожгли, нас оттеснили, — рассказывал Попов. — Вы, ребята, — махнул он своим партизанам, — располагайтесь пока, отдыхайте! Так вот, отошли мы в батуринские леса, подальше, а недавно прибыл к нам подполковник, он из разведуправления фронта, от него мы всегда получаем задания, и говорит: надо идти к Белому и выводить наших из окружения. Так и оказались здесь... Вчера, случайно, узнаем, что в лесах какой-то генерал, думаю, надо найти, помочь. Я так рад, что встретил вас, честное слово! Мы вас выведем, есть у нас надежное место — через Свитский Мох...

— Нет, Володя, тебе дали задание, вот и помогай тем, кто не знает, как отсюда выбраться. А моя задача другая. Вот завтра выведу эту партию и начну собирать других!

— А сами вы не пойдете разве к своим?

— Пока не пойду, Володя! Мне надо быть здесь. Сколько? Даже сам не знаю, наверное, до тех пор, пока всех не выведем. Угостить мне тебя нечем, с едой плохо, оголодали все, так что не задерживайся тут, иди!

— Как же так, товарищ генерал?! А я надеялся, думал — помогу...

— Другим помогай, тем, кто потерялся, не знает, куда идти, а я при деле, сам видишь... Почему немецкую форму надел? Могут ведь и убить, не разобравшись!

— Нас немного, так в случае встречи с гитлеровцами говорим, что выводим в плен русских, а эти парни, что со мной, помогают...

— Разве ты по-немецки говоришь? Что-то я не помню, чтоб ты мне об этом когда сказал...

— Нет, на этот случай у нас есть товарищи — один чех, другой немец, сами к нам перешли еще зимой, надежные. Они объясняются, а я помалкиваю... Да только нелегко нам тут. Мы боимся гитлеровцев, нас боятся свои, не верят нам. Немцы наших же людей начали в леса засылать. Вы будьте осторожны, товарищ генерал, не всем доверяйте!

— Спасибо, Володя. Ну, прощай, брат!

— До свидания, товарищ генерал! Счастливого вам возвращения!

Ночью окруженцы двинулись к линии фронта. Переходили дорогу у Башиловки — небольшой деревушки, где овраги, залесенные распадки позволяли вплотную к ней подойти. Выделенная заранее группа автоматчиков блокировала огневые точки гитлеровцев, и вся масса солдат и офицеров благополучно ушла за дорогу. Лишь в самом конце перехода к месту перестрелки подошли гитлеровцы с другого участка и открыли огонь. Горелов со своими командирами и охраной стоял на возвышенном месте, следил за переходом. Он уже хотел дать команду отходить, как шальная пуля ударила его в левую руку. Она сразу одеревенела, стала бесчувственной, но только он до нее дотронулся, как боль резанула и достала до самого сердца. Он покачнулся, и ему показалось, что шатнуло и повело куда-то в сторону землю.

— Вы ранены, товарищ генерал?

— Кажется... Рука... — Под рукавом кожанки текло горячее, отчего все плыло перед глазами, и он плотнее прижался к дереву, чтобы не упасть. Ему не хотелось выказывать перед подчиненными слабость, но сил сохранять спокойствие не доставало. — У кого есть пакет?

С Горелова начали снимать кожанку, и боль снова резанула остро и как-то внезапно. Ему перебинтовали руку, помогли встать. Противник запоздало обстреливал лес по обе стороны от дороги, разрывные пули секли ветки, посверкивали в темноте. Пришлось поскорее уходить с опасного места, и Горелова подхватили под руки, повели. За прошедшие дни они хорошо изучили окрестные места, поэтому решили, что самым подходящим убежищем, пока не определится состояние Горелова, будут Емельяники — деревня в полдесятка дворов посреди леса. Гитлеровцы все еще держались близ дороги и туда не заглядывали.

Горелов чувствовал себя плохо: донимала острая боль, пуля, видимо, задела кость или нерв пониже локтя, и казалось, что при каждом толчке крови кто-то дергает за сердце...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Крутов считал, что бои идут только под Белым, а его прежний полк стоит на месте. Там рядом Иринка. Надо идти туда, может, он найдет ее, тогда и будет думать, как быть дальше. Не удастся перейти за линию фронта — пода-

дуются в партизанский отряд. Перед отъездом на курсы Бернштейн в штабе говорил, что партизаны находятся в Пречистом и в батуринских лесах. От Пречистого партизан оттеснили, поэтому остается только Батурино, оно южнее Белого, туда и надо идти. А пока, не теряя напрасно времени, надо искать свой прежний полк. По карте, если напрямик, километров пятьдесят лесами. Компас есть, ориентируется он хорошо, выйдет прямо к позициям. Вот только нога не подвела бы. Может, разомнется! Это ему просто повезло, что осколок пришелся плашмя, иначе гнить бы в болоте. На месте удара большой кровоподтек, не рана, пустяк!

Он шел, не придерживаясь ни троп, ни дорог, по азимуту, выдерживая только направление. Деревни, какие попадались, обходил стороной. Торопился. Вечером третьего дня вышел точно на деревню Кострицу к большаку. Было еще светло. По дороге непрерывным потоком двигались машины с гитлеровской пехотой, и над ними густой завесой стояла поднятая пыль. Пришлось залечь неподалеку. Авось ночью движение прекратится, тогда можно будет дорогу перейти без риска. Что полка здесь уже нет, Крутов догадался сразу. Может, какие-то подразделения отыщутся за дорогой? В лесу?

Шел, спешил, и для чего? Чтoб оказаться в полном одиночестве? До боли тоскливо заняло сердце: что делать? Стемнело, а по разбитой ухабистой дороге продолжали пылить машины, раскачиваясь крытыми кузовами. Синий свет подфарников глож в густой пыли. Крутов подошел к самой дороге и перебежал через нее сразу вслед за прошедшей машиной. Его не заметили, и он скрылся в кустах. К деревне Шиздерово, где стоял штаб полка, вышел перед рассветом. Урчали машины, гомонили немцы. Крутов постоял, прислушиваясь, и подался в лес.

Утром, совершенно случайно, он наткнулся на стоянку покинутых машин. По виду, машины связи. Все разгромлено, перевернуто вверх дном, дверцы распахнуты. Тряпки, бумаги устилали землю. Павел поднимал какие-то бланки с колонками цифр, чужие письма. На глаза попала открытка, написанная его рукой. Все... Значит, Иринку тоже подхватило огненным вихрем, унесло, и теперь неизвестно, где ее искать. И что вообще делать дальше? Нужно обстоятельно все обдумать, решить. Может случиться так, что и партизан не окажется там, где они были. Что тогда? Не лучше ли сразу отказаться от этого варианта как ненадежного? В таких тяжелых раздумьях он пролежал до вечера, забившись в чей-то покинутый

шалаш. Временами он задремывал, но тут же в тревоге вскидывался и прислушивался. Нестерпимо хотелось есть, ведь уже сколько дней как ни крошки во рту. Может, потому и сна нет, несмотря на усталость. Закроет глаза, а какие-то полубредовые видения мельтешат, сменяясь одно другим...

Надо идти, идти, пока силы еще есть! Он поднялся, потуже затянул ремень на ватнике, поудобнее приладил скатанную плащ-палатку, карабин. Маршрут он себе определил: держаться южнее Обши и перейти линию фронта между Белым и Пречистым. Далеко. Но иного, более надежного, пути нет. Обша в верховье была мелкой, вода журчала на перекатах, и он перешел через нее без помех. Воды он не страшился, потому что одежда на нем промокла от росы и не просыхала даже днем, не успевала. Ночью выходил на поля и проселочные дороги. Где-то глубоко таился детский страх перед мертвецами, и когда вдруг начинало тянуть трупным запахом, а в ночной сырости эти запахи заявляли о себе сильно и издалека, он старался обойти это место стороной. При этом все в нем сжималось. Он безошибочно определял запахи тления, исходят ли они от людей или побитых лошадей. Никогда не думал, что придется ориентироваться не на слух, не на зрение, а на обоняние... Во второй половине ночи поднималась полная луна, озаряла голубые нивы, черные ельники, деревни на пригорках и белые от тумана долины и впадины. Ни человеческого голоса, ни собачьего бреха, даже отсыревшая рожь не шелестит, задевая обшарканные до белизны, мокрые, из плащ-палаточной ткани штаны.

Неподалеку от совхоза Шамилово Крутов встретил в лесу группу окруженцев и среди них знакомого техника-интенданта, бывшего начальника полкового клуба Карлова. Обрадовались несказанно.

— Откуда? Как? Куда?

— Да вот, иду, — отвечал Карлов. — Сержант — оленинский, местный, все тут знает, обещает вывести. На Олено по путь держим.

— Там давняя оборона, с зимы еще, до нее далеко, она где-то по реке Молодой Туд. Там, по-моему, немцы не наступали, так успели наставить мин, проволоки...

— Что же ты предлагаешь?

— Идем со мной. Обогнем Белый и выйдем к своим через Свитский Мох. Карта у меня есть, смотри...

— Знаешь, я плохо в этих картах разбираюсь, не было практики, не приходилось раньше, — признался Карлов. — Вообще-то, резон есть. Оголодали мы, можно и в самом

деле к этому Туду не добраться. В деревни хоть не заходи, нет ничего, картошек не выпросишь...

Спутники Карлова менять направление не пожелали, а он присоединился к Крутову. Вдвоем идти стало веселее. Карлов рассказал, что во время боев он находился во втором эшелоне, в тылах. Люди разошлись кто куда. Он несколько дней скрывался у приютившей его женщины — местной, но потом гитлеровцы объявили, что если кто пустит советских солдат или офицеров, то будет расстрелян. Пришлось уйти. Тут подвернулся этот сержант, прикнул к его группе...

Голод терзал обоих, но Крутов уже как-то притерпелся и не пытался чего-то достать, а Карлов все порывался зайти в деревню, авось что перепадет. Он давно не брился, зарос, на исхудалом лице четко обозначились черные борода и усы. Высокий, костлявый, с голодным блеском в глазах; он скорее смахивал на разбойника с большой дороги, чем на интенданта. Только форма да еще «кубари» в зеленых петлицах указывали, что он военнослужащий.

Перед вечером они вышли к большой деревне. Крутов поддался настойчивым уговорам и согласился зайти в крайнюю избу. Дадут чего — хорошо, нет — вернется, а дальше крайней избы не сделает и шагу! Они шли узкой ложиной, ее склоны скрывали их со стороны. Солнце уже село за дальний лес, но небо еще пламенело, золотило одинокое облачко, хотя дома смотрелись темными глыбами. До крайней избы оставалось чуть больше сотни метров, когда Крутов заметил какое-то шевеление. Подозрение заставило его остановиться. В ячейке по пояс, у самой стены, стоял гитлеровец и помахивал перед лицом веткой. Он видел их и ждал, когда они подойдут ближе. Идти — не идти? Нет, лучше сдохнуть в лесу, чем в плен! И это на своей родной земле! Горесть, ненависть охватили Крутова. Он резко повернулся и пошел назад, не оглядываясь, не опасаясь, что выстрелят в спину. Карлов нехотя шел за ним. Больше они не делали попыток чего-то достать, только шли, залегая днем во ржи близ дороги, чтоб видеть, кто по ней проходит. Проносились машины с солдатами, шныряли развозы конных, обозники тащили за повозками последних коров...

Через неделю скитаний показалась деревня, за которой синел Свитский Мох — огромное урочище, болото с редким угнетенным соснячком. На карте это болото было заштриховано сплошными синими полосками, как непроходимое. Другой своей стороной оно вплотную прилегало

к смоленскому большаку. Там синели леса, оттуда доносилось гроыхание артиллерии, там был фронт. Высмотрев, нет ли гитлеровцев, Крутов с Карловым зашли в деревню, чтобы расспросить местных о пути. Жители сказали, что через Мох не тропа, а дорога, что по ней прошли тысячи и продолжают идти, так что сбиться невозможно. Сразу за большаком — фронт.

Незадолго перед этим к скитальцам присоединились три солдата-узбека. Они не знали русского и о чем говорили между собой — не понять. Но они знаками показывали, что хотят за линию фронта, и Крутов принял их. Худые, заросшие, немые, они уже давно скитались по лесам, не зная, куда подаваться, и теперь взбодрились, не отставали ни на шаг. Крутов и сам выглядел не лучше их: от постоянной сырости брюки на коленях протерлись и свисали лохмотьями, голенища кирзовых сапог отделились от головок. Он исхудал так, что оставались кожа да кости, а живот, казалось, присох к хребту. Силы покидали его. Раньше он одолевал за день пятнадцать — двадцать километров бездорожья, а теперь еле тащился, поминутно останавливаясь. Но появилась надежда, что пути скоро конец, и он старался не падать духом. Узбеки в первые дни окружения питались конским мясом, заплечные вещевые мешки еще отдавали запахами, а он лишь иногда принимался жевать ржаные колоски, срывая их на ходу. Откуда было брать силы? Будь сейчас конина, он не отказался бы от нее, но побитые лошади давно протухли...

В деревне поживиться было нечем, жители отдали все, что могли, и сами голодали, собирали семена какой-то травы, добавляли кленового листа, замешивали на самой малости муки и из этой смеси пекли лепешки. Сердобольная женщина дала им две малых лепешечки, они разломали их поровну на пятерых. Крутов жевал свой кусочек, а проглотить не мог, сухой кленовый лист не лез в горло...

Вот и хутор Карчек — от построек давно ничего не осталось, но признаки еще были — бугры, ямы, какой-то обгорелый столб, часть повалившейся изгороди... Хуторок на километр вклинивался в болото, и от него самая короткая дорога через Мох, каких-то пять-шесть километров. Свитский Мох. С первых же шагов болото показало, что оно из себя представляет. «Дорога» — месиво, ноги утопали в нем выше колен, и их невозможно было вытащить. Старались идти обочинной по свежим подушкам мха, но и они утопали под тяжестью человека. Да и держаться обочины опасались: жители предупредили, чтоб с дороги не сворачивали, по сторонам могут быть мины. Кто и ког-

да минировал, они не знали: может, немцы, может, наши...

Переход через Мох отнял три дня. Через каждые сорок — пятьдесят метров садились отдыхать. Крутов снимал головки сапог: может, босиком будет легче? Но жесткий вереск колол босые ноги, а под мхами была ледяная вода. Приходилось снова обуваться. Спали на подушках мха, через каждые полчаса перекаtywаясь на новое место, потому что под боком собиралась вода. Туман, густой, как молоко, с вечера окутывал все болото и держался до солнца. Последние силы оставляли Крутова. Порой ему казалось, что не сделает больше ни шагу, но рядом, опершись грудью на винтовку и свесив голову, стояли узбеки-солдаты и терпеливо ждали, когда он поднимется. Они на него надеялись, он один мог их вывести. Он не мог их предать, надо было идти до конца...

Через смоленский большак перешли вечером в сумерках. Кустарники, лес по обеим сторонам от дороги были вырублены на сто метров. За дорогой ввалились в пустые окопы. Стояла полная тишина, и они, измученные до крайности, заснули в этих окопах и спали на сухом до рассвета. Крутов проснулся от чьих-то голосов. Он осторожно выглянул. Вдоль окопов, тропой, шли десятка два гитлеровцев. Потом, позднее, он узнал, что это через каждые два-три дня ходит смена боевого охранения. Когда они скрылись, Крутов тихонько разбудил товарищей, и они шмыгнули через тропу в лес. Крутов не мог сказать, сколько они прошли — с километр или около того, только заросли вдруг оборвались, и на бугре они увидели окопы. Чьи? Не веря глазам, долго присматривались к солдатам: а вдруг ошибаются? Вдруг не свои? Нет, вроде наши ходят рядом с окопами в выбеленных от солнца гимнастерках, что-то делают, разговаривают. Но почему без касок, без ремней? Без винтовок?! А вдруг это уже пленные, которых гитлеровцы поставили на рытье окопов? Ошибиться было бы несправедливо и ужасно. Но нет, гитлеровцев среди солдат не видно, все ходят свободно, лица веселые. Значит, просто работают, а ремни снимали, чтоб не мешали...

Что-то заставило Крутова глянуть внимательнее под ноги перед собой, и он оцепенел. Перед ним порушенная местами земля — мины! Как только они не подорвались на них?! Еще бы каких-то два-три беспечных шага и — быть беде. Крутов осторожно отступил и показал на мины товарищам. Те поняли сразу. Карлов наотрез отказался идти вперед: «Через минное поле не пойду! Я в этих

«игрушках» ни черта не понимаю. Надо кричать, звать солдат, пусть укажут дорогу!» Узбеки между собой о чем-то тревожно переговаривались, но когда Крутов глянул на них, они замотали головой — нет, нет! Кричать солдатам, которые расхаживают по окопам? Вдруг сдуру, не разобравшись, кто-нибудь еще пальнет!..

Он достал из-под ватника маленькую финочку с наборным черепком из черной и прозрачной пластмассы — подарок товарища, — срезал орешину, привязал к ней нож и начал осторожно прощупывать землю перед собой. Противопехотная мина, когда на нее наступали, отрывала только пальцы или пятку — часть стопы, но не убивала. Двести граммов толу для этого маловато. А с палкой и вовсе безопасно, если и взорвется, так в крайнем случае поранит отлетевшей щепой, только и всего. Боялся лишь за глаза, вдруг забудет землей, тогда и жить незачем. Спутники ступали за ним след в след, будто подкрадывались. За полосой минного поля колючая проволока на низких колышках. Через нее просто перешагнули. Вышли к окопам, сели на бруствере. Подошел солдат, спросил:

— Что, оттуда? Окруженцы?

— Они самые, — ответил Крутов. — Нет ли сухарика?

— Что ты, браток, вас каждую ночь приходит сотни, разве напасешься? Идите в штаб, там накормят. Рядом. Километра три... Чего через проволоку и мины лезли, когда чуть в сторонке тропа, проход?

— Не знали, а ты не подсказал!

— А ты, лейтенант, шустряк. Не побоялся. Другие сами кричат, а ты решил молчком. Ну ладно, все обошлось. Финочка у тебя классная. Может, махнем на часы не глядя?

— Нет, меняться не хочу, подарок друга.

— На нет и суда нет... Идите, там на вас — окруженцев — в котлах всегда запас оставляют. Поспешайте, пока не расхватали.

В штаб доплелись часа через два, хотя шли наторенной сухой дорогой. Уселись на краю оврага, в откосе которого были выстроены блиндажи. Все, пришли к своим! Какой-то полнотелый пожилой командир умывался, солдат поливал ему на руки из котелка. Где-то уже видел Крутов этот посеребренный сединой затылок, эти полные плечи, своеобразную постановку ног. Он присмотрелся и, когда командир повернулся к ним лицом, сказал:

— Товарищ подполковник... Евгений Яковлевич. Здравствуйте!

— Откуда вы меня знаете? Кто такой?

— Помните сержанта? В штабе полка работал, еще на курсы меня послали весной?..

— О-о! Ни за что не узнал бы! Из окружения? Уже лейтенант? Быстро. Поздравляю! Сейчас прикажу всех вас накормить, потом поговорим...

Никогда в жизни не ел Крутов такой вкусной пищи и с такой жадностью. Ел без меры, хотя знал, что это опасно. Но голодные глаза просили: еще, еще...

Разговор состоялся. Подполковник долго расспрашивал Крутова, где, каким путем шел он к фронту. Потом сказал, что дивизия многих потеряла, что до сих пор неизвестно, где генерал Горелов. Полки, хоть и в малом составе, вышли и занимают оборону севернее города Белого, только теперь фронтом на восток. Гитлеровцам удалось вытеснить войска из «слоеного пирога», сложившегося западнее Ржева, Сычевки. Они даже бахвалились, что окружили и уничтожили армию, хотя основная масса солдат и командиров вышла из кольца и продолжает выходить, многие организованно...

— Мы каждую ночь засылаем за линию фронта разведчиков, чтоб выводили людей, — сказал Бернштейн. — Как ты мог их миновать? И вообще, что ты намерен делать дальше?

— Надо к своим, но сорок километров мне пока не под силу. После еды совсем развезло...

— Оставайся у меня в полку первым помощником в штабе. Ты уже тогда, сержантом, неплохо справлялся с документами, а теперь эта ноша тебе по плечу. Только бумаги не главное. Про новые боевые порядки знаешь? Вот и хорошо. Надо организовывать оборону, контролировать, помогать командирам правильно расставить силы. Могу заверить, что в штабе тебе отсиживаться не придется, не заскучаешь! Полк хороший, не пожалеешь. А в дивизию я сообщу, чтоб тебя не числили пропавшим без вести...

Павел согласился. Все-таки это много значит, если в полку тебя знают, доверяют и помогают. Бернштейна перебросили на этот полк сразу, как только он вернулся от партизан. Окружение он миновал, на участке этой дивизии враг не наступал. Три дня Крутов пролежал в прохладном блиндаже, все доставало духу подняться, что-то делать. Потом начал вникать в новые обязанности, знакомиться с людьми.

Восемнадцать голодных суток! Как он перешагнул через них — сам не мог объяснить. В первых числах ав-

густа в полку перед строем прочитали всему личному составу приказ Верховного Главнокомандующего. Он вгневной и резкой форме корил солдат и офицеров за беспорядочное отступление перед обнаглевшим врагом, требовал стойкости, требовал проникнуться чувством ответственности за судьбу Отечества.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

В последних числах сентября, когда уже желтели деревья и прижухли травы, Иринку вызвали к старосте. У крыльца стояла крытая грузовая машина, возле нее курили, переговаривались два полица. Ничего не объясняя, Иринке приказали лезть в кузов. Там уже находилось несколько женщин. Повезли. Куда, зачем — спросить некого. В каждой деревне подсаживали новых «пассажи-рок», которых в чем-то подозревали. На ночь всех втокнули в какой-то амбар, под замок. Все дичились друг дружки, не разговаривали, не знакомились. Нашлась было одна посмелее, спросила конвоиров, куда их везут, но те ответили площадной бранью, заорали, прикладами ретиво подтолкнули приотставших и поскорее дверь захлопнули. Поняли женщины, что лучше не спрашивать, не заговаривать, а нести свою боль в себе и молча ждать неминуемого. Судя по тому, что из каждой деревни выдергивали по два-три человека, изымали тех, кто мог быть пособником партизан. В дальнейшем для всех полная неизвестность: в любой миг загремит дверной засов и скомандуют выходить...

Иринка одному поражалась и не находила объяснения: кто они, откуда взялись эти мужики и парни, сменившие родную армейскую форму на чужие мундиры? Уголовники, пьяницы, отребье, сопутствующие каждому обществу? Какими соками вскормлена у них звериная ненависть, жестокая, отвратительная к своим соотечественникам — советским людям, и даже к женщинам? За что они так возненавидели свой народ, за что ополчились? Иначе и назвать их нельзя, как вырожденками...

Как ни бранились, как ни грозились полицаи, а в пути от одной до другой прошелестел слухок, что везут их в лагерь для заподозренных, что ждать хорошего не приходится...

В кузове грузовой машины, едва прикрытом сверху прохудившимся брезентом, пронизывало насквозь, да еще и мочило, поскольку небо расквасилось, привалилось к

самой земле холодными рваными тучами, сеяло дождем чуть ли не со снежной крупой вперемешку. Иринка в своих невообразимых лохмотьях мерзла до дрожи, до синевы, губы произвольно прыгали. В очередной деревне какая-то сердобольная женщина, увидев ее такую, насквозь промокшую, продутую, сжалилась, кинула ей в машину протертый до дыр муслиновый пиджак-жакетку, единственное достоинство которого то, что он был на вате.

Через трое суток их привезли в Сычевку, но не на саму станцию, а в бывшее имение помещика Юшина; километрах в трех. Там стояло несколько зданий, и в одном, приземистом и длинном, будто складском, помещался сам концлагерь. Это здание окружал плотный проволоочный забор, у ворот расхаживал часовой. Лагерь для гражданского населения, не для военнопленных... Слухи остроты подтвердились. Иринку сразу привели в комендатуру лагеря и долго допрашивали, кто она, откуда, зачем пришла в деревню. Она твердила свое, заученное: искала родителей, оголодала, обносилась... Ее водворили в камеру-секцию, на которые было разгорожено все здание. В каждой секции огромная печка. Видимо, прежде в этих приземистых сооружениях сушили хлеб или ткани после крашения. В камере-секции оставались свободными метров шестнадцать площади, и на двухъярусных нарах размещалось тридцать человек. У дверей параша — чугунная бадья. Зловоние, спертый воздух едва не лишили Иринку сознания в первый момент. Она думала, что задохнется и упадет. Дверь за ней захлопнулась, загремел замок. Глянула на оконце, а там небо в клетку — решетка.

В шесть часов утра по всему зданию зазвонили в колокол, загремели двери. Распахнув их настежь, встал полицейский, заорал: «Выходи! Шевелись, так вашу растак!..» Женщины, девчата — ровесницы Иринки, вскакивали, не мешкая, бежали на плац. На тех, кто медлил, полицейский держал дубинку наготове. Выбежала Иринка на плац, втиснулась в строй среди своих, ждет, что дальше будет. Вышел перед строем старший полицейский, которого женщины звали не иначе, как «господин» Луньков, начал объявлять, кому и куда следовать на работу. Объявляя скопом — камерами. После этого все выстроились в длинную колонну — очередь к раздаточной. Каждой наливали в консервную баночку и выдавали «пайку» эрзац-хлеба, черного, плотного, величиной со спичечный коробок. Выдали баночку Иринке, предупредили, чтоб не теряла. Тут же, на ходу, женщины съедали хлеб, запивали кипятком и выстраивались идти на работу.

Однокамерниц Иринки повели в бывший парк. Деревья давно спилили, но еще оставались пеньки, теперь их надлежало срезать вровень с землей. Пилили попарно, согнувшись в три погибели, вставши коленками на землю. В полдень привезли обед — по черпачку баланды из какой-то прелой муки и мелко искрошенного картофеля. Крошили его, не вымыв от земли, и «суп» от этого был сизо-черный. Хуже, что он оказался не подсоленный... Но голодным не до разбору, лишь бы как-то продержаться, не обессилеть раньше времени. Вечером всех погнали назад в лагерь. Полицай милостиво разрешил набрать щепочек, веточек. Ими можно протопить печку, обогреться. В лагере снова длинная очередь к раздаточной, снова кипяток и «пайка» хлеба. С тем и в камеру.

И потянулись дни, серые и беспросветные, как осеннее небо. Дождь не дождь, а работу не отменяли, и распорядок оставался неизменным: подъем, работа, отбой. И постоянное чувство голода, терзающее, мучительное. Силы таяли с каждым днем. Все тяжелее стало протаскивать пилу, кружилась от слабости голова, темнело в глазах. Люди превращались в скотов: жадными, завистливыми глазами смотрели на счастливых впереди, успевших получить еду, торопились поскорее проглотить пайку хлеба, чтоб кто не отобрал, не вырвал из рук, чтоб не разлить ненароком кипяток. Бранились по пустякам: не сразу встала на свое место в строю, не так потянула пилу, обронила ветку, всякий раз зло выговаривая за малейшую оплошность...

Не всякий полицай разрешал нести в камеру щепки, веточки, а они для женщин необходимы до зарезу: из золы разводили щелок, чтоб помыться самим, постирать белье. Мылись по очереди, параша-бадьа служила и ванной, в ней же стирали и белье, тряпки. Выстиранное развешивали у печки, чтоб утром было что надеть.

В начале октября выпал снег. Возвращаясь в камеру, им набивали баночки, чтоб потом растопить, слить вместе и кого-то помыть.

Самое теплое место — на печке — в камере заняла старушка лет шестидесяти пяти. На работу ее не гоняли — стара, и в камере она оставалась за домохозяйку. Она и сама не унывала, и других поддерживала, увещевала: «Терпите, девоньки! Не сегодня-завтра, а придут наши, уж тогда отольются врагам наши слезы!» Девчонки ее жалели, помогали, чем были в силах: то помогают вне очереди, то стирают ей, то волосы расчесут, а заодно и поплачутся ей, как матери...

Вместе со снегом пришли морозы. Работа превратилась в невыносимую муку. Муслиновый жакетик совсем не согревал Иринку. Еще хуже ногам — без обуви, без чулок, целый день согнувшись стоять на снегу голыми коленками. То одна, то другая приходили обморозившись. Пальцы рук, ног воспалялись, начинали гнить. Заболевших, обессиленных, кто не мог уже подняться, волокли в «лазарет», и больше в камеру они не возвращались. Но она не пустовала, приводили новеньких...

Однажды утром не проснулась старушка. Потрясли ее — видят: кончилась. Ни слез, ни сетований: отмучилась, бедная, и слава богу! Стащили ее с печки, выволокли в коридор. Осталась после нее шубейка — свалявшаяся, сжультканная от жары. Кому носить? Иринка оказалась самая раздетая, ей и отдали: «Носи! Помниай старую!» Но недолго тешилась Иринка шубой, вскоре и сама свалилась в бреду. Днями она оставалась в камере, не замечая своего одиночества. Не возникало ни мыслей, ни воспоминаний. В черной тьме, словно маятник, растягивался и сокращался какой-то клубок, заслоняя перед ней и свет, и всякое восприятие реальной жизни. Ни чувств, ни сильных болей — ничего, только клубок ритмично растягивается и сокращается, как резиновый. Головы не повернуть, она тяжела, словно налита свинцом.

Порой сознание все же возвращалось, и она осознавала, что больна, что еще какое-то время — и жизнь может оборваться. Но странно, что это ее теперь не пугало, не тревожило, просто надо ждать, когда тьма навсегда закроет глаза. И ничего страшного, оказывается, в этом нет: не она первая, не она и последняя! Все умирают, у всех свой век! Чтобы бороться за жизнь, нужны силы, а их нет и взять неоткуда.

В минуты временного прояснения ей иногда казалось, что по камере кто-то ходит, но она считала, что бредит. Кто тут может ходить? Однажды, открыв глаза, она обвела осмысленным взглядом камеру и увидела, что в ногах на краешке нар сидит гитлеровец-офицер, молодой, розовый с холода, с оттопыренными ушами и белыми поросычыми ресницами.

— Вы есть кто? — спросил он, уставив на нее водянистого цвета глаза.

— Говорите по-своему, я хорошо понимаю, — прошептала она. — Я — Ирина Макарова, номер пятьсот восемнадцать...

— О, карашо... — и он перешел на немецкий язык и начал рассказывать, что он следователь лагеря, что у него

юридическое образование, но никаких особых знаний тут, в лагере, и не требуется. Вся их вина в том, что советские не хотят признавать немецкого порядка, все они заражены большевизмом, а заразу надо не лечить, а выжигать... Русские сами виноваты во всем. Германия только приняла на себя миссию навести в мире порядок... Не будь этой войны, он бы завел свое дело, контору и жил бы спокойно. Война помешала... Другие боятся заходить в камеры, чтоб не заболеть тифом, — вот и у нее по всем признакам тиф. Он приказал, чтоб ее пока не переносили в лазарет. Русские очень живучие и терпеливые до удивления. Вот и она... Он уже несколько дней наблюдает за ней, зайдет и еще не раз. Он не боится тифа. Заболеет, тогда его отправят в Германию, там вылечат, и война для него кончится. Германия очень культурная страна, там порядок, чистота, не то что в дикой России...

«Сгорела б твоя Германия синим огнем вместе с тобой!» — подумала Иринка, но сказала другое:

— Мне сейчас очень-очень плохо. Трудно говорить...

— Да-да, понимаю. У вас хорошее произношение, — признал он. — Мне надо о многом вас расспросить, чтоб лучше понять вас — русских. Но это успеется. — Он сунул ей бисквитку и встал. — К сожалению, мы ничем не можем вам помочь. Все немецкие врачи на фронте. Но вы молоды, не теряйте надежды. Поправляйтесь...

И снова испепеляющий жар, когда тело горит огнем, когда теряется рассудок, чувство времени, когда сознание и воля отключаются и болезни противостоят неподвластные разуму силы. Они еще борются... Иринка не помнила, когда и кто все же перенес ее в изолятор для тифозных, сколько там пробыла, но однажды пробудилась и увидела, что лежит не в камере, а в каком-то сарае на соломе, а вокруг нее мечутся, стенают, о чем-то разговаривают в бреду такие же, как и она, бедолаги. На самом ли деле, или еще бред, но ей послышалось тяжкое громохание взрывов, как тогда, летом. Гудение самолета нарастало, как шум идущего поезда, землю встряхнуло несколько раз сильно-сильно, и только потом загрохотали взрывы. Бомбежка, что ли? Она не испытала ни страха, ни желания куда-то спрятаться. Зачем? Не все ли равно? Снова беспмятство, глухая черная темень...

Очнулась она от сотрясавшего ее холода. Морозный воздух накатывался волнами сверху, через рваные дыры в соломенной крыше. В черной бархатистой синеве, далеко-далеко, сияли несколько мелких и одна крупная звездочки. Сняли мирно и тихо, так же, как над родной стан-

цией, над Татарской горой. Эти мерцающие искорки пробудили в ней воспоминания о матери, о доме. Ведь плачет, наверное, не получая никаких известий! А может, что-то ей все-таки сообщили?.. Так захотелось увидеть родное лицо, чтоб выплакать свое горе единственному человеку, которому близки ее муки и страдания. Но прежде пить! Так хочется пить, кажется, что даже язык прилипает к небу от жажды и сухости. Смочить бы хоть каплей воды сухие, запекшиеся, в лохмотьях облупившейся кожи губы! Она попыталась встать, но сил на это не хватило, и тогда поползла к двери. Может, открыта, так зачерпнет хоть горсточку снега. Наткнулась на ведро с водой. Поверхность запорошена мелкой соломенной трухой, она ощутила ее воспаленными губами. Сдула труху в сторону, напилась и сразу почувствовала облегчающую слабость и желание спать, спать... Это был кризис. Она подумала, что ей еще не суждено умереть, но не возникло ни радости, ни оторчения...

Не знала она, что в эту ночь наши самолеты бомбили Сычевку, и один вынужден был сбросить свой груз куда придется. Вот разрывы и легли рядом с изолятором, и обслуга разбежалась по укрытиям...

Иринку грубо встряхнули за плечо, заставили подняться и вывели из темного сарая. Яркий свет, солнце, от которого она уже отвыкла, резанули по глазам, ослепили ее, голова закружилась, и она упала, почувствовав лицом и ладонями обжигающую свежесть снега. Снова чья-то рука на плече, бесцеремонные толчки, и ее опять ставят на ноги, куда-то ведут. Слабость такая, что ноги подкашиваются, и она переставляет их машинально, ничего не соображая, не замечая перед собой ничего, не осознав, когда и как снова упала. Очнулась от выстрелов, резко бивших по барабанным перепонкам. Это немец-конвоир, молодой, почти мальчишка, на которого надели мундир и каску, забавлялся тем, как он приводит ее в чувство. Он стоял над ней и хохотал. Он представлял себя чуть ли не сверхчеловеком над этой русской, что лежала перед ним в лохмотьях, пытаясь подняться и падая лицом в унавожженный лошадыми снег. «Убил бы сразу, чтоб не мучиться!» — подумала она с полным равнодушием, потому что мгновенная смерть — это легче, чем куда-то еще идти, когда сил совершенно нет. Под ней была дорога, остро, повесенному пахло снегом, и этот запах, знакомый с детства, когда мать заносила с мороза в избу стирание белье, напомнил ей, что надо жить...

Она еще не раз падала на пути, и всякий раз ее про-

буждали выстрелы и грубые толчки конвоира. Он довел ее до лагерных ворот, на момент скрылся в будке часового, а Иринка с удовольствием и облегчением повисла телом на проволочном заборе: лагерь, больше никуда не надо идти! В камеру ее привели женщины. В этот вечер ее мыли вне очереди, прямо на нарах, раздев догола, как моют покойников: вымыв с одного боку, перевернули на другой. На ней оказалась уйма вшей, хоть сгребай их ладошкой. Не то острой жестянкой, не то осколком стекла ей обрезали коротко волосы, а одежду сунули в горячую печку прожаривать. Впервые Иринке стало так приятно, так хорошо, наступило такое облегчение, что хотелось расцеловать милых женщин, хлопотавших над ней, но для этого требовалось усилие...

Теперь Иринке все время хотелось есть. Женщины приносили ей скудную порцию еды, и она буквально проглатывала хлеб, но голод еще сильнее начинал ее терзать. Однажды женщины принесли ей маленькую чашечку кислой капусты — где-то выпросили. Никогда в жизни не ела она ничего вкуснее! Тиф отступил, но за одной бедой пришла другая: воспалились застуженные ноги. Казалось, сам дьявол грызет ей пальцы и коленные суставы. Боль пронизывала ее до крика, до того, что заходило сердце. Она металась, не находя себе места, не давала отдыхать другим. Тогда женщины придумали — связали из тряпок петли, чтоб она могла держать ноги в подвешенном состоянии. Вместе с оттоком крови отступала и боль.

Приходил несколько раз офицер, садился рядом, жаловался, что ходит среди тифозных, а его ничто не берет. Война ему осточертела. Будто нет другой работы, других дел, как только истреблять людей. Он ничего не потерял в этой проклятой России. Пусть большевистскую заразу выжигает кто-нибудь другой, а с него хватит...

— Я не думал, что ты выживешь, — признался он. — Когда сказали, что ты пришла в сознание, я велел переправить тебя в лагерь. Обычно оттуда никто не выходит, там нет врачей. Счастливая. Скоро будешь в Германии, есть приказ всех отправлять туда. Как нехорошо получается: тебе надо в Сибирь, а тебя повезут в Германию, а мне надо в Германию, а оставляют здесь...

Каждый раз он оставлял ей бисквитку или малюсенький кусочек хлеба. Она была ему нужна, чтоб было перед кем выговориться, излить душу. Она никому ничего не передаст, потому что знает, чем это может для нее обернуться...

Долго Иринке залеживаться не позволили. Пришел полицай и велел ей брать ведро и мыть полы в камерах. Распахивал дверь, она проходила, торопливо выплескивала воду на пол, смахивала ее тряпкой, не смея даже глаз поднять на тех, кто лежал на нарах, не то что заговорить, спросить. За одно слово полицай тут же охаживал дубинкой несчастного. Люди лежали, безучастные ко всему, исхудалые, как мумии, кожа да кости. Такими уже был заполнен ров за лагерем.

Несмотря на строгости, просочились слухи, что наши наступают. Однажды услышали отдаленную канонаду и словно обезумели, вопили, кричали от радости. В последние дни февраля полицай ходили с растерянными лицами, не злобствовались, как прежде. Утром выгнали всех до единой на плац — и больных, и здоровых, которые держались на ногах и еще работали. Поставили в шеренгу. Среди долицаев стоял их старшой — «господин» Луньков. Рядом прохаживался знакомый офицер-следователь. Луньков громко объявил:

— Кто чувствует себя больным, потерявшим силы — выйти из строя! Больные будут помещены в лазареты, а здоровые поедут в Германию. Больные — два шага вперед!

Почти половина шагнули из строя. Многие были на грани истощения, больны, нашлись и те, кому не хотелось ехать в ненавистную Германию. Иринка чувствовала себя скверно, ослабевшей, ее донимал острый ревматизм, и она поверила, что их в самом деле станут лечить. Она тоже шагнула вперед. Вышедших повернули лицом к первой шеренге, и между ними, как по коридору, пошел гитлеровский офицер. По каким-то только ему ведомым соображениям он начал выдергивать из второй шеренги женщин и девочек, выглядевших более крепкими, и отбрасывать в первую шеренгу, назад. Остановился на миг против Иринки, глянул мельком и, не сказав ни слова, за рукав ее пожульканной шубейки швырнул ее обратно в первую шеренгу. Она упала и тут же поднялась, с ненавистью глянув ему вслед: «Все вы сволочи, все на одну колоду деланы!» Откуда ей было знать, что для больных был уготован «лазарет» во рву, а она еще могла поработать на «великую Германию».

В тот же день всех здоровых прогнали через баню и дезкамеру, привели на станцию, посадили в крытые товарные вагоны, двери на засов, и повезли. Куда? Никто не знал, спросить было некого, оконные люки задраены, не-выглянешь. Вагоны открыли через неделю... в Ганно-

вере. Был день Восьмое марта — праздник для женщин. Еще в пути, коротая время, Иринка близко сошлась с женщиной из Ржева — Култашевой. Вместе с ней ехали ее дочь Нина и племянница — девочка школьного возраста. Все были одинаково несчастны, всех ждала одна судьба, и они приняли Иринку в свою семью. Фамилией никто не интересовался, достаточно было номера, присвоенного заново, когда садили в вагон. Надеялись: может, не разлучат, тогда не так тоскливо будет.

Двери вагонов распахнули, узниц построили в неровную колонну и повели улицами на городскую площадь, на рынок рабов. Иначе назвать трудно. На площади всех поставили в шеренги, и началась распродажа. Самовольные сытые бургеры, все еще надеявшиеся, что исход будет в пользу Германии, их чопорные жены ходили между шеренгами, выбирали работниц. Люди обернулись товаром, обязаны были теперь приносить хозяевам прибыль.

Невольниц ошупывали, есть ли на руках мускулы, заглядывали в рот — целы ли зубы, интересовались, нет ли люэса или каких других заболеваний, ведь все они из такой дикой страны — России! Рост, внешность, цвет волос, глаз, возраст — все оценивалось на весах купли-продажи. Некоторые, не желая прикосновением пачкать рук, дотрагивались зонтом, тросточкой, принуждая встать в нужную им позу, повернуться, согнуться... Все, как в далекие времена на невольничьем рынке в Новом Орлеане, в эпоху «дяди Тома». Злые слезы не раз выступали на глазах Иринки, никогда не терпела она таких унижений, готова была разрыдаться, но старшая Култашева взглядами молила: держись! И она крепилась, сдерживала свои чувства. Нашелся покупатель и на семью Култашевых, забрал всех четверых, увез в свое имение...

Полк, в котором служил Крутов после выхода из окружения, занимал оборону у стен Белого, с западной стороны города. В марте гитлеровцы под натиском наших частей начали отход, оставили Ржев, Сычевку, Вязьму, Оленино, но в Белом еще держались. Только по ночам гремели взрывы — враг уничтожал каменные строения. В день, когда Иринку продавали на невольничьем рынке в Ганновере, полк провел разведку боем. Срежь бела дня, когда гитлеровцы улеглись отдыхать и на постах остались только часовые, автоматчики без выстрелов ворвались на позиции врага. Гитлеровцы не успели даже вы-

сбросить из блиндажей, потому что автоматчики были в окопах врага через полторы минуты. Они уничтожили всех, кто отдыхал, но на звуки боя поднялись другие, которые находились за валами старой крепости, и начался жестокий бой. Он длился до позднего вечера. Из группы автоматчиков в двадцать пять человек вернулись только семеро, и те израненные, остальные погибли во вражеских окопах. В эту же ночь гитлеровцы покинули город. Крутов получил в бою контузию, оглох, но началось преследование врага, навалилось столько работы, что о медсанбате нечего было и думать. Надо кому-то вести полк, чтоб не сбился авангард с направления, а дороги оказались сплошь утыканы минами разных систем. Поглядев, как сапер управляется с первой миной, как вырубает ее из льда, поднимает крышку, извлекает взрыватель, Крутов тоже попросил топор и принялся рубить из льда очередную...

Гитлеровцы отходили на духовщинский рубеж обороны и засели там снова на полгода за рядами проволочных заграждений, в глубоких окопах. Преследование с постоянными боями длилось около месяца.

На все запросы о судьбе Иринки из управления кадров отвечали, что названной части — отдельного батальона связи — в составе Красной Армии нет. Оставалось ждать полной победы, когда могла проясниться судьба тех, кто был угнан в Германию или попал в плен. Уже после разгрома милитаристской Японии, когда Крутов находился в Порт-Артуре, вдруг пришла открытка от Иринки. Она сообщала, что вернулась из Германии на родину. Но между ними лежала полоса разлуки в четыре года, через которую невозможно было перешагнуть. И пути их разошлись, теперь уже навсегда...

ЭПИЛОГ

Остается рассказать о судьбе Горелова. Он считался пропавшим без вести, потому что ушел за линию фронта и не вернулся. Война не оставляла времени для поисков тех, кто потерялся в этой буре. К тому же Шмелев, более других знавший Горелова и друживший с ним почти три года, сразу после выхода из окружения был переведен комиссаром в другую дивизию. А там и послевоенная хлопотная служба до выхода в отставку. Но мысль о том, где и как погиб Горелов, не оставляла его. При всяком удобном случае, встретив собеседника, случайно соприкоснувшегося с событиями сорок второго года, он старался узнать, не выходил ли тот на след Горелова. В шестидесятых годах он мог вплотную приступить к поискам. Напоминались связи с ветеранами, разбросанными по всей стране. От одного к другому протягивалась цепочка: кто видел в последний раз Горелова, где? Отозвался бывший командир партизанского отряда Попов, рассказал, что видел Горелова в лесу, предлагал ему свою помощь, но генерал был занят выводом большой группы окруженных и отказался. Выводи, мол, тех, кто потерялся! Другой ветеран сообщил, что с генералом якобы встречался командир энной дивизии, выводивший свои части из-под Сычевки. Шмелев разыскал адрес этого командира, и тот ответил, что действительно видел Горелова в малой деревеньке. Он лежал больной, мучила раненая рука. Рядом с ним находились его офицеры. Командир знал, что перед ним находится заместитель командующего соседней армии и предложил ему выходить за линию фронта с его соединением, но ответа не получил. Видимо, Горелов находился в угнетенном состоянии. Один из офицеров попросил командира дивизии поскорее отвести своих солдат из деревеньки, чтоб не навлечь вражескую авиацию.

Неожиданно один из ветеранов написал Шмелеву, что, будучи раненым, лечился в госпитале в Торопце и рядом с ним лежал партизан. Он поведал ему, что с отрядом Мо-

рогова выходил за линию фронта какой-то раненый генерал. Когда ветеран начал его расспрашивать о внешности, тот назвал приметы Горелова. А вот вышел или нет тот генерал, партизан сказать не мог, потому что сам был ранен и его вынесли товарищи. Личный состав партизанского отряда Морогова пошел на пополнение армейских частей, и найти кого-то из них просто было невозможно: неизвестно, кого искать. Казалось, круг замкнулся...

В середине шестидесятых годов первая группа ветеранов дивизии поехала в Белый, чтобы поклониться земле, на которой похоронены их боевые товарищи. И тут, при разговоре в райкоме партии, узнали, что живы люди, которые в сорок восьмом году производили перезахоронение павших. В то время вышел приказ перенести останки воинов из одиночных и малых могил в братские. Отыскивали безымянные могилы, раскапывали. Эти жители якобы хоронили какого-то генерала, даже писали на счёт него в Москву. Ветераны тут же отыскивали их, начали расспрашивать, где нашли генерала, где похоронили. Неподалеку от Белого, километрах в двадцати пяти, там, где Свитский Мох примыкает к смоленскому большаку, по другую сторону от дороги находились хуторки Выдра и Залексоновка. Они стояли на пятачках сухой земли среди заболоченных лесов. В сорок втором году там проходила нейтральная полоса между немецкими боевыми охранениями и нашей обороной. довольно широкая — километров до пяти и больше. Вот на болоте между Выдрой и Залексоновкой они и обнаружили большую могилу. Раскопали ее, извлекли шестнадцать трупов. Рядом оказалась могила поменьше, обозначенная столбиком с полурасплетшейся звездочкой из прутьев. В этой могиле был погребен генерал...

Труп его пролежал в моховом болоте шесть лет, но остался почти неповрежденным, только ввалились глаза. Погибший был лыс, волосы с сединой только на висках и затылке. Он лежал в мундире, на петлицах проколы и следы от ромбов. На ногах черные носки — шерстяные, не армейского образца, а домашней вязки. Завернут в плащ-палатку. Почему он так запомнился? Да потому, что это был единственный генерал, которого им пришлось хоронить. Останки они перенесли в деревню Демяхи, но в братскую могилу не положили, посчитали, что генералом интересуются, найдутся родственники, захотят перенести его к себе ближе. Похоронили его рядом, отдельно. Потом делали запрос в управление кадров Советской

Армии, но оттуда ответили, что в клемятинских лесах генералы не погибали, таковых, мол, не числится. На том и оставили поиски...

Шмелев понял, что найден именно Горелов. У него всегда болели застуженные еще в первую мировую войну ноги, и он зимой и летом не мог обойтись без шерстяных носков. Перед отъездом на фронт домработница связала ему три пары.

Шмелев начал переписку с управлением Советской Армии, она длилась почти три года, потребовала от него много сил и настойчивости, пришлось выслать все свидетельские показания ветеранов и жителей Белого. Все же он добился своего: в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году появился приказ считать генерала Горелова не пропавшим без вести, а погибшем в боях за Родину, и местом захоронения — Демяхи, деревню на смоленском большаке.

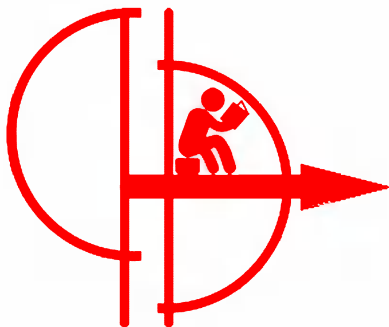
Так отыскался след Горелова.

Окруженные и партизаны в большом числе выходили за линию фронта через Свитский Мох. Можно предполагать, что когда гитлеровцы прикрыли свою оборону и сделали ее более плотной, выходить через большак Мостовая — Белый стало трудно, и Горелов повел окруженных к Свитскому Моху. Уже за смоленским большаком их заметили гитлеровцы, открыли вслед артиллерийский огонь. Солдаты попадали на землю, а Горелов не пожелал. Он был угнетен пережитым разгромом, тем, что все его труды, жертвы, вложенные его соединением в освобождение города Белого, пошли прахом. Так он считал, так ему казалось. Конечно, когда полководец видит всю картину сражения целиком, то летнее наступление гитлеровцев под Белым — не более чем досадный эпизод. Хотя гитлеровцы и бахвалились, что окружили армию, люди в массе своей вышли, наши войска потеряли только тяжелую технику, а она восполнима. На фоне начавшегося Сталинградского сражения бои под Белым не получили известности, о них почти не было сообщения в печати. Но когда человек находится в гуще пусть небольших и малозначительных событий, когда видит страдания и гибель близких ему по духу людей, товарищей, гибель даже одного потрясает, не дает возможности взглянуть на события сверху, оценить значение трудов и жертв объективно. Таково свойство души, что мы готовы сострадать судьбе бедной Лизы или еще чьей, порожденной фантазией писателя, и спокойно читаем в газете сообщение о гибели сотен в катастрофе или при иных обстоятельствах, воспринимая это лишь

умом, а не сердцем. Цифры, пусть и большие, не могут глубоко нас затронуть, как это сделает зримая картина.

Горелов очень устал. Человек военный, сурового характера, он не любил долгих разговоров, редко когда оттаивал, чтоб по-товарищески делиться сомнениями, переживаниями даже с родственниками. Да и не было у него близких людей. Жил во Владимире брат, но переписывались они с ним раз в году, при случае. Вот со Шмелевым Горелов как-то сошелся ближе, мог бы излить перед ним душу, но его рядом не оказалось. Раскрываться же перед подчиненными, усугублять и без того их тяжелое моральное состояние он не желал, не мог, не позволяла ему этого вся его прожитая жизнь — жаловаться на трудности. Наверное, чтоб не стоять столбом посреди разрывов, прислонился он плечом к деревцу, тут и нашел его осколок. Горелов получил то, что искал, чего ждала его истомившаяся душа — избавления от необходимости что-то еще делать, куда-то идти, чего-то еще добиваться...

Все плотнее завеса времени отделяет настоящее от давно пережитого, но забыть прошлое, пусть и неудачное, представлять жестокую многолетнюю войну только в победном свете было бы непростительной неправдой. Эта мысль водила моей рукой, когда я взялся за перо. Низко склоняюсь я перед прахом моих боевых товарищей, павших на тверской земле!

1 р 50 к

Владимир КЛИПЕЛЬ ★ Солдаты Отечества

Владимир
КЛИПЕЛЬ

Солдаты Отечества

